

Дневник

Quod sentimus loquamur,
quod loquimur sentiamus!

VEcordia

Извлечение R-OJAK-2

Открыто: 2012.05.22 22:46
Закрито: 2012.06.30 14:43
Версия: 2018.07.27 23:31

ISBN 9984-9395-5-3

Дневник «VECORDIA»

© Valdis Egle, 2018

ISBN 5-9900342-2-9

О.Е. Акимов. «Психология познания. Удод»

© О.Е. Акимов, 2004

Олег Акимов

Психология Познания. Удод

С комментариями Валдиса Эгле

Impositum

Grīziņkalns 2018

Talis hominis fuit oratio,
qualis vita

Предисловие в Векордии

На сайт Олега Акимова «Sceptic-Ratio» я наткнулся неделю назад, 17 мая 2012 года, когда искал в Сети фотографии Фрейда для издаваемых мною в Векордии работ основателя «психо-анализа». С первого взгляда было ясно, что за обнаруженным сайтом сидит шизотмтик вроде меня, не уступающий мне по эрудиции и самостоятельности мышления, и что мне придется многое из его сайта перенести в Векордию и прокомментировать.

Серии томов Векордии с материалами из сайта Акимова я присвоил название OJAK – от **O**leg **J**evgenjevich **A**Kimov. Первыми книгами, попавшими в эту серию, я сделал две книги Акимова о Фрейде, изданные, согласно материалам сайта (аннотациям), обе в 2005 году. На сайте первой стояла книга «Правда о Фрейде», поэтому я ее сделал томом {OJAK-1} и стал читать и комментировать. Потом оказалось, что книга «Психология познания. Удод», стоявшая на сайте второй, вроде бы предшествовала первой и даже издана не в 2005, как указано в ее аннотации, а в 2004 году...¹ Но я уже не стал переставлять их местами и менять нумерацию OJAK-ов – пусть эти книги останутся в моем Дневнике в таком порядке, в каком я их читал.

Итак, ниже дается вторая-первая книга Олега Акимова о Фрейде, а перед ней – та шапка, которая имела к ней на странице сайта.

Валдис Эгле

23 мая 2012 года

http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/udod_1.htm

Психология познания

Историко-философский анализ фрейдизма

Самость – это ядро человека, его субстанция; это то, через что он бытует, причем бытует не в смысле существует как *есть*, пассивно, а напротив, *является* обнаруживающей себя активностью. Другими словами, самость способна нечто *дать*. Именно это представляет существенную сторону всякого существования, а человеческого в особенности. В силу своей субстанциональности самость принадлежит к *всеобщему*. Более того, это, по сути дела, и есть самое наивсеобщее в мире людей. Являясь субстанцией отдельного человека, она, вместе с тем, является и субстанцией всего человечества. Через самость *Я* отдельного человека сливается с абсолютно *гуманистическим*, что присутствует в обществе людей. Таким образом, если позволено говорить о наличии субстанции мира людей либо в форме «народного духа», либо как-то еще, то не иначе как о самости отдельного человека. И, наоборот, если хотят представить субстанцию отдельного человека, то это значит, что необходимо вообразить то общее, что носят в себе люди – «душу народа».

Помимо абстрактного всеобщего самость есть деятельность в чистом виде, *активность, энергия и сила* отдельного человека и общества в целом. Экстаз творчества, самоотрешенность труда и то состояние

¹ См. {G2004}.

духа, когда ему открываются тайны мироздания, – это как раз и есть существо человеческой субстанциональности. Важно понять, что это не пустое, само на себя направленное действие, а нечто изливающееся вовне, что существует для другого и ради общечеловеческого. Самость только-то и может обнаружить себя через благо, которое, помимо объективного и необходимого существования, всегда бытует в форме истинного, прекрасного, полезного и доброго начала. ...

Яйность – это неугомонная и изворотливая бестия, которая может грести только к себе. Ее сущность передается словами: *во что бы то ни стало иметь*. Свой каприз она выставляет не иначе как за благородное волеизъявление Абсолюта. Настойчивость и категоричность, с которой действует яйность, возмутила бы любого, если бы она не выступала от имени народа или каких-либо «высших интересов» государства. В этих оправданиях нет ничего, о чем Вы, уважаемый Удод, только что говорили,² т.е. истины, красоты, доброты и пользы для общества или другого человека. Напротив, этими словами яйность прикрывается, чтобы творить зло, насилие и разбой. Воображая себя чуть ли не божьей благодатью, она доводит себя до полного помешательства, до мании величия или – если кто-то посягнет на ее амбициозные притязания – погружается в невроз, истерический психоз и паранойю, изображая оскорбленное самолюбие.

В человеке нет ядра в форме самости, но есть одна скорлупа яйности. Вот эта его шелуха, конечно, не обладает никакими субстанциональными признаками типа общности и необходимости, о которых Вы говорили, а имеет только жалкие акциденции. С этой точки зрения яйность оригинальничает, проявляя свою субъективность во весь рост. Каждый человек – эгоист и действует только в своих интересах, подавляя другого и игнорируя общество в целом. Дай ему волю, и он всех жителей земли превратит в рабов, которые должны будут денно и нощно работать на него одного. Человек любит порассуждать об идеалах, но сфера его интересов исключительно материальна. Он говорит, например, об «идеальной» любви, но при этом имеет в виду вполне плотские наслаждения. ...

Акимов О.Е. Психология познания. Удод

А 39

Акимов О.Е. Психология познания. Удод. – М.: Издатель АКИМОВА, 2005. – 279 с.

ISBN 5-9900342-2-9

Аннотация

В книге с критической точки зрения анализируется деятельность Зигмунда Фрейда как человека и ученого. Рассматривается научная и философская атмосфера XIX – XX вв., способствовавшая возникновению спекулятивного учения. Показана связь между образом мыслей врача-психоаналитика и его личной жизненной позицией.

Предназначается для студентов и преподавателей университетов и медицинских вузов.

© О.Е. Акимов, 2005

© АКИМОВА, 2005

² В.Э.: А! Эта «шапка», видимо, представляет собой цитату из середины книги... Ну ладно, пусть останется.

Введение

Каждый образованный человек должен что-то знать о жизни и творческом наследии Аристотеля, Ньютона, Эйнштейна, Фрейда, других великих ученых. Он должен хотя бы в общих чертах представлять себе, чему учили эти люди, достоинства и недостатки их концепций, установленные такими авторитетными институтами, как Национальная академия наук и Высшая образовательная школа, которые имеются в любой развитой стране. Существует общепринятая история науки, в рамках которой рассматривается определенный список звезд первой величины вместе с внятным разъяснением того, почему одно учение было заменено другим. Эта история обыкновенно представляется прогрессивным процессом формирования рациональных знаний о мире. Со времен Конта принимается, что знания о мире последовательно проходили мифологическую, метафизическую и научную фазы. В отдельно взятой стране по политическим или экономическим причинам мог наблюдаться застой в науке. Но в целом всё человечество победно шествовало от одной успешной стадии познания к другой, так что современное состояние науки является наивысшей точкой ее развития. Трудно вообразить, что современное ученое сообщество оперирует мифами или занимается бесплодными спекуляциями. Такое не придет в голову ни одному образованному человеку.

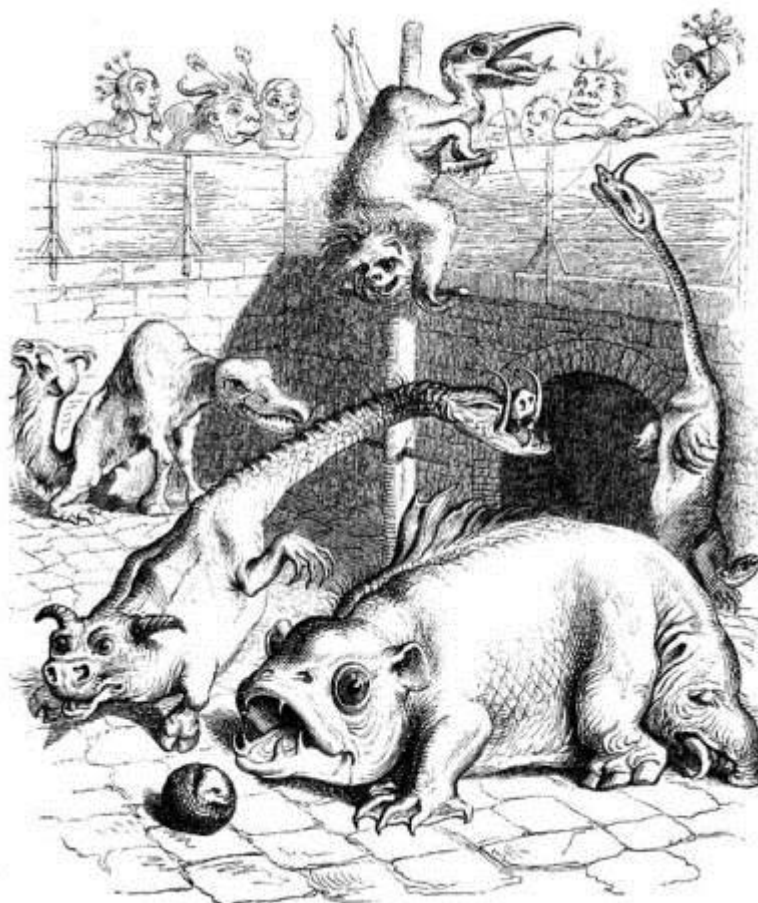
Удод – представитель народной науки. (Здесь и далее по умолчанию, если не указан другой источник, используются рисунки, взятые из книг «*Fantastic Ornament*» и «*Encyclopedia Iconography*» L'Aventurine, Paris, 2000)

Просветительская, или народная, наука излагается в многочисленных учебниках, энциклопедиях и справочниках, на страницах которых было бы крайне неуместно размещать сколько-нибудь скептический материал в адрес уважаемых людей. Критическое отношение к личности ученого или к тому, что он сделал, подрывает доверие не только к данному критикуемому, но и ко всему общественному институту просвещения. Правда, имеется ряд официально назначенных «реакционных» ученых, которые оказывали сопротивление «научному прогрессу». Естественно, что они никогда не могут стать «великими и гениальными». В целом невозможно себе представить, чтобы в современном учебнике говорилось, что нынешняя наука «зашла не туда», находится «в тупике» или скатилась «на более низкий уровень, чем пребывала столетие назад». Недопустимо думать, что теперешние представители из отряда «великих и гениальных» действовали менее рационально, чем их предшественники, так как каждый понимает, что слава ученого даруется обществом. Всякое принижение научного авангарда бросает тень на само общество и его научно-образовательные институты.

Цель любого настоящего ученого противоречит задачам апологетов народной науки. Он должен опровергать всё, что до него выдвигалось в качестве «научной истины». Если он не будет этого делать, откажется от критики других, он тут же теряет статус профессионального ученого и переходит в разряд пропагандистов народной науки. Специалист может иметь идентичные со всеми остальными взгляды на природу и общество, за исключением своей профессиональной сферы деятельности. Здесь он просто обязан иметь собственное мнение, отличное от

мнения всех прочих образованных людей. Трудно назвать истинным ученым того, кто за всю свою жизнь не открыл ничего нового, ничего такого, что радикально изменило бы наши старые представления. Поэтому прямая обязанность идеального ученого – каждый день заниматься ниспровержением установившихся в обществе взглядов на мир.

Но прежде чем начать это делать профессионально, он должен знать какие-то слабые места, за которые можно было бы ухватиться. Ему нужно иметь в виду, что «великие и гениальные» тоже когда-то были обыкновенными смертными со своими предрассудками, слабостями и ошибками. Прежде чем утвердилась та или иная концепция, в научном сообществе, чаще всего, шла ожесточенная борьба. Народная наука иногда рассказывает об этом, но редко доводит дело до конца, до полного разрыва исторической ткани. Ведь лояльному историку науки важно показать преемственность, чтобы последующее логически вытекало из предыдущего, чтобы новое не просто перечеркивало старое, а дополняло и расширяло его. Историк стремится представить дело так, будто все участники познавательного процесса действуют рационально и согласованно, так что в итоге утверждается самая правильная, самая взвешенная концепция. А это в большинстве случаев не так, поскольку исторические события не связаны той «красной нитью», которую находит историк. Они просто хаотически нагромождены, как поваленные деревья, разрушенные стены и сорванные крыши домов после урагана. Но история перестанет называться наукой, если историк не отыщет элементы преемственности и согласованности. В погоне за обоснованием исторических событий он многое просто домысливает, немало истолковывает превратно, что-то утаивает, на чем-то делает неоправданно сильный акцент. Профессиональный ученый знает об этом, догадывается об истинной расстановке сил, при которой правые нередко проигрывают, а неправые побеждают. Обычно при выдвижении новых глобальных идей и концепций находятся могущественные люди и политические организации, заинтересованные в исходе, казалось бы, чисто научного спора. В результате окончательный выбор является итогом сложной комбинации огромного числа экономических и культурно-исторических факторов, которые неминуемо вносят элементы иррациональности и случайности, не поддающиеся никакому согласованию.

Игроки на поле науки.

Было бы опрометчиво где-нибудь на экзамене подвергать сомнению законы Ньютона и постулаты Эйнштейна. Любой представитель народной науки скажет вам, что их не следует трогать, иначе будет выбит фундамент из-под всего здания науки. Но будущий физик должен помнить, как долго существовали аристотелевские категории теплоты, холода, влажности и сухости, без которых, казалось, наука была невозможна. Люди веками комбинировали четыре элемента мироздания: землю, воду, воздух и огонь, пока не убедились в бесплодности этих «фундаментальных» понятий. Именно поэтому всякий научный поиск следует начинать с сомнений в истинности основополагающих принципов. Необходимо еще раз тщательно проследить, каким образом были установлены ньютоновские законы, эйнштейновские постулаты и другие отправные аксиомы. Являются ли они на самом деле всеобщими и универсальными, как об этом пишется во всех проходных учебниках, или же мы имеем дело с набором закоснелых штампов, которыми просто все привыкли манипулировать. Он должен выдержать укоры, насмешки и унижения со стороны представителей народной науки, убежденных в том, что эти законы и постулаты незыблемы. Если молодой человек сдастся и послушается апологетов официально признанной науки, не проведет необходимого критического анализа, значит, ему не стоит идти в профессиональные ученые.

Итак, скептическое отношение к существующей системе знания, на чем настаивал еще Декарт, является непременным условием вступления в большую науку, далекую от сиюминутной выгоды. Человек, собирающийся посвятить себя ей, не может рассчитывать на славу, успех и спокойствие в ближайшем будущем. Очень возможно, что его идеи вообще никогда не будут признаны обществом, поскольку общество часто принимает за истину то, что кажется таковой. Подобно добропорядочному верующему, отдавшему свою жизнь служению Богу, настоящий ученый должен удовлетвориться лишь тем, что служит Истине.

Глава 1. Самореализация

Удод: Мне, уважаемый Скептик, импонирует психологическая и нравственная позиция канадского ученого австрийского происхождения Ганса Селье. Он исследовал вопросы психологического дискомфорта, расстройства и различных неврозов на всех уровнях – физиологическом, психологическом и нравственном. Являясь создателем теории стресса, Селье тщательно изучал комплексные механизмы адаптации животных и человека к среде обитания. В частности, на физиологическом уровне им установлена роль нарушения равновесия стероидных гормонов и электролитов в развитии некроза миокарда. Селье предложил эффективные методы профилактики этого распространенного вида заболевания. Ученый доказал, что тяжелую болезнь с необратимыми *физическими* изменениями в организме или даже клиническую смерть можно избежать, если придерживаться определенных *моральных* принципов. Неизвестно, как можно решить проблему субординации *души* и *тела* в философском или общетеоретическом плане, но с практической точки зрения этот вопрос ежедневно решается каждым человеком в отдельности либо во вред себе, либо для своей пользы. Как бы банально это ни звучало, но мы действительно являемся кузнецами своего счастья либо несчастья. Всё зависит от нас – быть ли нам духовно и физически здоровыми или больными.

Селье утверждает, что природа заложила в каждом из нас достаточный запас жизненной энергии, позволяющий не только адаптироваться к среде обитания, но и реализовать более мощную энергию созидания. Мы много не выиграем, если будем просто приспосабливаться, поскольку приспособление, как правило, сопряжено не с самыми лучшими чертами человеческого характера – изворотливостью, хитростью, лезть, обманом. Намного лучше позиция

реализации заложенных в нас творческих возможностей. Именно самовыражение является наиболее эффективным механизмом адаптации. Разумеется, процесс самореализации связан с физиологическими функциями. Достаточно сказать, что активная деятельность приводит к усталости организма. Напряженный умственный труд может обернуться физическими недомоганиями. Однако все мы понимаем, что рациональное сочетание труда и отдыха может полностью исключить нежелательные последствия. Для этого не нужно изучать периодичность накопления и расходования химических веществ в процессе жизнедеятельности организма. Куда важнее понять, что каждый человек предназначен для исполнения своей, только ему отведенной миссии. Оказавшись в незнакомой и чуждой среде, человек испытывает чувство тревоги, смятения, в лучшем случае недоумения. Далее идет процесс приспособления, который может протекать с большим или меньшим преобразованием среды обитания или самой человеческой личности. Гармоническая трансформация того и другого, взаимное обогащение личности и общества – вот достойная цель, к которой нужно стремиться. Человек рожден, чтобы преобразовать мир к лучшему, внести свой личный вклад в культуру своей страны и общечеловеческую цивилизацию. Эта цель заложена в нем генетически; этим он отличается от животного.

В книге «Стресс без дистресса» (1974) Селье дает рекомендации, как правильно начать реализацию себя как личности. Прежде всего, указывает он, нужно выбрать цель жизни. Разумеется, каждый из нас решает множество повседневных задач текущего дня: мы выполняем необходимую работу по дому и на своей службе. Но для каждодневного и даже ежеминутного сохранения душевного равновесия нам необходима дальняя перспектива. Мы должны знать, что живем ради чего-то высокого и светлого. Тогда временные неудачи и поражения будут восприниматься нами куда менее болезненно, поскольку мы будем знать, что они не касаются главной цели, ради которой мы живем на этой земле.

«Поиски приемлемой философии жизни, – пишет Селье, – следует начать с самоанализа. Мы должны честно ответить себе, чего мы хотим от жизни. ...Чтобы придать жизни смысл и определенную направленность, нам нужна возвышенная отдаленная цель. Она должна непременно иметь две черты: во-первых, требовать упорного труда, иначе цель не будет способствовать самовыражению; во-вторых, плоды этого труда не должны быть мимолетны, они должны непрерывно накапливаться в течение жизни, иначе цель не была бы отдаленной».

Наиболее благодатной почвой для выдвижения достойной жизненной цели во все времена являлась наука.

Таким образом, с появлением глобальной цели все наши поступки приобретают смысл. Далее нужно постараться, чтобы нас не увлекли мелкие жизненные проблемы, которые могут отодвинуть выполнение главной цели сначала на день, потом на месяц или год, а в конце жизни вы можете вдруг обнаружить, что ни на йоту не приблизились к своей мечте. Чтобы этого не случилось, надо ежедневно что-то делать для реализации своей цели. Решение этой задачи невозможно без привлечения такого понятия, как долг. Эта категория регулирует повседневную деятельность человека. Моральные нормы, получившие в нашем сознании статус долженствования, приобретают недостающую им энергию. Тогда угасший энтузиазм и этические предписания, которые часто забываются или игнорируются окружающими людьми, становятся мощным психологическим рычагом, непрерывно воздействующим на ваше поведение.

«На мой взгляд, – пишет Селье, – долг – это добровольно принятый кодекс поведения. Его главная цель – стабилизировать линию поведения с помощью правил, которые мы уважаем и думаем, что их будут уважать другие. Мы должны быть уверены, что, следуя этому кодексу, не только достигнем самовыражения, но и завоюем любовь ближнего».

Цель жизни, возвышенная до уровня каждодневного долга, делает человека *цельной*, т.е. совершенной, личностью. Такая личность обладает *целостным* сознанием. Теория целостного сознания с древнейших времен культивируется восточной философией. Западный человек часто видит в ней наивность и инфантилизм, поскольку, по его мнению, жители Китая и Индии не

умели отличить объект от субъекта. Они не знали, где кончается физическая реальность и начинается их психика. Этот синкретизм они выдавали за недостаток мышления. Между тем современная психиатрия только и занята тем, чтобы вернуть человеку его первозданное восприятие, которым он обладал в детстве. В зрелом возрасте нормы жизни западной цивилизации и урбанистическая среда полностью выветривают из него «наивный» взгляд на мир. Всё его окружение с первых шагов и до гробовой доски навязывает каждому гражданину цивилизованного государства бессмысленные табу. Уже в детстве прекрасный мир, в котором рождается ребенок, превращается из рая в ад. Чтобы обойти жесткую систему социальных запретов, человеку приходится врать, лицемерить и предавать.

Считается, что детская наивность и высокий интеллект несовместимы. Более того, им приписываются прямо противоположные качества, так как разум дан человеку якобы для того, чтобы благоразумно обходить препоны цивилизации, между тем, как детский и юношеский инфантилизм постоянно сражается с ветряными мельницами, набивая себе болезненные синяки и шишки. Однако высочайшая мудрость состоит в том, чтобы оставаться до конца своих дней такими, какими создал нас Господь Бог, т.е. теми самыми «наивными» детьми, которые думают, что они живут в мире любви и согласия, подаренные матерью и близкими людьми. Нужно пытаться создать вокруг себя дружественную нам среду, а не плодить сонм врагов, отгораживаясь от них частоколом новых охранительных норм. Гармоническое слияние инстинктов и общественных законов должно протекать на уровне осознанной необходимости путем благоразумных уступок с обеих сторон.

И здесь мы вновь приходим к принципу «познай самого себя». Чтобы адаптироваться к среде, как говорил Селье, начать движение к миру и любви, как призывали во все времена философы, человеку непременно нужно как следует понять свою собственную природу. Он должен знать, что она не дурна и не ущербна и что он сможет ее изменить, если захочет, непрерывно работая над собой. Чтобы избавиться от своих недостатков, их надо знать. Вот тогда-то древний лозунг «познай самого себя» превращается не в пустые слова, а в первый шаг к согласию с самим собой. Чем взрослее становится человек, тем большую роль в его жизни начинает играть общество. Сначала семья, потом товарищи по школе, наконец, коллектив сослуживцев, политические или религиозные организации, гражданское общество в целом становятся его социальной средой. Поэтому совершенствование индивидуальной природы происходит с постоянным нарастанием общественного компонента. При этом бесхитрость и правдивость становятся необходимыми и естественными спутниками динамически развивающейся личности.

Совершенствование внутреннего и внешнего мира исключает насилие и борьбу по определению. Прежние понятия, такие, как управление, контроль, менеджмент, в этом случае тоже плохо работают, поскольку они предполагают хотя бы минимальную власть одних над другими. Между тем стороны, стремящиеся к гармонии, в силу взаимной симпатии прежде всего предпочитают воздействовать на себя. Отсюда появляется понятие *самоосуществления* или *самоактуализации*, которое означает переход *возможного* в *действительно* существующее. Человек и общество не заинтересованы обманывать себя и друг друга, поэтому процесс слияния, основанный на симпатии, будет происходить вдохновенно, заинтересованно и творчески. Если доверительные флюиды будут исходить от каждого человека, значит, свободная и благожелательная атмосфера восстановится во всем обществе. Она легко устанавливается в

небольших коллективах, например музыкальных или спортивных (говорят, играют слаженно, как оркестр или футбольная команда), но здесь нет никаких принципиальных ограничений на численность, которая может быть расширена до границ человечества.

Абрахама Маслоу в книге «Дальние пределы человеческой психики» (1971) пишет:

«Самоактуализация – не миг, когда нас озаряет высшая благодать. Не стоит ожидать, что во вторник ровно в четыре часа пополудни зазвучат фанфары и вы войдете в сонм богоподобных. Самоактуализация – это напряженный процесс постепенного роста, кропотливый труд накопления крохотных побед».

Маслоу, имея в виду масштабность стоящих перед человеком и обществом задач, употребляет термин «метасоветник», занимающийся «метапедагогией». К метасоветникам он, очевидно, причислял и себя.

«Люди, которых я считаю самоактуализированными, – *говорит он*, – которые смогли соответствовать всем критериям этого понятия, шли к этому шаг за шагом: они прислушивались к своему внутреннему голосу, они были ответственны и честны перед собой и другими, они много работали. Они познали свою сущность, поняли, кто они есть и что собой представляют, причем не только в высоком смысле своего жизненного предназначения, но и в более простом и житейском. Они поняли, что их ноги болят, когда они носят ту или иную обувь, они поняли, любят они или не любят баклажаны, сколько вина им можно выпить, чтобы продолжать держаться достойно. Ведь это составляет суть живого человека. Они познали свою собственную биологию, то, что дано им от природы, то, что невозможно или очень трудно изменить».

Таким образом, сложный и длительный процесс *самореализации* (Маслоу предпочитает использовать термин «самоактуализация») включает множество деталей и характеристик, которые должен учитывать сам человек или метасоветник, просто психотерапевт и консультант, к которым он пришел за помощью.

«Во-первых, самоактуализация – переживание, переживание всепоглощающее, яркое, самозабвенное, с полной концентрацией и абсолютной погруженностью в него. Это переживание, в котором нет и тени юношеской робости, только в момент таких переживаний человек воистину становится человеком. ...Во-вторых, можно представить себе жизнь, как бесконечную череду выборов, которые мы должны совершать один за другим. И в каждом случае это выбор между движением вперед и регрессом. ...Каждый раз, делая выбор, мы отдаем предпочтение честности, честнее не красть, чем красть, или, обобщая, – каждый из вставших перед нами выборов мы совершим в пользу личного роста. Это и есть движение к самоактуализации. В-третьих, уже в самом понятии «самоактуализация» заключается утверждение, что есть некая «самость», подлежащая актуализации. ...В человеке всегда что-то заключено, в любой момент он уже состоялся, по крайней мере, в своей «хрящевой» структуре, как биологический индивидуум, со своим темпераментом, биохимическими реакциями и т.д., а следовательно, в нем уже есть некая самость».

Абрахам Маслоу

К этому списку Маслоу добавляет еще несколько важных пунктов. Он говорит, что каждый должен быть ответствен перед самим собой за актуализацию собственной самости. Прислушайтесь внимательно к своему «внутреннему голосу», который вас никогда не обманет. Услышав его, далее уже ни на кого не оглядывайтесь и выполняйте его команды, типа «Я никогда не буду курить и играть в карты». Делайте это «самозабвенно», т.е. в прямом смысле, забыв о себе, времени и месте, где вы находитесь. И помните, самоактуализация – это непрекращающийся процесс: если остановитесь, то непременно поплывете по течению, которое отнесет вас снова туда, откуда вы стремились выбраться. *«Вам не обязательно совершать героические поступки, но нужно быть готовым к ежедневному и кропотливому труду выявления и актуализации собственных возможностей».* Однако лучше ориентироваться на самую высокую планку, ставить перед собой трудные задачи («плох тот солдат, который не мечтает стать генералом»), чтобы процесс вашей самореализации не закончился через три дня. Цель жизни должна потребовать от вас напряжения всех сил, процесс самоактуализации не должен быть легким. Однако малые успехи на пути воплощения мечты должны вам греть душу каждодневно. Пусть они принесут вам постоянное чувство удовлетворения.

«Бывает так, – пишет «метасоветник» Маслоу, – что люди просто не обращают внимания на эти мимолетные скрытые праздники души. Вот еще задача для метасоветника – помогать людям почувствовать мгновения истинного открытия, если уж они случаются».

Где черпать силы для самоактуализации, что должно поддержать вас во время неудач, которые, разумеется, тоже будут? Тяга к развитию, к актуализации потенциальных возможностей заложена в самом человеке. Его самость является и его двигателем. Самоидентификация личности – это непростая задача, чреватая невралгическими заболеваниями, значит, помощь психотерапевта в этом случае может оказаться определяющей. Каков главный принцип психотерапевта или метасоветника? – «Принимай человека как самостоятельную сущность, таким, какой он есть, мы не будем вмешиваться, не будем выдвигать абстрактных требований, не будем манипулировать им». Психотерапевт должен действовать в соответствии с философией Лао-Цзы: «Если я удерживаюсь от того, чтобы приставать к людям, то они сами заботятся о себе. Если я удерживаюсь от того, чтобы приказывать людям, то они сами ведут себя правильно. Если я удерживаюсь от проповеди, то люди сами совершенствуют себя». Когда некто обратился к вам за помощью, говорит Маслоу, станьте ему Дао-учителем, Дао-другом, Дао-родителем. Не мешайте ему отыскать самого себя: пробудить свою самость сможет лишь он один. Ваше предназначение – предоставить свободу, вызвать в нем веру в самого себя, помочь отличить дурное от хорошего, поддержать в минуты отчаяния – и это всё.

Этот Дао-принцип нужно распространить на процесс познания. Если вы естествоиспытатель, то растворитесь в природе, изучайте ее, не расчленяя предмет на мириады частей.

«Я чувствую, – пишет Маслоу, – что настала пора гораздо более серьезно, чем двадцать лет назад, отнестись к гераклитовскому, или бергсоновскому, или уайтхэдовскому взгляду, воспринимающему мир как поток, как движение, как процесс, но никак не в виде набора предметов, существующих вне времени».

Не нужно рассказывать об отдельных фактах; надо уметь воспринимать жизнь всю целиком, как учит гештальтпсихология. Атомарное мышление субъекта убивает объект исследования; анализ разрушает гештальт, и тогда нечто цельное уже не будет равно сумме частей. А чтобы этого не случилось, нужно отказаться от категории времени, посмотреть на мир глазами младенца. Долой рефлексию! Да здравствует синергетика и интеграция во всех их многообразных формах! Лучшее живая эстетика, чем мертвые абстракции.

«Конечный продукт абстрагирования – математическое уравнение, химическая формула, карта, диаграмма, проект, концепция, схема, модель, система – очень далек от живой реальности («карта – не территория»). Конечная цель эстетического, неабстрактного, познания – полное постижение объекта, при котором все его грани равно важны, прекрасны, одинаково достойны восхищения, при котором нет места анализу и оценке. Здесь нет стремления упростить и расчленить объект, наоборот, есть стремление к более целостному постижению его достоинств».

Помимо органичности объекта и субъекта, или связанности бытия, должна быть осознана его ценность. Самость человека направлена вовне, на других; она не может концентрироваться на одном вашем Я. Самореализовавшиеся люди нашли интерес не в своей собственной персоне, а где-то за ее пределами. Человек инстинктивно тянется к истине, красоте, доброте и пользе, которые существуют вне его биологической оболочки. Эти абстрактные понятия даются нам через материальные носители, существующие независимо от субъекта. Значит, их нужно создавать: именно в творчестве раскрывается самость человека. Самореализация только-то и может проявить себя в креативности. Маслоу разъясняет:

«Креативность делится на первичную и вторичную. Первичная креативность, или этап вдохновенного творчества, обязательно должна быть отделена от вторичной – от процесса детализации творческого продукта и придания ему конкретной предметной формы. Эта вторая стадия включает в себя не только и не столько творчество, сколько тяжелую рутинную работу. Успех ее в значительной степени зависит от самодисциплины творца, который порой тратит

всю свою жизнь на то, чтобы освоить конкретные орудия творчества, проникнуть в сущность материала, развить инструментальные умения и навыки, прежде чем, наконец, приобретает готовность выражения того, что он видит или чувствует».

Первичную фазу креативности переживали многие, так как

«многие из нас знают, что значит проснуться среди ночи взбудораженным некоей идеей, вдохновением, мыслью, например, о романе, пьесе или стихотворении, рвущемся из самого сердца, – и знают, насколько редко этот творческий экстаз заканчивается чем-либо. Такое озарение не стоит и ломаного гроша. Между вдохновенным замыслом и романом, например таким, как «Война и мир» Толстого, лежит титанический труд, огромная самодисциплина, изнуряющие дни, месяцы и годы приобретения опыта, множество набросков и черновиков, отчаяние перед чистым листом бумаги, многократное переписывание набело неудачных фрагментов».

И всё же первый этап творчества очень и очень важен. Во многих случаях он обходится без второго этапа творчества.

«Представьте себе ребенка, – говорит Маслоу, – который, глядя на свои пальцы, постигает десятичную систему счисления. Разве это не момент постижения истины, не мгновение высшего озарения, не процесс творчества? Разве можно отмахнуться от величия этого события, исходя из некоего априорного определения, утверждения, что творчество должно быть социально полезным или что оно должно быть облечено в высокохудожественные образы или в невиданные доселе новаторские формы?»

Конечно же, нет. Для реализации своего творческого потенциала, для актуализации своей самости нам нужна только вера в свои силы.

«Мы должны стремиться стать другими – людьми, которым ни к чему делать мир статичным и замораживать его в неизменном виде; людьми, которые не видят необходимости делать то, что делали их отцы и деды; людьми, которые с уверенностью смотрят в неведомый завтрашний день; людьми, настолько уверенными в своих силах, чтобы с воодушевлением смотреть в лицо грядущим переменам и жить, импровизируя и приспосабливаясь к ним. Это и есть новый тип человека, если хотите, гераклитовский тип. Общество, взрастившее таких людей, сможет выжить; общество, которое не сможет вырастить такого человека, обречено».

Такова жизненная позиция Абрахама Маслоу, которая совпадает с его психологической концепцией. В этом совпадении я усматриваю немалое преимущество.

Скептик

Скептик: Поддерживать в людях «наивность», возвращать их в детство, морочить им голову древнекитайской и древнеиндийской философией не только неправильно, но и преступно, если вы имеете дело с обыкновенными людьми, ведущими современный образ жизни. Даосизм и дзэн-буддизм можно изучать в практическом аспекте (проходить «восьмеричный путь», ловить «сатори», приручать «быка», усмирять гордыню и т.д.), когда вы являетесь отшельником или членом какой-нибудь религиозной секты, где вам не угрожают «язвы капитализма» и вы не собираетесь стать активным и полноценным гражданином культурно-индустриального общества.

Маслоу – проповедник абсолютно нежизнеспособной философии кота Леопольда, который призывал: «Ребята, давайте жить дружно!» Это потому, что его одностороннее учение, как и этическое учение Селье, было одним из многих компонентов мировоззрения середины XX века. Нравоучения Маслоу и Селье являются необходимым дополнением к философии джунглей. Оба мыслителя жили в эпоху движения хиппи, которое

возглавил Тимоти Лири. Именно он, амбициозный гарвардский психолог, исповедовал теорию «гераклитовского человека». Тогда было модно учение о приспособлении человека к быстроменяющимся социальным условиям, растворении индивидуальной жизни в жизни всего общества. Но не забывайте, что Лири ратовал и за ЛСД-терапию. Так что всю эту гуманистическую идеологию, которую сегодня связывают с именами Селье, Маслоу и Роджерса, надо рассматривать в контексте со второй сексуальной революцией и движением «новых левых». Неотъемлемой частью «гуманизма» прошлого века была сексуальная распущенность, оправданная философией «Эроса и цивилизации» Герберта Маркузе.

Много полезного было сделано под гуманистическим знаменем. Так, известный политик и психиатр Томас Шац в 1960 г. выступил за реорганизацию учреждений психического здоровья в связи, как он выразился, с «мифом о душевных заболеваниях». Он считал, что «сказки» о неврозах нужны тем, кто хочет ущемить свободы. Болен не человек, говорил он, а общество; чтобы вылечить человека, надо оздоровить общество. На этой мощной социальной волне по всему миру, в том числе и в СССР, началось гуманистическое движение «за права человека» и против «использования психиатрии в карательных целях». Объективно оценить гуманистическую проповедь Маслоу можно только в контексте работ Лири, Шаца, Маркузе и прочих идеологов хиппи, левого движения и шестидесятников, иначе всё выглядит слишком односторонне и нереалистично. Но такой всеобъемлющий анализ уведет нас в сторону, чего не хотелось бы сейчас делать. Поэтому мы выберем другую позицию для оппонирования. Вы, уважаемый Удод, вместе с Маслоу сконцентрировались на даосизме. Что ж, посмотрим на него с точки зрения современных представлений о науке и морали.

Древневосточная философия – это все-таки философия, т.е. некая мировоззренческая позиция, которую вряд ли можно напрямую связывать с наукой, пусть даже и психиатрией. Тот, кто говорит, что «Дао Дэ Цзин» – вполне научное сочинение, тот плохо знает, что такое наука в ее нынешнем смысле слова. Я оставляю в покое Ганса Селье, поскольку этот человек является настоящим ученым и его моральное учение основывается на конкретных результатах, вытекающих из физиологии человека. Другое дело Маслоу. Он выходец психоаналитической школы, в которой нет никакой науки. Рассказывая о своей теории познания, Маслоу отчасти подтверждает это. Похоже, он слабо представляет эпистемологию физики, астрономии и аналогичных систем знаний. Если вы собираетесь постигать объективную реальность художественными образами, то не употребляйте для такого рода творчества слово «наука».

Когда Маслоу в своей книге «Мотивация и личность» написал: *«Добраться до истины может любой художник, любой философ и писатель и даже землепосец, если у него есть творческая жилка...»*, он, очевидно, понимал несколько иную «истину», чем та, к которой стремится физик. Я начинаю опасаться за судьбу завтрашней науки, когда он говорит: *«Естествоиспытатель с поэтической, философской или даже просто мечтательной натурой, несомненно, будет лучшим ученым, нежели его более ограниченный коллега»*. Маслоу заблуждается, когда пишет: *«Логично было бы предположить, что в хорошем ученом уживаются и артист, и художник, и поэт»*. Можно быть уверенным, что физику повредит его большой поэтический, художественный или артистический дар, так как в этом случае его научные труды будут перегружены фантастическими образами, не имеющими ничего общего с реальностью. Это так же очевидно, как и то, что выдающиеся музыкальные способности вряд ли помогут побить рекорд в забеге на стометровку – здесь требуются слишком разные физиологические качества.

Маслоу пишет, что *«грань, отделяющая ученого от неученого»*, очень расплывчата, что *«историей развития естествознания может заниматься и историк, и естествоиспытатель»*. Трудно с этим согласиться. Специалисту по истории Французской революции не интересно участвовать в диспуте, где обсуждаются перипетии развития теории относительности Эйнштейна; он ничего не поймет. По мнению Маслоу, *«не секрет, что многие люди, числящиеся научными сотрудниками и получающие деньги в кассе какого-нибудь научно-исследовательского института, ни разу в своей жизни не провели и, скорее всего, никогда не проведут ни одного эксперимента...»* Потому и не проведут квалифицированного эксперимента, что у нас зачастую *«пирог печет сапожник, а сапоги точит пирожник»*. Критерий разделения ученого от неученого всегда найти можно; например, им может стать сдача экзамена по высшей математике.

Вывод психолога-гуманиста, прозвучавший заключительным аккордом к первой главе книги «Мотивация и личность», кажется банальным и даже ошибочным. Он пишет: *«Улучшение социальных условий жизни, раскрепощение науки и учебного процесса, повышение заработной платы и прочие малонаучные вещи помогают ученому глубже и полнее познать истину»*.

Разумеется, любому человеку нужно создавать нормальные условия жизни, в том числе и ученому. Только ведь сытность обеда несколько не прибавит ума, а скорее вызовет сонливость. Замена сношенных башмаков на добротные ботинки скажется на развитии науки в той же мере и на развитии живописи. Ясно, что в какой-нибудь нищенской африканской стране гораздо меньше условий для самоактуализации человека, раскрытия его талантов, чем в развитой европейской. В США больше лауреатов Нобелевской премии, чем в Индии, однако в Индии меньше, чем в США, и чемпионов Олимпийских игр, и выдающихся оперных певцов. Этот трюизм не стоит обсуждения, между тем Маслоу гуманитарным вопросом оздоровления и улучшения жизненных условий в связи с умственным развитием человека посвятил немало страниц.

Теперь по поводу даосской психиатрии. Даосизм в лице Лао-Цзы и конфуцианство в лице Кун Фу-Цзы зародились примерно в одно и то же время – на рубеже VI и V вв. до Р.Х. Их преимущества и недостатки, а также многовековое противостояние хорошо известны. Конфуцианство – это книжная философия верхов, государственных чиновников и дворцовой аристократии, она насквозь пропитана коллективистским духом. Даосизм – философия низов, незащищенного населения, преимущественно сельского, которое полагалось только на свои силы и знания природы; она носила индивидуалистический характер. Конфуций и его последователи провели политику «исправления имен», в ходе которой в Китае были запрещены или уничтожены книги мифологического, религиозного и мистического содержания. Они осуществили «культурную революцию», в результате которой на долгие времена установилось светское правление, какое было у нас в России после Октябрьской революции. Конфуцианцы поощряли «народную» поэзию и изобразительное искусство. При них в Китае стали развиваться геометрия и астрономия, достигшие вначале даже больших успехов, чем в Древней Греции. Впоследствии конфуцианскую идеологию потеснил буддизм, пришедший из Индии. Индия для Китая играла примерно такую же роль, как Греция для Италии или Англия для Франции.

Расцвет даосизма приходится на китайское Средневековье, когда буддизм был вытеснен на периферию азиатского континента – в Индокитай, Бирму, Корею, Японию, Монголию, Бурятию. Тогда в крупных административных центрах верх снова одержало конфуцианство, но в сельской и горной местностях возобладал даосизм. Даосы распространяли религиозно-мистические знания: знахарство, астрологию и, особенно, алхимию. Китайские алхимики в чем-то достигли даже больших «успехов», чем европейские. Таким образом, даосы – сторонники тихого отшельничества и мистической философии, а конфуцианцы, напротив, приверженцы светского этикета и искусства. Даосы в течение многих веков вырабатывали более или менее эффективную линию поведения против конфуцианского официоза. Маленькому человеку выгоднее было не гневить чиновника, держаться от городской суеты подальше, предаваясь размышлениям о сущности бытия. Отсюда возникла даосская проповедь скромной и аскетической жизни.

Содержание нравственного учения Конфуция, изложенное его учениками в книге «Лунь Юй» («Беседы и высказывания»), сводится к концепции идеального человека, которого можно и нужно создать путем правильного воспитания. Устанавливая свод правил нравственного поведения, Конфуций руководствовался пятью основными идеями: *человеколюбие (жэнь)*, *справедливость (и)*, *этикет (ли)*, *знание (чжи)* и *уважение (сяо)*. Основой гуманности в обществе, по его мнению, является почитание старших.

Страна – это большая семья и государь в ней – глава семьи, который пользуется непререкаемым авторитетом. Благородный муж (идеальный человек) избегает крайностей и придерживается *срединного пути*, идея которого совпадает с христианской заповедью: не делай другим того, чего сам себе не желаешь (этот же принцип лежит в основе этики Канта). В «Ли Цзи» сказано: *«проявлять к отцу такое же отношение, какого ты требуешь к себе от своего сына; проявлять к государю такое же отношение, какого ты требуешь к себе от своих подданных, проявлять к старшему брату такое же отношение, какого ты требуешь к себе от своего младшего брата; проявлять к друзьям такое же отношение, какого ты требуешь от*

Лао-Цзы укрощает демонические силы (Юань Кэ «Мифы древнего Китая»)

своих друзей». Здесь «ты» всегда занимает срединное положение относительно крайних членов. Придерживаться середины – значит не проявлять крайних чувств удовольствия, радости, гнева, печали; вести себя ровно, осторожно, доброжелательно.

Суть конфуцианства во многом сводится к государственному морализму и придворному славословию, превозносящему послушание и авторитет высшего чиновничества. В основе конфуцианской этики лежит *ритуал* – общепринятый трафарет поведения (*узор-ли*), имеющий исключительно устойчивую форму. Именно этим можно объяснить необыкновенно продолжительный успех данного учения. Моральные сентенции книги «Лунь Юй» и сегодня выучиваются наизусть в начальной школе и затем сопровождают каждого китайца на протяжении всей его жизни. Некоторые из этих сентенций непонятны для некитайцев, скажем: «Теперь чаши для вина стали иными. Разве это чаши для вина? Разве это чаши для вина?»; другие кажутся банальными: «Благородный муж стыдится, когда его слова расходятся с поступками». Но большая часть афоризмов вполне разумна, полезна и может быть использована в повседневной жизни. Какие-то из них передают исключительно конфуцианскую точку зрения на жизнь; например, такая сентенция: «Знающий должен уступить любящему, а любящий должен уступить наслаждающемуся». Какие-то из них распространяются и на конфуцианцев, и на даосов. Разумеется, первые будут чаще использовать иероглиф *ли*, означающий этикет, социальный регламент, нормы общественного поведения. Конфуцианцы говорят, что без свойств, передающихся иероглифом *ли*, человек умный и искренний становится деревенщиной или человеком суетливым и опрометчивым.

Конфуций

Даосы рассуждали примерно так: что проку от чопорного мудрствования и показного этикета, если истина внутри нас? Кому нужна государственно-чиновничья правда жизни, если каждый из нас есть часть природы? Какой вельможа научит вас слышать дыхание естества, если вы сами не захотите увидеть мир таким, каким его видят звери? К чему вычурная фраза и где найти слова, чтобы передать первозданную прелесть природы? Не нужно слов! Поменьше суеты. Блеск нарядов, напыщенность речей и торжественность церемоний выдают фальшивость намерений. Вы говорите о следовании по «естественному пути», который подсказывает вам Небо? Не оно ли научило вас, как найти себе богатство и положение? Чем вы озабочены, не успехом ли своей чиновничьей карьеры и не благополучием ли своего общественного положения? Лицемеры! Перестаньте обманывать себя и других! Не ищите истины там, где ее нет! Займитесь поиском настоящего естества!

Но было бы ошибкой думать, что Лао-Цзы где-нибудь посмел бы произнести эту протестную тираду. Такая критика тоже была бы рассчитана на некий внешний эффект, а он не хотел вставать в позу, произносить обличительные слова в адрес чиновников. Он был против морализма и учительства в любых их проявлениях. Как и Сократ, он книг не писал. Та скромная книжечка «Дао Дэ Цзин», что осталась после него, написана, скорее всего, каким-нибудь китайским Платоном, его учеником. В этой книге нет ничего искусственного и напыщенного – того, что мы находим в конфуцианских текстах. Главным для даосов стала не имитация жизни в рамках какого-то внешнего, формального ритуала, а глубокое погружение в мир собственных переживаний и природный мир, который был у них перед глазами. Естественный путь для Лао-Цзы ассоциируется с понятием Дао, которое фигурировало, однако, и в текстах конфуцианского канона, состоящего сначала из пяти, а потом из 13 книг. Конфуцианцы только и говорили о следовании по пути Дао; они воспевали этот «естественный путь» в своих лирических поэмах и хвалебных одах, имея в виду единственно правильную дорогу общественной жизни. Светская культура как раз и состояла в умении владеть художественным словом, поэтому конфуцианцы были прекрасными литераторами.

Каково же было их удивление, когда они слышали такие речи: Дао, которое может быть выражено словами, не есть истинное Дао; имя, которое может быть названо, не есть истинное имя; тот, кто много говорит, как раз ничего и не знает об истинном Дао; тот, кто знает, не говорит, тот, кто говорит, не знает; истинные слова не изящны; красивые слова не заслуживают доверия; добрый не красноречив, краснобай не может быть добрым; знающий не будет доказывать, доказывающий ничего не знает. Оказывается, конфуцианцы, эти надутые, тщеславные всезнайки, изъясняющиеся цветисто, понятия не имеют о Дао. Хотя они только и делали, что упражнялись в бесконечных словопрениях, выводя поэтические узоры-*вэнь*. Такое откровение даосов не могло не задеть самолюбия конфуцианцев, кичливо гордящихся своей эрудицией.

За отрицанием словесной оболочки у даосов скрывалось нечто большее. По сути, они провозглашали идею невозможности познания первоосновы бытия в рациональных формах. Дао не выразимо не только в словах, но и в представлениях; ему нельзя дать законченную дефиницию. Как только истинное Дао получает имя, т.е. определение, оно тут же превращается в ложное Дао. Определению поддаются произведенные от него конкретные вещи; само же первоначало мира есть тайна. Однако эта тайна может приоткрыться человеку, который не подвержен житейским страстям. Лао-Цзы заложил фундамент для будущей медитации и алхимической практики, получивших господствующее положение в средневековом Китае, но в Древнем Китае темные знания пока еще никак не проявили себя. Религиозность и мистика у Лао-Цзы практически отсутствуют. Он, наряду с Кун Фу-Цзы (говорят, что они встречались и дискутировали), выступает просто учителем умеренной жизни.

Лао-Цзы учит, что было бы ошибкой что-либо выставлять за образец. Если сказать, что вещь ценна, то обязательно найдется вор, который захочет украсть ее. Если сказать, что этот человек мудр, а тот нет, то между ними возникнет ссора. Поэтому воздерживайтесь от всего, что могло бы вызвать зависть или задеть чье-либо самолюбие. Лучше вообще ничего не делать и ничего не говорить, тогда не о чем будет и сожалеть. Принцип недеяния, пассивного принятия всего, что бы ни случилось, будь оно плохим или хорошим, становится главным принципом даосов. Своему Дао, которое несколько отличалось от формально-церемониального Дао конфуцианцев, они дали такие скрытые свойства, как спонтанность, непредсказуемость, невидимость, ненасильственность, отсутствие напряжения.

«Кто поднялся на цыпочки, – говорят даосы, – не может долго стоять. Кто слишком широко шагает, не может долго идти. Кто выставляется, того не заметят. Кто хвастается, тот не прославится. Кто нападает, того когда-нибудь и побьют. Кто сам себя возвышает, тот никогда не возвысится. Таких не любят. Поэтому человек, следующий естественным Дао-путем, никогда не сделает этого».

Современное либеральное общество ближе к конфуцианству, а церковно-монашеская этика – к даосизму. Историки культуры западного общества прекрасно знают нравственные произведения Сенеки, Монтеня, Бэкона, Декарта, Канта, Гегеля, Шопенгауэра, Ницше. Все они достаточно гуманистического характера (исключение составляет, пожалуй, Ницше), но всё же какие-то из них больше тяготеют к конфуцианству, а какие-то – к даосизму. Молодым людям, жаждущим самореализоваться, в частности, в бизнесе, нужна активная, даже наступательная позиция в жизни, которая ничего общего не имеет с позицией даосов. Несколько циничные советы раздавали Бэкон и Декарт. Особенно много их можно найти в современных книгах типа «Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей», «Как стать успешным», «Как заработать миллион». Но таких советов почти не дает Маслоу или Селье.

Последний из названных здесь «учителей жизни» к «долговременной цели» гордого человека отнес, например, цель служения «сильным мира сего». Для Селье «склоняться перед сильным или быть сильным», по сути, одинаково почетно, поскольку «это долговременные цели». Что значит для него выражение «склоняться перед сильным»? Это значит, пишет Селье:

«Умилостивить Бога. Преданно служить верховной власти (королю, королеве, князю), воплощающей и символизирующей Отечество или Родину. Служить своей стране. Верность

политической системе, какой бы она ни была (демократическая республика, монархия и т.д.). Стремиться к благу семьи, жертвуя собой ради супруга (супруги) и детей. ...Несгибаемая и непоколебимая приверженность кодексу чести» и т.д.

Мне кажется, эти цели подпадают под каждодневные задачи наряду с мытьем рук, стиркой грязного белья и уборкой квартиры. Они не позволят вам по-настоящему самореализоваться.

Предположим, вы не хотите реализовать себя в интеллектуальной сфере, не мечтаете стать великим ученым, философом или религиозным деятелем. Вы также не хотите идти на установление нового мирового рекорда в каком-либо виде спорта. Вам просто импонирует активная жизненная позиция и вам неважно, чем вы конкретно при этом заняты. Что ж, достойной целью, претендующей на высвобождение вашего творческого потенциала, могла бы быть, например, такая – добиться должности директора крупного банка. Это потребует соблюдения следующего набора предписаний.

Следите за своей речью. Исключите из нее резкие и оскорбительные слова и выражения. Вместо слова «обманул» скажите «искажил», «упустил из виду», «не совсем точно передал». Не надо говорить «плохо», скажите «нехорошо» или «есть недочеты». При беседе чаще прибегайте к риторическим выражениям типа: «все могут видеть, что я не желал ни обойти что-либо молчанием, ни затемнить своим изложением», или «эту проблему оставим более мудрым людям, чем я», или «обойдем эту тему таким образом, чтобы не терять ее из виду». Держите наготове пять–десять дежурных шуток; иной раз вовремя сказанное шутовое слово поможет вам выйти победителем в серьезном споре. Не высказывайте все свои мысли разом, оставьте кое-что на будущее. Вопрос излагайте по частям и постоянно следите за собеседником. Если говорить размеренно, то можно заранее по глазам определить расположение или неудовольствие собеседника. В зависимости от этого вы сможете легко изменить ход рассуждений или вовсе умолкнуть. Собеседник, в свою очередь, лучше взвесит ваши слова. Помните, никто не обладает таким блестящим красноречьем, чтобы первым же словесным залпом убедить оппонента. Дайте ему возразить на ваши второстепенные аргументы, потом выкладывайте ваш главный довод.

Советчик

Убеждать можно не только при помощи фактов и логики, но и доводами, которые просто литературно красивы. Апеллируйте к положительным чертам характера собеседника, непременно отметив их вслух, посетуйте на свои недостатки. Аргументы вроде «прекрасно умереть за Родину» более уместны на трибуне, чем в личной беседе. Не будьте слишком справедливы и честны; об этих качествах лучше вообще забыть при деловом разговоре. В жарких дискуссиях важно оставаться спокойным: говорите негромко и в одном тоне, без жестикующий. Начав говорить, не высказывайте ни большой радости, ни сильного разочарования. Как бы не было неправдоподобно ваше утверждение, если на нем настаивать, оно непременно заронит сомнение в душу собеседника. Выражением лица слов своих не отрицайте, так как ему больше веры, чем словам. Больше слушайте, чем говорите, и чаще спрашивайте, чем отвечайте. Говорить о посторонних людях хорошо или дурно одинаково опасно; воздержитесь от оценок и не спешите с выводами. О самом себе разговора не заводите, себя в пример не ставьте. Желая пожуричь другого, начните с перечисления его достоинств. Клевете и слухам значения не придавайте. Если ваш собеседник гордится своими личностными качествами, поддержите его в этом, даже если он обманывается. На притворство отвечайте притворством, на искренность – тоже притворством. Глупых людей можно оценивать по их словам, умных – только по делам и не доверяйте их словам.

Соблюдение одних только этих правил обеспечит вам успех в общении с партнерами. Но есть ли в них хоть какая-нибудь психология? Да, есть, если под психологией понимать не науку, а правила этикета. Усвоение их после некоторой тренировки ничем не отличается от усвоения правил уличного движения; и здесь, и там науки присутствует одинаково мало. Полные энергии люди, желающие реализовать себя в открытых организациях западной цивилизации, быстрее выберут конфуцианский алгоритм действий. Они не станут прибегать к даосским увещаниям и сами не поймутся на них. Методика внушений, приказов и запретов, отвергаемая гуманистической психиатрией, в жестко детерминированном обществе, в частности в бизнесе, оказывается

намного эффективнее, чем какой-нибудь психоанализ, катарсис или исповедь. Лучше рассчитывать на худший вариант, а это значит, что удобнее исходить из предположения, что человек далеко не столь хорош и благороден, как этого бы вам хотелось. Он безжалостен и ненасытен, а потому всегда попытается отнять у вас всё и не дать ничего взамен. Потворствуя ему, вы станете нищим. Не надейтесь, он не подаст вам милостыни; так вы и умрете в нищете с вашей даосской философией.

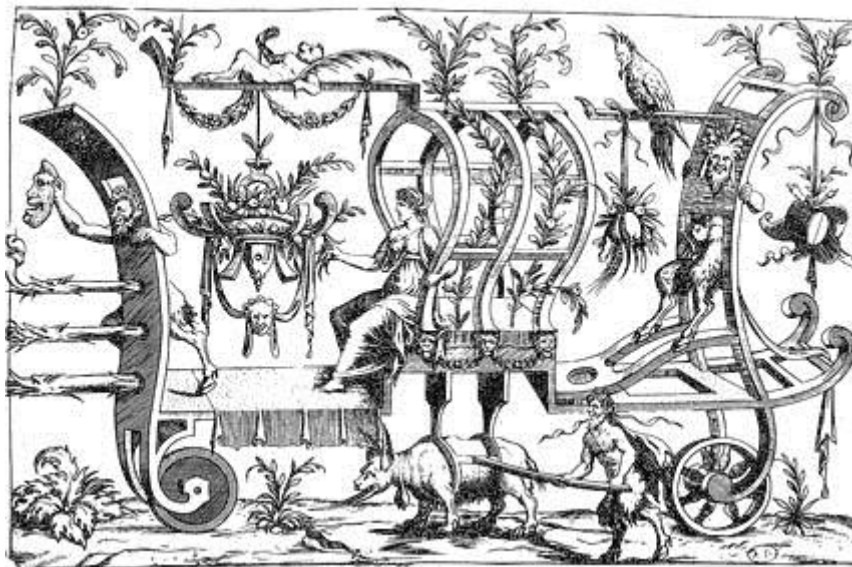
Если же вы хотите научить человека выживать в жестких условиях, воспитывать его нужно по таким же суровым законам. Это иллюзия, будто даосскую или буддийскую твердость духа можно воспитать гуманными средствами. Если вы в состоянии истязать себя ради высвобождения заложенных в вас талантов, значит вы сильный человек изначально. Если же вы только собираетесь закалиться, нужно, чтобы жесткость пришла со стороны воспитателя. Методика невмешательства здесь будет губительной.

Что касается общества в целом, то попытки его радикального переустройства на протяжении всей истории осуществлялись многократно. Все реформаторы и революционеры стремились построить справедливое и счастливое общество. Сколько вдохновенных утопий было написано – Платоном, Мором, Кампанеллой, Оуэном, Фурье – и вот теперь Маслоу предлагает свой вариант. Вдаваться в анализ уже развенчанных утопий, чтобы показать, что ее очередная модификация столь же призрачна, как и все предыдущие, я не стану. Поверьте мне на слово, уважаемый Удод, что наш психиатр из Америки не изобрел ничего оригинального. Если образ строителя светлого будущего он срисовал с текстов «Дао Дэ Цзин», то сам проект обустройства гражданского общества он мог бы позаимствовать у Монтескье или Руссо. Разница в проектах будет небольшой: те поручали социальные реформы профессиональным политикам и литераторам, Маслоу надеется на психиатров и социальных работников (метасоветников). А это еще хуже, чем реформы доверять философам, которые загубят любое начинание в бесконечных дискуссиях о том, как надо или не надо поступать в каждом конкретном случае.

Маслоу – демагог; четких предписаний у него нет, или, во всяком случае, диапазон их действия чрезвычайно расплывчат. Всё крутится возле одной идеи о «добром» человеке и «хорошем» обществе. Эта банальная идея в зависимости от конкретной жизненной ситуации представляется у него всё новыми и новыми словами. Книги его, похоже, возникли не в результате тщательного обдумывания в тиши кабинета, а из сумбурных бесед на семинарах со студентами эпохи хиппи. Беда их не только в том, что материал плохо структурирован, много повторов, но и в том, что автор почти не опирается на серьезный анализ своих предшественников. Поскольку он поставил ученого в один ряд с философом, поэтом, художником и священнослужителем, то его гуманистическая психиатрия тоже заняла место между «Экклезиастом» и «Городом Солнца».

Дефицитом научности страдает не только «гуманистическая» литература, но и весь корпус книг по современной психологии и психиатрии, начиная с Зигмунда Фрейда. Под научностью я здесь понимаю рациональность и обоснованность теорий, которые пока что держатся исключительно на авторитете их авторов. Авторитет этот пришел к ним не в результате открытия каких-то бесспорных истин, а по причине поднятого вокруг них шума, который обычно возникает вокруг новоявленных благодетелей. Нынешняя литература по психологии больше является беллетристической. Практикующих психиатров можно поставить на одну доску с артистами разговорного жанра или исповедниками. Их слово, может быть, и лечит, но в той же мере, как и слово сатирика и духовника. Маслоу – это Савонарола наших дней, и это самый лестный отзыв о нем. Он тоже, как и настоятель монастыря, взывает к совести падших, только делает это менее результативно, чем флорентийский священник. Между тем одно крепкое словечко сержанта российской армии, обращенное к взводу новобранцев срочной службы, действует намного эффективнее, чем все слова, сказанные американским психотерапевтом-гуманистом за всю его долгую карьеру.

Глава 2. Самость и яйность

Удод: Я глубоко не согласен с Вами, уважаемый Скептик. Вы не хотите видеть истинной природы человека и общества, тем более стремиться к ней. Ваш пессимистический взгляд скользит низко над землей и не поднимается выше обыденной жизни. А вы попробуйте поднять свои глаза выше, загляните в трансцендентный мир идеалов, тогда, быть может, Вам откроется нечто прекрасное и у Вас появится желание очутиться в Эдеме безмятежного и счастливого детства. Вы презрительно называете это «утопией». Между прочим, без устремлений к светлым идеалам человек до сих пор ходил бы в звериных шкурах и охотился на своих собратьев. Такие люди, как Селье, Маслоу, Роджерс, не были идеалистами, далекими от жизни фантазерами. Их гуманизм проистекает из практической работы с живыми людьми. У них, наверняка, было больше поводов для пессимистической оценки человека и общества, чем у Вас или Вам подобных скептиков. Однако ж они не разуверились в них, и знаете почему? Потому что эти «учителя жизни» действительно прекрасно изучили природу человека, его «самость».

Ну, скажите, что плохого в том простом принципе, что каждый человек должен избрать для себя достойную цель и стремиться к ней? Только такие критики, как Вы, способны испортить любое хорошее начинание. Именно об этой опасности постоянно напоминал Маслоу. Он советовал держаться от скептиков подальше, иначе не только не сделаешь какое-то хотя бы маломальски значимое дело – вообще разуверишься в своих силах и потеряешь смысл своего существования. Мне не понятны Ваши экскурсии в историю культуры Древнего Китая. Говоря о даосизме, я хотел лишь подчеркнуть естественный путь развития личности. Не нужно допускать никакого насилия ни в отношении себя, ни в отношении других. С чем здесь можно спорить? Свободная реализация заложенных в человеке возможностей – вот единственно приемлемый способ воспитания и самовыражения человека. Понятие *самореализации*, или *самоактуализации*, автоматически означает, что в человеке заложено нечто такое, что Маслоу назвал *самостью*. Видимо, Вы, уважаемый Скептик, плохо понимаете, что такое самость. В связи с этим, позвольте Вам разъяснить более подробно, что означает этот термин.

Самость – это ядро человека, его субстанция; это то, через что он бытует, причем бытует не в смысле существует как *есть*, пассивно, а напротив, *является* обнаруживающей себя активностью. Другими словами, самость способна нечто *дать*. Именно это представляет существенную сторону всякого существования, а человеческого в особенности. В силу своей субстанциональности самость принадлежит к *всеобщему*. Более того, это, по сути дела, и есть

самое наивсеобщее в мире людей. Являясь субстанцией отдельного человека, она, вместе с тем, является и субстанцией всего человечества. Через самость *Я* отдельного человека сливается с абсолютно *гуманистическим*, что присутствует в обществе людей. Таким образом, если позволено говорить о наличии субстанции мира людей либо в форме «народного духа», либо как-то еще, то не иначе как о самости отдельного человека. И, наоборот, если хотят представить субстанцию отдельного человека, то это значит, что необходимо вообразить то общее, что носят в себе люди – «душу народа».

Самость

Помимо абстрактного всеобщего самость есть деятельность в чистом виде, *активность*, *энергия* и *сила* отдельного человека и общества в целом. Экстаз творчества, самоотрешенность труда и то состояние духа, когда ему открываются тайны мироздания, – это как раз и есть существо человеческой субстанциональности. Важно понять, что это не пустое, само на себя направленное действие, а нечто изливающееся вовне, что существует для другого и ради общечеловеческого. Самость только-то и может обнаружить себя через благо, которое, помимо объективного и необходимого существования, всегда бытует в форме истинного, прекрасного, полезного и доброго начала.

Неправильно думать, что человек действует только ради извлечения собственной пользы, выгоды для себя, своей семьи или даже большей группы людей. Польза, взятая отдельно, легко оборачивается в нечто противоположное к благу, почему и не были поддержаны различные утилитарные доктрины. Рано или поздно адепты этих учений скатывались в русло меркантильной философии, пренебрегающей фундаментальными гуманистическими ценностями.

Польза является только одной из сторон абсолютного блага. Взятая же отдельно, она быстро выпадает из сферы деятельности самости.

То же самое нужно сказать и о других сторонах блага, взятых порознь. Существование науки ради науки или искусства ради искусства многими оспаривается и, видимо, небезосновательно, если их брать абсолютно, вне всякой пользы для человека и общества. Превратности жизни помимо воли человека также часто лишают красоту и истину статуса полезности в ее узко прагматическом толковании. Однако гуманистический взгляд на мир предполагает, что если человек лишь познавал истину и творил прекрасное, значит, он жил не напрасно. Прагматизм истины и красоты вытекает из того безусловного факта, что они являются первейшей необходимостью человека и общества. Без истины и красоты человек и общество перестают существовать в своей гуманистической форме; без них они погибнут, как если бы отдельного человека и целое общество лишили воздуха, воды, пищи, одежды или крова.

Отдельно нужно сказать о категории добра. С точки зрения гуманистической психологии человек по своей природе *добр*. Но эта доброта должна быть *разумной*. Недаром говорят, что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Говоря о благе или добре, люди часто забывают включить свой ум. Поэтому бездумный альтруист, стремящийся построить рай на земле, очень скоро превращается в жестокого тирана, уничтожающего многих людей на своем пути, и только потому, что они не хотят жить в придуманном им государственном устройстве. Государство как правовой институт по своей форме абсолютно нейтрально – оно не доброе и не злое. Гуманная природа человека и общества наполняет его добрым и разумным содержанием. Благоразумно устроенное государство образует гражданское общество, состоящее не просто из безликих роботов, а настоящих *личностей*.

Человек становится личностью благодаря своей самости. Личность не существует обособленно, в изоляции от других личностей как раз в силу субстанциональности самости. Отсюда проистекают свобода личности и либерально-демократическое государство, когда каждый человек видит личность не только в себе, но и в любом другом человеке. Между личностями имеют место только доброжелательные и разумные отношения. При самоутверждении, самореализации отдельной личности не происходит подавления другой. Напротив, каждая личность поощряет другую на добродетельные, прекрасные, истинные и полезные дела и поступки.

Если идти дальше в определении самости, то следует сказать, что она есть *благородная воля*, т.е. доброе желание, вдохновляющее человека на истинную, прекрасную и полезную деятельность. Обыденное сознание склонно принижать добрую и благородную волю, проявленную человеком, лишая ее высокой патетики. Оно пытается найти в истинной воле нечто приземленное, например материальный или денежный интерес. В этом случае личностная воля, лишенная пафоса самости, превращается во что-то непривлекательное и низменное. Но в действительности самость не дает свободной воле кого-либо унижить, обидеть или оскорбить. Она далека от желания властвовать, обладать или отнимать. Ее субстанциональность не передается словами «хочу иметь» или «хочу быть», но только словами «хочу одарить». С гуманистических позиций воля не стремится достичь какого-либо предела, лежащего вне человека.

Напрасно искать причину воли в удовольствии, эгоизме или инстинкте самосохранения. Такое зауженное толкование апеллирует к животному началу, которое, конечно, присутствует в человеке, но оно не является главным. Зверь не обладает самостью, которой наделен человек. Источник же благородной воли человека – только его самость, которая, как было сказано, представляет собой некую психическую активность. Саркастическое сравнение свободной воли с бароном Мюнхгаузеном, вытянувшим себя за ворот из болота, здесь неуместно. Стоит ли пытаться найти основание для воли, когда она суть самодвижущаяся субстанция?

Единственно, чем стоит дополнить ее, так это *верой*. Вера имеет трансцендентную природу, почему гуманистическую психологию иногда и называют *трансцендентальной*. Вера в высшее, намного превосходящее всё земное, обыденное и суетное, лежащее где-то в иррациональном, запредельном, идеальном и восхитительно блистательном мире – вот сущность

самости и ее воли. Вера понимается здесь как вера в торжество добра, а лучше сказать, блага со всеми вытекающими из него определениями. Вера вместе с волей сообщают самости отдельно взятого человека и общества в целом живительный импульс. Отрицание веры влечет за собой отрицание самости и всего, что с ней связано. Вера является идеалом и в этом смысле кладет предел всем прочим определениям самости. Она как бы замыкает самость саму на себя.

Нужно только предупредить, что введение веры и связанной с ней трансцендентности вовсе не подразумевает религиозную веру в сверхъестественное существо или в загробный мир. Мы имеем дело с рациональной наукой, а не с предрассудками людей. Однако кто станет отрицать, что со смертью человеческой оболочки его самость остается жить в добрых делах, его разумная воля продолжает исполняться, а его личность чтят на протяжении веков? Таким образом, самость как идеальная субстанция отдельного человека продолжает существовать в своих абсолютных необходимых формах. Гуманные идеалы самости, в которые верит человек, находясь в трансцендентном состоянии, нисколько не теряют своей актуальной субстанциональности и всеобщности. Самость продолжает созидательную деятельность в виде благородного духа нации.

Скептик: Вы изложили типичную утопическую философию, которая не имеет ничего общего с реальностью. Ну, где Вы нашли хоть сколько-нибудь гуманное государство? Такого устройства человеческого общества нет и существовать в принципе не может. Государство – это преимущественно репрессивный и надзирающий общественный институт. Оно не может существовать без тюрем, полиции, армии и потому неизбежно сопряжено с насилием. Если бы на протяжении истории человечества существовало, пусть даже не государство, а просто более или менее многочисленное общество людей, длительное время живущих счастливо и благообразно, то тогда еще можно было бы поверить в ту идеальную структуру психики, которую Вы, уважаемый Удод, здесь нарисовали.

Термин «самость» в психологии первым начал использовать, видимо, Карл Юнг. Этим словом он обозначил как сознательные, так и бессознательные проявления (понятие *Я* покрывает у него лишь область сознательного). *Индивидуализация*, или *самоактуализация*, человека происходит через самость, которую Юнг понимает, однако, на свой манер, архетипическим образом. Самость, по мнению Юнга, является в мечтах и сновидениях в виде добрых вождей, пророков, героев и прочих спасителей человечества. Она является «Богом в нас», «началом всей нашей жизни», «зуму непостижимым образом», «высшей и последней целью». Если *Я* – это Земля, приводит сравнение Юнг, то самость – Солнце, вокруг которого постоянно крутится Земля. Самость для него – это недостижимый предел, к которому стремится человеческое *Я*.

О самости говорили не только Юнг, Роджерс и Маслоу, но также глава идеалистической философии Гегель. Одного этого достаточно, чтобы на самости поставить жирный крест, как на совершенно безжизненной категории. В реальном мире самость не проявляет себя. Как бы ни хотелось нам видеть иное, но человек по своей природе зол, жесток, жаден и крайне иррационален. Все разговоры о прекрасных идеалах, свободной воле, благородной душе и справедливом обществе остаются благими пожеланиями, которыми, как Вы правильно заметили, уложена дорога в ад. У Ницше имеется такое сравнение: если самость, или сверхчеловек, – это молния, то сам человек – туча. Сверхчеловек, по Ницше, – это воля к власти Шопенгауэра, Мефистофель – по Гете или *Оно* – по Фрейдю. Таким образом, абсолютное хотение – это абсолютное зло. Если и вводить некую духовную субстанцию человека, подобно самости, то ей надо приписать совсем иные, диаметрально противоположные качества, которые лучше обозначить, как «яйность», чтобы не путать ее с эфемерной «самостью».

Яйность – это неугомонная и изворотливая бестия, которая может грести только к себе. Ее сущность передается словами: *во что бы то ни стало иметь*. Свой каприз она выставляет не иначе как за благородное волеизъявление Абсолюта. Настойчивость и категоричность, с которой действует яйность, возмутила бы любого, если бы она не выступала от имени народа или каких-

Государство

либо «высших интересов» государства. В этих оправданиях нет ничего, о чем Вы, уважаемый Удод, только что говорили, т.е. истины, красоты, доброты и пользы для общества или другого человека. Напротив, этими словами яйность прикрывается, чтобы творить зло, насилие и разбой. Воображая себя чуть ли не божьей благодатью, она доводит себя до полного помешательства, до мании величия или – если кто-то посягнет на ее амбициозные притязания – погружается в невроз, истерический психоз и паранойю, изображая оскорбленное самолюбие.

В человеке нет ядра в форме самости, но есть одна скорлупа яйности. Вот эта его шелуха, конечно, не обладает никакими субстанциональными признаками типа общности и необходимости, о которых Вы говорили, а имеет только жалкие акциденции. С этой точки зрения яйность оригинальничает, проявляя свою субъективность во весь рост. Каждый человек – эгоист и действует только в своих интересах, подавляя другого и игнорируя общество в целом. Дай ему волю, и он всех жителей земли превратит в рабов, которые должны будут денно и нощно работать на него одного. Человек любит порассуждать об идеалах, но сфера его интересов исключительно материальна. Он говорит, например, об «идеальной» любви, но при этом имеет в виду вполне плотские наслаждения.

Спорить не стану, живут на земле люди с мечтой о рае, только их мало, и они не обладают никаким влиянием в обществе. И это справедливо, поскольку животную природу человека переделать невозможно. А если слушать этих идеалистов, которые руководствуются несуществующей в природе самостью, то все мы в течение короткого времени окажемся ввергнутыми в хаос и анархию. За примером далеко ходить не надо. Вспомните коммунистов, которые мечтали воспитать нового человека и построить идеальное общество. Вместо этого они посеяли смерть, жестокость, несправедливость и разруху. Где они сейчас? А дай им волю, так они бы быстро разрушили всю человеческую цивилизацию до основания.³

Самые постыдные человеческие пороки – ложь, лицемерие, подлость, корысть – связаны с яйностью человека, которая не образует нечто цельное, поскольку в обществе преобладают силы взаимного отталкивания. Чтобы их как-то компенсировать, нужна властная иерархия, которая тоже возникает благодаря не самым добрым и благородным свойствам человеческой души. Без вождей люди просто поубивали бы друг друга. Ведь каждый человек стремится к экспансии, но побеждает, конечно, сильнейший. Также естественно, что его притязания распространяются не потому, что он хочет что-то вам *дать*, чем-то вас *одарить*; он хочет одного – иметь и чем больше, тем лучше. Чем именно обладать – это для него, в сущности, не столь важно. Человеческая яйность хочет обогатиться сразу всем – чувственными наслаждениями, материальными благами, финансовыми средствами, властными полномочиями, общественным авторитетом, социальным статусом – только у нее это не всегда получается. Стремясь заполучить, например, государственную власть, человек может принести ей в жертву материальные блага и финансовые средства. Алчный до денег и вещей теряет сон и аппетит, проигрывая тем самым в чувственных наслаждениях, и т.д. Желая урвать сразу всё, яйность рискует не получить ничего, поэтому она, действуя хитро и коварно, всегда ориентируясь на максимум прибыли для себя.

Говоря о самости, Вы, конечно, подразумевали высокодуховный пласт человеческой психики, называя его субстанциональным. Но в действительности ничего глубинного в человеке нет, особенно положительного свойства. Яйность всегда удерживается на поверхности человеческого существа. Пустая активность яйности есть чистая суэта, мелочность, лишенное смысла беспокойство, которое способно только мутить воду. Она всегда направлена на удовлетворение какого-нибудь глупого каприза; в ней нет ничего возвышенного; ее цели мнимы и эгоистичны. Яйность – это привередливость и произвол. Хотя, считая себя величайшей драгоценностью, она желает, чтобы это ее ложное мнение разделяло всё человечество. Ни в какие

Яйность

³ В.Э.: Ну, это примитивный взгляд на то, что произошло в России и в мире в связи с «коммунизмом». Всё гораздо сложнее, но не здесь это разбирать.

идеалы яйность не верит, а если и порождает нечто истинное, прекрасное, доброе и полезное, то это выходит либо случайно, либо таким образом она старается прикрыть мерзкое и грязное. Притворившись добродетелью, яйность принимает вполне благообразный вид. Например, наполненная ожиданием материального вознаграждения, она может замаскироваться под лицемерную любовь, фальшивую мудрость, бескорыстное творчество.

Яйность постоянно стремится что-нибудь отнять или приобрести задаром. Ради удовлетворения своей прихоти она не остановится перед обманом, предательством и вероломством. Именно благодаря яйности люди делаются скрытными, подлыми и лицемерными. Внешняя дружелюбность яйности часто проявляется через слова «я хочу вам подарить нечто». Но это говорится только для того, чтобы через какое-то время обобрать вас до нитки. Ненасытность яйности постоянно жаждет чего-то нового. Достигнув, казалось бы, своей цели, она тут же начинает мечтать о чем-то другом, еще более роскошном. Таким образом, яйность выливается в бесконечный поток алчных притязаний. Эти случайные и субъективные вождения лживы, безобразны, бесполезны и лишены каких-либо добродетелей.

Человек может считать себя верующим в какое-то сверхъестественное существо, провозгласить себя приверженцем высоких идеалов, но в жизни поступать низко и подло. Значит, по-настоящему он верит только в себя как биологическое существо и материальные вещи вокруг себя, а это уже называется не верой, а самоуверенностью, в которой нет ничего святого. Нельзя поклоняться двум богам – золотому тельцу и Иисусу Христу, как нельзя одновременно жить в двух мирах – небесном и земном. Уж что-то одно: если вы преклоняетесь перед вещами, то говорить о вере неуместно, поскольку посюсторонний мир зрим и осязаем. Верить можно в то, что лежит за пределами видимого и осязаемого – в трансцендентный мир. Иногда, говоря о потустороннем мире, а, в сущности, об иллюзорном видении, яйность молится за спасение своей грешной души. Здесь тоже не находится места для возвышенного чувства.

Толпа

Яйность, рассеянная в обществе людей, образует толпу. Толпа превращается в гражданское общество, когда она подчинена власти. По своей природе толпа ленива и аморфна, но до той поры, пока нормально функционируют властные институты. Как только государственная, церковная, военная или любая другая власть ослабевает, тут же нарастает оживление, агрессивность и эгоистические устремления людской массы. Хотя толпа является конгломератом враждующих индивидуумов, она обладает некоторой целостностью, замешанной на том же биологическом тесте, что и сплоченность стаи волков. Но в отличие от этих хищников, которые не поедают себе подобных, люди, объединенные до этого одной целью, после свержения власти начинают грабить, насиловать и убивать друг друга.

Удод: Говорите Вы складно. Но разве есть такие люди среди ученых? Не могли бы Вы, уважаемый Удод, привести хотя бы один яркий пример.

Скептик: Извольте, я назову человека, который, как кажется многим, облагодетельствовал человечество. На самом же деле в нем говорила одна лишь яйность и ничего более. Этим человеком является Зигмунд Фрейд. По складу ума Фрейд был гуманитарием, но судьбе было угодно, чтобы он родился в то время, когда было модно естествознание. Следовательно, рассудил он, лавры можно стяжать, работая только здесь, на ниве гистологии и физиологии. Потом он

забросит эти науки, займется врачеванием неврозов. Наконец, ему надоест и медицинская практика, и он примется теоретизировать в области психиатрии, откуда прежде изгонит даже намеки на рациональную науку, превратив ее в особый вид литературного творчества.

В период между 1874 и 1884 гг., когда Фрейд только выбирал для себя род занятий, он находился в мучительных поисках своего подлинного Я. Все его практические и теоретические усилия как исследователя-гистолога пойдут насмарку. Они ни на йоту не продвинули его к славе, о которой он непрестанно мечтал. А.М. Руткевич, автор курса лекций «Психоанализ. Истоки и первые этапы развития», начиная свой рассказ о Фрейде, написал:

«Хотя Фрейд сам не раз давал повод для совершенно ложных о нем суждений, его трудно обвинить в мегаломании или желании выглядеть в глазах потомков лучше, чем он был на самом деле. ...Он вовсе не пытался казаться святым. Именно поэтому он не слишком высоко ценил биографический жанр и возражал против попыток возвести ему памятник при жизни».

Автор этих строк не понял основную движущую силу основоположника психоанализа – его яйность. Очевидно, он плохо усвоил содержание книги, которую сам же редактировал (имеется в виду жизнеописание Фрейда, написанное Джонсом). Будучи еще студентом, Фрейд спал и видел себя не иначе как в бронзе на гранитном постаменте. В связи с приведенной цитатой Руткевича есть смысл обратиться к фактам биографии Фрейда.

В начале XX века он пользовался дурной славой врача, над которым «насмехалась вся Вена» из-за того, что он «в любой вещи видел секс» и «со свойственной ему бестактностью мог упомянуть про «это» в присутствии благородных дам». Однако он сумел сплотить вокруг себя группу льстецов и подпевал, которая буквально носила его на руках. В мае 1906 г. на торжествах в честь 50-летия «папочки-папули» эти сторонники его учения как самому успешному «акушеру душ» вручили ему медаль с величественным барельефом юбиляра работы известного скульптора Карла Швердтнера с красивой надписью на греческом языке: *«И загадок разрешитель, и могущественный царь»*. Это строка из софокловского «Царя Эдипа», которая в другом переводе звучит так: *«Тот, кто разгадал знаменитую загадку и был велик»*.

Фрейд был тщеславным человеком и постоянно мечтал о памятнике себе

«Когда Фрейд читал это краткое посвящение, – пишет Джонс, – он побледнел и, задыхаясь от волнения, потребовал сказать ему, кто выбрал именно эту надпись. Он вел себя так, как если бы неожиданно столкнулся с чем-то приятным – а так оно и было. После того, как Федерн сказал ему, что это его идея, Фрейд признался, что будучи молодым студентом Венского университета он имел обыкновение прогуливаться вокруг двора с огромной сводчатой галереей, разглядывая бюсты прежних знаменитых профессоров этого заведения. Тогда он мечтал не просто увидеть здесь свой бюст в будущем, что казалось вполне реальным честолюбивому студенту, но чтобы на этом бюсте непременно были начертаны слова, идентичные тем, которые он теперь видел на медальоне. Впоследствии я имел возможность выполнить это его юношеское желание, преподнеся Венскому университету для установки во дворе бюст Фрейда, выполненный скульптором Кенигсбергером в 1921 г., на этом бюсте имелась также и та знаменитая строка из Софокла. Бюст был торжественно открыт на церемонии 4 февраля 1955 г. Это редкий пример мечты юноши, которая сбылась во всех подробностях, хотя для этого потребовалось 80 лет».

В «Токновании сновидений» Фрейд ψ -анализирует один из многочисленных своих снов; там фигурировал его друг П.

«И тут я вспоминаю, – пишет автор, – что всё это приснилось мне несколько дней спустя после открытия памятника Флейшлю в университетском парке; после открытия я осматривал там же

памятник Брюкке и (бессознательно) пожалел, по всей вероятности, о том, что мой высокоодаренный и всей душой преданный науке друг П. благодаря своей преждевременной кончине утратил право на такой памятник. Такой памятник я воздвиг ему в сновидении; моего друга П. звали Иосифом».

Друг П. по имени Иосиф – случайная флуктуация сознания. В «Токвании сновидений» Фрейд писал всё, что приходило ему на ум по так называемой методике свободных ассоциаций, руководствуясь рекомендациями Людвига Берне. А поскольку мысли о собственном памятнике постоянно сидели у него в голове, то данная сцена естественным образом оказалась в книге.

Самой сильной эмоцией Фрейда, весьма часто посещавшей его, была зависть. Он завидовал Брюкке и Флейшлю, которых прекрасно знал при жизни, по одной лишь причине – им поставили памятники. Себя он считал ничуть не хуже их, поэтому рассчитывал на такое же, если не на большее, внимание со стороны университетского руководства. Флейшль перед своей трагической кончиной, зная о желании Фрейда, подарил ему мраморный бюст римского сенатора времен императора Августа, которым он сам очень дорожил. С него, собственно, и началось коллекционирование памятников старины в виде бюстов, статуэток и скульптур, которыми Фрейд уставил свой кабинет на улице Берггассе, 19. Памятник – это тот «пунктик», на котором Фрейд слегка тронулся умом. Но если бы даже Фрейд и не мечтал увековечить себя в бронзе и мраморе, его яйность нашла бы для себя другой выход. Вспоминается реплика Катона-старшего, видного государственного деятеля Древнего Рима. На возмущение льстеца: «Позор, что до сих пор в Риме не воздвигнута твоя статуя! Я создам специальную комиссию!» Катон энергично возразил: «Не нужно! Пусть лучше спрашивают, почему нет статуи Катона, чем удивляются, зачем она здесь стоит».

Еще задолго до юбилея в одном из писем к Флиссу Фрейд спрашивал его: а не вывесят ли в том ресторанчике, где он впервые понял значение сновидений, памятную доску с надписью: «Здесь 24 июля 1895 г. доктору Фрейду явилась разгадка тайны сновидений». Жажда славы, причем славы именно гения науки, завладела всем существом Фрейда. Его не интересовала наука; для него была важна теория, пусть мнимая, построенная из воздуха, но которую, однако, можно было бы выгодно обменять на славу. Этих «теорий» он наштамповал два–три десятка. Нелады с логикой должны были поставить жирный крест на его научной карьере, но не тут-то было. Сдаваться он не собирался: неутомимый труд и богатое воображение в конце концов воплотили мечты юноши в жизнь. Когда становилось невмоготу и его «либидо» фонтаном ударяло в голову, он садился за стол, погружался в мир сладких сексуальных фантазий и через два–три месяца из-под его бойкого пера сублимировался очередной шедевр психиатрической науки. Друзья, коллеги, а потом и официальные власти хорошо знали о слабости Фрейда к почестям и знакам внимания. Сами того не ведая, они лепили из жалкого фантазера культ величайшего ученого, совместившего в себе якобы два противоположных таланта – проницательность теоретика и опытность практика. Но прежде его яйность должна была испытать унижение и горькое разочарование в правильности избранного пути.

О своих разочарованиях Фрейд писал так: «я, наконец, понял, что своеобразие и ограниченность моих дарований лишают меня возможности достичь какого-либо успеха во многих областях науки, на которые я набрасывался с юношеским рвением». Вот его наиболее известное высказывание, которое одновременно передает и степень разочарования в своих силах, и горькую правду о себе: «Я, по сути дела, не ученый, не наблюдатель, не экспериментатор, не мыслитель. По характеру я всего лишь конкистадор – авантюрист...» (из письма к Флиссу от 1 февраля 1900 г.). Молодой Фрейд часто писал своей невесте, что перспективы его будущей работы мрачны, что ему отведена жалкая роль «рабочего мула». Ему казалось, что мир вокруг него устроен несправедливо. Он надеялся, что стоит им уехать из Европы или Вены и тут же его дела пойдут в гору. Он уговаривал невесту уехать в Австралию, Америку или Англию, поскольку, писал он: «Англия понимает толк в независимости. Она создала ее для индивидуумов» – таких, как он, уникальных людей. После разочарования в теории мужской истерии он писал:

Величайшие гении народной науки (рисунок Мориса Мешана из книги Ричарда Осборна «Знакомьтесь: Фрейд»)

«Я действительно, должно быть, очень огорчен. Надежда на вечную славу была так же прекрасна, как и надежда на несомненное богатство, полную независимость, возможность совершать путешествия и спасение детей из страны тревог, которые испортили мою юность. Всё это зависело от того, преуспеет ли моя истерия (невротика) или нет. Теперь я снова скромно могу подчинить себя ежедневным заботам и экономии».

Так, в одном из писем Фрейд превозносил себя до небес, в другом – ронял в самую грязь. Эти колебания настроения он испытывал не только в молодые годы, но и на протяжении долгих лет своей беспокойной жизни. Джонс писал:

«Сколь бы неприятной ни была эта мысль для почитателей героя, следует четко заявить, что Фрейд не всегда обладал теми спокойствием и внутренней уверенностью в себе, которые были столь характерны для него в те годы, когда он стал хорошо известен. Это следовало бы сказать в более резкой форме. Есть обширные свидетельства того, что в течение десяти лет или около этого – охватывающие приблизительно 90-е годы – Фрейд страдал от очень сильного психоневроза. ...Он показывал мало признаков невротических манифестаций окружающим его людям, за исключением Флисса. Тем не менее, его страдания временами были очень сильными, и в течение этих десяти лет жизнь редко радовала его. <...>

И всё же именно в эти годы, когда его невроз достиг крайнего предела (1897–1900), Фрейд выполнил свою самую творческую работу. Между двумя этими фактами существует несомненная связь. Невротические симптомы должны были являться одним из тех путей, по которым пытался выйти наружу бессознательный материал, и без такого прессы было бы сомнительно, чтобы Фрейд добился того прогресса, который имел у него место. Это тяжелый путь достижения этой скрытой сферы, но это все еще единственный путь в сферу бессознательного. Фрейд, конечно, осознавал наличие у себя невроза и несколько раз в переписке использовал это слово для описания своего состояния. У него, по-видимому, не наблюдалось каких-либо «конверсионных» физических симптомов, и позднее он, несомненно, классифицировал бы свой случай как истерию страха. Она в основном заключалась в крайних сменах настроения, и единственными пунктами, в которых локализовался этот страх, были его случавшиеся время от времени приступы боязни смерти (*Todesangst*) и тревога перед дальней дорогой (*Reisefieber*). В более поздней жизни он сохранил остатки *Reisefieber* и проявлял очень сильное беспокойство, как бы не опоздать на поезд, поэтому приезжал на вокзал задолго до отправления поезда.

Изменения настроения наблюдались между периодами приподнятого настроения, возбуждения и уверенности в себе, с одной стороны, и периодами тяжелой депрессии, сомнений и внутренних запретов – с другой. Во время своих депрессивных состояний духа он не мог ни писать, ни концентрироваться на своих мыслях (за исключением того времени, когда он выполнял свою профессиональную работу). Тогда он проводил часы досуга, ощущая чрезмерную скуку, переходя от одного занятия к другому, разрезая книжные листы, рассматривая картины Древней Помпеи, раскладывая пасьянс или играя в шахматы, – но не мог сосредоточиться на чем-либо длительное время – состояние беспокойного паралича. Иногда имели место приступы, когда сознание значительно суживалось: состояние, которое трудно описать, с такой пеленой, которая вызывала почти сумеречное состояние рассудка».

Здесь нужно также принять во внимание, что информация, касающаяся раннего периода творчества Фрейда, практически отсутствует. Какая-то малая ее часть намеренно скрывается, но большая часть была просто уничтожена Фрейдом. Это мы узнаем из книги Эрнеста Джонса (1879–1958) «Жизнь и творения Зигмунда Фрейда». Автор был не только биографом, но и ближайшим другом и соратником Фрейда, который в тридцатилетней совместной работе проводил (главным образом, в США) психоаналитическую теорию и практику в жизнь. После смерти своего кумира он стал доверенным лицом семьи Фрейда, хранителем его архива и автором отлакированной биографии ученого. То, что он нам сейчас рассказал и прокомментировал в духе психоанализа, было подвергнуто тщательной цензуре. В приведенном отрывке не сказано главного: описанное заболевание было вызвано в основном избыточным потреблением кокаина. Неудача следовала за неудачей, и чувствительный к ударам судьбы Фрейд нашел в нем утешение. Именно под действием наркотика, вызывающего галлюцинации, в период 1897–1900 гг. он написал свой основополагающий труд по ψ -анализу – «Голкование сновидений».

Всё, что там изложено, написано больным человеком в моменты сильной интоксикации кокаином, когда наступает галлюциногенная эйфорическая фаза. Если начать непредвзято читать эту книгу, то ничего научного мы в ней не найдем. Ее страницы покрыты путаными фантазиями странных людей и малоубедительными комментариями автора, который стремился найти смысл там, где обнаружить его невозможно. Главным персонажем книги является сам автор, который поделился с читателями содержанием своих сорока с лишним снов. В них он продемонстрировал что-то наподобие душевного стриптиза. Чтобы произвести ошарашивающий эффект, Фрейд показал в себе не только «человеческое, слишком человеческое», как говорил Ницше, но и приукрасил различными мерзопакостными подробностями. Он нарочно изображал себя гадким мальчиком, который должен будет искупить свой эдипов комплекс во взрослом состоянии в форме страшных кошмаров.

К кокаину он пристрастился в 1884 г. и сначала потреблял его в умеренных дозах; затем наступило привыкание. Обо всем этом Джонс не имел права говорить, как он выразился, «в более резкой форме». Гротьян и Шайдт в статье «Фрейд в зеркале биографов» писали:

«Джонс, к сожалению, смешивает личные воспоминания со строгими, объективными описаниями жизни Фрейда. К тому же он находился под сильным влиянием своего «предмета» и слишком пристрастен, пусть даже и в позитивном смысле. Это заходит настолько далеко, что он явно утаивает тот материал, который способен омрачить безупречный образ Фрейда как человека и ученого. 28 апреля 1952 г. он пишет Зигфриду Бернфельду: *«Вот это была компания – Мейнерт пил, Флейшль был жалким морфинистом, и боюсь, что Фрейд принимал больше чем нужно кокаина, хотя я об этом и не упоминаю»*. В первом томе своего труда он всё же пишет об «истории с кокаином», но в гораздо более мягкой форме».

Фрейдовед Пол Феррис сообщает:

«Долгое время после смерти Фрейда его дочь Анна, хранительница памяти о нем, просила друзей не говорить об истории с кокаином. Эрнест Джонс писал об этой привычке Фрейда, но преуменьшил ее масштабы. В личном письме Джеймсу Стрейчи, переводчику Фрейда, он писал в 1952 году: *«То, как Фрейд навязывал всем кокаин, должно быть, делало его настоящей угрозой для здоровья людей... Его интересовали только чудесные свойства вещества, которое он сам принимал в слишком больших количествах»*».

Наследники Фрейда наложили запрет на огромное число письменных документов, освещающих личную жизнь первого психоаналитика, в частности на дневник Марии Бонапарт. Что касается самого Фрейда, то он, ограничившись написанием небольшой и очень неглубокой «Автобиографии» (1925, с дополнением в 1935), просил избавить его от серьезных исследований в отношении своей персоны. Особенно он не хотел, чтобы люди знали о начале карьеры, когда произошел его переход от рациональной науки к спекулятивной. Обычно для отвода глаз он говорил, что написание биографий – дело обреченное. В письме от 31 мая 1935 г. к Арнольду Цвейгу, вызвавшемуся написать его биографию, он отмечал:

«Став биографом, человек обрекает себя на ложь, утаивание, мошенничество, заглаживание и даже на прикрытие собственного непонимания, поскольку истины в биографическом сочинении добиться невозможно, а если бы это удалось, биография оказалась бы никуда не годной. Истина недоступна, люди ее не заслужили, и вообще, разве наш принц Гамлет не прав, говоря: если б с каждым обращались по заслугам, кто бы избежал порки?»

Кремериус в 1971 г. замечает: *«Зигмунд Фрейд – великий скрытник»*. В 1951 г. Бернфельд уточняет: *«Особенно он был скрытен в любовных вещах»*. В частных беседах Фрейд говорил, что биографы стремятся дать прежде всего образцы поведения, поэтому нередко безбожно врут и скрывают истину о своих героях. Этим якобы и объясняется его отказ давать какие-либо сведения о своей личной жизни. Однако эта отговорка является лишь ширмой; кто знает яйность Фрейда, легко это почувствует. Он собственноручно уничтожил сотни документов раннего

периода, прекрасно понимая, что его поступки и творческие начинания произведут на публику не самое благоприятное впечатление. По словам Фрейда, он осуществил две большие чистки своего архива – в апреле 1885 г. и в апреле 1908 г., когда он переоборудовал кабинет на улице Берггассе, 19. Из письма к невесте 1885 г.:

«Я только что осуществил решение, о котором одна разновидность людей, пока еще не родившихся, будет остро сожалеть как о несчастье. Так как ты не сможешь догадаться, кого я имею в виду, я скажу тебе: это мои будущие биографы. Я уничтожил все свои дневники за последние 14 лет, с письмами, научными записями и рукописями своих публикаций. Были оставлены лишь семейные письма. Твои письма, моя дорогая, никогда не были в подобной опасности. Все мои старые друзья и приятели снова прошли перед моим взором и молчаливо встретили свою кончину (мои мысли до сих пор заняты историей России); все мои представления и чувства о мире в целом, и в особенности постольку, поскольку это касается меня, были признаны недостойными выживания. Теперь их необходимо все заново передумать. И я набросал их великое множество. Но их количество чуть не накрыло меня с головой, как песок Сфинкса, и вскоре лишь мой нос виднелся из-под кипы бумаги. Я не мог жить здесь и не мог умереть, пока не освободил себя от беспокоящей мысли о том, к кому могут попасть мои старые бумаги. Кроме того, всё, что произошло до основного события в моей жизни, до нашей встречи и моего выбора, я оставил в прошлом: всё это давно уже мертво, и я не мог отказать этому прошлому в почетных похоронах. Пусть нервничают биографы, мы не сделаем их задачу слишком легкой. Пусть каждый из них будет уверен в своей правоте, в собственной «Концепции развития героя»: даже теперь я испытываю удовольствие при мысли о том, как все они будут заблуждаться».

Фрейд на психоаналитическом конгрессе в Гааге, 1920 (из фондов библиотеки Конгресса, США). Отец-основатель психоанализа был угрюмым, редко улыбающимся, а тем более смеющимся человеком. Прежде чем сделать фото, он просил дать ему время для сосредоточения, чтобы выражение лица не было столь мрачным. Однако плохое расположение духа он скрывал с трудом.

Это письмо, помимо констатации факта, демонстрирует чрезвычайное высокомерие. Еще не сделав ничего выдающегося, Фрейд был уверен, что его биографией непременно заинтересуются историки науки и что он, как знаменитый ученый, будет представлять исключительную ценность для человечества. Поэтому он просил бережно сохранять всё, что будет когда-либо написано или сделано им. Будучи стопроцентно уверен, что он станет великим человеком, 17-летний Зиги писал своему другу: *«Рекомендую тебе сохранять все мои письма, складывать их и беречь – заранее никогда не знаешь, что произойдет»*. Но иногда ему делалось стыдно за свои необдуманные поступки, за бессмысленно прожитые годы, и он тщательно уничтожал все следы своего пребывания на земле. Сделавшись известным, Фрейд не хотел рассказывать, как ему удалось этого достичь. Когда Векслер, создатель теста на определение коэффициента умственного развития, попросил Фрейда передать его рукописное наследие в Еврейский университет в Иерусалиме, тот в длинном кокетливом письме отвечал: *«Для меня они не представляют никакой ценности... Обычно я их просто выбрасываю в корзину для бумаг...»* Однако рукописи он так и не передал; его архив сейчас находится в Лондоне и Нью-Йорке.

Здесь Фрейд можно было понять: он не хотел передавать самое дорогое, что у него было, неизвестно кому. Он придавал слишком большое значение официальному признанию, которое часто проявлялось каким-то подчеркнутым безразличием. Но когда к нему обращались, он, как и в этом письме к Векслеру, начинал долго и жеманно объяснять, что внимание к его персоне совершенно излишне, что ему претит слава, что хранить после него вещи – сущий бред. Он мог с напускной сердитостью выговаривать сумасшедшей дамочке, охотнице за автографами знаменитостей, что-нибудь вроде: просьбу Вашу выполняю, но помните, милочка, *«получить автограф, подобный тому, что вложен в этот конверт, обычно очень трудно»*. На самом же деле Фрейду было чрезвычайно лестно слышать, что его бумаги так высоко ценятся, но он делал вид, что они его мало волнуют. Набив столько шишек и стерпев столько унижений в молодости, он на старости лет особенно беспокоился за свою репутацию. Об этом желании знали его родные и близкие, которые долгое время не предпринимали никаких попыток рассказать о нем правду. Но сокрытие биографии популярнейшей личности обещало вылиться в грандиозный скандал. Дальше продолжаться так не могло, тем более что отдельные эпизоды его отнюдь не образцовой биографии стали известны широкой публике, которая ждала разъяснений. Под давлением общественности Джонс на склоне лет согласился написать о «Жизни и деятельности Зигмунда Фрейда» в трех книгах, изданных в 1953–1957 гг.

Эрнест Джонс, английский психоаналитик, соратник и биограф Фрейда, член «Комитета носителей колец». Этот тайный Комитет играл в психоаналитическом движении такую же роль, как Политбюро в КПСС.

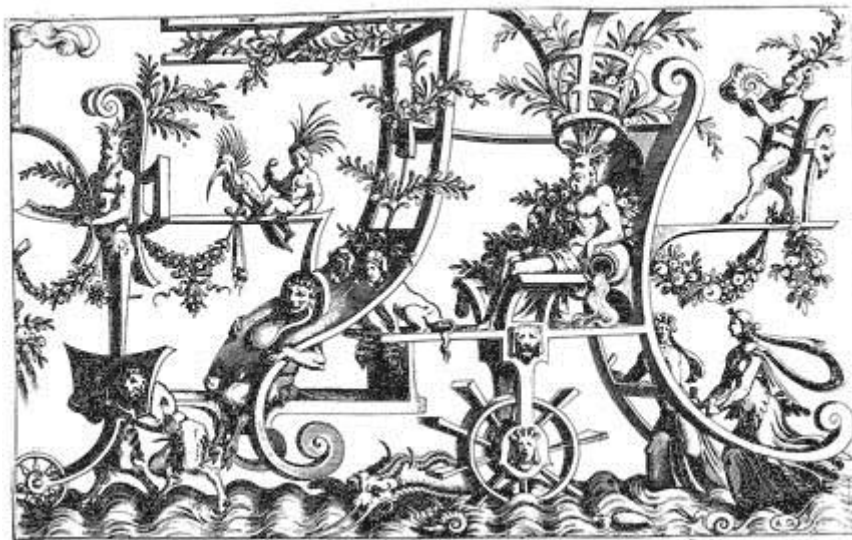
Автор этой биографии боготворил своего учителя, так как, по его мнению, Фрейд, *«без сомнения, является тем человеком, чья интуиция была намного более могучая, чем у обычного человека»*. Он не понимал, какой вред тот принес истинной науке своей иррациональной и во многих отношениях аморальной деятельностью. Это и понятно: во-первых, Джонс сам был убежденным психоаналитиком, а во-вторых, его моральный облик тоже был небезупречен, поэтому он либо закрывал глаза на многие неблагоприятные поступки Фрейда, либо просто не замечал их. Известно, что в 1906 г. Джонс работал при совете Лондонского графства, где проводил опрос 13-летних девочек из школы для умственно отсталых детей. После этого опроса ему было предъявлено обвинение со стороны родителей двух девочек, которые рассказали, как именно Джонс с ними «беседовал». В то время врачи-неврологи имели обыкновение осматривать своих пациентов совершенно обнаженными. Часто задаваемым вопросом у психоаналитиков был: «А не занимаетесь ли Вы мастурбацией?» Понятно, что такой осмотр и такие вопросы порождали ряд проблем, поскольку зрелые женщины и особенно девушки, иногда не без основания, расценивали это как сексуальное домогательство.

Как бы там ни было, разразился скандал. Правда, детали «серьезного обвинения против врача», как писали тогдашние газеты, остались неизвестными. Осуждения Джонс избежал, поскольку он и его адвокат на основе теории Фрейда сумели доказать, что девочки просто изложили родителям свои «сексуальные фантазии». Адвокат убедил суд, что сочинительство подобных историй «с яркими иллюстрациями» для подростков дело обычное. Между тем похожая история, но уже с 10-летней девочкой, случилась с Джонсом в 1908 г. и закончилась его увольнением с работы. После этого он покинул Англию и поселился в Канаде. Четыре года он отсиживался в Торонто, где «погодные условия» и «общественные настроения» были ему «противны». Между тем Фрейду он рассказывал, что личный сексуальный опыт он впервые приобрел в возрасте семи лет и что его «всегда интересовали вопросы секса».

Одно время Джонс чуть было не женился на дочери Фрейда, Анне, но отец, узнав об этом, решительно воспрепятствовал браку с человеком, который имел столь подмоченную репутацию. Однако он ценил деловые качества Джонса, особенно, что касается пропаганды психоанализа. Джонс входил в ближайшее окружение Фрейда, и между ними существовало полное взаимное доверие. В предисловии к биографии Джонс писал:

«Мое уважение и восхищение как личностью, так и огромным достижением Фрейда было чрезвычайно сильным, мои собственные склонности к обожествлению героев уже проложили себе дорогу до моей встречи с Фрейдом».

Поэтому, вопреки своему обещанию *«не делать из него какой-то далекий от жизни идеализированный образ»*, он, конечно, сделал всё, чтобы его учитель выглядел максимально привлекательно. Многие факты биограф утаил, исказил или неверно интерпретировал. Несмотря на очевидную пристрастность изложенных в ней событий, Джонс был, пожалуй, самым информированным человеком в вопросах личной жизни Фрейда. Поэтому его тенденциозное жизнеописание до сих пор остается наиболее авторитетным и цитируемым изданием. Естественно, изложенные там события нужно брать с соответствующей поправкой на субъективную, сильно завышенную и, по сути, глубоко ошибочную оценку автора. Тот, кто не сделает этого, получит превратное представление об австрийском кудеснике.

Глава 3. Психофизика XIX столетия

Удод: Подождите, пожалуйста, уважаемый Скептик. По-моему, Зигмунд Фрейд может служить образцовым примером реализации своей самости. Он поставил перед собой достойную цель и неуклонно стремился к ней, не обращая внимания на своих злопыхателей. Возможно, какие-то сообщенные Вами данные и имели место, но для того, чтобы судить о человеке максимально объективно, нужно, во-первых, дать тот научный фон, на котором он творил; во-вторых, привести полную информацию о характере личности и деятельности ученого; в-третьих, тщательно проанализировать его сочинения и понять теоретические принципы его учения. Вы же привели какие-то отрывочные сведения, которые мало характеризуют Фрейда как человека и

ученого. Я сейчас скажу несколько слов о самых первых шагах Фрейда, а потом попытаюсь кратко охарактеризовать состояние психофизической науки на тот период времени.

Итак, Фрейд родился 6 мая 1856 г. во Фрайберге – крохотном городке Моравской области, в котором проживало 4,5 тыс. человек, в основном чехов. Четыре века область находилась под властью Габсбургов и составляла часть Австро-Венгерской империи. После Первой мировой войны она вошла в состав Чехии, и Фрайберг переименовали в Пршибор. Зигмунд, или уменьшительно Зиги, был первенцем, и мать любила его больше всех из своих детей. Она постоянно говорила ему, что он непременно добьется великих успехов в жизни и будет знаменитым – так предсказали ей, не сговариваясь, две гадалки. В 1860 г. семья переехала в Вену, в которой Фрейд прожил 78 лет. Накануне Второй мировой войны он покинул столицу Австрии и поселился в Лондоне, где и умер 23 сентября 1939 г. будучи одним из самых знаменитых людей планеты.

Проучившись с 1865 по 1873 гг. в местной гимназии, он закончил ее с отличием, проявив незаурядные способности к литературе и иностранным языкам. Усвоению языков способствовала прекрасная память. Лекции он читал даже в 60-летнем возрасте без бумажки, полагаясь лишь на свою отменную ассоциативную память. Кроме родного немецкого, он хорошо владел древнегреческим, латинским, английским и французским языками, а также изучал древнееврейский, итальянский и испанский языки. Произведения Гомера, Платона, Софокла, Вергилия, Данте, Шекспира, Сервантеса Фрейд читал в оригинале. Книги выходили из-под его пера интересными и пользовались неизменным спросом во все времена и во всем мире. В «Очерках по истерии» (1895) Фрейд замечает: *«мне самому кажется странным, что истории болезни, которые я пишу, читаются как новеллы»*.

Фрейд отослал Эйнштейну свою последнюю книгу «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939). В письме от 4 мая 1939 г. Эйнштейн, восхищаясь языком 83-летнего старца, отвечал:

«Ваша книга, как и все Ваши произведения, в особенности изумляет меня со стилистической точки зрения. Я не знаю среди современников никого, кто бы мог так мастерски излагать свой материал на немецком языке».

Писал Фрейд быстро, легко и гладко, владея одновременно и правильным и самобытным стилем. Имел сочный образный язык, сравнимый с выразительным языком Гете. Чтобы дать почувствовать его стиль, приведу одну лишь фразу: *«Сегодня я сделал перевязку, встал с постели и зачихнул всё, что от меня осталось, в свою одежду»*. Это написано, когда Фрейда беспокоила рана после удаления ракового очага на челюсти. Собрание его трудов вместе с комментариями, опубликованное в Лондоне с 1953 по 1974 гг. под редакцией Джеймса Стрейчи, образует 24 тома.

На медицинское отделение Венского университета Фрейд был зачислен в год окончания гимназии. Там он наряду с философией и другими гуманитарными науками изучал химию, биологию, физиологию и анатомию животных и человека. Как рассказывают многочисленные поклонники его одаренного ума, именно во время учебы в университете он приобрел навыки рационального, подлинно научного мышления. В 1876 г. под присмотром профессора Карла Клауса он выполнил первое самостоятельное исследование, связанное с размножением угрей. За два года до этого в университете угрями серьезно занимался доктор Сирский, который описал крохотный орган, являющийся, по его мнению, семенниками угря. Студенту предложили повторить исследования ученого и выступить с докладом. Препарированием угрей, а также акул и скатов Фрейд занимался в Триесте, что на побережье Адриатического моря. Этот прекрасный портовый город был итальянским по духу, но принадлежал Австро-Венгерской империи. Карл Клаус, интересующийся проблемой гермафродитизма у низших животных, организовал там небольшую зоологическую станцию для изучения богатой морской фауны. Молодой Зигмунд побывал дважды на берегах чудесного Венецианского залива, с нетерпением ждал рыбацкие шхуны с корзинами рыбы и прочими дарами моря для своих анатомических изысканий. За проявленный энтузиазм по вспарыванию животов у нескольких сот угрей и поиску у них органов размножения командированный студент удостоился похвалы руководителя.

После завершения учебы по базовым университетским курсам с 1877 г. Фрейд поступает на стажировку в Физиологический институт Эрнста Брюкке (1819–1892), чей курс «Физиология голоса и речи» он прослушал в университете и который теперь поручил ему исследовать нервные окончания в позвоночнике речной миноги. До него этой проблемой занимался Рейснер, который

обнаружил клетки, служившие, по его мнению, нервными окончаниями. Вопрос нуждался в дополнительных исследованиях.

Летом 1878 г. Зигмунд вместе со своим шефом опубликовал 86-страничный отчет «Спинные ганглии и мозг *Petromyzon*» в солидном академическом «Бюллетене». Следующей темой исследования, поставленной ему Брюкке, была нервная система речных раков. Фрейд энергично набрасывается и на нее. Его научный руководитель Брюкке хорошо относился к старательному и исполнительному студенту, стремящемуся всячески зарекомендовать себя с самой лестной стороны. Поэтому он в 1878 и 1879 гг. помог ему получить крупные денежные выплаты от еврейского фонда помощи бедным и материально нуждающимся, который требовал от соискателя стипендии прохождения долгой и унижительной процедуры; студент, слава Богу, избежал их.

Под неусыпным оком Брюкке студент Фрейд целыми днями напролет просиживал за столом и, глядя в окуляр микроскопа, изучал нервные волокна. Этот оптический прибор вместе со скальпелем для препарирования мозговой и нервной ткани был его главным инструментом. Зигмунд готовился стать профессиональным гистологом, который как никто другой должен обладать материалистическим мировоззрением и эмпирической методологией. Первостепенными задачами, поставленными перед ним Брюкке, были: изучение морфологии органической ткани вообще и нервной в частности, исследование на клеточном уровне взаимодействия различных тканей между собой и анализ на эмбриональном уровне развития низшей ткани в высшую.

Брюкке в своих исследованиях прочно стоял на физике и химии. Если биологические механизмы не находили своего объяснения в рамках этих опытных наук, значит, говорил он, сведений для их адекватного понимания собрано еще недостаточно. Он был уверен, что мозг и нервы какого-нибудь моллюска отличается от мозга и нервов человека только в количественном отношении и в степени сложности систем; материал же, из которого они сделаны, ничем принципиально не отличается, а это значит, что их надо изучать сходными физико-химическими методами. Брюкке никогда бы не ввел в свою модель физиологических процессов какую-либо идеальную субстанцию, с помощью которой можно было бы объяснять поведение человека. Этот ученый вместе со своими сподвижниками немало сделал для того, чтобы вырвать биологию, физиологию и неврологию из тисков спекулятивной психологии и философии витализма. Исследователи с подобным складом ума не слишком доверяли даже психиатрии, поскольку понятие «психеи» было для них источником заблуждений и ошибок, допущенных в прошлом. Настоящая же наука о человеке появилась только благодаря их усилиям, когда ученые отбросили всякое представление о «душе».

Брюкке вместе с Карлом Людвигом (1816–1895), Эмилем Дюбуа-Реймоном (1818–1896) и Германом Гельмгольцем (1821–1894) закладывали основы физиологии и гистологии. Все они вышли из Берлинской школы физиологов, которую возглавлял Иоганн Мюллер (1801–1858). Основным интересом Мюллера была сравнительная физиология. Он опубликовал двухтомное «Руководство к физиологии человека» (1833), которое послужило введением к еще более обширному сочинению – «Сравнительной биологии». Первоначально он, как и многие ученые того времени, придерживался виталистических взглядов, но постепенно пришел к мысли, что живой организм не нуждается в посторонней живительной или духовной субстанции, поскольку всю необходимую энергию он может черпать из неживой природы путем химических реакций и физиологических процессов. Эту свою убежденность он стремился передать многочисленным ученикам. Мюллер говорил им, что еще многое неизвестно, но он уверен, что все биологические и психические процессы удастся объяснить с помощью механических моделей. При «критическом сравнении» физиологии и анатомии низших и высших организмов он заметил, как нарастает сложность организма, как расширяются его возможности. Материалистическое учение Мюллера затрагивало обширную область биологии, которая после его смерти распалась на несколько самостоятельных наук, как то: анатомия и физиология человека, сравнительная анатомия и физиология, эмбриональная анатомия и физиология, патологическая анатомия и физиология.

Мюллер придерживался атомарного строения материи, поэтому он с радостью поддержал своего коллегу Теодора Шванна (1810–1882), который разрабатывал вместе со Маттиасом Якобом Шлейденом (1804–1881), ботаником из Иены, клеточную теорию животных и растений. Шлейден написал труд «Микроскопические изыскания относительно тождества строения животных и растений» (1839). В этом заголовке указано основное теоретическое положение тогдашней биологической мысли: однотипное строение животных и растений. Идеи Шванна по многочисленным каналам, которые расходились по всей Европе от берлинской школы Мюллера,

быстро распространились и овладели умами передовых физиологов. Появилась «целлюлярная физиология», оперирующая независимыми «элементарными организмами».

На волне всеобщего энтузиазма биолог и философ Эрнст Геккель (1834–1919) в 1866 г. предложил «теорию клеточной души», которая представляла собой материальную плазму, находившуюся вместе с прото- и цитоплазмой клеточного вещества. Этим путем он пытался разделаться с витализмом. Борьба между виталистами и материалистами была самой жесточенной и продолжительной. Психология оказалась камнем преткновения, и во времена Фрейда она была далека от своего окончательного решения: одни верили в идеальную субстанцию души, другие считали ее производной от материальной физиологии. Чтобы понять место психоанализа в системе естественных и гуманитарных наук, нужно обратиться к истории психофизики и рассмотреть ее более детально.

Наиболее заметной фигурой после смерти Мюллера был Густав Теодор Фехнер (1801–1887), который тоже повел решительную борьбу с виталистами. Обычно, называя имя Фехнера, вспоминают об одноименном законе психофизики. Действительно, Фехнер хорошо разобрался в математике и придал открытой Эрнстом Генрихом Вебером (1795–1878) закономерности математический вид. Закон Фехнера–Вебера звучит так: рост интенсивности ощущения в арифметической прогрессии требует увеличения силы физического раздражителя в геометрической прогрессии. Существует и другая формулировка данного закона: ощущение пропорционально логарифму раздражения (вот почему шкала силы звука проградуирована в децибелах). Фехнер был математиком и экспериментатором, т.е. сторонником точного и опытного знания. Точными и опытными методами Фехнер исследовал эстетические объекты, которые и сегодня трудно оценить в количественном отношении. Однако он постоянно говорил о замене подхода «сверху вниз» подходом «снизу вверх». Любые объекты, говорил он, могут быть уложены в естественную классификацию наподобие системы Линнея. Независимо от того, являются ли объекты продуктом природы или человека, они распределяются в соответствии с организационной (эволюционной) шкалой. Он с большим воодушевлением поддержал эволюционное учение Дарвина.

Фехнер пытался исследовать произведения изобразительного искусства методами, которые потом легли в основание гештальтпсихологии. Для этих целей он собрал коллекцию картин из 20 тысяч живописных полотен, чтобы исследовать их статистическими приемами. Правда, несмотря на немалые усилия, большого успеха он не добился. Когда ему указывали на ничтожность полученных результатов, он говорил: «Делаю, что могу, но я уверен, что и эстетика станет математикой». В своих «Элементах психофизики» (1860) Фехнер развил космологическое учение, проникнутое желанием отыскать количественные параметры для субъективных оценок эстетических объектов. На это у него были веские основания. Например, он обнаружил, что изменения в яркости света или цветового тона становятся особенно заметными, когда величины изменяются не плавно, а дискретно. Он стал исследовать квантовые эффекты, пороги чувствительности и ширину диапазона восприятия, что привело к сильному ослаблению зрения. Работая над восприятием зрительных образов, Фехнер обнаружил стробоскопический эффект, а также мультипликативный эффект, который потом лег в основу кинематографического изображения.

Он говорил о единстве и тесном переплетении души и тела, живой и неживой природы, что приводит к некоему принципу дополнительности, который много позже сформулировал Нильс Бор. Всякое психическое явление, по мнению Фехнера, имеет физическое соответствие, и наоборот. Подобно закону сохранения энергии, действующему в материальном мире, существует аналогичный закон сохранения психической энергии: мы испытываем столько же боли, сколько и наслаждения; сумма положительных эмоций равна сумме отрицательных. Закон сохранения с некоторыми оговорками распространялся им на волю, мышление и, вообще, на весь материальный и психический космос. Позже эти идеи широко использовали многие психологи, независимо от их виталистической или материалистической ориентации. Психологическим эквивалентом закона сохранения является принцип снятия напряжения.

По Фехнеру, психическое обнаруживает себя со стороны сознания, в процессе интроспекции, это – взгляд изнутри; физиологическое изучается как объект физики и химии, это – взгляд извне. Принципы единства и дополнения Фехнер иллюстрировал весьма наглядным примером. Различие между психическим и физическим миром он сравнивал с внешней и внутренней поверхностью сферы: эти поверхности воспринимаются человеком по-разному, если смотреть на них снаружи и изнутри сферы, однако с точки зрения геометрии, говорил он, это одна и та же поверхность.

Фехнер вместе с Мюллером задали физико-химическое направление в биологии, а их ученики продолжили эту линию. Такой взгляд на мир стал возможен благодаря философии материализма, решительно выступившей против засилья гегелевского идеализма. Глашатаем этого нового мировоззрения выступил врач и философ Людвиг Бюхнер (1824–1899), поклонник философии Фейербаха и Кабаниса (1757–1808).

«Наука, – писал Бюхнер, – постепенно устанавливает те факты, которым подчиняется существование макро- и микромира, их происхождение, жизнь и смерть, механические законы, присущие самим вещам, отбрасывая любого рода супранатурализм и идеализм в объяснении природных явлений».

Супранатурализм – гегелевское направление мысли, допускающее сверхъестественную действительность в виде Абсолютного духа. Идеализм всегда подразумевал основание, цель или план развития, пребывающие где-то вне природы, т.е. он является теологическим или, по крайней мере, телеологическим учением. В рамках этого учения материя выступает в качестве инертной массы, которую приводит в действие дух или любая другая виталистическая сила. В отличие от идеализма, материализм опирается на активную материю и самодостаточный механицизм, подчиняющийся законам, согласованность которых создает у человека впечатление разумности окружающего мира.

Материалистические идеи экспортировались в Германию, главным образом, из Франции. Одному из глашатаев этого мировоззрения – Кабанису – Конвент поручил выяснить, испытывает ли человек боль при отрубании головы на гильотине. В результате проведенных исследований Кабанис доложил Конвенту, что гильотина является вполне «гуманным» орудием убийства, так как человек от нее не испытывает никаких страданий. Движение век и губ у отрубленной головы является рефлекторным и не осознается уже мертвым мозгом. Кабанис различал три уровня психических действий: рефлекторное, полусознательное и сознательное, которые были скоординированы следующим образом. При отказе высшей функции низшая функция начинает действовать самостоятельно. Так, например, человек может совершать пешую прогулку, совершенно не задумываясь, как ему следует передвигать ноги. Однако эта полусознательная деятельность оказывается вполне сознательной, когда человек останавливается перед лужей, которую требуется преодолеть. Рефлекторная же деятельность мозга относится к абсолютно бессознательному акту и не переходит в стадию осознания.

Чувствительность человека к окружающим раздражителям является зародышем его мышления. Первичные ощущения от предметов внешнего мира сначала трансформируются в идеальные представления, а на их основе, в свою очередь, возникают идеи. Кабанис считал, что нет никакой границы между высшими и низшими проявлениями психики. Он писал:

«Чтоб получить правильную идею о действиях, результатом которых является мысль, мы должны рассматривать мозг как особый орган, специально предназначенный для ее производства, так же как желудок и кишечник предназначены для пищеварения, печень – для очищения желчи, слюнные железы – для изготовления слюны. Впечатления, достигающие мозга, приводят его в деятельное состояние, подобно тому, как пищевые продукты, попадая в желудок, вызывают выделение в достаточном количестве желудочного сока и движения, благоприятствующие их растворению». Далее он продолжал: «Впечатления достигают мозга посредством нервов: в то время они еще изолированы и бессвязны. Мозг приходит в активное состояние; он начинает действовать и вскоре обращает их в идеи, которые получают внешнее выражение в языке мимики и жестов или в знаках слов и письма».

Бюхнер обеспечивал идеологическую поддержку таких смелых воззрений. Его главная идея звучала так: *«нет силы без материи, нет материи без силы»*. Это было эффективным инструментом борьбы с гегельянством, поддерживаемым государством и церковью. Гегелевская философия подразумевала присутствие разумного мирового духа. Сочинение Бюхнера «Сила и материя» разрушило эту точку зрения и помогло осознать многие естественно-научные факты, которые не укладывались в идеалистическую идеологию. Таким фактом, в частности, является синтез мочевины из аммиака (NH_3) и двуокиси углерода (CO_2), осуществленный в 1828 г. замечательным немецким химиком и врачом Фридрихом Вёлером (1800–1882). Мочевина – обыкновенное минеральное соединение $(\text{NH}_2)_2\text{CO}$, открытое еще в 1773 г. И.М. Руэлем. Она является конечным продуктом белкового обмена у большинства позвоночных животных,

включая человека, образуется в печени и выводится с мочой в орнитинном цикле, обеспечивающим вывод аммиака из живых организмов.

Данное открытие ликвидировало бездонную пропасть между риторикой идеального духа, каковой представлялась душа человека, и обыкновенной лабораторной риторикой, находящейся на службе у химиков. Синтез мочевины позволил Карлу Фохту (1817–1895) в его «Физиологических письмах» повторить знаменитую фразу Кабаниса: «Мозг выделяет мысль подобно тому, как печень выделяет желчь». Сочинение Фохта «Вера угольщика и наука» и сочинения Бюхнера утвердили в Германии механистический взгляд на жизненные процессы. Для обоих авторов важно было найти объяснение не столько даже с материалистической, сколько с монистической точки зрения, т.е. в своих теориях они постарались обойтись без введения дополнительных субстанций в виде души и духа.

Традиционно, еще со времен алхимии, в Германии была хорошо развита экспериментальная химия. Выдающимся практиком, построившим прекрасную химическую лабораторию, был Юстус Либих (1803–1873). Он родился в Дармштадте, где еще мальчиком начал экспериментировать в аптечной лавке отца. Затем он учился в Боннском и Эрлангенском университетах. По рекомендации Вильгельма Гумбольдта 19-летний Либих уезжает на стажировку в Париж, в лабораторию Гей-Люссака. С согласия того же Гумбольдта 24-летний Либих получает кафедру химии в Гиссене, где преподает и занимается исследовательской работой почти 30 лет. В дальнейшем он работает в Мюнхене.

Либих создал великолепную школу химиков, в которой получил бесценный опыт и Фридрих Вёлер. Они были дружны и поставили большое количество опытов. После синтеза мочевины они изучали свойства мочевой кислоты и ее производных. Одним из важнейших научных направлений, которым интересовались Либих и Вёлер, была изомерия органических соединений. Результатом их исследований явилась совместная работа «О радикале бензойной кислоты», где они исправили формулу Берцелиуса $C_{15}H_{14}O_4$ на $C_{14}H_{12}O_4$ на основе теории об изомерии (современная формула имеет вид $C_7H_6O_2$ и соответствует уменьшенному значению атомного веса молекулы ровно в 2 раза по всем входящим атомам). Они также установили правильную формулу бензойного альдегида (C_7H_6O) и внесли неоценимый вклад в теорию радикалов. В 1837 г. Либих и Вёлер вместе с Поггендорфом начали издавать «Словарь по чистой и прикладной химии», а с 1839 г. – «Летописи химии и фармации». Либих одним из первых стал применять достижения химии в сельском хозяйстве, физиологии и патологии. Он изготавливал удобрения для растений и питательные смеси для животных.

Его перу принадлежат такие книги, как «Химия в приложении к земледелию и физиологии» (1840), «Животная химия, или органическая химия в ее приложении к физиологии и патологии» (1842), «Химический процесс питания растений и законы природы в земледелии» (1862). В первой из перечисленных работ автор утверждал:

«Навоз, испражнения животных и людей оказывают на жизнь растения влияние, которое обязано не их органическим компонентам, но, хотя и не прямо, продуктам их разложения и гниения, а именно результату превращения их углерода в угольную кислоту и их азота – в аммиак и азотную кислоту. Органическое удобрение, состоящее частично или преимущественно из растений и животных, заменяется неорганическими соединениями, на которые оно распадается в почве».

За химическими достижениями последовали не менее впечатляющие открытия в области, как тогда говорили, «моральной статистики». Бельгийский математик и философ-позитивист Ламбер Адольф Жак Кетле (1796–1874) сначала обратил внимание на устойчивые закономерности в рождаемости и смертности населения. Потом он подверг статистическим исследованиям преступность, где также обнаружил определенные закономерности роста и падения по каждому из видов правонарушений. В 1835 г. он писал:

«Во всем, что касается количества преступлений, мы видим, с каким безошибочным постоянством повторяются всё те же числа. Это относится и к тем преступлениям, которые, казалось бы, совершенно не поддаются человеческому предвидению, например убийствам».

Данные открытия позволили совершенно иначе взглянуть на извечную проблему метафизики о так называемой «свободной воле». Ответ напрашивался сам собой: воля человека детерминирована социально-экономическими условиями. Этот вывод открыл широкие шлюзы для социально-политических течений типа марксизма.

Наряду с социологией, исследующей общество в целом, возникло множество психологических и антропологических теорий, изучающих индивидуального человека и претендующих на строгую научность своих выводов. Они рассматривали старую философию как «род поэзии», так что системы Гегеля и Шеллинга предлагалось просто игнорировать. *«Кто станет отвергать «Мессу» Палестрины или осуждать «Мадонну» Рафаэля как заблуждение?»* – задавался риторическим вопросом неокантианец Фридрих Альберт Ланге (1828–1875), провозгласивший вслед за Либманом лозунг «назад к Канту!» Ланге, автор «Истории материализма» (1866), отбросил метафизику Гегеля как бессмысленное творчество. *«Человеку требуется дополнять материальную действительность идеальным миром его собственного творения»*, – писал Ланге, вот Гегель и начал упражняться в этом искусстве. Гегельянство молча поддерживалось церковными кругами Германии и Европы в целом. Однако религиозный догмат тоже был существенно поколеблен критическими исследованиями библейских текстов. Появились вполне научные (насколько это допускал предмет исследования) биографии Иисуса Христа, написанные немцем Давидом Фридрихом Штраусом (1808–1874), англичанином Фредериком Фаррари (1812–1885) и французом Эрнестом Жозефом Ренаном (1823–1892). Последнему принадлежит также исследование истоков христианства.

Но открытия в области физиологии всё же были определяющими. Чего стоила только одна лягушачья лапка, которая дергалась под действием электрического разряда. Она поставила крест на многих философско-религиозных спорах по поводу сознания, души и целесообразных действий. Как сказал, не без сожаления, проповедник Дженкинсон: *«Лягушка с удаленным мозгом нанесла теологии настолько непоправимый урон, что его не сумели восполнить ученые теологи с неповрежденными мозгами»*. Еще задолго до этого были установлены продукты жизнедеятельности растений и животных – кислород и углекислый газ. Оказалось, что растения и животные в процессе метаболизма органично дополняют друг друга. Наиважнейшим выводом всей современной биологии является незыблемый постулат: все феномены жизни подчиняются законам физики и химии. После этого утверждения ни о каком компромиссе между религией и наукой не могло быть и речи.

В своих работах «Животное электричество» (1848), «О границах естественного познания» (1872), «Свобода науки и учения» (1878) президент Берлинской академии Эмиль Дюбуа-Реймон (1818–1896) решительно выступил против Рудольфа Вирхова (1821–1902), который позволил науке заниматься голыми фактами, *«объективным исследованием отдельных явлений природы»*, а все мировоззренческие выводы из них поручил делать церковникам. Церковь и государство, по мнению этого коллаборациониста, должны запрещать идеи философского характера, будоражащие умы людей и нарушающие общественное спокойствие.

Правда, этот реверанс в сторону церкви был сделан скорее в рамках либерально-политических взглядов Вирхова, который с 1884 г. возглавил «Партию свободомыслящих», чем из каких-то философских соображений (как и Ланге, метафизику он считал ложным мудрствованием). Тем не менее мы не должны перечеркивать величайшие заслуги Вирхова в деле развития клеточной теории Шлейдена и Шванна. Работая в Вюрцбурге с 1849 по 1856 г., он создал концепцию клеточной патологии, согласно которой болезнь отдельных органов и организма в целом наступает в результате микроскопических изменений в больных клетках. Изданный им в год смерти Иоганна Мюллера труд «Клеточная патология», поставил практическую медицину на качественно новый уровень. Он также издавал «Архив патологической анатомии», где помимо прочего размещал статьи по монистическому мировоззрению. Среди них выделялась работа под названием «Стремление к единству в научной медицине» (1849), идеи которой затем были дополнены и развиты в «Собраниях исследований по научной медицине» (1856). Здесь он борется против всякой «трансцендентности», которая не может быть подтверждена опытом, и всех форм антропологического дуализма.

«Я убежден, – писал он, – что никогда не окажусь в положении, в котором стану отречься от принципа единства человеческой природы и его следствий».

К сожалению, много позже, в 1877 г., на собрании естествоиспытателей в Мюнхене, когда он стал по большей части политиком, чем ученым, Вирхов прочел доклад о «Свободе науки в современном государстве», где заметно отошел от прежних материалистических позиций, чем навлек справедливые упреки естествоиспытателей.

Материалистическая точка зрения на мир установилась благодаря открытию двух законов: закона сохранения вещества, открытого в 1789 г. Антуаном Лораном Лавуазье (1743–1794), и закона сохранения силы (или постоянства энергии), открытого в 1842 г. Робертом Майером (1814–1878) и математически обоснованного в 1847 г. Германом Гельмгольцем (1821–1894). Гельмгольц распространил закон сохранения силы как на неорганические, так и органические процессы. Работа «О сохранении силы» заставила его заняться исследованиями процессов брожения и гниения. В соответствии с законом сохранения энергии, утверждал Гельмгольц, человек не может влиять на физико-химические процессы, происходящие в природе, так как человеческая сила воли не является частью системы сил, действующих в различных частях Вселенной. Вместе с тем закон сохранения силы вытекает из простого механистического положения о притяжении и отталкивании материальных частиц.

«Задача физического естествознания, – писал он во введении к трактату 1847 г., – заключается, в конце концов, в том, чтобы свести явления природы на неизменные силы притяжения и отталкивания, величина которых зависит от расстояния. Разрешимость этой задачи есть в то же время условие для возможности полного понимания природы».

В речи по случаю своего 70-летия Гельмгольц сказал, что, находясь под влиянием идей Иоганна Мюллера, которого одолевали сомнения в отношении «жизненных сил», он уже в студенческие годы решил спор не в пользу виталистов. Если бы они были правы, сказал Гельмгольц, то надо было бы признать существование в природе *perpetuum mobile*, в который не верили ни Бернулли, ни Даламбер, ни другие авторитетные естествоиспытатели прошлого века. «В моей книжке о сохранении силы, – говорил он, – я намеревался дать критическую оценку и систематику фактов сначала только физиологов». Но потом оказалось, что результаты его теоретических изысканий можно было распространять на все процессы, происходящие в природе. Чтобы принцип невозможности построения вечного двигателя выполнялся, необходимо принять положение, что «все действия в природе можно свести к силам притяжения и отталкивания», которые зависят, в свою очередь, лишь от пространственных взаимоотношений. Если принять атомарное строение вещества и любое движение рассматривать как механическое перемещение материальных частиц, то «при существовании любой произвольной комбинации тел невозможно из ничего непрерывно получать движущую силу». Или, другими словами: «количество работы, которое получается, когда система тел переходит из первого состояния во второе, и количество работы, которое затрачивается, когда система переходит из второго состояния в первое, всегда было одно и то же, каков бы ни был способ перехода, а также путь и скорость перехода». Таким образом, для виталистических сил здесь просто не осталось места. Одним из первых, кто оценил важность этих выводов, был Дюбуа-Реймон, которому Гельмгольц выразил слова признательности.

В 1887 г. Гельмгольц возглавил Физико-технический институт в Берлине, ставший впоследствии крупнейшим центром мировой науки. Еще в 1845 г. он создает Берлинское физическое общество. В 1848 г. он занимает должность профессора физиологии и общей патологии в Кенигсбергском университете, где проводит серию экспериментов по определению скорости передачи нервного импульса. Ему принадлежат многие открытия в области физиологической оптики и акустики. Он исследовал комбинационные тона, предложил резонансную теорию слуха, построил модель уха, развил теорию аккомодации глаза и цветного зрения, а в 1851 г. построил прибор для изучения глазного дна (офтальмоскоп). Кроме того, он занимался чисто физическими проблемами, например гидродинамикой вихрей. Гельмгольц был уверен, что электрический ток, который тогда представляли как поток жидкости, можно и нужно представлять в виде частиц. В 1881 г. в речи, посвященной памяти Фарадея, он говорил:

«Если применять эту гипотезу к электрическим процессам, то она, в соединении с законом Фарадея, приводит к поразительным следствиям. Если мы допускаем существование химических атомов, то мы принуждены заключить отсюда далее, что также и электричество, как положительное, так и отрицательное, разделяется на определенные элементарные количества, которые играют роль атомов электричества».

Это было сказано задолго до открытия электрона Дж. Дж. Томсоном, построившим также и его механическую модель. Атомарный, дискретный, модельно-конструктивный взгляд господствовал во всех сферах знания. Через механику воспринимались физиологические, невроло-

гические и психологические процессы, которые управлялись электрическими импульсами. Геккель и другие ученые, отстаивающие монистический взгляд на мир, вслед за Гельмгольцем уверовали в то, что когда-нибудь наступят благословенные времена, когда тончайшие переживания души удастся облечь в строгие математические формулы.

Конечно, Гельмгольц работал не один, а вместе с плеядой других замечательных естествоиспытателей. В частности, Дюбуа-Реймон разработал метод электрической стимуляции физиологических процессов, Пфлюгер установил закон действия постоянного тока на возбужденную ткань, Белл и Можанди определили, что дорсальные корешки спинного мозга состоят из центростремительных (чувствительных) нервных волокон, а вентральные – из центробежных (двигательных) волокон, т.е. они раскрыли механизм спинальной рефлекторной дуги, и т.д. Физиологический институт, где стажировался Фрейд, занимался разработкой нового для того времени направления – нейронной теории, которая в окончательном виде предстала в монографии Вальдейера 1891 г., где впервые использовалось понятие нейрона. Выдающимся теоретиком по генезису нервных клеток был Вильгельм Гис (1831–1904), который исследовал эту проблему на эмбрионах и предложил метод реконструкции строения зародыша. Многие для развития невропатологии было сделано швейцарским психиатром Огюстом Форелем (1848–1931), который занимался не только изучением анатомии, физиологии и клиники заболеваний центральной нервной системы, но также вел активную борьбу с алкоголизмом, венерическими болезнями и проституцией. В 1905 г. вышел его знаменитый труд по сексопатологии «Половой вопрос». Позднее он увлекся энтомологией и написал труд в пяти томах «Социальная жизнь муравьев» (1921–1923). Все перечисленные выше ученые узаконили принцип, согласно которому в науке имеют право на существование только точно установленные истины.

Во второй половине XIX в. физиология не только не признавала существование души человека в ее религиозно-идеалистическом понимании, но исключала всякую телеологическую трактовку, основанную на эфемерных намерениях или устремлениях так называемой свободной воли. Считалось, что человек – продукт эволюции животного мира. Его нервная система является естественным развитием нервной системы приматов, которые, в свою очередь, унаследовали свои поведенческие признаки от более примитивных организмов. Это – результат эволюции органического мира. Суть теории Чарльза Дарвина (1809–1882) состоит в том, что изменение биологического вида происходит за счет естественного отбора в борьбе за существование. Таким образом, направленность эволюционного процесса, т.е. прогрессивное усложнение структуры и функций живых организмов, происходит не под действием некой виталистической силы, а под действием случайных мутаций, полового размножения, ограниченных ресурсов жизнеобеспечения и неодинаковой приспособленности организмов. Теория Дарвина самодостаточна и не нуждается в постороннем источнике живой энергии; она пришла на смену виталистической теории Ламарка.

Австро-Венгрия, где жил и работал Фрейд, ориентировалась на Германию, о государственном статусе которой нужно сказать отдельно. До 1871 г. Германия представляла собой совокупность независимых земель. Каждое такое княжество хотело иметь в своем столичном городе университет. Поэтому германские правительства в XIX в. уделяли пристальное внимание обустройству университетов и, естественно, практически полностью контролировали их. Главную роль в этом деле сыграл близкий друг Гёте и Шиллера, лингвист и мыслитель-гуманист, тонкий политик и дипломат, Вильгельм Гумбольдт (1767–1835), который выступал за «духовное и моральное образование нации». При Гумбольдте наряду с гуманитарными дисциплинами (языки, право, история, философия) в университетских программах появились геология, физика, химия и другие естественно-научные курсы. Он заложил прочный фундамент немецкой идеологии, которая жила на гуманистических принципах эпохи Просвещения, единстве научного знания, ценностях великих идеалов, справедливости государства по отношению к обществу. Реформу образования он начал в своей родной Пруссии – лидирующей области среди германских земель. Увидев успехи его реформы, ректоры других университетов тоже взялись за преобразования, чтобы не проиграть в конкурентной борьбе в количественном наборе студентов и качественном наборе профессоров. В 1806 г. Гумбольдт основал Берлинский университет, ныне носящий его имя, где в разное время работали выдающиеся ученые и преподаватели Германии, Европы и всего мира.

После объединения Германии государственное управление университетами несколько не ослабло, а наоборот, упрочилось, так как Бисмарк в своей внутренней политике тоже решил сделать ставку на образование. Упор был сделан на медицину и философию, причем в первой

половине XIX в. приоритет оставался за философией, во второй половине XIX в. – за медициной, а значит, и физиологией, неврологией и психофизикой. На протяжении века профессура германских университетов была не просто лояльна государству, она выступала от имени государства и являлась проводником его абсолютистской идеологии, прежде всего, через философские дисциплины. Официальной философией была гегелевская метафизика духа. Именно она формировала мировоззрение учащейся молодежи и, к сожалению, играла роль мощного заградительного барьера для проникновения в университеты чуждых ей математических и естественных наук. Гегельянство диктовало априорные методы изучения природы, основывающиеся на чистой натурфилософии, которая с большим высокомерием относилась к точным и опытным наукам. Таким образом, передовые взгляды на мир, благополучно обходя философские кафедры университетов, обосновались в новых, главным образом, физиологических институтах, в которых работали и лучшие умы страны.

Наиболее крупным был центр в Лейпциге. Здесь Карл Людвиг организовал Физиологический институт, в лабораториях которого работали свыше трехсот молодых исследователей со всего мира. Из российских ученых в этом институте проходили подготовку И.М. Сеченов, И.П. Павлов, Я.Я. Столетников, А.И. Бабухин, И.О. Цион, Н.О. Ковалевский, И.Г. Навалихин, В.Я. Данилевский и др. – добрая полусотня будущих российских профессоров. Объектами исследований были: кровь и кровеносная система, лимфа и лимфатическая система, а также изучались дыхательная, нервная, пищеварительная системы, физиология выделения и метаболизм. Для исследований нужны были приборы, и они в немалом количестве проектировались и изготавливались в институте Людвиге. В 1846 г. он разработал и создал кимограф – прибор для регистрации работы отдельных органов в системе целостного живого организма. Он изобрел манометр для измерения давления крови в кровеносной системе и прибор для измерения количества крови, протекающей через единичный сосуд за единицу времени. Совершенствование этих приборов, в конце концов, привело к созданию прибора для поддержания искусственного кровообращения.

Старейший научный центр находился в Берлине, где работал Гельмгольц. Кстати, он оставил свидетельство того, как тяжело приходилось ему и другим представителям физико-химического направления в биологии отстаивать рациональные и эмпирические принципы в борьбе с гегелевской ортодоксией. При жизни Мюллера физиологическая наука была еще практически в загоне. Медицинское образование, получаемое в университетах, во многом оставалось книжным, без опоры на демонстрационные опыты. Отсюда возникло напряжение между профессурой старых университетов и вновь образованных физиологических институтов. В университетах преподавались схоластические концепции, исповедующие в той или иной форме витализм. В лабораториях институтов физиологии царил совершенно иная атмосфера.

Там господином был Его Величество Эксперимент. К концу XIX века положение университетов и институтов постепенно выравнивалось, налажился обмен и тесный контакт как на студенческом уровне, так и на уровне профессоров и научных исследователей. Германские университеты по оснащенности оборудованием и научным кадрам не шли ни в какое сравнение с университетами других стран. Вся ученая мысль Европы ориентировалась на то, что скажут ведущие специалисты Германии. Венский университет, Физиологический институт, возглавляемый Брюкке, не были исключением. Вот почему здесь так много уделялось внимания передовой немецкой науке.

До сих пор, уважаемый Скептик, я рассказывал в основном о физиологии, немного о физике, биологии и медицине, а кто в то время занимался психологией? Здесь нужно, прежде всего, назвать имя Иоганна Фридриха Гербарта (1776–1841). Он был немецким мыслителем, преподававшим в Геттингене. Его идеи не пользовались большим успехом в Германии из-за засилья гегельянства, зато они были благожелательно восприняты в Венском университете. Философия Гербарта входила в программу подготовки студентов и была основным предметом. Фрейд просто не мог ее не знать. Теория души Гербарта складывалась под влиянием лейбни-цевского учения о монаде и кантовского учения о вещи в себе. Душа, согласно его воззрениям, суть бессмертная, непознаваемая и предельно простая *реалия* (*das Reale*), пребывающая где-то в районе мозга. Сама по себе первичная реалия пассивна, но под воздействием раздражения, идущего со стороны внешних вещей или других людей, она порождает представления. Отдельные представления тоже выглядят как простые реалии, пребывающие в интеллигибельном пространстве. Комбинируясь в сложные конгломераты, эти представления порождают всё богатство духовной жизни.

Единичная душа сама по себе была бы самодовлеющей, но потребность объяснить внутренний опыт человека делает необходимым допущение совместного существования многих простых реалей. Таким образом, сложный душевный процесс с бурлящими страстями, изображается Гербартом в формальном механизме сцепления простых представлений. Он говорил о недопустимости использования таких терминов, как «душевная сила», которая может проявиться или остаться в состоянии потенции. Между тем осознанные процессы всегда доступны нашему вниманию в форме образов.

«Учения о памяти и воображении, о чувствовании и разуме, – писал Гербарт, – без сомнения, еще надолго сохраняют за собой симпатии любителей. Однако здесь всё дело в том, можно ли наряду и совместно с законами механики, касающимися непосредственного и опосредованного восстановления представлений, думать о деятельности таких специфических способностей, как память и воображение?»

Он отрицал такую деятельность.

Гербарт разработал статику и кинематику представлений исходя из понятия равновесия образов. Сходные образы могут сливаться в один яркий образ, перевешивающий все прочие. Различные образы дают сложную и вместе с тем полную картину о предмете. Например, совмещение различных представлений о кислоте, желтизне и эллипсоидной форме порождает новое сложное представление, которое именуется «лимон». Ряды сходных представлений о желтизне порождает такие образы, как солнце, подсолнух и т.д. Отсюда возникает механизм ассоциативной памяти. Противоположные представления мешают воспоминаниям, задерживают представления о вещах в бессознательном состоянии. Задерживаются именно те представления, которые численно равны интенсивности всех представлений за вычетом самых сильных образов. Подавленное представление, т.е. опустившееся в бессознательную часть Я, приобретает характер побуждения. Аффекты либо способствуют вытеснению представлений в бессознательную область, либо, наоборот, помогают им всплыть до уровня сознания. Ощущения, например, от звуков рояля обладают достаточной интенсивностью и прекрасно осознаются нами, в то время как эстетическое впечатление от вчерашней игры подобно айсбергу находится ниже порога сознания, т.е. в бессознательной области, и лишь крохотная верхушка музыки едва слышна нашему сознанию.

Задержанная часть представлений является главной идеей психомеханики образов Гербарта, которая имеет определенное сходство с теорией вытеснения Фрейда. Гербарт, как и Фрейд в поздний период, пользовался терминами *вытеснение*, *задержка*, *торможение* и т.п. Гербарт, как и Фрейд в ранний период, пытался использовать формализованный аппарат, но дальше деклараций у него, как и у Фрейда, дело не пошло. Механико-математические методы оба ученых не смогли продуктивно использовать, поскольку описываемый ими предмет – психика – не имел соответствующей структуры. Гербарт писал:

«Эксперименты с помощью искусственных моделей и вычислений – вот великие вспомогательные средства ее открытий. Психология не может экспериментировать над человеком, и в ее распоряжении нет искусственных вспомогательных средств, тем тщательнее приходится пользоваться помощью вычислений».

В психологии Гербарта виталистическое понимание душевной субстанции и естественно-научное конструирование фактов сознания соединились примерно так же, как в психологии Фрейда объединились либидо с механистическими процессами типа *сгущение*, *смещение*, *инвертирование* образов. Так как Гербарт писал вскоре после Лейбница и Канта, он в изложении своей философии заочно полемизировал с ними, затрагивая множество вещей, которые так или иначе перекликались с их воззрениями, но которые потеряли свою остроту во времена Фрейда. В Австрии получили также широкое распространение эстетические идеи Гербарта. На их основе Р. Циммерманн в 1865 г. создал теорию абстрактного формализма, а О. Гостински в 1891 г. – теорию композиции художественного произведения как структуры равновесия, существующего между его смысловыми частями.

Идеи Гербарта оказали сильное влияние на Вильгельма Вундта (1832–1920). В биографии Иоганна Мюллера, из рук которого Вундт в 1855 г. получил аттестат доктора медицины, часто подчеркивалось, что он был сыном простого сапожника. Напротив, в биографии Вундта в противоположность этому непременно говорилось, что он был сыном министра Максимилиана

Вундта. Это должно напоминать о том демократическом духе, который господствовал в германских университетах. Вундт основательно изучил физиологию, анатомию, зоологию, был ассистентом Гельмгольца и быстро выдвинулся в лидеры мировой науки. Период его зрелого научного творчества отчетливо делится на два периода: с 1855 по 1874 г. – гейдельбергский период, с 1875 по 1920 г. – лейпцигский период. Ранний период творчества характеризуется приверженностью Вундта философии материализма в духе Мюллера и Гельмгольца. В поздний период, во время совместной работы с Фехнером, он заметно склоняется в сторону витализма.

В 1862 г. Вундт начал читать курс лекций «Психология как естественная наука». Вскоре в печати появились его «Лекции о психологии животных и человека» (1863–1864). За ними выходит его трехтомное сочинение «Руководство к физиологии человека» (1864–1867) и книга «Физиология языка» (1868). Потом он увлекся политикой, стал социалистом, в 1872 г. женился, но продолжал издавать «Принципы физиологической психологии» (1873–1874). Однако под воздействием идеалистической философии в период пребывания в Лейпциге Вундт всё меньше и меньше симпатизирует физиологическому подходу. Тем не менее, он был самым эффективно работающим ученым и преподавателем мира. Свои лекции он читал 24 тыс. студентам; под его руководством были защищены свыше 200 научных диссертаций; им было написано 54 тыс. печатных страниц по естественно-научной, психологической и философской тематике.

Для Вундта образцовой наукой была химия, которая пользовалась в Германии громадным успехом благодаря достижениям, полученным Фридрихом Велером и Юстусом Либихом. Он использовал понятия атома, молекулы и ассоциативной связи в роли синтезатора психического «вещества». Элементарные ощущения и простые чувственные образы это, по Вундту, сенсорные атомы, представления и более сложные образования служили молекулами психоматерии. Позднее, в 1886 г. австрийский эмпириокритик Эрнст Мах (1838–1916) объявил ощущения единственными элементами психофизического опыта, заслуживающими доверия науки. Из ощущений, которые он называл «элементами опыта», формируются «комплексы», которые тоже имеют исключительно эмпирическую основу. Мах вместе со швейцарским психологом Рихардом Авенариусом (1843–1896) и немецким химиком Вильгельмом Фридрихом Оствальдом (1853–1932), отрицал научную ценность модельных или гипотетических конструкций. Таким образом, к концу XIX в. с подачи Вундта химическая методология с присущими ей задачами синтеза и анализа распространилась на психофизику. Основным методом исследования психофизической материи была *интроспекция*, в акте которой регистрировались сенсорные элементы. Интроспекция отличалась от обыденного восприятия объектов тем, что она выступала именно как научный метод. Вундт специально тренировал лабораторных испытуемых для научных исследований. Человек, не прошедший десять тысяч контролируемых реакций по интроспекции, не мог быть источником публикуемых сведений.

Вундт в центре психологических исследований поставил эксперимент, для чего в 1879 г. на свои деньги построил и оснастил необходимым оборудованием первую в мире психологическую лабораторию. Ученые со всего мира съезжались туда, чтобы изучать временные и амплитудные характеристики, связанные с ощущением, памятью или вниманием. Но Вундт не считал, что такие психические явления, как мышление и воля, могут быть исследованы опытным путем. Подобные феномены предлагалось изучать культурно-историческими методами. Это направление психофизики усилилось позже, когда метод интроспекции подвергся серьезной критике со стороны Кюльпе, Вертгеймера, Штумпфа, Титчнера, которые выступили против атомизма психофизической материи, за цельность психологического переживания. Они говорили, что интроспекция превращается, собственно, в *ретроспекцию*, так как интроспективное восприятие, длившееся 1–2 секунды, регистрируется спустя несколько минут после опыта; и сама регистрация занимала еще нескольких минут. При описании зрительных восприятий использовались слова, которые не могли адекватным образом передать то, что испытуемый видел на самом деле. Кроме того, говорили критики, запотоколированные сенсорные элементы не обладали психологической ценностью для человеческого мышления и его эмоционального переживания.

Под воздействием этой критики Вундт постепенно начал отходить от строгих материалистических позиций. Он, подобно Фехнеру, заговорил о параллелизме психофизических явлений, познание которых происходит в три этапа: *чувственное познание*, или познание обыденным умом; *рассудочное познание*, или познание посредством частных наук; и, наконец, *философское познание* разумом. Принцип параллелизма налагал на эпистемологию и другое условие: всякому психическому процессу соответствуют какие-либо физические процессы. Это условие продикто-

вано, во-первых, существованием причинности явлений, во-вторых, опытом (например, при переживаниях учащается пульс). Обратное несправедливо, т.е. каждому физическому процессу не обязательно должны соответствовать какие-то явления сознания. Таким образом, дуализм или параллелизм, проявившийся еще в психофизике Декарта, стал господствующей эпистемологией для большинства ученых конца XIX в. Если в системах Мюллера и Гельмгольца преобладала физико-химическая методология, т.е. объективная эпистемология, то в учениях Вундта и Маха начали играть важную роль субъективные методы изучения состояний сознания. Объекты реального мира, пройдя через сенсорную систему и мозг человека, теряли свою первоначальную ценность. Считалось, что только субъективные ощущения могут быть взяты в качестве исходного пункта научной теории.

В своей «Системе философии» (1889) Вундт обсуждал вопросы мироздания в основном с психологической точки зрения, как это тогда и было принято: все философы являлись психологами, и наоборот. Психологическая позиция сформировалась у него в результате неудовлетворенности, с одной стороны, абстрактной системой Гегеля в виде феноменологии духа, а с другой – конкретной системой позитивистов в виде перечня точных и опытных наук. Вундт создает психологическую систему «психософию», в которой солировала эпистемологическая проблематика. В ней, как и в психомеханике представлений Гербарта, важную роль играла демаркационная линия, отделяющая сознательное от бессознательного. Под бессознательным Вундт понимает факт исчезновения элементов сознания из поля действия внимания в силу малой интенсивности психических процессов. Однако, что означало его выражение «опуститься ниже линии регистрируемых психологических явлений»? По Вундту получалось, что психический процесс трансформируется в противоположный себе физиологический процесс.

«Пока удерживается противоположность [духа и материи], – пишет Вундт, – понятие бессознательного может правомерно означать лишь материальный процесс. В этом смысле эмпирическая психология и в самом деле рассматривает те процессы в органах чувств и в нервных центрах, которые частью подготавливают явления сознания, частью делают возможным их воспроизведение, раз они наступили, как материальные физиологические процессы, которым нельзя дать психологического толкования. Если бессознательное мыслится лишь как материальный процесс, то оно получает в таком случае нечто, отличающее его от всех явлений сознания, которого у него нет... [Но] теория познания учит, что противопоставление внешних объектов и внутренних процессов, лежащее в основе упомянутой противоположности, неосновательно, так как те и другие вообще означают не различные объекты опыта, а лишь различные точки зрения, с которых мы ... рассматриваем целостное само по себе содержание опыта».

Как нетрудно заметить, идеи Вундта тесно коррелируют с идеями Фехнера. Тот тоже говорил о двух рядах феноменов физического и психического свойства, связанных функционально. Это выражалось строгой математической зависимостью между ощущениями и раздражителями. Логарифмическая формула Фехнера–Вебера не опровергнута до сих пор, хотя действие ее менее широкое, чем это думал Фехнер. Он неоправданно распространял ее действие на эстетические образы. Фехнер был уверен, что к эстетике, как и к морали и психологии человеческих отношений, можно и нужно подходить со стороны элементарных физиологических конструкторов. После существенного ослабления зрения в результате интенсивного экспериментирования в области зрительного восприятия Фехнер стал развивать философию природы, напоминающую метафизику Шеллинга. Подобным же идеализмом заразился и Вундт. Фехнер думал, что вся Вселенная представляет собой одушевленное существо, а материя является оборотной стороной его психических состояний; похожий дуализм исповедовал и Вундт. Правда, Фехнер к своей теории примешивал множество мистических элементов. Например, звезды у него представлялись глазами одушевленного космоса. Через них Бог смотрит на земной мир, чтобы насладиться его эстетикой. При этом Фехнер долго рассуждает о свете и темноте, вогнутой и выпуклой поверхностях. Он рассказывал об ангелах, общающихся на языке световых бликов, цветовых образов, гармоничных звуков, которые можно наблюдать и в природе, и на картинах художников, здесь же он высказывал математические идеи. Сфера, как геометрический объект, шаровая форма астрономических тел, глазное яблоко, голова человека и т.д. – всё это объединялось и мистифицировалось Фехнером за счет какого-то пифагорейского чувства прекрасного. Подобных вещей у Вундта не было.

Иногда Фехнер отстаивал физиологический подход и экспериментальную методику какими-то странными и непонятными соображениями. В целом это была сложная, противоре-

чивая и, нужно признаться, язвительно-саркастическая натура. Возможно, его Бог и ангелы выступали в качестве аллегорий. Он часто пользовался неожиданными сравнениями и метафорами. Фехнер создал мистическое учение о космосе как живом организме в духе Платона («Тимей»). Он также является автором полуюмористического эссе по сравнительной анатомии ангелов, вышедшего в 1851 г. под диковинным названием «Дзэн-Авеста» (*Дзэн* – основа буддизма, *Авеста* – священная книга по зороастризму). Всё это трудно вяжется с его математическими и экспериментальными методами работы.⁴ Но его могучая натура оказывала сильное воздействие на Вундта.

Фехнер акцентирует внимание на пространственных образах. Вундт рассматривал психофизику с позиции временной длительности. У ребенка или животного психические явления на уровне ощущений пребывают в сознании недолго, и наоборот, чем выше интеллект, тем дольше удерживаются в нем представления и тем длиннее ассоциативные цепи. Таким образом, психический регресс сводится к временной точке, а физиологический – к пространственной. В сфере психического и вообще чувственно живого возникает *целесообразность*, в то время как на уровне чистой физики она отсутствует. Отсюда, по Вундту,

«духовное представляется высшей формой развития органической жизни и, как приходится предположить, ее целью; но и наоборот, живое тело служит орудием для осуществления всех духовных продуктов и ... вспомогательным средством координации низших духовных проявлений, а равно и для прогрессивного совершенствования духовных актов».

Таким образом, он приходит к *телеологии* и *витализму*.

Чтобы завершить психофизическую картину эпохи Фрейда, нужно рассказать еще о двух видных ученых – Дюбуа-Реймоне и Геккеле. В молодости Дюбуа-Реймон был сторонником исключительно материалистического мировоззрения. В 1842 г. он писал:

«Брюкке и я торжественно поклялись доказать истинность того положения, что в организме не действуют никакие иные силы, кроме обычных физико-химических; что там, где объяснение с их помощью является пока недостаточным, необходимо либо посредством физико-химического метода искать их специфический способ действия, либо предположить наличие новых сил, которые, будучи аналогичны физико-химическим, присущи материи и всегда сводимы только к двум силам – притяжению и отталкиванию».

Это написано в духе Гельмгольца, только Гельмголец до конца жизни остался материалистом, а Дюбуа-Реймон в зрелые годы, подобно Вундту, отошел от него. Через тридцать лет, увлекшись философией, он монистический взгляд на мир поменял на дуалистический. Началось всё с того, что сознание он объявил неразрешимой «мировой загадкой» – «*Ignorabimus!*» (это слово можно перевести, как «мы никогда не узнаем!»).

В знаменитом докладе «О границах познания природы», прочитанном в Лейпциге на собрании естествоиспытателей 14 августа 1872 г., он громко заявил, что невозможно объяснить, как материя может порождать мысль. Принципиально невозможно понять, утверждал он, каким образом «*субстанция при известных условиях начинает ощущать, желать и мыслить*». К другой мировой загадке он отнес проблему связи материи и силы. В конце доклада он высказал предположение, что обе загадки – общая проблема субстанции и частная проблема сознания – проистекают из одного источника: ограниченности наших психических способностей.

«Конечно, – говорил он, – это самое простое представление, и его следует предпочесть тому, которое считает мир вдвойне непостижимым. Но уж такова природа вещей, что мы и в этом пункте не можем прийти к ясному решению, и всякие дальнейшие рассуждения по этому поводу представляются праздными».

Таким образом, будучи вначале сугубо материалистом, он впоследствии медленно дрейфовал в сторону дуализма и агностицизма, основанного, с одной стороны, на полном отрицании метафизики, которая претендовала на какое-то, пусть ложное, решение этих проблем, а с другой – на несовершенство естествознания, которое только-только озаботилось проблемами невроло-

⁴ В.Э.: Почему плохо вяжется?! Наоборот – очень хорошо вяжется: вот это как раз и есть классический шизотимический (даже шизоидный) дух (а не то, что мы видим у Фрейда, где присутствует классический истероидный дух).

гии и психологии. Так, не желая того явно, он оказался в лагере идеалистов, трепетно относящихся к тайнам бытия и свято чтящих раздельное существование тела и души.

В 1880 г. на заседании Берлинской академии наук Дюбуа-Реймон прочел доклад в честь Лейбница, в котором указал уже на семь мировых загадок. Перечислим, обозначенные им проблемы: 1) сущность материи и силы; 2) происхождение движения; 3) происхождение жизни; 4) сущность целесообразности; 5) происхождение сознания; 6) происхождение мышления; 7) сущность свободы воли. К абсолютно неразрешимым загадкам с точки зрения естествознания, т.е. трансцендентным по своей природе, он отнес первую, вторую и пятую; три другие загадки – третья, четвертая и шестая – хотя и трудны, но, в конечном счете, разрешимы; относительно последней загадки он сомневался и ничего определенного сказать не мог. Загадки Дюбуа-Реймона обсуждались в течение многих лет, пока не вышла книга Эрнста Геккеля «Мировые загадки» (1899), послужившая ответом на поставленные проблемы и оказавшаяся в центре внимания европейской науки. Чтобы ответить на указанные вопросы, говорил Геккель, нужно уметь их правильно сформулировать. Неразрешимость задач, т.е. их агностицизм проистекает из неверного представления о сознании и субстанции.

Субстанция, по Геккелю, подчинена *закону субстанции*, или *основному космологическому закону*, который складывается из двух составляющих: закона сохранения вещества и закона сохранения силы (энергии). Здесь можно видеть, как идеи Лавуазье, Майера и Гельмгольца влияли на умы европейских ученых. Эпистемологию XIX в. невозможно понять без законов сохранения, открытых в рамках физики и химии. Оба названных закона, говорит далее Геккель, представляют собой единый закон причинности, который гласит: *ничто не может появиться из ничего*.

«Поэтому, – пишет он, – я особенно подчеркиваю капитальное значение единого закона субстанции как выражения неразрывной связи двух понимаемых раздельно законов. Что эти последние первоначально понимались и истолковывались не в этом едином смысле, явствует уже из различия во времени их открытия».

Такое монистическое понимание субстанции было высказано до Геккеля (в связи с этим он называет имена Спинозы и Гете).

Причем монисты Германии исходили из эфирной теории материи, резко критикуя ньютоновское действие на расстоянии, которое, по словам Геккеля, «*сделалось впоследствии одним из важнейших и самых скользких догматов физики*».

«Я полагаю, – продолжил он, – что долгие размышления над этим таинственным действием на расстоянии немало способствовали тому, чтобы завести проницательного английского математика в тот темный лабиринт мистических грез и теистических суеверий, в котором он блуждал последние 34 года своей жизни. Под конец ее он даже строил метафизические гипотезы относительно предсказаний пророка Даниила и бессмысленных бредней откровения св. Иоанна!»

Геккель исходил из теории И.Г. Фогта о сущности электричества и магнетизма, разработанной в 1891 г. на основе представлений о единой субстанции. По Фогту, материя и эфир способны к ощущениям: при сгущении они испытывают удовольствие, при разряжении – неудовольствие. Тут же возникает вопрос: где пребывают эти чувства удовольствия и неудовольствия? Однако Геккеля эта проблема, похоже, мало волновала; он вслед за Фогтом приписал материи те же самые странные переживания.

Он создал *двухслойную систему плазм*, отвечающих за жизнедеятельность организмов. Его монистическая психология имела дело с *психоплазмой* и *невроплазмой*, т.е. с теми белковыми углеродистыми соединениями, которые лежат в основе всех жизненных процессов и которые подчиняются общему закону субстанции. Геккель пишет:

«Процессы низшей душевной жизни у одноклеточных простейших и растений, но также и у низших животных – раздражимость, рефлекторные движения, чувствительность и стремление к самосохранению – прямо обусловлены психологическими процессами в *плазме* их клеток, физическими и химическими изменениями, которые могут быть объяснены отчасти *наследственностью*, отчасти *приспособлением*. Но совершенно то же самое мы должны сказать и о более высокой, душевной деятельности высших животных, об образовании представлений и понятий, о чудесных явлениях разума и сознания. Так как последние филогенетически развились из первых и только

более высокая степень интеграции или централизации, ассоциации или соединения прежде разделенных функций поднимает их на эту изумительную высоту».

«В этом смысле, – *продолжает Геккель*, – «душа» есть такая же физиологическая абстракция, как понятие «обмен веществ» или «зарождение». У человека и высших животных психоплазма, благодаря довольно совершенному разделению труда органов и тканей, является дифференцированной составной частью нервной системы, невроплазмой ганглиозных клеток и их центробежных отростков, нервных волокон. У низших же животных, не обладающих обособленными нервами и органами чувств, психоплазма еще не достигла самостоятельной дифференцировки, равно как и у растений. Наконец, у одноклеточных простейших психоплазма или тождественна со всей живую протоплазмой простой клетки, или составляет некоторую часть ее. Во всех случаях, как на низшей, так и на высшей ступени психологической шкалы, неизбежно существование известного химического состава психоплазмы и известного физического строения ее для того, чтобы «душа» функционировала или работала. Это в той же мере необходимо для элементарной душевной деятельности, плазматического ощущения и движения простейшего организма, как и для сложных функций органов чувств и мозга у высших животных, и человека. Работа психоплазмы, которую мы называем «душой», всегда сопряжена с обменом веществ».

На основе материальной психоплазмы Геккель развил учение о многоуровневых шкалах ощущения, движения и рефлексов. Говоря о шкале представлений, он заметил, что Герbart считал представление основным душевным явлением, с чем нужно соглашаться, говорил Геккель.

«Современная сравнительная психология, – *писал он*, – принимает это воззрение, поскольку дело идет о понятии *бессознательного* представления; в сознательном представлении она видит вторичное явление душевной жизни, совершенно отсутствующее у растений и низших животных и развивающееся лишь у высших животных. Из множества противоречивых определений, даваемых психологами понятию *представления*, мы считаем целесообразным то, которое видит в нем внутренний образ внешнего предмета, передающийся нам при посредстве ощущения («идея» в известном смысле). В восходящей лестнице функции представлений мы различаем четыре главные ступени».

В отсутствие знаний о молекулярных генах многие биологи XIX в., в том числе и Геккель, считали, что вся информация об организме, включая его психологический темперамент, хранится в плазме всех клеток организма. Поскольку клетки имелись и у животных, и у растений, то за счет присутствия в растениях психоплазмы, они тоже могли иметь ощущения. Геккель писал:

«Все без исключения живые организмы обладают чувствительностью; они различают состояния окружающего внешнего мира и реагируют на них известными внутренними изменениями. Свет и тепло, давление тяжести и электричество, механические и химические процессы, совершающиеся в окружающей среде, действуют как «раздражители» на чувствительную психоплазму и вызывают изменения в ее молекулярном строении. Мы различаем пять главных ступеней такой впечатлительности, или чувствительности.

На низших ступенях организации вся психоплазма, как таковая, чувствительна и реагирует на раздражения; так обстоит дело у низших протистов, у многих растений и у некоторых весьма несовершенных животных. На второй ступени на поверхности тела начинают развиваться простейшие недифференцированные очаги чувств в виде плазматических волосков и пигментных пятен, – это прототипы органов осязания и зрения; так обстоит дело у некоторой части высших протистов, а также у многих низших животных и растений. На третьей ступени из этих простых зачатков развиваются путем дифференцировки специфические органы чувств, особым образом приспособленные к своим функциям: химические орудия обоняния и вкуса, физические органы осязания и температурного чувства, слуха и зрения. «Специфическая энергия» этих высших орудий чувствительности не является их прирожденным свойством, но постепенно приобретает функциональным приспособлением и прогрессивным наследованием. На четвертой ступени наступает централизация, или интеграция, нервной системы и вместе с нею ощущений; путем ассоциации обособленных, или локализованных, ощущений возникает представление, которые вначале еще носят *бессознательный* характер, – так обстоит дело у некоторых низших и высших животных. На пятой ступени путем отражения ощущений в центральной части нервной системы развивается высшая психическая функция, *сознательное* ощущение; так обстоит дело у человека и высших позвоночных, вероятно, и у некоторых высших беспозвоночных, особенно у суставчатых, или членистоногих».

После открытия гена сложная иерархическая психофизика Геккеля, являющаяся материалистическим продолжением идей Гербарта, Фехнера, Вундта и других исследователей XIX в., безнадежно устарела. Однако во времена Фрейда она пользовалась большим успехом. Мне кажется, уважаемый Скептик, что он просто не мог о ней ничего не знать. Если внимательно присмотреться к эпистемологической структуре его теории сновидений, то мы найдем определенное сходство с распространенными тогда теориями, в частности, с концепцией динамики образов, которые то погружаются в область бессознательного и становятся недоступны нашему вниманию, то по законам ассоциации снова появляются в области сознания. Обычно при изложении истории психоанализа на психофизические теории, господствовавшие в Европе, мало или вовсе не обращают внимания. Например, когда изучается вопрос возникновения понятия «бессознательное», откуда оно взялось и почему его надо было вводить, говорят почему-то о Шопенгауэре и Ницше, которые это понятие едва обозначили. Между тем слово «бессознательное» во всем богатстве его теоретического толкования не сходило с уст тогдашних психофизиков.⁵ Главной проблемой психофизики XIX в. как раз и было – выяснить соотношение сознательных и бессознательных представлений, воспоминаний, волевых и эмоциональных реакций, наконец, самих актов мышления. Почему об этом никто из историков психоанализа не говорит?

Глава 4. Эпистемология XIX – XX веков

Скептик: Вы, уважаемый Удод, задались одним из самых интересных вопросов о происхождении психоанализа. Свой очерк «Об истории психоаналитического движения» (1914) Фрейд начал словами: «психоанализ – мое творение». Это совершенно справедливое заявление. Он, действительно, взял и придумал новую науку, которая не опиралась ни на что из ранее существовавшего. Психоанализ от начала и до конца абсолютно не связан с психофизической проблематикой тех лет. История психоанализа начинается с 1882 года, когда Фрейд познакомился с Йозефом Брейером, ставшим впоследствии его близким другом. Таким образом, этот обыкновенный венский врач, имя которого стало известно лишь потому, что он трудился рядом с будущим «великим и гениальным», сделался Предтечей, Иоанном Крестителем психоанализа. Подобно Йозефу Брейеру, в анналах этой науки упоминаются только имена тех людей, с которыми в разное время работал Фрейд, например французский психотерапевт Жан Мартен Шарко. Однако на восьмой странице истории психоанализа упоминаются имена Шопенгауэра и Ницше; они встречаются и в других местах. Так, в предисловии к четвертому изданию «Трех очерков по теории сексуальности» Фрейд ссылается на «изумительное указание» своего предшественника: *«Философ Артур Шопенгауэр уже давно указал людям, насколько их действия и мысли предопределяются сексуальными стремлениями в обычном смысле слова».*

Все кинулись копать в сочинениях Шопенгауэра и Ницше, якобы вдохновивших Фрейда на его научный подвиг, но ничего определенного отыскать не смогли. Нашли несколько мест, где говорилось о сексе, любви, звериных инстинктах в природе человека – так кто ж о них не писал? Мысль о том, что гуру может сказать просто так, тем более, их надуть, не приходила им в голову. Поэтому историки психоанализа механически повторяют за ним имена ложных источников. Впрочем, психоаналитики всегда рассматривали свое учение как божественное откровение, ниспосланное свыше. И все-таки, зачем Фрейд в своем историческом очерке и других произведениях назвал их имена? – Да только потому, говорю я Вам, уважаемый Удод, что оба философа в ту пору были популярны. Фрейд указал на них просто так. Быть может еще затем, чтобы «замести следы»: он часто выставлял ложные огни, ориентируясь на которые исследователи его творчества попадали на рифы.

Тем не менее Фрейд был дитя своего времени и должен был на что-то ориентироваться. Поэтому в его сочинениях мелькают те словечки, которые были тогда в ходу: «бессознательное», «вытеснение», «сопротивление» и т.д. Всё это взято из лексикона психофизики тех лет. На первый взгляд психоанализ Фрейда затрагивал те же самые вопросы, что и психологические теории его коллег. Только никто из перечисленных Вами серьезных ученых не сочинил «теорию

⁵ В.Э.: Я тут недавно в нескольких энциклопедиях и справочниках обнаружил, что «бессознательное» было открыто и введено в науку Фрейдом (по одним книгам) или Юнгом (по другим книгам). Это меня очень возмутило: я знал, что понятие бессознательного использовалось задолго до них, хотя и не мог сходу указать точные имена и источники. Я отметил про себя, что при случае надо опровергнуть те справочные статьи; ну вот, здесь это сделано без меня!

сновидений» или «теорию детской сексуальности», которые разработал Фрейд. Отсюда терминологический аппарат психоанализа имеет специфическое содержание, отвечающее семантике его искусственных построений, которые резко контрастировали на фоне общей психофизики XIX столетия. Устанавливать генетическую связь фрейдовского понятия «бессознательного» с одноименным понятием у Гербарта, Вундта или Геккеля – дело почти безнадежное, поскольку родоначальник психоанализа с самого начала пошел на полный разрыв с академической наукой, обидевшись на нее за то, что та всё его лукавое мудрствование отнесла к глупости. Но скоро психоанализ превратился в народную науку. Наряду с древнеиндийской йогой и древнекитайским даосизмом он попал в перечень самых влиятельных учений мира.

В общем XIX в. можно охарактеризовать как рациональный, но уже на рубеже веков ситуация радикально меняется. Высокие критерии рациональной науки оказываются погрязшими. На место строгих и экспериментально обоснованных теорий стали заступать аморфные учения с невнятной методологией, рассчитанной на внешний эффект. Время, когда биологическая и медицинская науки строились исключительно на рациональных и материалистических принципах, стремительно уходило. Во многом становлению психоанализа способствовал тот печальный факт, что к концу XIX в. из жизни ушли практически все Вами перечисленные выдающиеся натуралисты-физиологи. В научную литературу стали проникать умозрительные теории, а материалистическое содержание науки о человеке выхолащивалось и становилось всё более призрачным.

Сейчас я имею в виду исследователей, занимающихся неврозами, психозами и истерией с использованием гипноза. Но еще задолго до этого духовный климат Европы по воле некоторых европейских философов, включая Шопенгауэра и Ницше, начал портиться. Отказавшись от того, чтобы всецело исходить из нервных возбуждений, физиологии и морфологии мозга, как это делали Гельмгольц, Брюкке и др., от рациональности, Фрейд пошел особой дорогой, на которую не рискнул бы встать ни один уважающий себя естествоиспытатель. Это не была философская стезя, под которой тогда понимались преимущественно психология и эпистемология открытого витализма. Нелюбовь к философии ему внушили, по-видимому, те же самые психофизики, которые одновременно оказались и философами. Декларируя свой отказ от какой бы то ни было философии, он хотел отчасти обезопасить себя от критики не только со стороны профессиональных ученых, но и профессиональных философов, а главное, в близком кругу поклонников он старался зарекомендовать себя самобытным ученым, новаторские идеи которого распространялись именно на естественно-научную сферу с рациональной методологией. Схоластика, которая начала надвигаться на профессиональную философию, ему была абсолютно чужда; при путаных мыслях его язык был все-таки ясным.

Фактически Фрейд выбрал путь откровенного надувательства доверчивой публики. Он не мог заниматься профессионально философией по той же самой причине, что и наукой: у него не было к ней никакого призвания. Поэтому ему ничего не оставалось делать, как пойти по пути дешевых разглагольствований, рассчитанных на широкий круг непрофессионалов. Подобно тому, как он создал дилетантскую психиатрию, связанную с манипуляциями в области практической медицины, точно так же он разработал и дилетантскую философию, не похожую на традиционную для его времени метафизику. В узком «семейном» кругу психоаналитики любят поговорить о применении фрейдизма к решению общефилософских вопросов истории, религии, культуры и воспитания, но делается это на особом «птичьем языке» психоанализа. Профессиональный философ не сможет принять участие в их дискуссии, если он не прошел процедуру инициации. Посвящение в психоаналитики осуществляется через изощренный ψ -анализ кандидата в их орден. Чтобы убедиться в сказанном, нужно в деталях рассмотреть историю психоанализа, биографии сподвижников Фрейда, но к этому пока переходить рано, поскольку требуется сделать важные дополнения к предыдущей главе.

Вы, уважаемый Удод, неплохо нарисовали общую картину развития психофизики XIX в. Эту панораму вместе с «духом Просвещения», царившим якобы в семье Фрейдов, иногда демонстрируют биографы, чтобы убедить своих читателей в основательной рациональной подготовке пионера психоанализа. Они представляют дело так, будто Фрейд шагал в ногу с материалистами – Мюллером, Гельмгольцем, Брюкке, но Вы слабо обозначили виталистический компонент научно-философской картины того периода, к которому, собственно, и относится психоанализ. Европейская культура решительно отторгла бы фрейдизм, если бы оставалась такой, какой Вы ее изобразили. Брюкке и Гельмгольц прекрасно осознавали спекуляции на почве витализма и беспощадно боролись с ним. Но произошла дифференциация и обособление знаний,

так что материализм Геккеля стал соседствовать с откровенной схоластикой, которая поддерживала психоанализ как родственное виталистическое вероучение.

Надежды материалистов объяснить легко. По мере того, как медики всё больше узнавали о работе живого организма, виталистические функции передавались в ведение физиологии. Например, дыхание, пищеварение и кровообращение первоначально находились под эгидой виталистических сил. Но потом обнаружилась связь этих жизненно важных функций с физическими и химическими процессами. Работу нервной системы и мускулатуры тоже частично можно было объяснить без привлечения понятий о человеческой душе и божественном духе. Материалистам казалось, что постепенно удастся объяснить с физиологической точки зрения все без исключения жизненные процессы, включая деятельность мозга. Виталисты же настаивали на обязательном присутствии нематериального компонента, который дает жизнь телу и делает человека разумным существом. Это приводило к дуализму, т.е. к проблеме связи души и тела, разума и мозга.

Душевная сила и разум были сообщены, очевидно, кем-то для выполнения каких-то определенных целей. Так, в рамках виталистических концепций неизбежно появляются божественные сущности, идеи совершенствования и прогресса, которые монисты-материалисты активно не принимали. Они утверждали, что механистические или физиологические теории свободны от теологии и телеологии и именно это свидетельство их подлинной научности. Виталисты же указывали на неуклюжие модели материалистов, которые тщетно пытались объяснить механизмы деятельности мозга. К тому же теологические и телеологические системы знаний по сравнению с материалистическими обладали большей универсальностью, отчего делались и более привлекательными для населения. Сложные конструкции материалистов, с множеством элементов и запутанной механикой их взаимодействия, были непонятны для непрофессионалов, ибо требовали напряженного внимания и специального физико-математического образования. Таким образом, произошло размежевание материалистических и виталистических учений. Чтобы почувствовать всю глубину раскола тогдашней эпистемологии, нужно хотя бы в общих чертах представлять себе, что такое виталистическое мировоззрение.

Под *витализмом* понимают такое направление мысли, когда признается, что живой организм управляется сверхъестественной энергией, которую в разные времена называли по-разному: *архей, энтелехия, душа, жизненная сила*. Эта *vita-энергия* делает непреодолимым барьер между живой и неживой материей. Согласно философии витализма, процессы, протекающие в живом организме, нельзя свести к химическим реакциям и физическим явлениям; и, наоборот, невозможно получить живой организм, взяв за основу «мертвое» вещество. Виталисты говорят, что жизнь происходит от Бога или, во всяком случае, от какой-то нематериальной сущности. Основным принципом витализма является *целесообразное* развитие живой природы. Это *телеологический* или *теологический принцип*, согласно которому эволюционный прогресс биологических видов определяется фактором, лежащим вне самих этих видов. В силу данного принципа, виталисты отбросили все объяснения феномена жизни, основанные на физических и химических или, как они презрительно их называли, *механистических* процессах. Фрейд нигде не засвидетельствовал своей приверженности теории Дарвина, но зато определенно высказался в пользу теории Ламарка. Поскольку эволюционная теория Ламарка относится к типичной виталистической доктрине, есть смысл рассмотреть на ее примере сущность витализма как мировоззрения.

Жан Батист Ламарк (1744–1824) создал первую в истории биологии эволюционную теорию (он же ввел термин «биология»), которую изложил в «Философии зоологии» (1809). Не он первый заметил, что биологические виды изменялись на протяжении многих миллионов лет, но он первый попытался найти этому факту научное объяснение. Перед ним стояла труднейшая задача – определить, что такое биологический вид и какую «лестницу градаций» образуют виды, если их расположить в порядке усложнения. Когда виды были определены и расставлены по шкале морфологической сложности, перед ним тут же возникли еще две проблемы: как возник самый первый, наипростейший вид и что заставляет живые организмы усложняться со временем? Он решил, что простейшие организмы могут возникать из неживого вещества и затем усовершенствоваться под воздействием особых живительных флюидов, наподобие теплорода.

Еще Франческо Реди в 1680 г. показал, что «червяки» (личинки мух) могут зарождаться в гниющем мясе только тогда, когда оно доступно мухам; закрытое мясо гниет без образования в нем личинок. В 1880-х гг. Луи Пастер, Роберт Кох, Фердинанд Кон и Йозеф Листер установили, что процесс гниения и некоторые заболевания организмов происходят под действием бактерий.

Например, Пастер доказал на опыте, что в абсолютно закрытой колбе с питательным бульоном из дрожжей и сахара процесс брожения не наступает. При температуре 80°C бактерии, вызывающие скисание молока, погибают, но молочный белок еще не сворачивается. Такая температурная обработка молока получила название *пастеризации*. Эксперименты аналогичного характера доказывали, что *всё живое происходит только от живого*. Аминокислоты и другие сложные соединения не эволюционируют до жизнеспособных образований, а поглощаются уже существующими живыми организмами. Ламарк опирался на аристотелевское положение о самопроизвольном зарождении жизни. Он считал, что среда влияет на изменение вида и эти изменения передаются по наследству, но прогресс в органическом мире происходит не в силу естественного отбора, а благодаря заложенному в организмах *стремлению к совершенству*. В «Философии зоологии» он писал: *«как для животных, так и для растений существует один естественный порядок, насажденный Высшим Творцом всего сущего»*.

В концепции Дарвина, как мы помним, никакой живительной силы не было. Морфология животных формировалась только в результате спаривания и случайных мутаций внутренних свойств организма. Выживали те виды, которые были наилучшим образом приспособлены к внешним условиям. Функции организма, отобранные в конкурентной борьбе за существование, естественным образом определяли его морфологию. У Ламарка, наоборот, функции формировали морфологию организма. Он считал, что частое употребление какого-либо органа непременно должно привести к его развитию; если орган функционально используется недостаточно, он хиреет и отмирает. Все изменения, произошедшие в органе в течение жизнедеятельности организма, затем передаются потомству. Например, появление длинной шеи у жирафа и рогов у быка обязано *целенаправленной* деятельности данных животных. «Внутреннее чувство» дерущихся быков, по мнению Ламарка, направляет избыточное количество живительных флюидов к голове, где происходит отложение рогового вещества.

По Дарвину, длинная шея и рога появлялись в результате естественного отбора, подобно тому, как корни и крона деревьев развиваются в наиболее выгодном для них направлении, без всяких на то указаний. По Ламарку, некоторые насекомые либо приобретают, либо теряют крылья в зависимости от частоты их использования. Получается, что благодаря «хотению» самих живых организмов может происходить их анатомическая трансформация. Под воздействием сложных флюидов, говорил Ламарк, образуются новые органические ткани, а также осуществляется согласование в работе отдельных органов. В центр идеологии витализма поставлена идея, что прогресс всего живого обеспечивается либо внешним, либо внутренним агентом, независимым от физического тела. В качестве внешней субстанции обычно выступает *дух (spirit)*, в качестве внутренней – *душа (psyche)*. Эти понятия даны нам от рождения; научные представления тем и отличаются, что требуют отказа от них.

Витализм имеет множество теоретических модификаций, в зависимости от того, кем, когда и для какой области знания (биологии, психологии или социологии) он провозглашается. Единственным инвариантом для него была и остается декларация простого, но *активного первофеномена*, из которого затем можно было бы вывести всю сложную палитру жизненных (для биологии), душевных (для психологии) или духовных (для социологии) форм. Часто витализм сильно замаскирован под научные теории. Например, Геккель был уверен, что является материалистом и монистом. Но фактически, его психоплазмы выполняли все функции флюидов Ламарка. В последние годы жизни Вундт работал над «Психологией народов», где фигурировало понятие *духа народа*, являющегося идеальной субстанцией, хранящей характерную информацию о народе.

Фрейдовское *либидо* очевидным образом выполняет виталистические функции, всецело контролирующее поведение индивида. Сначала он говорил о сексуальном инстинкте как биологической основе, которой наделены животные. На этом основании его зачисляли в материалисты. Но потом узкобиологическое понятие сексуальности у него трансформировалось в *психосексуальность* (этим термином он иногда пользовался). Психика, особенно ее бессознательная часть, в теории Фрейда – типичный виртуальный носитель директивных предписаний, наподобие аристотелевской *энтелехии*. В ней аккумулируется сексуальная энергия, которая является *внутренним* витальным агентом, *первофеноменом души*. Либидо накапливалось в бессознательном, местонахождение которого Фрейд указать не мог. Юнговская категория *коллективного бессознательного* относится уже к *внешним* витальным агентам. Согласно теории Юнга, *архетип* дается человеку извне, т.е. это особый космический *дух*, содержащий архаические формы

человеческого бытия. Разумеется, ни фрейдовскую, ни юнговскую, ни аналогичного типа виталистические теории нельзя принимать за истинно научные.

Научная теория – это теория-автомат; она *самодостаточна*, т.е. в ней нет чуждых по отношению к существу теории оснований, целей или причин. Другими словами, наука присутствует только в тех концепциях, которые представляют действующие модели частей мира, раскрывают механизмы взаимодействия элементов. Кошачья живучесть психоанализа всех модификаций объясняется тем непреложным фактом, что он занимает срединную, очень выгодную и мало уязвимую нишу между умозрительной философией витализма и медицинской практикой, которая изначально опиралась на рациональную методологию.

На первый взгляд психоанализ кажется самодостаточной теорией, «умной» моделью, объясняющей огромное число психологических феноменов. Но при более глубоком проникновении в сущность фрейдизма обнаруживается шаткость его конструкции и искусственность методологических приемов. В действительности, вся его механика возведена на песке витализма, который тут же рассыпается, когда вы начинаете им пользоваться на практике. Никакого сексуального первофеномена на деле не существует; методика «свободных ассоциаций» – откровенно бутафорский прием. Психоаналитик, надевая белый халат и проговаривая всякие медицинские словечки над ухом уложенного на кушетку беззащитного ипохондрика, уподобляется магу, который, набросив на плечи черный атласный плащ и надев на голову звездный колпак, тоже с таинственным видом проговаривает: «Чибрики-квибрики люк мак эс. Да сгинут силы зла, да восторжествуют силы добра!». Лечение больных разговорами – это обычная мистификация, которая иногда действует на мнимобольных людей довольно эффективно, если они достаточно глупы и легковверны. Но никакой настоящей науки в шарлатанстве Фрейда нет и быть не может.

Обыденное мышление придерживается того широко распространенного мнения, что лучше иметь плохую теорию, чем вообще никакой. Вот почему во все времена пробелы знаний о мире заполнялись религиозными предрассудками и философскими спекуляциями. Однако долгая и драматическая история науки показывает, что утвердившиеся догмы настолько прочно застревают в головах обывателей, что потом никакая самая раскрепасная теория не может выбить их оттуда. Уж лучше сказать «не знаю», чем пользоваться услугами дурной теории.

Другим характерным заблуждением является уверенность в том, что сам факт массовой поддержки учения на протяжении длительного периода служит гарантией его справедливости. Так, например, видный историк психологии М.Г. Ярошевский написал:

«Если бы психоанализ ограничивался таким подходом, ложность которого доказали различные научные школы, исходя не только из философских аргументов, но и из анализа реальных феноменов социокультурного развития человечества, то пришлось бы признать загадкой длительность и силу его влияния на современную мысль, на многие направления исследований поведения в различных областях знания. Какой смысл имело бы обращение к текстам Фрейда, если бы в любых формах психической регуляции поведения и в любых порождениях культуры, при взгляде на них глазами Фрейда, не видели ничего кроме причудливых рудиментов сексуальных влечений?»

Тысячи людей обращаются к астрологии в надежде что-то узнать о внутренней и внешней природе, чтобы затем спланировать свои действия в деловой или бытовой жизни. Астрологи каждый день «подтверждают» эффективность своей науки. Несмотря на это, серьезные ученые и просто здравомыслящие люди считают их шарлатанами и правильно делают, так как всеобщее признание и длительное существование не гарантирует истинности теории. Чем менее научна концепция, тем легче она впитывается необразованными умами и тем дольше живет в народе. Психоанализ лишен подлинной глубины в философском и медицинском плане; его популярность обеспечена спекуляциями одновременно и в теоретической и в практической плоскости. Сегодня им пользуются недобросовестные врачи, превратив его в средство выколачивания денег из доверчивого населения.

Возвращаясь к общей теме, заметим, что витализм – не как откровенная теология, а как более или менее онаученная телеология – существует с древнейших времен. Уже в трудах Платона (427–347 гг. до Р.Х.) и Аристотеля (384–322 гг. до Р.Х.) он предстает в достаточно привлекательной форме. В системах немецкого идеализма Шеллинга (1775–1854) и Гегеля (1770–1831) он не приобрел какой-либо более высокой научной составляющей. В их системах старый витализм просто упакован в новые, более замысловатые упаковки. После них начинается

мощное наступление на витализм со стороны материалистов, о котором говорилось в предыдущей главе. Но эти атаки не ослабили витализм, а закалили его. Он сделался изощреннее; иногда, как в случае с психоанализом, он мимикрировал под рациональное учение. Дело усугубилось еще и тем, что крупнейшие ученые, немало сделавшие в точных и опытных науках, перешли в лагерь виталистов.

Вы, уважаемый Удод, привели несколько примеров подобной трансформации, и среди них выделяется такой тяжеловес психофизики, как Вильгельм Вундт. В рамках его философии происходит объединение психических и физических явлений в единую психофизическую теорию виталистического типа. Он утверждал, что *«всё живое тело представляется однородным психофизическим субстратом духовной жизни»*. Оно являет собой непрерывную иерархическую систему, начинающуюся с примитивных физико-химических процессов и заканчивающуюся высшими психическими феноменами. Этой единой психофизической структуре Вундт предпослал обветшалое виталистическое понятие энтелехии, фигурирующее в учении Аристотеля о душе.

В своей «Системе философии» Вундт пишет:

«Душа есть энтелехия живого тела, или, придавая этому выражению более подходящую форму: *она есть вся целевая связь духовного становления и бытия, которая во внешнем наблюдении дана нам как объективно-целесообразное целое, представляемое живым телом*. Жизнь и одушевленность суть понятия, имеющие один и тот же вес. Нет такой жизни, которая не была бы связана с психическими процессами, по крайней мере, на начальной стадии ее развития, определившими ... целевое направление ее организации. Нет такого духовного процесса, который не требовал бы в качестве объективного субстрата организации, делающей возможным взаимодействие индивидуального сознания с внешним миром и накопление произошедших из этого взаимодействия результатов для постоянного пользования. Обе стороны взаимодействия непрерывно затрагивают друг друга и способствуют друг другу: физическая сторона жизни совершенствуется благодаря тому, что она служит субстратом целеполагающей воли; духовная сторона жизни становится богаче и разнообразнее благодаря тому, что физические ее орудия непрерывно приспособляются к выставленным им целям. ... *Бессознательные* психические процессы существуют не в абсолютном, а только в том относительном смысле, в котором мы различаем между степенями сознания, ускользающими от нашего прямого констатирования. ... В соответствии с этим, все те составные части жизни, которые эмпирически фиксируются как только физические, ... метафизически могут быть гипотетически рассматриваемы как низшие сознательные элементы, которые подчиняются центральному сознанию, зависят от него и, в свою очередь, оказывают на него влияние, не будучи, однако, причастными ему».

Такова виталистическая позиция по индивидуальной психологии человека самого видного психолога эпохи Фрейда. Но в последние годы жизни Вундт вместе с другими исследователями (Лацарус, Штейнталь, Пауль) приступил к разработке психологии народов, где господствовала иная, чем энтелехия, субстанция, а именно, «дух народа» (*Volksgeist*). Это понятие пришло из философии истории Гегеля и было горячо поддержано Вильгельмом Гумбольдтом. «Дух народа» выступал как исключительно идеальная субстанция, что, конечно, нравилось виталистам, но Гегель не считал его объектом психологии; в этом пункте он апеллировал к теологии. С точки зрения психологии можно предположить, что душа народа складывается из индивидуальных душ. Немцы в сравнении с англичанами и французами прекрасно чувствовали свою специфику. Но индивидуальная психология была универсальной, следовательно, психология народов должна включать индивидуальную психологию, и одновременно объяснять этнические различия. В связи с этим пришлось забыть о психологии Гербарта, которая долгие годы питала многочисленные психологические теории XIX в. Это следовало сделать по двум причинам: во-первых, гербартова механика представлений противоречит виталистическим установкам в принципе; во-вторых, Гербарт дал неизменные законы психологии, в то время как надо было объяснять развивающийся исторический процесс. В сборнике своих статей «Проблемы психологии народов» (1911) Вундт писал: *«Гербартова атомистика души и национальный дух Гегеля относились друг другу, как вода и огонь»*. И далее: *«Гербартова механика представлений принадлежит прошлому. Она – только интересная страница в истории развития новой психологии»*. Материалистическое течение психологической мысли в лице Геккеля не собиралось расставаться с механикой Гербарта. Да и сам Вундт совсем недавно строил психофизику, исходя из его концепции.

Во времена Вундта велось много споров вокруг взаимосвязи психологии народа с его историей, языком, мифологией, религией, обычаями, государственным устройством. Каким

образом конкретные знания могут помочь абстрактной и общей науке, применимой к любой нации? Вундт активно участвовал в таких дискуссиях. Он представлял психологию народов как науку, которая должна изучать непрерывно меняющийся поток жизни. Эта динамическая составляющая Жизни (пишут с заглавной буквы, когда понимают ее в виталистическом смысле) затем выйдет на первый план у неосхоластов, особенно в феноменологии Гуссерля, экзистенциализме Хайдеггера, но прежде в философии жизни Бергсона. Если Вундт еще бился над проблемой, как «рационализировать иррациональное», то новые схоласты вовсе отбросили рациональные формы познания. Они призвали к непосредственному переживанию Жизни. Это похоже на то, как если бы изучение системы дыхания человека осуществлялось через глубокий вздох и медленный выдох с последующим описанием своих ощущений. Основным врагом для неосхоластов стал Декарт, так как он первым начал борьбу со схоластикой Средневековья и в частных науках насаждал рациональные методы познания. Неосхоласты ненавидели и Канта, поскольку он, по словам Вундта, «подчинил метафизику теории познания». Фихте, Шеллинг и Гегель, хотя и объявили себя наследниками Канта, серьезно эпистемологией не занимались. После поворота «назад к Канту!» (клич 1860-х годов) философы – и Вундт в их числе – взялись за проблемы познания в свете уже дескриптивной психологии, реанимировав старую схоластику.

В какой-то мере неосхоластика Вундта – явление неизбежное, если говорить о психологии. Когда Брюкке, Гельмгольц и их коллеги, распрощавшись с понятием «душа», отказались от виталистических и телеологических идей, они автоматически перешли из сферы психологии в сферу чистой физиологии, которая начала развиваться самостоятельно. Надеяться на то, что физиология тех дней сможет разрешить психологические проблемы мышления и воли – дело безнадежное. Поэтому психология очутилась в цепких руках философов-виталистов, которых такие профессионалы как Вундт просветили по некоторым специальным вопросам науки. С этого времени огромный отряд метафизиков кормится на полях психофизики, нисколько не смущаясь своей некомпетентностью в вопросах физики, химии и научно-экспериментальной методологии. Психофизики, которые остались верными строгим канонам рациональной и опытной науки, хватались за голову, когда видели, как Фрейд по двум или трем беседам со случайными пациентами делал далеко идущие выводы о сексуальной основе человеческой природы. Разумеется, экспериментатор, прошедший школу Вундта, считал любого психотерапевта шарлатаном, не имеющим понятия об истинных методах работы в сфере точной и опытной науки.

Типичной наукообразной смесью из естественных и философских знаний витализм предстал в сочинениях Ганса Дриша (1867–1941). Этот деятель начинал как биолог, оттолкнулся от учения материалиста Геккеля, но скатился на позиции прямой критики физиологии, выступая за антиматериалистический витализм. Ссылаясь на феномен эмбриональных регуляций, Дриш сформулировал положение, согласно которому индивидуальное развитие организмов идет от *интенсивного* разнообразия к *экстенсивному*. Такой переход осуществляется под воздействием *витального фактора*, для обозначения которого Дриш, вслед за Вундтом, выбрал аристотелевский термин *энтелехия*. По Дришу, живому организму присуща *целостная причинность*, в то время как неживым телам – *причинность элементов*. Целостность – это первоначальная действительность, в которой невозможно отделить причину от ее следствия. Причинное понимание предметов возможно лишь в основе ложного, как думал Дриш, положения: *части возникают раньше целого*. С этих схоластических позиций атомизм невозможен, как и материализм в целом, поскольку материалистическое мировоззрение предполагает идею совокупности отдельных элементов, так сказать, их «суммативность». Дриша считают основателем *неовитализма* как нового мировоззрения и *парапсихологии* как конкретной науки. В парапсихологию верил Фрейд, но всегда стеснялся об этом говорить вслух, так как в физиологических кругах виталистов презирали. Последователем Дриша стал Отмар Шпанн (1878–1950), который на основе теории целостности создал теорию государства. Шпанновское государство представляло собой примитивную иерархию, состоящую из сословных каст и напоминающую древнеиндийское общество или цеховую организацию городов эпохи Средневековья.

Другим основоположником неовитализма является Иоганн Рейнке (1849–1931), который в молодости изучал ботанику, но в зрелые годы стал апологетом философии витализма, причем в ее теологическом варианте. Он утверждал, что в теле человека существуют *доминанты*, которые и управляют всеми физико-химическими процессами. Если взгляды Дриша «выросли» из взглядов Геккеля, то Рейнке с самого начала был его ярким противником. К неовитализму примыкал Мельхиор Паладьи (1859–1924), который в соответствии с учением Аристотеля различал две субстанции – *жизнь* и *дух*. По его неоперипатетической теории, эти две субстанции

существуют в неразрывном четырехмерном пространстве-времени, которое затем было взято на вооружение физиками-релятивистами. Процессы *чувственной жизни*, говорил он, протекают в четырехмерном континууме *экстенсивно*, а *духовные* процессы, т.е. явления мышления и воли, обнаруживаются только в сингулярных точках континуума *интенсивно*. Отсюда жизненные процессы, протекающие в организме животных и человека, можно понять с точки зрения «экстенсивных» наук – физики и химии, а духовные явления уже не поддаются объяснению в терминах этих наук. Для Палады, как и Дриша, психология является, собственно, парапсихологией, т.е. трансцендентной наукой, которую ни в коем случае нельзя было считать продолжением физиологии или неврологии. Палады черпал свое вдохновение, по-видимому, у Гераклита, Гёте и Ницше. Во всяком случае, с современными методами науки он не был знаком.

Принятие сверхиндивидуальной и теологической основы, призванной объяснять целесообразное поведение человека, иногда называют *психовитализмом*. Его основоположником считают Эриха Бехера (1882–1929), который учил, что в человеке действуют надындивидуальные психические силы, определяющие, в частности, религиозную веру и высшие культурные ценности. По Бехеру, организм человека представляет собой виртуальную форму, состоящую из согласованных между собой органов, что дает виртуальное образование *первого порядка*. Целостность организма и согласованность действия отдельных его органов достигается при помощи аристотелевско-дришевской энтелехии. Мозг – место, где вырабатываются новые виртуальные образования. Внешний раздражитель нарушает равновесие в виртуальной системе организма. Нарушенное равновесие за счет возникновения ощущения восстанавливается организмом, но без участия физического тела. Это нарушение и восстановление происходят на новом уровне (второго порядка) виртуального образования. Между сознанием и виртуальными образованиями первого порядка имеется прямое взаимодействие, а между сознанием и виртуальными образованиями второго порядка существует только параллелизм.

Бехера можно назвать *анти-Павловым*, поскольку он принял не подтвержденную в опыте *виртуальную гипотезу*, которая и помогла ему решить психосоматическую проблему чисто умозрительно. Учеником и последователем Бехера был Алоиз Венцль (1887–1961), который стремился объединить достижения биологии и физики с теологией. Он создал «теорию слоев», в которой энтелехии отводилась онтологическая страта, ответственная за психическую деятельность человека. Эта теория перебрасывала мост от узкой психической гипотезы Бехера к широкой либеральной политике. К неовитализму относится и философия Гедвига Конрада-Мартиуса (1888–1966), который исходил из феноменологии Brentano и Гуссерля, дополнил аристотелевское учение об энтелехии, которая у него индивидуализируется в органической субстанции и актуализируется как жизненная энергия. Он философствовал в схоластическом духе по поводу материи и формы, потенции и активности, субстанции и акциденции.

Список виталистов можно было бы продолжить, но я, уважаемый Удод, хотел бы закончить его одним из самых заметных философов – Францем Brentano (1838–1917). В течение трех лет Фрейд слушал его лекции в Венском университете, где философия занимала важное место в учебном процессе (за эти три года они успели подружиться). Следует также сказать, что Brentano оказал колоссальное влияние на дальнейший ход развития философии, в частности на гештальтпсихологию, феноменологию и экзистенциализм. Но сочинений он опубликовал немного, так как от систематической работы его постоянно отвлекала церковь, которая вела с ним тяжбу в связи с его резкими высказываниями в адрес римского папы. На его философских идеях остановимся позже, а пока дадим краткую биографическую справку.

Brentano начинал католическим священником; он стал им в 1864 г.; затем увлекся схоластикой и метафизикой Аристотеля, что не является таким уж странным для католика. С 1872 г. стал профессором в Вюрцбурге, а в 1873 г. был отлучен от церкви, когда не согласился с ее постановлением о непогрешимости папы. В 1874 г. он переезжает в Вену. Летом 1875 г., в четвертом семестре его курс аристотелевской логики впервые слушает Фрейд. В 1879 г. во время военной службы Фрейда Brentano помог ему получить денежную работу по переводу сочинений Дж. Ст. Милля с английского на немецкий язык. В 1880 г. из-за религиозного спора с церковью Brentano лишился профессорского звания и ушел из университета.

Теперь о его философии. Brentano полагал, что, начиная с Канта, философия развивалась по ложному пути. Это легко объяснимо, поскольку Кант явился гробовщиком схоластики, а Brentano – крестным отцом новой схоластики, которая имела продолжение в виде феноменологии Гуссерля и экзистенциализма Хайдеггера. По Brentano, диалектическая логика Гегеля демонстрирует упадок метафизики, а индуктивная логика Милля вселяла ему надежду. За

симпатию к Миллю он навлек на себя неприязненные взгляды «хранителей немецкого духа». Brentano решил за исходную точку осмысления мира взять метафизику Аристотеля и затем, используя типичные схоластические приемы, двинуть ее дальше, чтобы превзойти своих средневековых коллег. Он привлек аристотелевскую энтелехию для придания своей философской концепции цельности. Именно после него энтелехия как *жизненная энергия человека и духовная сила народа (Volksgeist)* в скрытой или в открытой форме, как у Вундта, стала очень популярной у виталистов.

Brentano иногда называют основоположником *психологии* как учения о чисто *психических феноменах*, без физиологической примеси, которая приводила к проблеме души и тела. Первым признаком психического феномена было у него *интенциональность* или *целенаправленность*, которую он позаимствовал в средневековой схоластике. *Интенция* – намерение, стремление к цели, направленность сознания на предмет. Это понятие далее проходит красной нитью через неосхоластику Гуссерля (ученика Brentano) и Хайдеггера (ученика Гуссерля). Объекты интенциональных актов трансцендентны сознанию и, таким образом, между физическими и психическими феноменами образуется пропасть. Сам по себе физический объект неинтенционален, он суть *бытие-в-себе* или *бытие-для-себя*. Сознание же выступает в виде *отношения-к-чему-либо* или «*сознание о*» (неосхоластам постоянно не хватало слов и они сочиняли их подобным образом). Для естествоиспытателя осознание предмета происходит конкретно; ведь осознать, чувствовать или ощущать можно только предметно. Brentano в духе средневековых схоластов поставил перед собой сверхзадачу: истолковать «сознание о» без предмета осознания, как исключительно психологический акт.

Здесь произошла следующая вещь. Когда перед нами предстают различные объекты математического, физического, социального и морального мира, мы пользуемся различными способами осознания их. Мышление как наиболее гибкий инструмент взаимодействия с внешним миром подстраивается под объекты нашего внимания и меняется в широких пределах. Когда же схоласты (новые и старые) говорят: мы будем исследовать мышление само по себе, безотносительно к объектам, у них тут же возникает проблема. Оказалось, что «сознание о» обладает запутывающим множеством форм, оно текуче и многозначно. Чтобы во всем этом разобраться, решил Brentano, нужно разработать такую науку, как *психология*. Она должна, с одной стороны, описать элементы, из которых состоит целостное сознание, с другой – установить законы, которым подчиняются чистые мысли. Таким образом, метафизика, которая после провозглашения лозунга «назад к Канту» сделалась преимущественно эпистемологией, приобрела еще и психологическую окраску.

Непосредственной очевидностью обладают только внутренние восприятия, говорил Brentano. Поскольку предметами внутреннего опыта и непосредственного восприятия являются психические феномены, то с очевидностью можно говорить о существовании лишь ощущений без того, что, собственно, ощущается. Поэтому в теории познания на первом месте должно стоять нечто глубоко *имманентное*, внешний же опыт вторичен, он зависит от внутреннего опыта и интенционального переживания. Эмпирики гордятся тем, что сделали опыт гарантом истины, но много ли от него прока, возражает им Brentano, если между физической и психической реальностью пролегает глубокий ров. Проблема состоит не только в том, что к предмету исследования нужно подходить со стороны психологии субъекта, но и в том, что сама психология еще не была константой. Мышление как таковое, независимо от объекта и вне контроля со стороны субъекта, по мнению релятивистов, могло меняться. В общем, психологическое мышление следует законам аристотелевской логики, но является ли она единственно допустимой? Нарождающиеся релятивисты указывали: существуют же помимо геометрии Евклида геометрии Римана и Лобачевского, поэтому никто не может поручиться за то, что логика Аристотеля является единственной и что со временем не произойдет ее дрейф в ту или иную сторону. Эта релятивистская эпистемология в лице Маха, Пуанкаре и Бора затем захватит механику и физику макро- и микромира.

Бенно Эрдманн (1851–1921), с которым полемизировал и Гуссерль, уверял, что «*бывает мышление, существенно отличающееся от нашего*». Мышление может трансформироваться, говорил он, а мы и не заметим этого, поскольку наше *Я* не в состоянии выйти за пределы мышления и посмотреть на него со стороны. Вместе с метаморфозами законов мышления, превращение испытает и логика. Можно допустить, что существуют «сверхчеловеки», для которых истиной является то, что для нас ложь. Феноменалисты и эмпириокритики (Штумпф, Гуссерль, Мах и Авенариус) обычно не фантазировали на этот счет, как это позволял себе

Эрдманн, однако все они сомневались в продуктивности старого английского эмпиризма. Они указывали на *первичные феномены, комплексы ощущений, душевно-телесный параллелизм, экономию мышления*, прочие вещи и говорили: прогресс опытных и рациональных наук не всегда означает прогресс в гуманистической или антропологической плоскости. В частности, пресловутый научный прогресс не обязательно происходит с пользой для человека. Не лучше было бы, говорили они, следовать не логике и физике предмета, а *психологии* человека, т.е. тому, что интенционально полагается непосредственно сознанием. Таким образом, у них получалось, что психология создает теорию познания, а та, в свою очередь, определяет физику, химию, физиологию и прочие опытные науки.

Фрейд, как известно, держался вдалеке от чистой философии. Он не хотел влезать в дебри психологии Brentano, а в последующем в феноменологию, экзистенциализм, эмпириокритику, гештальтпсихологию – это было для него, по-видимому, сложно. Как писал Джонс по поводу его философских познаний, *«немногое, что он знал, он знал явно понаслышке»*. Но не следует сбрасывать со счетов очевидный факт: в молодые годы, когда ум человека без разбора всё впитывает, как губка, Фрейд варился не только в атмосфере строгих и опытных наук, насаждаемых в институте Брюкке, но и в той университетской атмосфере откровенных спекуляций, навеянных идеологией витализма и схоластики. Сейчас об этих многочисленных учениях уже никто не вспоминает, но в то время они представляли могучую силу, противостоящую рациональной науке.

Вопреки своей манере выставлять фальшивые имена вроде Шопенгауэра и Ницше, одно имя Фрейд назвал настоящее. Это Теодор Липпс (1851–1914) – немецкий психолог и философ, работавший в Бонне и Мюнхене, личность гораздо меньшего масштаба, чем все перечисленные выше, хотя и он был носителем спекулятивного духа той забытой уже эпохи. Липпс придерживался гибридной теории, складывающейся из элементов психологии Brentano, Вундта и Фехнера, в которой различались причинные ряды психических и физических феноменов. Под влиянием работ Гуссерля Липпс в «*Основаниях логики*» (1893), которую Фрейд, возможно, просматривал, выводил логические законы из законов психологии. Психология служила также основанием для его этики и эстетики. Проанализировав труды предшественников и современников, он разработал эстетику изобразительного искусства, основанную на теории пространственных образов.

Брентановский субъективизм Липпс довел до крайности. Например, он утверждал, что угрюмая физиономия собеседника говорит только о вашем собственном плохом настроении.

«Люди, которых я знаю, – *пишет он*, – представляют собой лишь воплощение моего собственного Я». То же самое относится и к физическим объектам. «Если вы видите падающий на землю камень, – *пишет Липпс*, – то это вы навязываете ему падение по причине вашего прошлого опыта относительно тяжелых предметов. Сам по себе камень не обладает активностью».

Подобная проекция стала использоваться в гештальтпсихологии и называться эмпатией. Эмпатия – это восприятие чужих чувств в соответствии со своими собственными. Разница между проекцией Липпса и современным понятием эмпатии состоит в том, что первое основывается на прошлом опыте, второе – может обходиться и без него; эмпатия переживается при непосредственном восприятии. Кроме того, понятием эмпатии сейчас пользуются в основном эстеты, т.е. оно связано с чувством прекрасного и безобразного. О своей проекции Липпс тоже писал не где-нибудь, а в своем сочинении «*Эстетика*» (1906), однако этот психологический феномен он распространял на все предметы, попадающие в сферу внимания человека, который мог переживать целую гамму чувств, выходящих далеко за рамки эстетики. Он также считал, что предмет кажется нам прекрасным, если в нем в достаточной мере присутствует виталистическая сила. Без этой позитивной энергии вещи смотрятся безобразно. Подобное мироощущение вытекало из представления Липпса о всеобщем родстве человека и космоса, где человек творит шедевры, черпая виталистическую энергию из него. Бездонный космос, подобно черной дыре бессознательного или трансцендентному Богу, всегда служил источником эзотерических спекуляций.

Липпс, как и многие психологи его времени, уделил немало внимания разработке теории бессознательного, динамике психических образов, которые могли мигрировать из сознательной сферы в бессознательную и обратно в соответствии с механической моделью Гербарта. Липпс был убежден, что проблема бессознательного не может быть решена частным образом через эмпирические исследования, но только путем сопоставления обширных данных, через выбор общепсихологических предпочтений. Этот выбор должен предшествовать изучению эмпирического

массива. Фрейд одобрительно отзывался о Липпсе. Возможно, он взял что-то у него, возможно, нет, но некоторые положения у них оказались сходными.

Например, еще в 1890 г. Фрейд писал о психическом механизме, напоминающем липпсовский механизм проецирования: спонтанное проецирование, или «перенесение», – это *«процесс отнесения своих побуждений, чувств и суждений к другим лицам или к внешнему миру. Оно выступает как средство защиты, благодаря которому субъект может не осознавать присутствие «нежелательных явлений» в нем самом»*. Перенос, или трансфер, является центральным понятием в психоанализе. По Фрейду, это негативная или позитивная проекция желаний пациента на врача. Эти желания пациента приобретаются, как правило, в раннем детстве при общении с отцом, матерью, родственниками или близкими людьми, к которым он до этого испытывал сильные чувства (у Фрейда – сексуальное влечение). Вряд ли пациентка может влюбиться в доктора только потому, что в детстве испытала сексуальное влечение к отцу. Это явная чепуха, но Фрейд в нее верил. Если обратиться к проекции Липпса и переносу Фрейда без их оценки на истинность, то какая-то реминисценция между ними есть. Однако делать из этой аналогии далеко идущие выводы не стоит, и вот почему.

Существует немало теорий, в которых наблюдается определенное сходство или различие в деталях. Быть может, они возникли независимо друг от друга, быть может, нет, но в любом случае надо постараться вычленить главное: стратегический подход автора к исследуемому предмету. Чтобы показать это главное, обратимся к Вильгельму Дильтейу (1833–1911). Будучи одним из виднейших психологов и культурологов Германии, он указал на принципиальное различие между гуманитарными и естественными науками, заключающееся, соответственно, в описательном и объяснительном подходе. В «Описательной психологии» (1894) он разъяснял, что объяснительная психология оперирует гипотезами, которые выдвигаются на передний план не только на стадии формирования теории, но остаются в ней навсегда как фундамент или остов, поддерживающий всю теоретическую конструкцию в целом. Гипотезы различаются между собой, из-за них будут различаться и окончательные теории. Научные теории не похожи друг на друга так же, как не похожи метафизические системы, которые вечно воюют между собой. Гипотезы пытаются ответить на вопрос «почему?», что неизбежно приводит к бесконечной причинно-следственной цепи.

«Итак, – заключает Дильтей, – если мы желаем достигнуть полного причинного познания, мы попадаем в туманное море гипотез, возможность проверки которых на психических фактах даже не предвидится. Влиятельнейшие направления психологии ясно это показывают. Так, гипотезой такого рода представляется учение о параллелизме нервных и духовных процессов, согласно которому даже наиболее значительные духовные факты суть лишь побочные явления нашей телесной жизни. Подобной гипотезой представляется и сведение всех явлений сознания к атомобразно представляемым элементам, воздействующим друг на друга по определенным законам. Такой же гипотезой является и выступающее с притязаниями на причинное объяснение конструирование всех душевных явлений при помощи двух классов ощущений и чувств, причем воле, имеющей столь огромное значение для нашего сознания и нашей жизни, отводится вторичное место. При посредстве одних лишь гипотез высшие душевные процессы сводятся к ассоциациям. Путем одних лишь гипотез самосознание выводится из психических элементов и процессов, происходящих между ними. Ничем, кроме гипотез, мы не располагаем относительно причинных процессов, благодаря которым благоприобретенный душевный комплекс постоянно влияет столь мощно и загадочно на наши сознательные процессы умозаключения и воли. Гипотезы, всюду одни гипотезы!»

Создание теорий на основе гипотез при помощи атомарно-конструктивного метода подходит для естествознания, но не годится для гуманитарной науки, каковой является психология, говорит Дильтей. Он напоминает, что в науке о духе факты, подлежащие исследованию, *«непосредственно выступают изнутри как реальности и как некоторая живая связь»*. Отсюда факты душевной жизни должны выступать в качестве исходных, а не производных от первичных ощущений.

«Объяснительная психология, – пишет он, – возникла из расчленения восприятия и воспоминания. Ядро ее с самого начала составляли ощущения, представления, чувства удовольствия и неудовольствия в качестве элементов, а также процессы между этими элементами, в особенности процесс ассоциации, к которому затем присоединялись в качестве дальнейших объяснительных процессов апперцепция и слияние. Таким образом, предметом ее вовсе не являлась полнота

человеческой природы и ее связанное содержание». «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем».

Это накладывает на психологию определенные обязательства: она не может исходить из гипотез, так как ее знание не выводится дедуктивным путем, а непосредственно переживается индивидуумом. Испытуемому нужно только описать свои переживания. *«Под описательной психологией, – пишет Дильтей, – я разумею изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не выводится, а переживается».* Он говорит, что для построения психологии нам лучше ориентироваться на великих поэтов и писателей, которые постигли Жизнь более глубоко и полно. Вдохновение, а не анализ должен превалировать в психологическом материале. Дильтей пишет:

«Нельзя не пожелать появления психологии, способной уловить в сети своих описаний то, чего в произведениях поэтов и писателей заключается больше, нежели в нынешних учениях о душе, – появления такой психологии, которая могла бы сделать пригодными для человеческого знания, приведя их в общезначимую связь, именно те мысли, что у Августина, Паскаля и Лихтенберга производят столь сильное впечатление».

Под главные признаки объяснительной психологии, каковыми являются синтез и конструирование из разрозненных компонентов, попадает также принцип причинности, который диктует наличие бессознательного в человеческой психике. Он пишет:

«Причинная связь душевных процессов... или закон ассоциации, является таким же элементом для построения объяснительной психологии, как и допущение бессознательных представлений или пользование ими».

В эпистемологии, охватывающей естественные и гуманитарные науки, можно заметить, что каузальным принципом обычно руководствуются представители дескриптивных, а не конструктивных наук. В такой спекулятивной теории, как психоанализ, причинность вместе с бессознательным выступают в качестве конструктивного и объяснительного элемента. Но в более развитых естественно-научных теориях причинность и потусторонность обычно отсутствуют. Вообще, деление наук на описательные и объяснительные методологии нельзя признать удачным. Лучше, если теории характеризуются синтетической или аналитической методологиями, которые обладают, соответственно, *интегральным (целостным)* или *дифференциальным (атомарным)* видением мира. Впрочем, когда говорят о *конструктивной (модельно-гипотетической)* или *феноменологической (формально-дескриптивной)* методологии, это всегда требует дополнительных разъяснений.

Принципиальное различие между методологиями, которое имел в виду Дильтей, удобно проиллюстрировать примером, приведенным Томасом Лихи в своей «Истории современной психологии». Предположим, пишет автор, произошло убийство человека. Естествоиспытатель начнет исследовать причину смерти, для чего произведет вскрытие трупа, и установит, что человек умер в результате отравления мышьяком. Это будет одна правда. Гуманитарий подойдет к этому явлению совершенно иначе. Он попытается выяснить мотивы убийства и, возможно, сумеет доказать, что имело место преступление на почве ревности. Это другая правда, которая для гуманитария является более важной, чем правда естествоиспытателя. Особая жизненная ситуация – вот истинная причина смерти человека, скажет он, а умер ли он от мышьяка или выстрела из пистолета, уже не столь важно. Лихи привел пример с покушением на Рональда Рейгана, совершенное Джоном Хинкли, которого судебная комиссия признала невменяемым и освободила от ответственности. Таким образом, несмотря на очевидный факт выстрела в президента Соединенных Штатов, суд расценил его как несчастный случай, сопоставимый со стихийным бедствием вроде пожара, наводнения или опасного заболевания. И хотя данный пример выгоден больше гуманитариям, чем естествоиспытателям, он является достаточно показательным для первого знакомства с основным эпистемологическим делением.

Итак, существуют два подхода к одному и тому же явлению – микроподход и макроподход, или, как говорил Фехнер, подход «снизу вверх» и подход «сверху вниз». Психология оказалась на перепутье: одни теоретики настаивали на редукции, т.е. на сведении всех психических явлений к физиологии, другие категорически против этого протестовали. Огромное число

теоретиков (Фехнер, Вирхов, Дюбуа-Реймон, Вундт и, наконец, Фрейд) начинали как физиологи, но закончили как сторонники цельного подхода к психологии, а заодно и к моральным, социальным, эстетическим феноменам. Сторонники гуманитарного подхода к душевной и духовной жизни отбросили естественно-научные приемы, как узкие, бесплодные и даже искажающие действительность, и приступили к разработке своей, как они думали, более адекватной модели.

Дильтей был одним из первых, кто поставил этот вопрос в центр своих профессиональных исследований. Он обратил внимание на то, что изобразительное искусство, поэзия и литература дают более адекватное представление о человеческих поступках и социальных явлениях, чем естественные науки. Поэтому он настаивал на художественных формах постижения гуманитарных феноменов, алогичных по своей природе, где строгая дедукция и математические вычисления неприменимы. Не физику и химию, а романы Достоевского мы должны брать в качестве образцовой науки для психологии. К ней нужно подходить с интегрально-синтетической эпистемологией, улавливающей спонтанные проявления первичной реальности, которая не прячется за поступками людей, а целиком состоит из них. Цель психологии состоит не в том, чтобы научиться предсказывать наступление тех или иных событий, как это делает, например, астрономия, предсказывая наступление солнечного затмения, а в том, чтобы научиться понимать психические феномены так, как мы понимаем поэму или историческое событие. Жизнь во всей ее полноте не постигается в механических моделях с помощью каких-то аналитических методов, поскольку творческий процесс суть тайна, не поддающаяся рациональному осмыслению. Но мы можем извлечь определенное знание об этом, если обратимся, например, к мифологии, где творческая мысль в течение веков отливалась в устойчивые символы и образы. Мифы снабжают нас готовыми ментальными структурами, психическими паттернами, стандартными феноменами культуры, применимыми как к античным, так и к нынешним временам. Фрейд, молча присоединившийся к этому хору голосов, предложил в свою очередь стандартные ситуации, которые повторяются из поколения в поколение и потому они применимы ко всем людям, в том числе и к живущим в современном мире. Здесь имеется в виду проявление нарциссизма и эдипова комплекса.

Ошибка Дильтея очевидна: если в психологии использовать поэтические приемы, мы получим не научный труд по психологии, а поэму. То же самое касается и всего прочего: в древних мифах или романах Достоевского можно многое почерпнуть для психологии, но это не значит, что психологическая наука должна строиться по образцу мифа и законам литературного жанра. Наука есть наука, а миф, роман или поэма – это миф, роман или поэма. Однако цельный, интегральный макроподход Дильтея приветствовали сторонники гештальтпсихологии, которая выковывалась в учениях исследователей, проявивших интерес к изобразительному искусству, в частности в учениях Фехнера и Липпса. Они считали, что объекты сознания (в первую очередь, эстетические) не могут быть разбиты на атомы, фрагменты, отдельные детали в соответствии с физической морфологией, так как гештальты воспринимаются одномоментно, как цельные картины, единство которых обеспечивается содержательной стороной образа.

Однако гештальтпсихология не обязательно имеет дело с графическими изображениями. Можно научиться вычленять из общего потока Жизни специфические структуры или «струи» законченного содержания, которые требуют интуитивного понимания. Мгновенное схватывание смысла поговорки, притчи, басни также указывает на цельность восприятия этих произведений. Религиозное озарение, научное открытие, осознание морального или патриотического долга всегда происходят внутри замкнутого семантического поля. При этом любой гештальт трансформируется как связанная и автономная система, в которой изменение одной ее части приводит либо к одновременному преобразованию других частей, либо к разрушению всей смысловой структуры гештальта.

Понятие гештальта возникло, по-видимому, давно. Еще немецкий мыслитель, поэт и натуралист Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832) писал:

«У немца для комплекса проявлений бытия какого-нибудь реального существа имеется слово *Gestalt*. Употребляя его, он отвлекается от всего подвижного и принимает, что все частности, входящие в состав целого, прочно установлены, закончены и закономерны в своем своеобразии. Однако если мы будем рассматривать все формы, особенно органические, то найдем, что нигде нет ничего устойчивого, ничего покоящегося, законченного; что всё напротив, скорее зыблется в постоянном движении. Поэтому наш язык достаточно обоснованно употребляет слово «образование» как в отношении к чему-либо возникшему, так и к еще возникающему. Таким образом, если мы

хотим дать введение в морфологию, то мы, собственно, не можем говорить о форме; а употребляем это слово, во всяком случае, должны иметь при этом в виду только идею, понятие или нечто, лишь на мгновение схваченное в опыте. Всё образовавшееся тотчас же снова преобразуется, и мы сами, если хотим достичь хоть какого-то созерцания живой природы, должны, следуя ее примеру, сохранять такую же подвижность и гибкость».

Гёте не был философом и не создавал никаких философских систем. Более того, он питал даже некоторое отвращение к сложным построениям профессиональных философов вроде Шеллинга и Гегеля. Но он был гениальным поэтом, образно мыслил, обладал безупречным художественным чутьем, поэтому сравнивал высшую «научную потребность» ученого, которую он находил внутри себя, с «художественным влечением». Таким образом, своим непререкаемым авторитетом Гете выдал пропуск в науку людям с почти религиозным чувством святости Жизни. Сторонники философии Жизни зачисляют его в родоначальники своего мировоззрения. Занимаясь конкретными исследованиями морфологии Жизни, Гете не пытался строить ее механические модели, анатомировать ее, как это делают врачи-физиологи. Его целью было выхватить из опыта гештальты Жизни – непрерывно текущие структуры, отражающие ее смысл во всем великолепии. В этом отношении будет полезно прочитать автобиографическое сочинение «Из моей жизни», где Гете на нескольких страницах описывает пышную императорскую процессию, которую он наблюдал во Франкфурте. В научном произведении «Размышления о морфологии вообще» он пишет: *«Морфология должна содержать учение о гештальте, об образовании и преобразовании органических тел»*. Нечто подобное стали говорить и гештальтпсихологи, которые не видели большого смысла в исследованиях мозговой ткани и изучении строения нервных сплетений. Они говорили о семантических единицах психических процессов, локализованных не только в пространстве мозга, но и всего человеческого тела. Лучше, если в рамках психологии, имеющей дело с непрерывно меняющимся и перемешанным эмоциональным, интеллектуальным и волевым фоном, отвлечься от неизменной физиологии.

Однако не во времена Гете, а во времена Фрейда началось интенсивное движение в сторону психологии познания как интегрально-семантического метода. Дильтей первым заговорил о герменевтике как искусстве толкования символов и образов, которые изменчивы во времени и в пространстве, различны по интенсивности восприятия, непостоянны в графическом и цветовом наборе. В рамках гештальтпсихологии интерпретация цельных пространственных структур или непрерывных потоков сознания сделалась центральной задачей. Если мы посмотрим теперь на психоанализ с этой точки зрения, то обнаружим, что он находится в русле общей эпистемологической мысли Европы на рубеже XIX–XX столетия. По существу, вся психоаналитика сводится к искусству толкования поступков людей, их сновидений, обмолвок и описок, которые берутся как смысловые гештальты.

Идеи гештальтпсихологии в чем-то перекликаются с идеями феноменологии, создателем которой является первый ученик Brentano, Эдмонд Гуссерль (1859–1938). В сущности, он был несчастным неосхоластом, который, как и все схоласты, потратил свою жизнь впустую, хотя и прославился как честный и неутомимый искатель истины. Родом он был из тех же мест Австро-Венгерской империи, что и Фрейд, т.е. Моравии. Как и он, Гуссерль был евреем, который после либерализации гражданского законодательства поступил в Венский университет и успешно закончил его. Но если Фрейд остался в Вене, то Гуссерль подался в Германию, чтобы в Лейпцигском университете как следует изучить физико-математические предметы (в Вене не было подходящих для этого учебных заведений). Потом ему показалось этого мало, он продолжил изучение математики еще и в Берлинском университете. Однако профессиональным математиком он так и не стал. Гуссерль потерпел фиаско после опубликования первого же своегоopus, где пытался скрестить математику, логику и психологию в единую «чистую математику». Немецкий математик и логик Готтлоб Фреге (1848–1925) безжалостно раскритиковал его. Слабым звеном в создании новой эпистемологии Гуссерль посчитал психологию и объявил ее вне закона. Он опубликовал двухтомные «Логические исследования» (1900–1901), где взял курс на построение «строгой науки» – феноменологии. По существу, это была особая схоластика, основанная на абстрактной психологии когнитивных процессов. Феноменологию Гуссерль так и

не создал, хотя потратил на нее много сил и времени (им было написано 45 тысяч страниц текста)⁶.

Вслед за Brentano Гуссерль утверждал, что сознание – это всегда осознание чего-то. При изучении моральных, исторических и поэтических феноменов нельзя отделять объект от субъекта. Без *со-чувствия* и *со-переживания* не познаешь и *со-бытия*; нужно погрузиться в жизненный поток и плыть вместе с ним. Я, уважаемый Удод, не уверен, что смогу передать адекватным образом «интенциональное» мышление Гуссерля. Поэтому приведу выдержку из его работы «Философия как строгая наука» (1910), где он писал о том, откуда берется психическое:

«Что «есть» психическое, не может сказать нам опыт в том же самом смысле, который он имеет значение по отношению к физическому. Психическое не есть познаваемое в опыте как являющееся: оно есть «переживание», в рефлексии созерцательно усвояемое переживание; оно является как полагающее само себя в абсолютном потоке, как только что зарождающееся и уже отмирающее, видимым образом постоянно отпадающее в уже бывшее. Психическое может быть также вспомнутым и таким образом, в известном модифицированном смысле, опытно познанным. Во «вспомнутом» же заключается «бывшее воспринятым»; и оно может быть «повторно» вспомнутым в воспоминаниях, согласующихся в сознании, которое само создало воспоминания опять-таки как вспомнутое или как пока еще удержанное».

Если не опытный факт, то что является предметом феноменологии? – Сущность, отвечает Гуссерль. Только сущность вещей обычно понимается как плод более или менее длительного рационального мышления, в результате чего открывается некий закон природы, он же трактует сущность как мгновенное интуитивное схватывание сути вещей.

«Если мы вживаемся путем глубоко проникающей интуиции в единство духовной жизни, – пишет Гуссерль, – мы в состоянии интуитивно нащупать господствующие в ней мотивации и, благодаря этому, «постичь» также сущность и развитие любого духовного образования в его зависимости от духовных мотивов единства и развития. Таким же образом становится «понятным» и «постижимым» для нас всё историческое в своеобразии его «бытия», которое есть «духовное бытие», единство имманентно требующих друг друга моментов некоего смысла, единство осмысленного самообразования и саморазвития согласно внутренней мотивации».

В работе «Идеи, относящиеся к чистой феноменологии и феноменологической философии» (1922) можно найти разъяснения того, что является интенциональным сознанием.

«Сознание, – пишет Гуссерль, – суть именно «осознание чего-то», сущность, «смысл» сознания, так сказать, квинтэссенция души, дух разума состоит в том, чтобы таить в себе. Сознание не есть название для «психофизических комплексов», для сплавов «содержаний», для «комков» или потоков ощущений, которые, будучи сами по себе бессмысленны, таковы, что, сколько бы их ни было, они всё равно не передают никакого «смысла», – сознание есть насквозь «сознание»: источник всякого разумного и неразумного, всякой правды и неправды, всякой реальности и фикции, всякой ценности и отсутствия ценности, всякого деяния и бездействия».

Подобным текстом Гуссерль заполняет сотни страниц. Но когда он спускается с неба на землю и приводит конкретный пример, здравомыслящий читатель понимает бесплодность его трудов. Вот, например, он описывает, каким образом нужно интуитивно схватывать феноменальные сущности:

«Непосредственное «видение», не просто чувственное опытно-испытывающее видение, а видение вообще как исконно данное сознание, какого бы рода оно ни было, есть последний источник оправдания всех утверждений разума. То, что изначально предстает перед нами в «интуиции», следует просто принимать как то, что *существует*, но лишь в тех рамках, в которых оно *здесь-существует*».

После этих разъяснений он приводит пример суждения, выведенного просто из опыта: «Все тела тяжелы», и пример суждения, выведенного из феноменального видения: «Все тела протяженны». Эти суждения взяты из «Критики чистого разума» как примеры аналитического

⁶ В.Э.: Если переплести по 250 страниц в том, то получится 180 томов... Интересно, это имеются в виду рукописные или печатные страницы? Если рукописные, то насколько плотный почерк? (Просто пытаюсь сравнить со своим архивом).

(первое предложение) и синтетического (второе) суждения. Кант говорил, что все эмпирические и математические суждения носят исключительно синтетический характер, причем все математические суждения еще и априорны. По поводу этих выводов немецкого классика написаны горы книг, где авторы выражают свое несогласие с ним. Главное возражение касается того, что ни один содержательный закон природы не может быть установлен интуитивным образом, при этом особенно часто ссылаются на теорию относительности и квантовую механику, которые противоречат интуитивному опыту. Пусть Гуссерль вслед за Кантом точно установил, что пространственная протяженность есть субъективная данность, т.е. искомая феноменальная сущность, которая предшествует всякому опыту. Даже в этом случае «безусловные очевидности», «первичные интуиции», «простейшие восприятия» остаются достаточно бесполезными для познающего субъекта. Это показали априорные и субъективные категории Юма и Канта (пространство, время и причинность – первые из них), на которые Гуссерль, по-видимому, неосознанно ориентировался.

Самым известным учеником Гуссерля был Мартин Хайдеггер (1889–1976), который во многом пошел своим путем, но главный схоластический прием интенционального мышления он принял от него как эстафету, переданную Brentano. Борьба со всеми формами рационального мышления продолжилась под прежним флагом. Он утверждал о неспособности механицизма, позитивизма и сциентизма ответить на вопрос, который, собственно, возник в связи с виталистической трактовкой Жизни, Истории и Искусства, когда на них изначально вешается ярлык таинственности и иррациональности. Хайдеггеровский экзистенциализм генетически связан с феноменализмом Гуссерля, но французский экзистенциализм, пропитавший в XX в. всю гуманитарную сферу, был существенно иным интеллектуальным явлением и радикально расходился с целями, которые ставил перед собой Гуссерль. Последний отталкивался от математических и логических методов познания, постоянно вращался в сфере эпистемологии, мечтал о построении некой «точной науки», свободной от психологического компонента. Ничего подобного не было во французском экзистенциализме, который, однако, произошел от немецкого экзистенциализма.

Хайдеггер начал с критики *бытия* как *гносеологической* категории и предложил его *онтологическую* трактовку. Когда Гуссерль говорил о феноменальных сущностях, он имел в виду нечто, напоминающее платоновские «эйдосы». Экзистенциализм объявил войну всем формам платонизма, под который попадала вся немецкая философия от Канта до Гегеля. Более того, по мнению экзистенциалистов, существующая до них философия, так или иначе, была связана с *постижением* мира с тем, чтобы *научиться в нем жить*. По мнению же экзистенциалистов, надо стремиться просто *Жить* без попытки понять, что это такое. Таким образом, они не развивали эпистемологию в направлении, которое обозначил Гуссерль, а вовсе сняли с повестки дня вопрос познания. Они постоянно твердили о неспособности старой эпистемологии к прозрению самых фундаментальных вещей. С приходом экзистенциалистов не гносеология, а онтология провозглашается «первой» философской наукой, причем в ее самой обыденной и повседневной форме.

Жизнь Хайдеггера и, соответственно, его творчество делят на две части: первая связана с наследием Гуссерля, вторая практически не касается его феноменологии; он сориентировался на то экзистенциальное течение, которое захватило Францию до и после Второй мировой войны. В молодые годы Хайдеггер думал о карьере католического священника, для чего изучал схоластику, латынь и древнегреческий язык. Одновременно он интересовался аксиоматической математикой, теорией относительности, квантовой физикой, т.е. достижениями современной науки. Сначала рациональные методы познания его привлекали. В 1912 г. он опубликовал «Новейшие исследования по логике», в 1914 г. – «Учение о суждении в психологизме», где обсуждалась вся та проблематика, которая была поднята в конце XIX в. *неовиталистами, неосхоластами* в споре с *эмпириокритиками* и *неокантианцами*. В данных работах обсуждалась новая для того времени позиция Гуссерля, делался упор на абстрактные категории безотносительно к предметам познания (*бытие, сущность, смысл и ценность*).

Потом схоластические тенденции в предпочтениях Хайдеггера всё больше брали верх. Он целиком принял интенциональность Brentano, которую заострил до предела. Поскольку в представлении нечто представлено, говорил он, а в высказывании нечто высказано, есть смысл задуматься над «представлением представления» и над «значением значения». Если просто представления и значения несут на себе груз психологии, то снятие с них психологической пелены, «вынос за скобки реальности» (гуссерлевский термин) сообщит им беспримесную *бытийность* и подлинную *экзистенцию*. В 1915 г. Хайдеггер защитил докторскую диссертацию

по теме «Учение Дунса Скотта о категориях и значениях». При разборе схоластических трактатов этого средневекового мыслителя он заговорил о «чистой грамматике», свободной от всех «загрязняющих» ее элементов, которые искажают значения основополагающих категорий, прежде всего, категории онтологического бытия.

Поначалу Хайдеггер одобрительно высказывался в адрес ученика Вундта – Освальда Кюльпе (1862–1915), который писал: *«Только тот, кто верит в определенность реальной природы, приложит свои силы для ее познания»*. В ранний период Хайдеггер писал в духе Кюльпе: *«Вероятно, фактическое, данное и образует материальную основу нашего мышления через проявившуюся в нем реальность. И определение мышления, а не только реальности как явления есть цель науки»*. Но уже в учении Кюльпе можно было найти элементы, которые доминировали в философии Brentano, а потом и в феноменологии Гуссерля. Кюльпе говорил, например, о «фундаментальной характеристике мышления», в котором преобладала «нацеленность на что-то» (интенциональное свойство). *«Хорошо бы, – писал он, – вообще обойтись без идеи об общей философии разума или философии психических наук»*. Всё это потом будет тщательно отфильтровано Хайдеггером. Кюльпе, в общем, принадлежал еще к старой школе неовиталистов XIX в. Гуссерль, к взглядам которого Хайдеггер потом приблизился, предопределил уже философию будущего, которая пока выглядела как высокомерная претензия, снобизм и бесконечное брюзжание – это нехорошо, а то совсем плохо. Гуссерль объявил забег на длинную дистанцию, но сам начал бег на месте. Эту имитацию философского поиска продолжил и Хайдеггер. Он объявил о построении «первой философии», о которой мечтали Аристотель, Бэкон и другие крупные реформаторы, но которые так и не создали ее. Гуссерль не построил феноменологии, а только написал к ней предисловие. Все его работы выступали в качестве введения в будущую науку, о чем можно судить по их названиям. Экзистенциализм Хайдеггера также выступал, как только намерение. Правда состоит в том, что несбыточность намерений является родовым пятном схоластики.

Стремясь открыть «смысл смысла», Хайдеггер споткнулся о первую же категорию философии – «бытие». Посвятив ей целую книгу, «Бытие и время» (1927), он не сдвинулся с места и пришел туда, откуда начал. Его средневековая герменевтика свелась к изобретению «неразговорной лексики», которую трудно понять рационально мыслящему человеку. Пусть об этом судит сам читатель; приведем фрагмент указанного сочинения из пятой главы «Бытие-в как таковое», параграф 31 «Присутствие как понимание». Вот как Хайдеггер разъясняет, что означает «бытие», «понимание» и «присутствие». Он пишет:

«Понимание есть бытие такого умения быть, какое никогда не предстоит как еще-неличное, но как по сути никогда не наличное оно «есть» с бытием присутствия в смысле экзистенции. Присутствие есть таким образом, что всегда поняло, соответственно, не поняло, в том или ином своем бытии. Будучи таким пониманием, оно «знает», как оно с ним самим, т.е. с его умением быть, обстоит. Это «знание» не возникло лишь из имманентного самовосприятия, но принадлежит к бытию вот, которое по сути есть понимание. И лишь поскольку присутствие, понимая, есть свое вот, оно может заблудиться и обознаться в себе. И коль скоро понимание расположено и как такое экзистенциально выдано брошенности, присутствие всегда уже в себе заблудилось и обозналось. В своем умении быть оно поэтому вверено возможности снова найти себя в своих возможностях. Понимание есть экзистенциальное бытие своего умения быть самого присутствия, а именно так, что это бытие на себе самом размыкает всегдашнее как-оно с-ним-самим-обстояния».

Здесь мы имеем дело не просто с нерациональным образом мысли, а с некой формой паранойи, которая претендует называться философией. Можно, как и в случае с Гуссерлем, приложить невероятные усилия и попробовать разобраться, что этим хотел сказать автор. Только все ваши усилия окажутся напрасными, поскольку автор, так и не придя к чему-либо определенному, отказался от придуманного им экзистенциального языка. В поздний период он перестал эпатировать публику и издеваться над своими коллегами. В докладе 1962 г. с названием-наоборот «Время и бытие» он уже отбросил искусственную терминологию и попытался нормальным языком объяснить людям свои мысли.

«Что дает повод назвать время и бытие вместе? – задается вопросом Хайдеггер. – С самого начала западноевропейского мышления и до сегодняшнего дня бытие означает то же, что и присутствие. Из присутствия, присутствования говорит настоящее. Согласно привычным представлениям, настоящее вместе с прошлым и будущим образует характеристику времени. Бытие

как присутствие определяется через время. Этого уже достаточно, чтобы постоянно производить в мышлении беспорядки. ...Любая попытка помыслить отношение между бытием и временем с помощью распространенных и приблизительных представлений о бытии и времени сейчас же запутывается в путаном сплетении слабопродуманных отношений. Мы называем время, когда говорим: всему – свое время. Это означает, что все, все сущее, приходит и уходит вовремя, в свое время и остается в течение отмеренного ему времени. Каждой вещи – свое время. Но является ли бытие вещью? Находится ли бытие, как и все наличное сущее, во времени? А вообще, есть ли бытие? Если оно есть, то мы должны неизбежно признать, что оно какое-то сущее, и, следовательно, искать его среди прочего сущего. Этот лекционный зал есть. Он освещен. Мы признаем без разговоров и колебаний этот лекционный зал существующим. Но где во всем зале найдем мы это «есть»? Нигде среди вещей не найдем мы бытия. Каждой вещи – свое время. Но бытие – не вещь, не что-то, находящееся во времени. Несмотря на это, бытие по-прежнему определяется как присутствие, как настоящее через время, через временное».

Нельзя сказать, что Хайдеггер здесь пришел к каким-то ценным умозаключениям, но, во всяком случае, его можно было слушать, не рискуя свихнуться. Однако подобные рассуждения о бытии и времени никого уже не волновали. Экзистенциализм успел трансформироваться, когда покинул германские земли и распространился по Европе. Оказывается, людей больше привлекала необычная форма изложения Хайдеггера и Гуссерля, чем содержание и результаты их решения проблем. Придуманная ими терминология и заявленные цели завораживали новых экзистенциалистов из Франции. Только там экзистенциализм уже не мог развиваться на основе неуклюжей немецкой терминологии, составленной из абстрактных слов. Так, в противоположность ей появился почти бытовой язык, который можно было использовать в художественной литературе, а вместе с ним и новый экзистенциализм. Марсель Пруст (1877–1922), Жан-Поль Сартр (1905–1980), Морис Мерло-Понти (1908–1961), Альбер Камю (1913–1960) говорили просто: «человек вовлечен в поток Жизни», «заброшен в Историю страны и мира», «становится участником Драмы». Но в их устах слова «вовлеченность», «заброшенность» и «участие» становились философскими терминами. Так, помимо формы произошла также и коррекция содержания экзистенциальных целей. Поскольку мир оказался втянут в войну с фашизмом, наряду с понятием Жизнь стало актуальным понятие Смерть, а также темы Насилия и Освобождения, которых не было ни у позднего Гуссерля, ни даже у раннего Хайдеггера (правда, Смерти он уделял внимание побольше, поскольку она для него означала конец бытия во времени). Задержимся на самом главном экзистенциалисте Франции – Сартре.

Учась в Гейдельберге, Сартр познакомился с идеями Гуссерля и в связи с этим незадолго до Второй мировой войны написал:

«Нас швырнули на голую землю, в едкую пыль мира, в гущу вещей; вообразите себе, что тем самым, в силу самой нашей природы, мы выкинуты, брошены в равнодушный, враждебный, неподатливый мир – и вам станет ясен глубокий смысл гуссерлевского открытия, заключающегося в знаменитой фразе: «Всякое сознание есть сознание *иного*». Тем самым, пишет Сартр, «разом покончено с утешительной философией имманентности, где всё совершается посредством компромисса, липких протоплазматических взаимозамещений... Философия трансцендентности выводит нас на простор, в самое сердце опасности, под лучи беспощадного света».

Подобная патетика не свойственна Гуссерлю. Если французский экзистенциализм пристально вглядывался в «мелочи Жизни», вся немецкая феноменология, а потом и немецкий экзистенциализм задумывались над основами Жизни в ее абстрактно-онтологическом аспекте. Казалось бы, что нашло «потерянное поколение» в гуссерлевской чистой логике, потом его чистой эпистемологии, наконец, в хайдеггеровской чистой грамматике? Вряд ли поколение Сартра могло усвоить теоретическое наследие, оставленное Гуссерлем и Хайдеггером (последний оставил после себя около 100 томов) в полном объеме. Сначала он продолжил немецкую традицию, введя наряду с категориями *бытие-в-себе*, *бытия-для-себя* еще и *бытие-для-другого*, но писать в таком же духе он долго не мог. Правда, Сартра интересовали примерно те же самые вещи, что и немецких мыслителей. Например, в «Очерке по теории эмоций» он поднял характерную для феноменологии и гештальтпсихологии интенциональную тему эмпатии. Сартр пишет, что говорить: «он отвратителен, *потому я в гневе*», значит льстить себе. Если не обольщаться, то нужно признать правильным другое: «он кажется мне отвратительным, *потому что я в гневе*».

Во Франции всегда существовала легкая философия, касалась ли она материализма или идеализма. Там были сильны атеистические традиции, которые унаследовал и сартровский экзистенциализм. Легкую «философию Жизни» разработал Анри Бергсон (1859–1941). Он призывал к постижению Жизни посредством гештальтпсихологии, через интуицию и другие бессознательные формы мышления. Цельный «поток Жизни», писал он в своем сочинении «Творческая эволюция» (1909), невозможно разложить на составные элементы, не уничтожив его.

«Мы согласны, что жизнь представляет определенный род механизма. Но состоит ли этот механизм из частей, которые могут быть искусственно выделены из целой вселенной, или же это цельный механизм? ... Жизнь столь же мало состоит из физико-химических элементов, как дуга из прямых линий». «Не следует больше говорить о **жизни вообще**, – писал Бергсон, – как об абстракции или о простой рубрике, в которую вносятся живые существа. В известный момент и в известных точках пространства ясно виден поток Жизни. Этот поток, проходя через организуемые им по очереди тела, переходя от поколения к поколению, разделился между видами и раздробился между индивидами, ничего не теряя в своей силе, а скорее усиливаясь по мере движения вперед».

Жизнь познается, а лучше сказать, проживается иррациональным образом подобно тому, как переживается Драма. Такая форма «вчувствования» приводит к абсолютизации художественного отношения человека к реальности, когда литература, поэзия, кино, живопись провозглашаются ведущими компонентами знания о мире, а источники войны – техника и рациональность – объявляются врагами человечества.

Именно эту легкую философию усвоил Сартр и всё его «заброшенное», «покинутое» и «несчастное поколение». В частности, Мерло-Понти, разбираясь в неопубликованных сочинениях Гуссерля, не стал проповедником его путаной эпистемологии, а предпочел более прозрачные формы мысли. Так, пессимистическое настроение, которым было охвачено его поколение и которое вообще характерно для экзистенциализма, Мерло-Понти объяснял следующим образом. Люди моего поколения, писал он в работе «Смысл и нонсенс» (1948),

«не были ни декадентами, ни скептиками. Просто у них за плечами – опыт бездорожья и поражений, 36-го года, войны в Испании, июня 40-го. Их эпоха – это время, когда стал неуловимым смысл долга, человеческих обязанностей... Никогда еще людям не приходилось так мучительно убеждаться в том, что ход событий полон превратностей, что от человеческого мужества требуется непомерно много, что они одиноки перед лицом мира, и каждый одинок перед лицом другого».

Две мировых войны и социалистические революции, прокатившиеся по миру, не могли не отразиться на философии, а процесс философствования не мог прерваться и начаться заново. Поэтому он продолжился от феноменологии Гуссерля и экзистенциализма Хайдеггера, приспособив их под новые задачи. Разумеется, от прежних целей теории познания почти ничего не осталось, эпистемология больше никого не интересовала. Человек увидел, как другой, вполне рационально мыслящий человек целится в него из автомата. Техника несет смерть и страдания; жизнь как таковой⁷ почему-то игнорируется. Возможно, по причине недооценки ее фундаментальной сущности? И экзистенциалисты стали всех убеждать, что смысл Жизни ни в чем более не заключается, как просто существовать, радоваться каждому мгновению, наслаждаться небом и светом, травой и деревьями. Это был, конечно, совсем другой экзистенциализм, чем у раннего Хайдеггера.

Поздний Хайдеггер прекрасно вписался в новую стезю. Об этом можно судить по его речи «Отрешенность» или «Из разговора на проселочной дороге о мышлении». Как заправский хиппи, он стал презирать технические достижения современной цивилизации, отказался использовать слова типа «техника», «радио», «пресса», «фильм», хотя почему-то не отказался записывать свои философские речи на пластинках. Он запятнал свою биографию тем, что в годы нацизма сотрудничал с фашистами и поэтому некоторое время молчал. А когда вспомнили о родоначальнике экзистенциализма, Хайдеггер был уже стар, и ему ничего не оставалось делать, как просто дешифровать то содержание, которое он ранее зашифровал в книге «Бытие и время». Между тем «молодая поросль» отошла от схоластической проблематики и занялась исключительно литературным трудом. Самые видные философы-экзистенциалисты – Бергсон (1927), Камю (1957) и Сартр (1964) – становятся лауреатами Нобелевской премии по литературе. Правда,

⁷ В.Э.: «Ценность жизни как таковой?»

последний названный здесь лауреат в силу своих философских убеждений демонстративно отказался от самого престижного приза. Как сказал Дюфрени: «*Когда философы не могут быть больше учеными, потому что наука находится в руках специалистов, они становятся романистами, драматургами и поэтами, а центр тяжести философии переносится с космологии на антропологию*». Именно это и произошло.

Религиозную форму французского экзистенциализма исповедовал Габриель Марсель (1889–1973), который после папской энциклики 1950 г., осудившей экзистенциализм, назвал свое учение «христианским сократизмом». Если его соотечественники говорили о невозможности познания Жизни, то Марсель заговорил в духе Фомы Аквинского о непостижимости Бога. В книге «Быть и иметь» (1935) он делает выбор в пользу «быть». Так как «бытие есть тайна», его познание не является преступлением против Бога, просто тайна открывается совершенно иначе, чем решается проблема, скажем, физики.

«Проблема, – пишет Марсель, – это нечто, с чем я встречаюсь, что помещается как бы передо мной... таинство же – это то, во что я вовлечен сам, и что, следовательно, мыслимо лишь в том плане, что различие «внешнего» и «внутреннего» теряет всякий смысл...».

Таким образом, в таинстве Марселя нет обычного мистицизма, заключающегося в вере в потусторонний мир. Его таинство проистекает от слитности человека и реального предмета, субъекта и объекта. Художественное творчество – это таинство и относительно него невозможно решить: то ли художник овладел искусством, то ли искусство овладело художником – всё здесь слилось; без монолитности не будет ни художника, ни искусства. Как и все экзистенциалисты, Марсель боролся против техницизма и сциентизма, которые разрушили мир. Экзистенция для него, как теолога, была божественной субстанцией, а для атеиста Сартра – жизненной энергией. Оба были виталистами и схоластами.

В заключение скажем несколько слов о связи экзистенциализма с психоанализом. Еще в начале 20-х годов врач и философ Людвиг Бинсвангер (1881–1966), ученик Фрейда и друг Юнга (он вместе с ним учился в Цюрихском университете), обратил внимание на работы Гуссерля и Хайдеггера. Бинсвангер родился в Крейцлингене (Швейцария) в семье потомственного врача. Его дед, носивший то же имя, что и он, в 1857 г. открыл знаменитую клинику (*Bellevue Sanatorium*), где его дядя, Отто, был лечащим врачом Фридриха Ницше, а его отец, Роберт, лечил пациентку Брейера, Анну О. С юношеских лет Бинсвангер увлекся философией Ницше, Кьеркегора, Бубера и др. трансцендентных философов, далеких от проблем познания, но близких к теме «существования человека». Его главной работой считается «Основы и познание человеческого существования» (1942). В 30-х годах Бинсвангер был единственным психотерапевтом, который теоретизировал и практиковал на базе феноменологической и экзистенциальной философии. Благодаря его стараниям в Швейцарии появилось мощное течение, которое противопоставило себя фрейдистскому психоанализу («феноменологическая психология» и «экзистенциально-феноменологическая альтернатива»). Соединение экзистенциализма с психоанализом произошло на почве общих интересов: жизненные проблемы обыкновенного человека, «заброшенного во враждебный ему мир».

Язык, на котором изъяснялись экзистенциальные психоаналитики, был ближе к мистической поэзии, чем к рациональной логике. Они еще больше, чем классические фрейдисты, не любили науку в целом, физиологию в частности и бихевиоризм как мировоззрение. Их удел – блуждание по темным подвалам человеческого сознания, которое озабочено страданиями и смертью. Если феноменология – это точное и полное изучение феноменов нашего сознания, то психоаналитическая феноменология – это попытка сделать эти феномены максимально доступными. Ее психотерапия обязуется предоставить нам возможность манипуляции феноменами. Любимая сентенция экзистенциалистов: «*Наши существования предшествуют нашим сущностям*» (Сартр). Поэтому экзистенциальная феноменология отбросила тяжеловесную эпистемологию Гуссерля и обратилась к человеческим явлениям Жизни, которая дана нам через призму интенционального сознания. Жизнь окрашена нашей и только *нашей* субъективностью, бытийностью, экзистенцией. Чтобы прорваться к Жизни, почувствовать ее пульс, не нужны прошлый опыт и теория – они нам не помогут – требуется испытание настоящим временем, что и дает *онтологическое бытие* во всем его объеме. Экзистенциальная феноменология может обращаться не только к сепаратной субъективности, но и к межличностной, так как наряду с *бытием-в-себе* и *бытием-для-себя*, существует бытие-для-другого и бытие-в-мире. Бинсвангер ввел категорию *бытие-над-миром*, которую он трактовал как любовь. Он вместе со всеми экзистенциалистами

оперировал пессимистическими категориями как то: *вброшенность в мир, тоска или забота, страх перед пустотой, вина за свой выбор, раскаяние и, наконец, смерть*. Чтобы преодолеть «экзистенциальный невроз», выраженный этими категориями, как раз и нужна техника экзистенциального анализа.

На первый взгляд экзистенциальный анализ сильно отличается от фрейдистского психоанализа, который трактует все беды в сексуальной плоскости, но по существу оба анализа сходны. Их сходство основывается на доверчивости и внушаемости людей, оба анализа апеллируют не к разуму и знаниям, а к эмоциям и вере человека. Более того, обе психотерапевтические методики отсылают нас к древнеиндийским и древнекитайским учениям. Чтобы не поддаться панике смерти или погасить в себе низменные вожделения, экзистенциалисты рекомендуют примерно тот же набор средств, что и даосы, йоги или дзэн-буддисты. Во всех случаях лечение сводилось к «разговору». Древние мудрецы обыкновенно вспоминали притчу, мораль которой сводилась к тому, что переедать вредно. Когда к психоаналитику приходил «обжора», врач сочинял сказку о сексуальном влечении ребенка к груди матери, которая и перекармливала его молоком. Врач-экзистенциалист придумывал другую байку: человек, который с тревогой объедается, находится во власти страха перед пустотой, поэтому он испытывает потребность заполнить себя. Обе легенды возникают из немудреного «анализа» предварительного разговора с пациентом. Искусство врачевания сводится к умению подобрать в соответствующем ключе занимательную историю, которая смогла бы захватить пациента. Подготовка врача-фрейдида и врача-экзистенциалиста ведется тоже примерно одинаково: они выучивают максимальное число сюжетов, чтобы потом на их основе можно было подобрать необходимую «историю болезни» для конкретно обратившегося к ним клиента.

Сартр тоже разработал экзистенциальный психоанализ, который, в принципе, мало отличался от бинсвангерского. Он настаивал на том, что психическое «не есть объективируемое», психика принципиально имманентна, она всегда остается скрытой от познающего ее субъекта, поэтому не следует пытаться подходить к ней как к физическому объекту. Психическую болезнь нужно пережить и изжить, а не изучать и исследовать. Поскольку психическая жизнь является именно Жизнью, т.е. более интимной и внутренней, то всё, что было справедливо сказано в рамках фрейдистского п-анализа, будет верным и для п-анализа Сартра. Однако его интересуют уже не вопросы сексуальности, а вопросы *вашего* личного отношения к Жизни, окружающим вас вещам, интересующим *вас* культурным явлениям. Экзистенциальный психолог стремится проникнуть не в сексуальное бессознательное, а в *ваш* бытовой мир, чтобы понять, как вы видите дома, деревья, предметы. Сартр исключает из своего психоанализа бессознательное; у него всё находится в сфере сознания, включая нечистую совесть. Поскольку для экзистенциалиста категория времени является наиважнейшей, психотерапевт непременно спросит у пациента, как он относится к своему прошлому, настоящему и будущему. Есть люди, которые живут либо прошлым, либо настоящим, либо будущим; в зависимости от этого назначается и «курс лечения». Фактор *переноса*, существующий во фрейдистской практике, для врача-экзистенциалиста играет более важную роль, в связи с теорией интенциональности и эмпатии. Врач попытается быть более «естественным» с пациентом, постарается «слиться» с ним, в то время как психоаналитик фрейдистского толка работает более отстраненно, формально и директивно.

Задача психотерапии – «реконструировать подлинную жизнь человека, его онтологическое существование».

«Этот метод, – пишет Сартр, – состоит в том, чтобы выяснить в строго объективной форме субъективный выбор, посредством которого каждая личность делает себя личностью, т.е. сообщает о себе то, что она есть. Так как объект его поисков составляет *выбор существования*, а также бытие, он должен свести отдельные поведения к фундаментальным отношениям, не к отношениям сексуальности или воле к власти, а к отношениям бытия, выражающимся в этом поведении».

Конечная цель экзистенциального психоанализа, по Сартру, состоит в том, чтобы осуществить синтез *бытия-в-себе* и *бытия-для-себя*. Он уверял, что

«именно в качестве сознания *бытие-для-себя* хочет обладать непроницаемостью и бесконечной плотностью *бытия-в-себе*. Идеал сознания, которое было бы основанием для своего собственного *бытия-в-себе* ... можно назвать Богом».

У Фрейда, в отличие от Сартра, *Идеал-Я* и *Бог-Я* находились в сфере бессознательного.

Рикер, авторитетный исследователь творчества Фрейда, писал:

«В то время как гуссерлевская процедура – это выведение мира за скобки и сведение его к сознанию, фрейдовская процедура – это выведение за скобки сознания и сведение его к бессознательному».

Действительно, коперниковская революция Фрейда означала, что человеческий микрокосмос вращается не вокруг сознания, а вокруг бессознательного. Сартр в этом смысле решил вернуть психике птолемеевскую систему координат. Главное, что бессознательное, нечаянно доставшееся Фрейду от гербартовой теории, плохо вписывалось в философию экзистенциализма. Сартр не пользовался методом «свободных ассоциаций», он провозгласил принцип «свободной унификации».

«Бытие, подлежащее рассмотрению, – пишет Сартр, – не дробится в пыль; в нем можно найти единство (для понимания которого субстанция – это карикатура) – единство ответственности... одним словом, личное единство. Это единство, которое и является бытием рассматриваемого человека, есть *свободная унификация*. Унификация не могла бы появиться после различия, которое она унифицирует. *Быть...* значит унифицировать себя в мире. Несводимая унификация... вот что мы требуем от биографа, это, таким образом, унификация *изначального проекта*, которая должна открываться нам как *несубстанциальный абсолютом*».

Таким образом, единство личности, ответственность и тотальная свобода исключают детерминированную и безответственную силу, сосредоточенную в субстанциальном либидо Фрейда.

Сартр указывает на логическое противоречие, которое фрейдовский механизм цензуры делает просто невозможным. Л.И. Филиппов, разъясняя позицию Сартра, пишет:

«Критикуя принципы бессознательного, Сартр делает основной акцент на учении Фрейда о цензуре. Бессознательное в этом пункте системы Фрейда элиминируется [исключается], как мы знаем, в учении о «нечистой совести». Раскол психический материал на *Я* и *Оно*, считает Сартр, и исключив из последнего сознание, Фрейд тем самым выдвигает идею существования обмана без обманщика, а на место дуализма обманщика и обманутого подставляет дуализм *Я* и *Оно*. «Но если мы отбросим язык и овеществленную мифологию психоанализа, – пишет Сартр, – мы придем к выводу, что цензура для развития своей различающей активности должна знать, что она вытесняет. Чтобы вытеснить что-то, цензура должна выбирать тенденции, подлежащие вытеснению, а чтобы выбирать, она должна представлять их». В акте «нечистой совести» субъект и объект лжи совпадают, «это перед самим собой *Я* скрывает истину»; тот, кто осуществляет «нечистую совесть», не может не иметь сознания о ней, потому что «бытие сознания есть сознание бытия»».

Конкретная критика фрейдизма Сартром и создание им собственного психоанализа вливается в общий хор недовольных учением Фрейда. Немалое число психологов занялось разработкой новой ψ -технологии, свободной от недостатков. Здесь можно было бы назвать Юнга, Адлера, Роджерса, Маслоу, Эриксона и других. Вы, уважаемый Удод, могли бы высказать претензию, мол, прежде чем рассказывать об экзистенциальном психоанализе, не мешало бы вспомнить о более ранних и более известных ψ -аналитиках. Однако данная тема слишком широка, и ее лучше рассматривать отдельно. В этой же главе ставилась конкретная задача – показать общий вектор развития эпистемологии, и она была в основном выполнена. Подводя окончательный итог, можно констатировать, что эпистемология, основанная на рациональном познании, постоянно ослабевала. Ее виталистическая и схоластическая компоненты неизменно усиливались. Существовала рациональная эпистемология, связанная с позитивизмом, но она затрагивала релятивистскую и атомную физики, космологию и другие естественные науки.

Можно говорить о разделении общей эпистемологии XIX в. на гуманитарную и естественно-научную эпистемологии XX в. Представители гуманитарной эпистемологии критиковали недостатки естественно-научной, и наоборот. Известно, например, что наиболее влиятельный философ естествознания Карл Поппер (1902–1994) на основе своей теории верификации и фальсификации отказал психоанализу в праве называться рациональной наукой. Независимо от того, каким конкретным методом он пользовался, общий его вывод остается в силе: фрейдизм относится к одной из многочисленных ветвей витализма и схоластики, которая характеризуется иррациональной методологией. Вы, уважаемый Удод, по мере знакомства с

детальями психоанализа и личностью самого Фрейда, убедитесь в правильности такого заключения.

Глава 5. Образ мыслей Фрейда

Удод: Что ж, уважаемый Скептик, надеюсь, мы с Вами нарисовали полную картину того научно-философского фона, на котором творил Фрейд. Настало время обратиться к его образу мыслей. Кое-что Вы уже сказали, причем не в его пользу. Я со своей стороны придерживаюсь взвешенного взгляда, высказанного в лекциях «Психоанализ. Истоки и первые этапы развития» (1997) А.М. Руткевичем. Автор признает, что вокруг Фрейда сложился нездоровый ажиотаж, придумано множество мифов, бесчисленные его биографии читаются как увлекательные романы, так как содержат приукрашенные истории из его личной жизни. В разделе «Миф о герое» приводится немало возражений в адрес тех, кто писал о Фрейде, приукрашивая его биографию, и даже в адрес самого Фрейда, когда он пытался замалчивать свои явные промахи. Но в целом Руткевич признает его вполне рационально мыслящим ученым, с чем я, уважаемый Скептик, абсолютно согласен. Его теория вытеснения и слоистой структуры психики, методика свободных ассоциаций кажутся мне достаточно конструктивными.

Я готов согласиться с утверждением Руткевича, который написал, что «Фрейд был великим ученым, и он не нуждается в том, чтобы ему приписывали открытия других». Разве имя Фрейда не стоит рядом с величайшими именами Эйнштейна и Ньютона? Или, быть может, Вы сомневаетесь и в их рационализме? Руткевич пишет верно: скандальные легенды о нем «*нужны тем, кто не наделен творческими способностями Фрейда и идет по легкому и удобному пути; творит себе кумира, уже открывшего истину в последнем основании*». Говоря об эдиповом комплексе, он замечает, что

«Фрейд является пророком этого бессознательного божества. Рассказ возникает сам по себе в глубинах нашей души, но мы способны его услышать благодаря методу, коим нас одарил Фрейд. Он является «героем познания и героем свободы» – он вручил нам ключи от врат самопознания и эмансипации. Биограф должен засвидетельствовать эти подвиги великого и неповторимого человека, представить образец для подражания и почитания».

Вы спросите, уважаемый Скептик, почему Руткевич считает его рационально мыслящим ученым? – Да по очень простой причине:

«Наука XIX века, материализм и позитивизм в философии – вот исторические предпосылки его учения. Психоаналитики могут сколько угодно повторять, что путем самоанализа Фрейд открыл вечные истины относительно человеческой природы. Однако его учение не могло бы возникнуть ранее теории эволюции Дарвина, физиологии Гельмгольца или возвращения гипноза в медицину, осуществленного Льебо и Бернхеймом».

В чем не прав здесь Руткевич? – Всё он говорит правильно.

«Фрейдистский портрет, – пишет он, – довольно реалистичен в изображении нас самих и наших современников, людей большого города. Главное здесь то, что они узнают самих себя в этом портрете. Читать серьезные научные работы по психологии, социологии, истории культуры станет далеко не всякий, а в популярной книжке по психоанализу читатель находит все ответы по неизбежно возникающим у него вопросам о собственной душе. Он действительно лучше понимает и себя, и поведение других – теория «верифицируется» на опыте. Психоанализ действительно есть недурное описание некоторых черт и склонностей человека *Weltstadt* [городского мира]⁸».

В разделе «Стиль мышления» Руткевич подробно останавливается на заинтересовавшей нас теме рациональности мышления Фрейда. Там он пишет:

«То, что он был выдающимся ученым, мало кто подвергает сомнению. Он доказал это еще до создания психоанализа в своих работах по физиологии головного мозга. Как и всякий ученый, имеющий дело с эмпирическими данными, он с сомнением относился к полету метафизической фантазии, которая не знает никаких границ. Его тексты являются прозрачными и ясными, он

⁸ В.Э.: Наверное – «Вселенского города».

скептически относился к увлечениям некоторых своих сотрудников мифологией, астрологией, алхимией. ... Фрейд боготворил науку и считал, что научное мировоззрение должно сменить религиозное ... «Оккультизм» был для него чуть ли не бранной характеристикой, и он противопоставлял ему неискоренимую приверженность психоанализа «механицизму», подразумевая под последним принятие той картины мира, которую дают естественные науки. Иначе говоря, рациональность для Фрейда, по существу, сводится к научной рациональности...

...Он постоянно ссылается на фактический материал, но в то же самое время выдвигает смелые гипотезы, предлагает общие объяснительные схемы и законы. Такой образ Фрейда – как универсально одаренного ученого – возникает, прежде всего, при чтении трудов его биографов, например, Э. Джонса. ... Джонс прав в том смысле, что Фрейд действительно соединял в себе эмпирика-наблюдателя, наделенного необычайно цепким взглядом, и способного к смелым гипотезам теоретика. ... Временами Фрейд был очень осторожен, в его трудах мы постоянно встречаем оговорки: «быть может», «вероятно», «насколько нам известно». Но в то же самое время мы встречаемся с уверенными заявлениями об универсальности открытых им законов. ...Фрейд мыслит как философствующий естествоиспытатель. ...Говоря словами Гегеля, фрейдовское мышление является «абстрактным». Отталкиваясь от опыта наблюдений, Фрейд выстраивает ряды отвлеченных понятий, увязывает их друг с другом, а затем обнаруживает, что эти понятия образуют полярные противоположности, вроде инстинкта жизни и инстинкта смерти. Тогда он просто говорит о «нашей мифологии» (Эрос и Танатос), но эта мифология должна увязать все теоретические построения. Каждая из таких предельных абстракций выступает как кантовская идея, связующая ряды понятий, но у Фрейда эти идеи образуют антиномии, причем сам он не осознает того, что они возникли в результате его собственных познавательных процедур. ...Он держится вполне определенной – материалистической – метафизики и пытается объяснять все психические явления биологическими причинами. ...

Можно сказать, что Фрейд никогда сознательно не шел на подгонку фактов. Выдвинутые идеи овладевали им настолько, что становились для него истинами в последнем основании, а всякая критика буквально его ранила. Но он отличался способностью пересматривать свои идеи, сопоставляя их с фактическим материалом. На него практически никакого влияния не оказывали идеи и критика других. Но сам Фрейд до глубокой старости переосмысливал тот опыт, с которым он как практикующий врач полвека имел дело. Независимо от оценок истинности или ложности его идей, мы можем сказать вслед за Гете: «Кто ищет, вынужден блуждать». Не будь этого постоянного и никогда не прекращавшегося поиска, Фрейд не совершил бы своих открытий, которые перевернули наши представления о человеческой психике».

Руткевич еще неоднократно говорит о вполне рациональном мышлении Фрейда. В частности, в разделе «Предшественники», он пишет,

«что в генезисе психоанализа основную роль сыграли наука и философия, поставившие под сомнение религиозный опыт самоочевидного переживания, которому был противопоставлен контролируемый рефлексией опыт познания». В заключительном разделе Руткевич написал: «Психоанализ не является ни естественной, ни социальной наукой, но это не означает, что он лишен всякого содержания и ничего не говорит нам о современном человеке. Психотерапевты не являются шарлатанами или мошенниками, как не были ими знахари, жрецы или экзорцисты. Психоанализ напоминает те древние учения, которые соединяли философскую спекуляцию с той или иной практикой психической регуляции. От того, что йога, даосизм или дзен-буддизм по своему идейному содержанию очень далеки от бихевиоризма, они ничуть не утрачивают своей привлекательности, причем не только для индийцев, китайцев или японцев. Йог обнаруживает у себя в практике медитации связанные друг с другом чакры, психоаналитик в процессе *Lehranalyse* или его пациент во время лечения находит у себя стадии развития либидо. Это некие виртуальные реальности, открывающиеся только в таком опыте общения или медитации. В ином опыте ничего подобного не открывается. Опыт не сводится к экспериментам науки, в психологии область квантифицируемого и строго объяснимого вообще крайне незначительна. Пусть психоанализ дает лишь видимость объяснения [!] происходящих в нашей душе процессов; но если б он не был эффективной формой психотерапии, если бы наши современники вообще не обнаруживали у себя «комплекс», то его бы уже давно не существовало».

О рациональности мышления Фрейда писал Эрих Фромм в своем небольшом эссе о Фрейде. Там мы читаем:

«Самая поразительная и, наверное, самая могущественная эмоциональная сила Фрейда – страстная любовь к истине, бескомпромиссная вера в разум. Разум был для него той единственной способностью, которая может помочь в решении проблемы существования человека или, по крайней

мере, смягчить страдания, неизбежные в человеческой жизни. Разум, как чувствовал Фрейд, является нашим единственным орудием, или оружием, с помощью которого мы можем избавиться от иллюзий (религиозные пути, по Фрейду, суть лишь одна из них) и придать жизни смысл, обрести независимость от оков внешней власти, а тем самым и установить над ними собственную власть. Эта вера в разум была основой его неистового стремления к истине – с тех пор как в сложности и многообразии наблюдаемых явлений ему открылась теоретическая истина. Даже если результаты с точки зрения здравого смысла казались абсурдными, это не смущало Фрейда. Напротив, смех толпы, помышляющей лишь о выгоде и спокойном сне, только подчеркивал для него различие между убеждением и мнением, разумом и здравым смыслом, истиной и рационализацией.

Эта вера в могущество разума говорит о том, что Фрейд был сыном века Просвещения, девиз которого – «*Sapere aude*» («Дерзай знать») – всецело определил как личность Фрейда, так и его труды. Это была вера, первоначально возникшая при освобождении среднего класса западных стран от уз и предрассудков феодального общества. Спиноза и Кант, Руссо и Вольтер, сколь бы различными ни были их философские взгляды, разделяли эту страстную веру в разум. Всех их объединяло одно стремление – борьба за новый, поистине просвещенный, свободный и человеческий мир. Этот дух сохранился у среднего класса XIX в. в Западной и Центральной Европе, в особенности у тех людей, кто посвятил себя прогрессу естествознания. Если еврейское происхождение Фрейда вообще чему-либо способствовало, то в первую очередь – принятию духа Просвещения. Сама еврейская традиция была традицией разума и интеллектуальной дисциплины, кроме того, презираемое меньшинство страстно заинтересовано в победе над силами тьмы, иррациональностью и предрассудками, стоящими на пути его эмансипации и прогресса».

Я не цитирую места, где Фромм и особенно Руткевич критикуют Фрейда, поскольку, во-первых, их критика не перечеркивает сказанного о нем, а, во-вторых, я надеюсь, что критика это Ваша прерогатива, уважаемый Скептик.

Скептик: Сейчас мы не станем отвлекаться на критические замечания, сделанные Руткевичем (к ним мы, надеюсь, вернемся, когда коснемся соответствующих проблем). Тем более, что критика его слаба, если она не касается известных ему фактов фальсификации эмпирических данных, осуществленных либо самим Фрейдом, либо его ближайшими сподвижниками, что, кстати, хотя бы отчасти перечеркивает процитированные Вами тексты. Человек, стремящийся к истине, не станет заниматься очковитательством, а Фрейд и его окружение постоянно занимались этим, причем в грандиозных масштабах как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне. Приведенные Вами, уважаемый Удод, выдержки из сочинений Руткевича и Фромма ни в чем меня не убедили, поскольку они сориентированы на обычную для фрейдистской тематики мифологию. Я уверен на сто процентов и буду рад, если мне удастся переубедить Вас хотя бы на пятьдесят, что Фрейд не был рационально мыслящим ученым, да и вообще ученым, так как его ум не был приспособлен для научной работы. Те, кто обвиняет его и прочих психоаналитиков в шарлатанстве и мошенничестве, безусловно, правы. Кстати, последние слова Руткевича о «виртуальной реальности» и «видимости объяснения» также выдают его глубоко ненаучный образ мыслей. Похоже, он готов подменить медицину и психиатрию шаманством лишь бы оно «эффективно» действовало. Такие люди, как Руткевич, прекрасно знают, что астрология или хиромантия – лженауки, но ведь научность и эффективность психоанализа ничуть не выше астрологии или хиромантии.

Чтобы убедиться в ложной позиции Руткевича и Фромма, нужно провести детальный анализ только что процитированных Вами слов. Начну с оккультизма. В отношении этой антинаучной практики Фрейд не был столь категоричен, как это сказал Руткевич, скорее наоборот. В письме к итальянскому коллеге Эдуарду Вейссу от 8 мая 1932 г. Фрейд писал:

«Отказ психоаналитика открыто принимать участие в оккультных исследованиях – это чисто практическая мера предосторожности и временное ограничение, а не выражение принципиальной позиции. Отказываться от этих исследований из подозрения и неведения означало бы и в самом деле следовать жалкому примеру наших противников. Насчет этого я вполне с Вами согласен. Согласен и с тем, что, когда трусливо обращаются в бегство, относясь с заведомым высокомерием к предположительно «сверхъестественному», это означает недостаток доверия к надежности нашего научного мировоззрения. Однако наиболее мрачная глава в этой истории – деятельность медиумов. Несомненное шарлатанство медиумов, глупый и надуманный характер их результатов, трудности проверки, которые создаются специальными условиями их деятельности, очевидная невероятность утверждений – всё это вынуждает к величайшей осторожности. Должны быть, однако, лучшие пути, чтобы проверить реальность того, что истинно в оккультизме. Нынешняя техника контроля чересчур

напоминает мне бессмысленные ограничения с визами и вывозом валюты с приводимыми объяснениями, которые ничуть не улучшают дела».

Таким образом, оккультизм не был для Фрейда «бранной характеристикой», как об этом писал Руткевич. Наоборот, он думал, что в оккультных науках таятся нераскрытые еще возможности.

Руткевич, по-видимому, впал в заблуждение в силу следующих обстоятельств. Часто Фрейда сравнивали с Аполлоном, а Юнга – с Дионисом, поскольку считалось, что Фрейд – приверженец рациональной науки, а Юнг – оккультной. Действительно, с Юнгом тяжело тягаться в мистицизме. Но в сравнении со среднестатистическим жителем земли Фрейда можно смело причислить к мистикам. Его вера в каббалистическую нумерологию и парапсихологию намного превосходит средние показатели, особенно, если это касается людей, занятых в науке. Фрейд переживал, что Юнг всё больше тяготеет к оккультизму и всё меньше поддерживает его в теории сексуальности.

«Я очень хорошо помню, – пишет Юнг, вспоминая свой разговор с Фрейдом накануне их разрыва, – как Фрейд сказал мне: «Мой дорогой Юнг! Обещайте мне никогда не отказываться от теории сексуальности. Это чрезвычайно важно. Помните, мы должны сделать из этого догму, несокрушимый бастион». Он говорил очень страстно, тон его напоминал тон отца. «Обещайте мне одну вещь, мой дорогой сын: ходить каждое воскресенье в церковь!» Несколько удивленный, я спросил его: «Бастион – против чего? «На это он ответил: «Против черного потока грязи оккультизма»».

Этот диалог велся в иносказательной форме. Церковь всегда выступала против оккультизма, и Фрейд советовал Юнгу хоть изредка ходить туда, чтобы божья благодать очистила его душу от чар мистических сил, которым он подчинился. Фрейд не был, конечно, Аполлоном, т.е. богом рациональной науки, он был скорее поклонником культа Афродиты, которая часто находилась в компании с Дионисом. Но он не хотел, чтобы Дионис полностью вытеснил богиню Любви в душе Юнга. Увы, его призыв не возымел действия. Юнг с головой ушел в оккультизм, чего Фрейд не мог ему простить. Поэтому он ругал оккультизм, но только ту его часть, которая вытеснила сексуальность. В сущности, Фрейд был всеядным.

Далее, рационально мыслящий ученый никогда бы не стал заниматься телепатией, а Фрейд ею был увлечен. Со своими друзьями-психоаналитиками он часто обсуждал эту тему, хотя говорить о ней в присутствии серьезных ученых не решался. В циркулярном письме для «комитетчиков» от 4 ноября 1920 г. Абрахам предлагал тему телепатии вынести на очередной конгресс. Вопрос, который им ставился, звучал так: «Повлияет ли на теорию и практику психоанализа признание возможности передачи мысли на расстояние и если да, то каким образом». Поначалу это предложение все с энтузиазмом приняли, но потом про него забыли, поскольку оказалось, что никто из психоаналитиков специально этой проблематикой не занимался. Джонс спрашивал, как нужно вести себя с любопытствующими, когда те спросят о его увлечении телепатией. Фрейд советовал: *«Спокойно отвечайте, что мое обращение к телепатии является моим личным делом, таким же, как и моя еврейская национальность, или что я страстный курильщик и т.п. Телепатия, по сути, не имеет никакого отношения к психоанализу».* Вот здесь Фрейд ошибся: телепатия имеет отношение к психоанализу, поскольку обе эти науки зиждутся на спекуляциях экспериментального и теоретического плана. Теперь мы можем с полным правом телепатию, оккультизм и психоанализ поставить в один ряд, коль скоро Фрейд открыто проявил интерес к телепатии, пусть даже и не в качестве полноценной науки. Одно внимание к ней является серьезным обвинением в отсутствии рациональности мышления ученого.

Другим явно иррациональным признаком мышления Фрейда является его увлечение нумерологией, которая по своей внутренней природе очень схожа с каббалой. Люди, далекие от точных наук, причисляют ее к некоей математической науке, но фактически она является обыкновенной мистификацией случайных знаков. Сторонники каббалы уверены, что в библейских текстах Господь Бог с помощью особого шифра послал людям сообщение о времени наступления светопреставления. Фрейд также пытается по случайным цифровым знакам угадать характер, судьбу и поступки человека, которые тот совершал в прошлом или совершит в будущем. В письме от 22 августа 1924 г. к своему ближайшему другу и последователю Карлу Абрахаму Фрейд предостерегал: *«С числами можно проделывать безумные вещи. Осторож-*

nee!» Его патологическое пристрастие к нумерологии можно проследить на примере одного сопроводительного письма к другу, Вильгельму Флиссу, которому он отсылал рукопись «Толкование сновидений» для ознакомления и исправления ошибок. В нем он писал, что «в книге будет 2467 ошибок». Число это взято с «потолка»: количество ошибок Фрейд, конечно, знать не мог. Но Фрейд не был бы Фрейдом, если бы после случайной записи числа не подверг его тщательной психоаналитической экспертизе. Что же дал его ψ -анализ? Оказалось, первая половинка написанного им числа, т.е. 24, означает возраст, когда он впервые повстречал генерала, о котором прочел в газете во время написания указанной книги (в заметке говорилось, что генерал уходит на пенсию). Вторая половинка числа, т.е. 67, складывается из двух чисел: 24 и 43. Число 43 – означает текущий возраст Фрейда, а число 24 он затем интерпретировал следующим образом: столько лет ему осталось трудиться на благо психиатрической науки.

Этот пример с числом 2467 он потом вставлял в свои лекции. Встречается он и в последней главе книги «Психопатология обыденной жизни» (1901), где вслед за ним приводится еще более невразумительный пример с числом 1734. Некий корреспондент сообщает:

«Вчера вечером я взялся за «Психопатологию обыденной жизни» и прочел бы всю книгу до конца, если бы мне не помешал замечательный случай. Когда я прочел о том, что всякое число, которое мы, казалось бы, совершенно произвольно вызываем в своем сознании, имеет определенный смысл, я решил сделать опыт. Мне пришло в голову число 1734. Вслед за этим мне приходит на ум одно за другим следующее: $1734 : 17 = 102$; $102 : 17 = 6$. Затем я расчлняю задуманное число на 17 и 34. Мне 34 года. Как я уже сам, кажется, сказал однажды, я смотрю на 34-й год как на последний год молодости, и потому последний раз в день моего рождения чувствовал себя отвратительно. К концу 17-го года для меня начался очень отраднй и интересный период развития. Я делю свою жизнь на отдели, по 17 лет каждый. Что должны обозначать эти доли? По поводу 102 мне приходит на ум, что № 102 «*Reklam-Universal bibliothek*» содержит пьесу Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние». Мое теперешнее психическое состояние – это ненависть к людям и раскаяние. № 6 этой библиотеки (я знаю наизусть множество номеров) – это «Вина» Мюллнера. ...Приходит мне в голову еще одно: 17 и 34, деленные на 17, составляют 1 и 2, №№ 1 и 2 «Рекламной библиотеки» – это «Фауст» Гёте. В прежнее время я находил в себе очень много фаустовского».

За числом 1734 идет толкование следующего числа, которое, по мнению Фрейда, тоже превосходно подтверждает его герменевтическую теорию. Автор ссылается на того же корреспондента, который попросил свою жену назвать любое произвольное число.

«Она называет число 117. Я тотчас же возражаю на это: «17 – относится и к тому, что я тебе рассказал. Далее, вчера я сказал тебе: если жене 82 года, а мужу 35, то это ужасное несоответствие». Последние дни я дразню жену тем, что она, мол, старая 82-летняя бабушка. $82 + 35 = 117$ ». Таким образом, – заключает Фрейд, – человек, который сам не мог детерминировать свое число, тотчас же нашел решение, когда жена назвала ему якобы произвольно выбранное число. На самом деле жена прекрасно поняла, из какого комплекса взялось число ее мужа, и выбрала свое число из того же комплекса, несомненно, общего для обоих этих лиц, так как речь шла об отношении между их возрастaми. Теперь нам нетрудно истолковать число мужа. Оно выражает ... подавленное желание мужа, которое, будучи вполне развито, гласило бы: «человеку 34 лет, такому как я, подстать только семнадцатилетняя жена»».

Перед нами образцы иррационального мышления. Подобное нумерологическое суеверие прекрасно характеризует Фрейда как человека, которому категорически противопоказано заниматься какой бы то ни было научной деятельностью. Герменевтикой пронизана «Психопатология обыденной жизни», которая делится на 12 глав. В первой главе Фрейд пытается понять, почему он забыл имя художника Синьорелли. Вместо него ему приходили на ум два других имени – Боттичелли и Больтраффио. На несведущих людей данный пример может произвести впечатление рационального анализа. Однако по своей сути он ничем не отличается от приведенных выше нумерологических гаданий. То же самое относится к забыванию иностранных слов (гл. 2), имен и словосочетаний (гл. 3), впечатлений и намерений (гл. 7), а также к действиям, совершаемым «по ошибке» (гл. 8), симптоматическим и случайным действиям (гл. 9), заблуждениям (гл. 10), обмолвкам (гл. 5), очиткам и опискам (гл. 6) и комбинированным ошибочным действиям (гл. 11).

Читателю, имеющему навыки научного мышления, не нужно доказывать, что большинство толкований надуманных или просто придуманных случаев из «обыденной жизни», иррациональны сами по себе. Серьезные ученые, прочтя две–три страницы, написанные Фрейдом,

прекрасно понимают, что имеют дело с причудливыми фантазиями автора, который, вообразив себя ученым, имитирует научные тексты. Но неподготовленным читателям, которым Руткевич, Фромм и другие философы внушили, что Фрейд является великим ученым, только при одном упоминании знаменитых итальянских имен может показаться, что перед ними научная теория.

Имитация науки начинается с демонстрации схемы, которая показывает, как Фрейд забыл имя одного художника и ему на ум пришли два других имени. Ученый пишет:

«Я ехал лошадьми с одним чужим для меня господином из Рагузы (в Далмации) в Герцеговину; мы заговорили о путешествиях по Италии, и я спросил моего спутника, был ли он уже в Орвието и видел ли знаменитые фрески NN».

Вместо Луки Синьорелли (NN) Фрейд назвал имена-заместители – Боттичелли и Больтраффио. По Фрейду, замещение произошло потому, что до этого попутчики разговаривали о

«нравах и обычаях турок, живущих в Боснии и Герцеговине. ...Боснийские турки ценят выше всего на свете половое наслаждение и в случаях заболеваний, делающих его невозможным, впадают в отчаяние, резко контрастирующее с их фатальным равнодушием к смерти».

Далее выстраивается следующая ассоциативная цепочка:

«Я находился в то время под впечатлением известия, полученного несколькими неделями раньше, во время моего пребывания в Трафуа (Trafoi): один из моих пациентов, на лечение которого я потратил много труда, покончил с собой вследствие неизлечимой половой болезни. Я точно знаю, что во время моей поездки в Герцеговину это печальное известие и всё то, что было с ним связано, не всплывало в моем сознании. Но совпадение звуков *Trafoi* – *Boltraffio* заставляет меня предположить, что в этот момент, несмотря на то, что я намеренно направил свое внимание в другую сторону, данное воспоминание всё же оказало свое действие». «Весьма очевидна та связь, которая установилась между искомым именем и вытесненной темой («смерть и сексуальность»; к ней же относятся имена Босния, Герцеговина и Трафуа»).

«Имя *Signorelli* разложилось при этом на две части. Последние два слога (*elli*) воспроизведены в одном из имен-заместителей без изменения (*Botticelli*), первые же два подверглись переводу с итальянского языка на немецкий (*Signor* = *Herr* = «господин»), вступили в этом виде в целый ряд сочетаний с тем словом, которое фигурировало в вытесненной теме (*Herr*, *Her zegowna*), и благодаря этому оказались также потерянными для воспроизведения. Замещение их произошло так, как будто было сделано смещение вдоль словосочетания «Герцеговина и Босния», причем смещение это совершилось независимо от смысла этих слов и от акустического разграничения отдельных слогов. Отдельные части фразы механически рассекались подобно тому, как это делается при построении ребуса. Весь этот процесс, в результате которого имя Синьорелли заменилось двумя другими, протекал всецело вне сознания».

Впервые этот материал был опубликован в статье 1898 г. под названием «О психическом механизме забывчивости». Тема ассоциативной связи, механизмы воспоминания и забывания образов была для того времени чрезвычайно модной. Описанный Фрейдом механизм забывания обсуждался Гербартом, Вундтом и другими исследователями, которые, в отличие от Фрейда, пользовались статистическими и строго контролируруемыми методами. Материал для своей статьи Фрейд, скорее всего, от начала и до конца выдумал, ориентируясь на какой-то готовый образец (содержание его статей и книг не поддается проверке). Данная имитация укладывается в общую герменевтическую технологию «свободной ассоциации», которую Фрейд использовал в своем психоанализе на протяжении всей жизни. Однако, мне кажется, уважаемый Удод, нумерологические примеры лучше, чем этот и другие лингвистические примеры, характеризуют ненаучное мышление Фрейда. В книге «Толкование сновидений», как и в других его сочинениях, дается множество сновидений, в которых автор декодирует сообщенные сновидцами числа. Приведу несколько, как мне кажется, «разоблачительных» примеров, в которых используется один и тот же механизм фантазирования, получивший название «свободные ассоциации».

«Она собирается за что-то заплатить, – пересказывает Фрейд сновидение своей пациентки. – Дочь вынимает у нее из кошелька 3 гульдена 65 крейцеров, но она говорит: «Что ты делаешь? Ведь это стоит всего 21 крейцер».

Теперь угадайте, что означает денежная сумма в 3 гульдена 65 крейцеров? – Правильно, здесь отгадать несложно: названная сумма символизирует число дней в году – 365. А что означает сумма в 21 крейцер? – Число оставшихся у дамы здоровых зубов? А может быть, число ее любовников, с которыми она когда-то имела интимную связь? – Ни за что не угадаете, уважаемый Удод. Оказывается, число 21 указывает на три недели, которые остались ей до конца психотерапевтического сеанса с Фрейдом. Кто ж сомневается, что на эту сложнейшую расшифровку числового кода у психотерапевта ушла уйма интеллектуальной энергии, рабочего времени и, соответственно, денег из кармана доверчивой барышни.

А вот другое сновидение:

«Она сидит с мужем в театре, одна сторона партера совершенно пустая. Муж рассказывает ей, что вместе с ними хотели пойти Элиза Л. и ее жених, но что они достали только плохие места: 3 по 1 гульдону 50 крейцеров; эти места они, конечно, брать не захотели. Она отвечает, что особой беды им бы от этого не было».

Итак, вопрос: что означают числа 1,50 и 3? Чтобы восстановить истинный смысл, – решает врач-психотерапевт, – необходимо первое число умножить на 100: именно 150 гульденов «невестка получила от своего мужа в подарок». «Откуда же цифра 3, три места? – спрашивает себя Фрейд. – Ее можно сопоставить лишь с тем, что Элиза Л. моложе ее на три месяца». Как вам такое толкование? В лекциях «Введение в психоанализ» этот пример повторен, но с более развернутым толкованием.

Вот еще один пример абсурдной арифметики:

«Моему хозяину, Шутцману, снится, что он стоит на посту. К нему подходит инспектор, у которого на воротнике мундира имеется число 2262 или 2226, во всяком случае, в этой цифре несколько двоек». В результате своего психоанализа Фрейд выдал следующий диагноз: «Начальник с числом 2262 – он сам, он отслужил 2 года и 2 месяца и теперь, как его 62-летний инспектор, может выйти в отставку с полной пенсией».

Дельфийский оракул здесь бы растерялся, а нашему психоаналитику всё по плечу. И рассуждает он вполне рационально: нельзя сказать, что его мышление не знакомо с правилами элементарной логики. Однако из тех посылок, которые ему подбрасывают пациенты, можно вывести бесчисленное множество заключений.

Когда задаешь вопрос, откуда взялись эти выводы, все недоуменно разводят руками и бормочут что-то невнятное о прозорливости Фрейда. Но думается, дело совсем в другом. Психотерапевт действовал в точности, как составитель гороскопов. Вся его наука держалась на безмерной доверчивости дамочек (к нему обращались в основном взбалмошные женщины) и личном денежном интересе. За психоаналитические сеансы он брал 10 долларов в час или 250 долларов в месяц. По нынешним меркам это скромные деньги. Современные психоаналитические корпорации стараются держать цены на уровне, по крайней мере, на порядок выше, чем у Фрейда.⁹ Говорят, что для получения сертификата на самостоятельную практику сейчас на Западе надо 7 лет напряженно учиться, а потом еще 3 года стажироваться в тандеме с профессионалом; только после этого вас можно подпускать к пациенту с целью выколачивания из него прибыли. У нас в России требования скромней – 4 года учебы и 300 часов практики. Если Фрейд за два месяца «ставил на ноги» больного, то сегодня и за два года ничего не гарантируют.

Приведенные примеры психотерапевтических вычислений наилучшим образом демонстрируют ничтожность методологии и врожденные пороки психоаналитической доктрины в целом. Создается впечатление, что австрийский врач-психотерапевт серьезно верил, будто в мозгу каждого человека, где-то в зоне бессознательного сидит маленький демон по имени Оно с калькулятором в руке и перемножает 1,50 на 100 или раскладывает 2262 на 2 года плюс 2 месяца плюс 62 года. Этот демон почему-то не хочет говорить прямо результат, ему надо обязательно спутать все числа и вложить в уста сновидца тайные коды. Впрочем, к калькулятору демон прибегает редко; чаще он выдает готовые результаты, замаскированные под временные периоды и денежные суммы. Психоаналитик должен своими самыми «свободными ассоциациями», на которые только способен, растолковать клиенту, что означают появившиеся из подкорковой области ряды странных цифр. В этом случае он поступает в точности как астролог или хиромант:

⁹ В.Э.: Во времена Фрейда доллары были другие – в 20, 30, 40 раз ценнее...

психоаналитик пытается извлечь полезную для себя информацию из случайного потока «белого шума». Как и у этих шарлатанов, его главная задача состоит в том, чтобы «клиент» поверил в успех медиума, для чего он сообщает своей мистической методике наукообразную форму.

Близкий друг, а потом ненавистный враг Фрейда, Вильгельм Флисс, всю жизнь работал над теорией биологических ритмов, базирующейся на менструальных циклах. В его теории фигурировали два числа – 28 и 23. Фрейд был убежден, что умрет на 51-м году жизни, так как сумма этих чисел равна 51. Этого, к счастью, не произошло. Тогда ему стало казаться, что он отойдет в мир иной между 61 и 62 годами.

В письме к Карлу Юнгу от 16 апреля 1909 г. он писал:

«Несколько лет назад я обнаружил в себе суеверие, будто мне суждено умереть между 61 и 62 годами, что тогда мне казалось еще весьма отдаленным сроком (теперь осталось лишь восемь лет). Тогда я ездил с братом в Грецию [сентябрь 1904 г.], и это было впрямь тревожно, как часто число 61 или 60 в сочетании с 1 и 2 возникало при всякой возможности, при обозначении всяких числовых предметов, в особенности в номерах транспорта, что я отметил специально. В унынии я надеялся передохнуть в Афинах, в гостинице, тем более что нас поселили на первом этаже, тут уж никак не мог попасться номер 61. Однако зато я получил номер 31 (с дозволения рока половину от 61 – 62), и это более юное и цепкое число начало еще упорнее преследовать меня, нежели первое. На обратном пути и вплоть до недавнего времени число 31, рядом с которым охотно появлялось 2, мне не изменяло. Поскольку и у меня есть в моей системе области, в которые я вступаю без предвзятости, но лишь с жадной жаждой знания, как и Вы, я попытался проанализировать эти суеверия. Вот вам анализ: оно возникло в 1899 г. Тогда совпали два события. Во-первых, я написал «Толкование сновидений» (вышло с датой 1900), а во-вторых, я получил новый номер телефона, который сохранился и по сей день: 14362. Легко понять, что общего между этими двумя фактами: в 1899 г., когда я писал «Толкование сновидений», мне было 43 года. Разве не естественно было заключить, что прочие цифры обозначают конец моей жизни, то есть 61 или 62. В безумии есть метод! [Шекспир, «Гамлет», II, 2] Суеверное убеждение, будто я умру между 61 и 62, выступает как эквивалент уверенности, что «Толкование сновидений» завершает мой жизненный труд, я больше не обязан ничего делать и могу умереть спокойно. Вы должны признать, что при такой параллели всё уже не кажется полной чепухой. Впрочем, за всем стоит скрытое влияние В. Флисса, в годы его «натиска» суеверия вырвались на волю.

Вы видите, как вновь подтверждается иудейский характер моего мистицизма. Мне остается только сказать, что приключения, подобные истории с числом 61, находят объяснение в двух вещах – во-первых, в непомерно развитой бессознательной наблюдательности, которая видит в любой женщине Елену [Гете, «Фауст», I], а во-вторых, в неоспоримой «уступке совпадения», которая играет в построении безумия ту же роль, что телесная податливость при истерических симптомах или языковое совпадение для создания каламбура».

Когда предчувствия Фрейда вновь не оправдались, он стал выискивать для себя другие числа; так появился ряд: 51, 61, 69, 81. Умер же он на 84 году жизни, что не совпало ни с одним его предсказанием. По поводу фразы *«вновь подтверждается иудейский характер моего мистицизма»* нужно сказать следующее. В 1958 г. вышло исследование Дэвида Бакана «Зигмунд Фрейд и иудейская мистическая традиция», где показана тесная связь между психоанализом и каббалой. По словам Гротьяна и Шайдта,

«в ней говорится о принадлежности Фрейда к древней традиции и возможности определенного влияния каббалистско-хасидского течения в иудействе на психоанализ». «Основной тезис его работы состоит в том, что психологическая техника интерпретации текстов (в психоанализе: толкование высказываний пациента) прежде всего и, кроме того, значение, которое Фрейд придавал сексуальности как в болезненной, так и в нормальной психической жизни, исходят от Каббалы. И действительно, автор приводит прямо-таки ошеломляющие параллели».

В письме к Абрахаму Робаку, автору книги «Еврейское влияние на современное мышление», Фрейд писал: *«Вам будет интересно узнать, что мой отец действительно выходец из хасидской среды»*. В книге Марты Роббер «Зигмунд Фрейд: между Эдипом и Моисеем» (1974) отмечается, что Фрейд совершил движение от Эдипа к Моисею, от Афин к Иерусалиму. Генри Эллиенбергер в фундаментальной работе «Открытие бессознательного» (1970) пишет:

«Несмотря на то, что воспитание Фрейда не было ортодоксально-иудейским и он не умел читать на языке своих предков, он сохранил приверженность еврейству, которая, по-видимому, только усиливалась в нем под влиянием растущего антисемитизма и в дальнейшем проявилась в его

восхищении образом Моисея. Еврейская община сыграла немаловажную роль в формировании личности Фрейда».

Теодор Райк, один из первых учеников Фрейда, автор двух книг о нем – «Мы ученики Фрейда» (1930) и «Тридцать лет с Фрейдом» (1940) – писал, что *«нееврей Джонс не имел понятия о еврейских основах Фрейда и поэтому в своем трехтомнике ничего не говорит об этом важном источнике фрейдистских идей»*. Существует масса других работ проеврейского и антисемитского содержания, где доказывается, что психоанализ – исключительно «еврейская наука» и имеет тесные связи с «еврейским мистицизмом».

Удод: Давайте вернемся к истокам психоанализа как большого социального течения и к личности самого Фрейда как основателя этого феномена. Когда Фромм заговорил о «еврейском происхождении» Фрейда и «еврейской традиции», связывая их с «духом Просвещения», он имел в виду вот что. В 1848 г., вскоре после крупного восстания в Галиции, когда Франц Иосиф сел на императорский трон Австро-Венгрии, а в Германии двумя вождями мирового пролетариата был опубликован знаменитый «Коммунистический манифест», евреям была дарована долгожданная свобода. Отныне они на равных со всеми прочими жителями империи пользовались гражданскими правами. В связи с этим многие галицийские евреи бросили свои обжитые места в медвежьих углах империи, где они вели тихую частную жизнь, чтобы окунуться с головой в бурлящую политическими и культурными событиями общественную жизнь Вены. Отец Зигмунда Фрейда, Якоб Фрейд, и его мать, Амалия Натансон, были родом из Галиции, где проживали в закрытых еврейских общинах: отец – из Тысменица, а мать – из Броды. Сменив несколько мест жительства, семья Фрейдов в конце концов оказалась в столице Австрии.

Дата 1 ноября 1848 г. красуется в верхнем углу титульного листа Торы Людвиг Филиппсона, которую в этот день приобрел Якоб Фрейд. Филиппсон – активный сторонник движения за участие евреев в культурной жизни европейских государств, основанного Мошесом Мендельсоном. Он стремился объединить ортодоксальный иудаизм с идеями Гёте и Вольтера, французских энциклопедистов и знаменитых ученых Европы. Текст этой Торы, написанный на древнееврейском и немецком языках, занявший 3820 страниц, был проиллюстрирован 685 роскошными гравюрами известных мастеров всего мира, в том числе хранящимися в Британском музее.

Чудесные картинки рассказывали не только о библейских легендах, но и о современной и древней культуре Запада и Востока. Там можно было увидеть римские и греческие памятники архитектуры, египетские пирамиды, византийские дворцы и Великую Китайскую стену. В Торе были помещены изображения не только Моисея, но и Александра Македонского, римских императоров, египетских фараонов, греческих богов и мифических героев. Наряду с картинками Филиппсон снабдил Тору пространными комментариями, где, между прочим, рассказывал и о переходе Ганнибала верхом на слоне через альпийские горы, и о сексуальной любви, инцесте, гомосексуализме, онанизме и прочих интимных сторонах человеческой жизни. Этот раввин-издатель был настоящим просветителем, он увлек за собой многих евреев, в числе которых был сначала Якоб, а потом и Зигмунд Фрейд. Тора была фамильной реликвией семьи Фрейдов, которую отец передал сыну в день его 35-летия на вечное хранение, а тот, в свою очередь, передал ее старшему сыну. Говорят, что она до сих пор находится в разросшейся семье Фрейдов.

Трудно переоценить ту выдающуюся роль, какую сыграла Библия Филиппсона в становлении будущего психоаналитика. Все эти тексты, комментарии к ним и картинки будут переосмыслены богатым художественным воображением Фрейда и воплощены в его научных сочинениях. В этом смысле продолжателем его дела, пусть не на сексуальной, а на гуманитарной основе, – я имею в виду сейчас Абрахама Маслоу – был трижды прав: яркий художественный вкус, который был у Фрейда, способствует развитию науки.

Скептик: Вот только какой? Просветительские взгляды отца, несомненно, оказали влияние на мировоззрение сына, который был духовным и физическим «дубликатом» отца. Однако это вовсе не означает, что Зигмунд Фрейд унаследовал от знаменитых просветителей их рационализм. Да, отец Фрейда не верил в Бога, что без искажений передалось сыну. Бесспорно, атеизм – характерная черта французских просветителей. Да, в семье Фрейдов не соблюдались иудейские традиции, за исключением празднования Пасхи. Отец частенько, особенно на старости лет, листал Талмуд, только боготворил он Гёте, Шиллера и других немецких просветителей. Сын тоже полюбил их: Гёте фигурировал у него в сновидениях. Но разве Вы, уважаемый Удод, не замечаете каббалистско-хасидского мистицизма в «Толковании сновидений»? Может быть, он искренне заблуждался в своих поисках истины, однако меня смущают его вполне недвусмыс-

ленные предпочтения. Подозреваю, что основным двигателем Фрейда было не отыскание истины, а элементарное желание прославиться и заработать как можно больше денег для праздной жизни. Сначала он думал, что слава и деньги ему принесет наука. Но после нескольких неудач он в ней разочаровался и стал мечтать о позолоченной табличке на двери уютного кабинета врача, расположенного где-нибудь на шумной улочке Вены. Когда Фрейд обзавелся таким кабинетом, он сумел свою сомнительную врачебную практику «онаучить» так, что народ повалил к нему валом, а деньги потекли рекой. Однако по-настоящему Фрейда интересовал только Фрейд. Это следует из фактов его биографии.

Удод: Вы призываете меня, уважаемый Скептик, обратиться к фактам его биографии? Что ж, я не возражаю. Отслужив на обязательной военной службе с лета 1879 г. по лето 1880 г., Фрейд вернулся в Физиологический институт Брюкке, закончил стажировку, получил диплом медика и на год с небольшим остался там же в институте работать лаборантом и демонстратором. Немало времени у него отнимало изготовление диапозитивов для лекций профессора Брюкке. В этот период он знакомится, а потом и сближается с другом и личным врачом Брюкке Йозефом Брейером (1842–1925), который стал ему настоящим «другом и помощником в трудных условиях существования». Я рассказал о Торе Филиппсона, которая хранилась в семье Фрейдов как фамильная реликвия. Но в той же культурной семье, в доме Фрейдов находилась еще одна достопримечательность – книга под названием «Библейская история, или История евреев и иудаизма, написанная для еврейской молодежи со ссылками на Талмуд». Эту книгу написал Леопольд Брейер – отец Йозефа, который также был верен идеалам эпохи Просвещения. Благодарный сын так писал о своем отце:

«Он принадлежал к тому поколению евреев, которые первыми вырвались из духовного гетто на живительный воздух западного мира... Нам очень трудно по достоинству оценить силу духа и энергию этого поколения. Ему пришлось отказаться от своего жаргона и освоить правильный немецкий язык, а ограниченность и узость гетто поменять на западный образ жизни и приобщиться к литературе, поэзии и философии немецкой нации».

Эти трогательные строки позволили Фромму говорить о просвещенческом духе еврейской нации вообще и ближайшего окружения Фрейда в частности.

Йозеф Брейер был старше Зигмунда на 14 лет, но из уважения к Якобу Фрейду считал себя обязанным всячески помогать его сыну, тем более что Зигмунд крайне нуждался в этой помощи. В апреле 1882 г. Зигмунд Фрейд познакомился с Мартой Бернейс. Когда они поженились, молодая чета Фрейдов сдружилась с семьей Брейера, а когда у Марты в 1887 г. родилась первая дочка, Зигмунд назвал ее именем жены Брейера – Матильдой. Йозеф помогал молодому и неопытному Зигмунду в денежных вопросах, но главный их интерес вращался вокруг науки.

Зигмунд крепко любил, уважал и оберегал Марту от внешних бед. Он знал, что ее дед, Исаак Бернейс, был старшим раввином Гамбурга и сумел примирить ортодоксальных иудеев с евреями-реформаторами. Фрейд испытывал гордость за то, что ему суждено породниться со столь достойным родом. Марта жила с матерью, поддерживающей в доме атмосферу ортодоксального иудаизма. Она, как и ее мать, до конца своих дней оставалась глубоко верующей и придерживалась традиционного уклада жизни. На этой почве у нее с Зигмундом возникало немало трений, но со временем супруги пообтерлись. Отца у Марты не было; он незадолго до их знакомства умер. Семья существовала на средства Эли, старшего брата Марты, который на момент встречи Марты с Зигмундом, был уже помолвлен с сестрой Зигмунда, Анной.

Скептик: Я позволю себе Вас прервать, поскольку Вы, уважаемый Удод, рисуете идиллическую картину, которая дает неверное представление о «фактах биографии» Фрейда. Да, Марта, или Мартхен, была милой и смышенной девушкой, но одновременно упрямой, легкомысленной и кокетливой, отчего молодой человек сильно страдал. Она давала ему немало поводов для ревности, тревожных ожиданий взаимной любви и мучительных терзаний в отношении своей привлекательности.

«Неужели, правда, – писал он Марте после ее соответствующих заверений, – что внешне я выгляжу симпатичным? Видишь ли, я лично в этом сильно сомневаюсь... Я очень страдаю оттого, что природа не дала мне чего-то такого, я даже точно не знаю – чего именно, что обычно нравится людям». О ее внешности он писал, по-видимому, не совсем искренне: «Я знаю, что ты некрасива в том смысле, как это понимают художники или скульпторы; если ты настаиваешь на точном

использовании слов, тогда я должен признать, что ты не являешься красавицей. ...Некоторые признают тебя красивой, даже поразительно красивой. У меня нет своего мнения по этому вопросу».

Марта флиртовала со своим двоюродным братом Максом Мейером и художником, другом Фрейда, Фрицем Вале. От этой черноволосой девушки с лукавым взором несчастный жених, очарованный ее звонким смехом, не раз приходил в отчаяние, злился, страдал и плакал. Были моменты, когда он хотел покончить жизнь самоубийством, говорит Джонс, но Фрейд вряд ли был на это способен. В нем слишком силен был инстинкт самосохранения. Часто он усаживался перед ее фотопортретом и строчил, строчил письма. Это неистовство продолжалось почти 5 лет, пока они не сыграли свадьбу. Она родила ему шестерых детей, остепенилась, погрузилась в домашний быт, и их семейная жизнь пришла в норму. Фрейд часто ссорился с матерью Марты и ее братом, но поддерживал более чем дружеские отношения с младшей сестрой Марты, Минной, которая, в отличие от своей сестры, не любила и не особенно подчинялась своей властной мамаше. Дело осложнялось еще и тем, что за четыре с лишним года между помолвкой (17 июня 1882 г.) и женитьбой (13 сентября 1886 г.) Зигмунд и Марта жили в разных городах и провели вместе менее года. «Гипертрофированная жажда любви» Зигмунда к Марте, легкомысленность последней и бесконечные ссоры Зигмунда с братом и матерью Марты, между прочим, довольно ограниченной и деспотичной женщиной, не оставляли времени на спокойную научную работу. К этому нужно добавить безденежье жениха и постоянные капризы невесты по поводу приобретения уютной квартиры и мебели. После женитьбы, снятия желанной квартиры и покупки приличной мебели спокойствие к Фрейду еще долгое время не могло прийти, поскольку возникли проблемы с его карьерой.

Хотя Фрейд и говорил о своем нееврейском воспитании, тем не менее он строго придерживался патриархальных традиций, принятых обычно в еврейских семьях. Он считал, что жена должна заниматься детьми и хлопотами по домашнему хозяйству, а муж – содержанием семьи. Фрейд не понимал феминисток, борющихся за эмансипацию женщин, и никогда бы не допустил нищеты в своем доме. У него не было склонностей к коммерческой деятельности, как, например, у Эли, но цену деньгам он знал. Невозможно себе представить, чтобы он пожертвовал реальными деньгами ради какой-то абстрактной истины. Вряд ли он до конца верил в истинность своего психоаналитического метода. Когда газета «*Chicago-Tribune*» предложила ему 25 тысяч долларов за «психоаналитическую интерпретацию» сенсационного убийства, он не стал рисковать и не поехал в США. Вильгельм Райх, ученик Фрейда, впоследствии ставший крупным самостоятельным исследователем фашизма и психологии масс, сравнивал

«Фрейда со зверем в клетке, но, говоря о клетке, – писал он, – я имею в виду прежде всего его окружение и его учеников. ...Фрейд был поработчен еврейскими нравами и иудейской верой, тем, к чему интеллектуально он питал отвращение. ...Фрейд страдал от гнева семьи и религии, особенно в годы почти пятилетнего тяжелого застоя в его сексуальной жизни из-за фрустрирующей помолвки с девушкой, явно глубоко привязанной к своей нервной матери».

Летом 1882 г. после помолвки с Мартой Фрейд решает перейти на должность врача в отделение внутренних болезней Венской общей клиники, а с октября этого же года поступает в аспирантуру к профессору Герману Нотнагелю, который возглавлял одну из городских больниц. «Этот человек обладал мировым именем, и Фрейд справедливо полагал, что его карьера теперь зависит от благосклонности Нотнагеля». Однако, замечает Джонс, молодой врач не разделял «его фанатической увлеченности медициной» и уже в мае 1883 г. Фрейд бежит от него без оглядки в психиатрическое отделение к доктору Теодору Мейнерту. Далее он пробует работать в отделении хирургии, где он должен был находиться в палате больных с 8 до 10 утра, оперировать – с 16 до 18, а с 22 до 24 часов – изучать литературу. Такой режим дня был, конечно, не для Фрейда, и он с 1 октября 1883 г. переходит в отделение дерматологии. Здесь он тоже пробыл недолго: с 1 января 1884 г. он приступает к работе в отделении нервных болезней. Кроме того, с целью заработать денег, он устраивается также демонстратором в Химический институт, где в качестве ассистента работает его друг. Эта распыленность интересов и постоянная смена работы объясняется, по-видимому, не столько желанием Фрейда заработать больше денег, сколько его разочарованием в естественной науке (гистологии и физиологии) и поиском подходящей медицинской профессии.

В это время Фрейд публикует ряд статей по неврологическим заболеваниям трех молодых людей – ткача, пекаря и сапожника, которым назначалось лечение с помощью воздействия

электрического тока. Этот физический подход был связан с продолжением исследований в области проводимости нервных волокон, которые, однако, его уже не особенно интересовали. Свои исследования Фрейд проводил по инерции в компании своих прежних сослуживцев – химиками и физиологами, в частности, Кенигштейном, которого интересовала проблема электрического возбуждения зрительного нерва (впоследствии с ним будет связан инцидент с кокаином). Но у Фрейда не возникало никаких оригинальных идей в связи с опытами по электропроводности нервной ткани и воздействию электрического разряда на работу нервной системы человека и животных. Он не опубликовал ни одной научной работы на эту тему. В течение двух лет под присмотром Мейнерта Фрейд немало экспериментирует, но делает это, главным образом, в рамках чужих естественно-научных программ. На этот период приходится несколько безуспешных начинаний молодого врача и ученого, которые существенно подорвали его репутацию как естественника.

Наиболее скандальная афера, которую он предпринял, была связана с кокаином. На эту тему нужно говорить отдельно, а пока укажем на некоторые моменты биографии Фрейда, которые многие биографы упускают из виду. Если не рассказать о них, мы не сможем понять, как Фрейд мог отказаться от материалистической гистологии и обратиться к спекуляциям типа свободных ассоциаций.

Дело в том, что в «героических» биографиях обычно забывают упомянуть, что с основным предметом будущего гистолога у Фрейда отношения не сложились: химия ему никак не давалась. Сначала, когда он препарировал угрей, это не особенно сказывалось на его учебе. Тогда еще не проявилась в полной мере и основная черта фрейдовского характера: небрежность в работе и поспешность в выводах. Позже у него на первом месте будет стоять результат, но то, какими средствами он получен – это его волновать не будет. Правда, некоторые тревожные симптомы дали о себе знать уже в тот период. В отчете об угрях есть фраза, которая вполне точно отражает тщеславный характер Фрейда. *«Никто еще не обнаружил ни одного зрелого самца угря, – писал он, – никто еще не видел яичек угря, несмотря на бесчисленные попытки, предпринимаемые столетиями».* Между тем ему было поручено лишь подтвердить уже многократно виденный и детально описанный орган Сирского путем анатомирования как можно большего числа угрей. Естественные науки вообще и анатомия в частности нуждаются в объективности и точности, для чего нужна аккуратность и неспешность в выводах: проверка, проверка и еще раз проверка полученных однажды результатов. Но, как писал Джонс, к точности, строгости и многократной проверке «у Фрейда душа не лежала». В связи с этим расскажу об одном характерном эпизоде из биографии начинающего ученого, который иллюстрирует его манеру работать.

В период с 1883 по 1885 гг. Фрейд трудился в институте Теодора Мейнерта, который специализировался на изучении строения мозга и нервной системы. В кабинете Мейнерта красовался плакат с изречением Гельмгольца, точно передававшим научную позицию хозяина кабинета: *«Живой организм есть часть физического мира; он состоит из атомов, которыми управляют силы притяжения и отталкивания, согласно закону сохранения энергии».* Для решения гистологических задач нужно было тщательно подготовить препарат для наблюдения под микроскопом. Обычно исследуемая ткань подкрашивалась особым веществом. Однажды Зигмунд мельком услышал от оппонента Мейнерта, Флексига, что превосходным красителем препаратов может служить раствор хлористого золота.

«После нескольких недель экспериментов, – рассказывает об этом случае Джонс, – с помощью своего друга-химика Люстгартена Фрейд добился успеха и написал ликующее письмо, как если бы все трудности, связанные с его карьерой, были теперь преодолены. Собрав нескольких своих друзей, он заставил их поклясться, что они будут хранить тайну этого открытия, а затем даровал им разрешение пользоваться этим новым чудесным методом в их работе. Так, Голлендеру было позволено пользоваться этим методом для работы, связанной с мозгом, Люстгартену – для исследования кожных тканей, Эрманну – для работы с надпочечной железой и Горовицу – для изучения мочевого пузыря. «Таким образом, – говорил Фрейд, – я распределил различные части тела подобно главнокомандующему». К концу месяца он был готов применить этот метод и в своей работе».

Здесь просматривается одна из самых выдающихся черт характера Фрейда – умение путем сговора создать тайное общество или хотя бы небольшую группу людей, объединенных единой целью. Потом мы увидим, что именно эта большевистская тактика строительства жесткой организационной структуры определила судьбу психоанализа в целом. Но пока до этого еще

далеко. Случилось так, что коллега Фрейда изобрел другой способ окрашивания ткани (в то время над этой проблемой работало множество гистологов Европы). Не особенно утруждая себя дальнейшими испытаниями, Фрейд поспешил разослать статьи и заметки в различные научные журналы, в том числе, и российский, чтобы заявить об открытии чудного технологического приема, который должен, как он надеялся, прославить его имя в веках. Он был уверен в своей методике, которая, по его словам, давала «удивительно ясную и точную картину» изучаемых под микроскопом волокон и клеток. Своей невесте Фрейд восторженно писал: *«Помимо практического значения открытие имеет для меня и эмоциональный смысл. Я преуспел в том, чего добивался многие годы... Я понимаю, что уже сделал кое-что в жизни»*. От переполняющих его радостных чувств он на оборотной стороне конверта написал по-английски «Надежда и радость!»

Но неважное знание химии его подвело; растворы на базе золота не годились для этих целей; предложенный им способ окрашивания препаратов был признан несовершенным. Наукой был принят метод окраски ткани на основе раствора серебра, предложенный итальянским гистологом Камилло Гольджи (1844–1924), получившим в 1906 г. за свою работу Нобелевскую премию. Поспешность, с которой Фрейд работал в лаборатории, его не раз и не два подводила. В таких случаях он начинал сожалеть. Был ли он завистливым человеком? – Очень. Зависть сквозила во всем, даже по отношению к Эйнштейну. Однажды Фрейд с завистью посетовал:

«Этому парню повезло в жизни много больше, чем мне. За ним стоял длинный ряд предшественников, начиная с Ньютона, в то время как мне пришлось в одиночестве продирааться через джунгли. Нет ничего удивительного в том, что мой путь не слишком широк и я не так уж далеко продвинулся».

О переживаниях молодого Фрейда Джонс писал, что в его письмах *«временами проскальзывали весьма негативные самооценки; иногда он называл себя негодяем, отцеубийцей, тщеславным, мелочным, мстительным человеком»*. И это было понятно, его биограф всё правильно объяснял; он писал:

«Ощущать себя связанным аккуратностью и точными измерениями было не в его натуре. Напротив, это находилось в противоречии с присущими ему определенными революционными наклонностями, которые угрожали разорвать в будущем цепи условностей и принятых ограничений, – что и случилось в один прекрасный день».

Небрежность в работе Фрейда отмечали многие. По поводу его «революционных наклонностей» мы поговорим позже, а сейчас отметим вот что.

Брюкке всё чаще и чаще делает Фрейду «ужасающие» замечания. Интерес Зиги к теме морфологии мозга и нервной системы стал постепенно угасать. В дальнейшем эта тема не пропадет у него бесследно, но она потеряет свое материальное содержание и приобретет некую декоративную атрибутику; в последующие годы его мало интересовали вещи, которые можно было непосредственно увидеть и пощупать. Из исследователя-гистолога Фрейд постепенно превратится в специалиста по нервно-психическим заболеваниям. Эта трансформация произойдет в несколько этапов. Первым шагом на этом пути станет его избавление от многочасовых лабораторных испытаний. При врачевании душ ему не нужен будет ни скальпель, ни микроскоп. Эмпирические данные он будет черпать от очень покладистого пациента, которого звали Фрейд и который с готовностью подтвердит ему им же придуманные теории. Потеряв интерес к гистологии, он подвизался демонстратором у Брюкке, но даже эту формальную работу он выполнял не самым прилежным образом. В «Толковании сновидений» Фрейд вспоминает:

«Я был демонстратором в физиологическом институте и должен был являться туда рано утром к началу занятий. Узнав, что я несколько раз опоздал в лабораторию, Брюкке явился туда пунктуально и подождал меня. Когда я явился, он холодно и строго прочел мне нотацию».

При проведении экспериментов над собственной психикой рядом с ним не будет стоять уже строгий Брюкке, постоянно напоминающий о ненавистной ему «педантичной точности». Фрейд будет абсолютно свободен в интерпретации симптомов и создаст теорию, которая понравится миллионам обывателей. Наступит время, когда к нему обратится некая пациентка Дора (имя вымышленное) с признаками правосторонней невралгии, он не станет выискивать у нее физиологические причины заболевания, а без колебаний скажет: «Невралгия явилась следст-

вием мщения за оплеуху, которую ты нанесла господину К., будучи в него влюблена». От этих странных, иррациональных объяснений писатель Стефан Цвейг и художник Сальвадор Дали придут в восторг. Но пока, до этого дешевого признания в глазах несведущих людей, Фрейд должен проделать долгий и тернистый путь, который берет свое начало здесь, в нелюбимых ему лабораториях по мозговой ткани и нервным волокнам. Экспериментаторы – люди, как правило, спокойные, неторопливые и аккуратные. Нетерпеливый характер Фрейда сильно мешал ему в работе. В итоге он испытывал постоянные колебания: то он впадал в эйфорию, думая, что сможет облагодетельствовать человечество каким-нибудь научным открытием или придуманным им технологическим приемом, то, напротив, предавался неудержимому отчаянию, занимаясь беспощадным самобичеванием.

В лекциях «Введение в психоанализ» (1917) Фрейд признается:

«Хотя одна из медицинских наук, психиатрия, и занимается описанием душевных ненормальностей и группирует их в определенные клинические картины болезней, однако в часы откровенности психиатры сами не уверены в том, насколько их описания заслуживают название науки».

Он надеялся своим психоанализом сообщить психиатрии эту недостающую ей научность, и послушайте, каким образом он собирался это сделать: *«Для этого психоанализ должен, прежде всего, откинуть все чуждые ему анатомические, химические или физиологические теории и оперировать исключительно психологическими понятиями»*. Это сказано в духе Brentano, о наставлениях Гельмгольца он навсегда забыл. Избегая философских рассуждений, Фрейд стал настойчиво проталкивать энергию сексуальности в качестве живительного флюида. С этого момента он думает на манер неосхоластов и неовиталистов, о которых говорилось выше, но он никогда не называл их конкретных имен.

Действительно, почему бы ему не сказать, что *«сексуальные влечения принимают участие в творчестве высших культурных, художественных и социальных ценностей человеческого духа»*, если фундаментом науки отныне стали не скрупулезные исследования объективной реальности, которые обязан проводить любой уважающий себя естествоиспытатель, а какие-то эфемерные «психологические понятия» вроде «сублимации»? На каком основании мы должны верить Фрейду, что в этих высших духовных сферах человек действует «с сексуальной целью», вот только эти его действия «теряют свой чисто половой характер»? Кто из писателей признает, что написанная им книга является плодом «сублимации» его *libido*? В это сумасбродство может поверить еще какая-нибудь проститутка, которой будет приятно узнать, что и писатели, и ученые, и художники – все без исключения заняты в общем-то ее профессиональным делом, только в сублимированной форме. Даже обладатель шизотимической психики Юнг¹⁰ по поводу понятия сублимации написал достаточно выразительно:

«По затейливости своего смысла оно не уступит трюкачеству алхимика, сияющего превратить неблагородные металлы в благородные, бесполезные вещи в полезные и негодные в годные к употреблению».

Переход Фрейда от гистологии и физиологии к врачебной практике произошел под влиянием Йозефа Брейера. Поскольку Фрейд специально не учился на врача, ошибки, допущенные им в практической работе, Брейер прощал и относил на счет неопытности. Но когда Фрейд начал упорствовать в своих толкованиях тех или иных нервно-психических расстройств, его друг отошел от него. Расхождение во взглядах обнаружилось тотчас же, как только Брейер рассказал Фрейду об Анне О. Под эту историю болезни Фрейд подвел вздорное сексуальное объяснение, которое возмутило не только Брейера, но и всё их научно-медицинское окружение. Сначала Брейер надеялся, что эти странные объяснения его подопечного являются результатом временного помутнения рассудка. Но когда выяснилось, что это не преходящее наваждение, а некая идеологическая платформа, Брейер постарался отделаться от компрометирующего его друга. Окончательный разрыв между ними произошел после выхода в свет первой фрейдовской книги «Афазия» (1891), которая имела посвящение Брейеру. В этой небольшой книге (объемом около ста страниц) подвергались критике основы мозговой деятельности человека и животных. Наставник Фрейда Мейнерт, обследовав сотни организмов, по праву считался главным разработчиком «анатомической локализации». Он установил, что различные части тела

¹⁰ В.Э.: Юнг тоже был истероидом, как и Фрейд.

проецируются на кору головного мозга, так что каждый ее сегмент отвечает за ту или иную психофизическую функцию. Например, он убедился, что повреждение лобных долей мозга никогда не вызывает слуховых или зрительных галлюцинаций, а электрическое раздражение височных областей приводит к ним.

Эту действующую до сих пор модель мозга и оспаривал Фрейд в своей книге. Мало того, что он показал полное незнание морфологии мозга и гистологии его тканей, т.е. того, чему его учили в институте, он еще имел смелость нападать на признанные во всем мире авторитеты. Под огульную критику Фрейда попал не только Мейнерт – его непосредственный учитель, но и Вернике, Хитциг и Лихтгейм. Разумеется, они никогда бы не согласились с тем абсурдным тезисом, что при афазиях психический фактор имеет такое же значение, как и физический. Для этого вывода просто не было никаких фактов. Незадачливый автор «Афазии» умозрительно рассуждал о предмете, не имея о нем ни малейшего представления. Длительная учеба рациональным наукам, оказывается, его ничему не научила. Он рассуждал как виталист-дилетант, который не получил к тому же и специального философского образования.

Его книге предшествовала серия статей по афазии, морфологии головного мозга и детскому параличу, написанная для популярного «Медицинского энциклопедического справочника». На статьи сначала никто не обратил внимания, но когда вышла книга, всем стало ясно, кем является ее автор. Язык и стиль изложения были прекрасными, но книгу нельзя было относить к научной литературе. Это была типичная фальшивка, сработанная под ученый труд, в котором красивым языком излагались наукообразные фантазии. Его учителя поняли, что ее автор напрасно изучал гистологию и физиологию. Так часто бывает: за счет памяти и быстрого ума человеку легко дается учеба, но потом обнаруживается его полная профессиональная непригодность к научному исследованию.

Очень странно, что Руткевич, говоря о «научном авторитете» Фрейда – пусть не как «выдающегося нейрофизиолога», но как «талантливого» и вполне заслуживающего уважения исследователя, – указал на «несколько добротных монографий по афазиям и детским параличам». В другом месте он написал:

«В своем труде по афазиям Фрейд заявил о себе как об оригинальном исследователе, который противопоставил наивным локализациям [!] психических процессов в различных центрах головного мозга функциональный подход».

Так может говорить человек, который игнорирует достижения в области морфологии мозга и отвергает материальную причину в принципе; функциональный подход не должен оправдывать схоластику. Теория «наивных локализаций» жива до сих пор, а книга Фрейда по афазии была самым настоящим позором для него и его несчастных учителей, которые, кроме стыда, ничего другого не испытали, прочтя этот опус. Джонс пишет, что «ни в одной из библиотек Великобритании нет ни одной копии этой книги» и ни в одном из обзоров по афазии не названа эта книга. Она не вошла в 24-томное «Собрание трудов» Фрейда, официально изданное («стандартная редакция») в Лондоне с 1953 по 1974 гг. Первоначально книга напечатана тиражом 850 экземпляров. За девять лет было продано 257 книг, остальные просто истлели от времени.

В 1895 г. Фрейд набросал план следующей книги, которую он предварительно назвал «Проект по научной психологии». «Проект» вошел в первый том «Стандартного издания комплекта психологических работ Зигмунда Фрейда», где размещались предпсихоаналитические и неопубликованные черновики 1886–1899 гг. Он занял 77 страниц первого тома с 283 по 360 с. Будущая книга была разделена на три части. Первая часть, самая объемистая, касалась «основных теорем», которые распределялись по 21 пункту. Здесь автор пошел на попятную и, подобно Гельмгольцу, пытался ввести математический аппарат для описания психических процессов, для чего принял следующую систему условных обозначений: М – двигательный образ, V – идея, W – восприятие, w – число воспринимающих нейронов, v – число проницаемых нейронов, φ – число непроницаемых нейронов и т.д. В первой части излагались основы гистологии, физиологии и анатомии мозга, как они представлялись Фрейду.

«Мое намерение, – писал он, – состоит в том, чтобы превратить психологию в одну из естественных наук, то есть представить психический процесс как количественно определяемое состояние особых материальных частиц».

Через механизм протекания электрического тока он собирался построить нейронную теорию процессов восприятия, мышления и чувственного переживания. Вторая часть «Проекта» называлась «Психопатология»; она должна была рассказывать о лечении психических заболеваний (истерии и пр.) физиологическими методами, описанными в первой части. Третья часть представлена была лишь одним заголовком: «Попытка представить нормальный процесс».

Первый пункт первой части «Проекта» назывался «Количественная концепция». Там говорилось, что первичная функция нервной системы состоит в том, чтобы разрядить напряжения в мускульной системе, вторичная функция заключается в «бегстве от раздражителя». Второй пункт касался «Нейронной теории». В нем говорилось, что нервная система пока еще здесь состоит из отдельных нейронов, которые контактируют посредством инородной субстанции. Третий пункт – «Контактные барьеры»: здесь предполагается, что нейроны, образующие уже единую систему, постоянно изменяются под воздействием поступающего на них возбуждения. Так Фрейд понимал механизм памяти. Он считал, что нейроны делятся на две группы – проницаемые и непроницаемые для возбуждения. Каждый нейрон имел по несколько барьерных контактов, обеспечивающих связь с другими нейронами.

Далее Фрейд рассматривал с позиции теории нейронов тех лет механизмы боли и наслаждения, пытался дать количественную и качественную оценку сознания. Сознание, писал он, есть *«субъективная сторона психического процесса в нервной системе и, так как жизнь имеет тенденцию психически избегать неудовольствия, то неудовольствие оказывает количественно определенное давление, а удовольствие, как полагают, является разгрузкой этого чувства»*. Последние пункты первой части «Проекта» касались анализа сновидений и грез с точки зрения нейронной теории. В двадцатом пункте указывалось, что «грезы лишены моторной разгрузки», они «чрезвычайно бессмысленны», похожи на галлюцинации и являют собой «исполненные желания». Мечты почти не удерживаются памятью, так как они не оставляют заметных изменений в нейронах. Фрейд предостерегал, что не следует отождествлять первичные процессы с бессознательными, как это делали многие физиологи того времени. Он также указывал, что грезы дискретны и не образуют какую-то непрерывную цепь ассоциативных идей.

Скорее всего, этот проект возник под впечатлением чтения работ Вальдейера, который работал в Физиологическом институте и который ввел само понятие нейрона. На страницах черновика книги Фрейд рассказывал о результатах проведенных в институте экспериментов по измерению проводимости аксонов, приводил данные по микроструктуре нейронов и пр. Он смело распространил эту эмпирическую методику на высшую нервную деятельность, т.е. на память, волю, мышление и даже содержание познавательного процесса и эмоционального переживания. Например, он попытался количественно оценить степень «патологической защиты», которую испытала женщина, подозревавшая, что сослуживцы смеются над ее одеждой. На страницах его «Проекта» размещались формулы и диаграммы, а также имелся специально составленный словарь научных терминов. Но всё это было образцовым верхоглядством, детской имитацией строгой науки, игрой в ученого *à la* Гельмгольц. Черновик книги остался нереализованным: писать большой труд на материале, в котором он ничего не смыслил, ему вскоре расхотелось. Данный «Проект» был последней попыткой Фрейда осуществить юношеские мечты стать рациональным ученым. Историки психоанализа эту его неудачу выдали за невозможность представить психические процессы на базе гистологии и физиологии мозга.

Позднее, в 1914 г., Фрейд решительно заявит: чтобы стать психоаналитиком, нужно *«прежде всего, откинуть все чуждые ему анатомические, химические или физиологические теории и оперировать исключительно психологическими понятиями»*. Откуда взялась эта уверенность? Разумеется, она проистекает из тех фатальных неудач, которые он потерпел на пути рационального осмысления психологии. Убедившись в невозможности применения математических и физических методов к психическим, невротическим и истерическим расстройствам, Фрейд вступил на гостеприимные земли откровенных спекуляций, которые имели немало точек соприкосновения с классическим витализмом. Как уже говорилось, Фрейд не баловал философию своим вниманием. Но это происходило потому, что знаменитых виталистов, о которых рассказывалось в предыдущих главах, он почти не читал, хотя много слышал о них в беседах с друзьями и коллегами.

Итак, Фрейд боялся ступить и на широкую дорогу витализма, по которой шли тогда все психологи-профессионалы во главе с Вундтом, и на узкую тропу материализма Гельмгольца. Надо иметь в виду, что вскоре после «Афазии» и «Проекта» Фрейду стукнуло 40. Если учесть, что он собрался умирать в 51 год, то для него жизнь была уже кончена. Выходило, что он

потратил ее на бесплодный поиск рациональных теорий и методов. О нагроможденных им нелепостях в области рациональной психофизики сегодня почти никто ничего не знает. Между тем это является ключом к пониманию психоанализа, который служит зеркальным отражением психофизики Гельмгольца в зеркале спекулятивного витализма Вундта и схоластики Brentano.

Нельзя во всем винить одного Фрейда. Многое, что он хотел осмыслить с рациональных позиций, в то время не могло быть объяснено по чисто объективным причинам. Наука тех лет просто не располагала достаточным объемом знаний о молекулярном составе ингредиентов, ответственных, например, за процессы памяти. Сегодня мы можем усиливать или ослаблять память исключительно физико-химическими способами. То же самое касается воли или эмоций, положительного или отрицательного настроения человека. Нельзя воспринимать научную деятельность Фрейда так, как будто его единственной задачей было одурачивание коллег и несчастных пациентов. Я надеюсь, уважаемый Удод, что в чем-то постоянно сомневающийся и ищущий Фрейд искренне заблуждался, как, например, в случае с кокаиновой авантюрой. Я, кстати, думаю, что сейчас самый раз перейти к ней. Она произошла до того, как Фрейд начал по-крупному «теоретизировать».

Глава 6. Кокаиновая авантюра

Удод: Я не возражаю против того, чтобы ознакомить читателя с самой печальной страницей биографии Фрейда. Только я сразу же хотел бы отметить, что Вы, уважаемый Скептик, а также Феррис и даже местами Руткевич несправедливо критикуете Эрнеста Джонса за его, как Вы выразились, отлакированное жизнеописание. Конечно, в оценках разработанной Фрейдом теории психоанализа он не мог быть объективным – этого и не нужно от него требовать. Но в изложении фактов его биографии Джонс, мне кажется, насколько это позволяли обязательства, взятые им перед родными и близкими Фрейда, был достаточно откровенен. Если он и не упомянул о кокаине при описании его невроза, или психоневроза, которое Вы привели во второй главе, то в другом месте он это сделал, причем выразил и свое резко отрицательное отношение к кокаиновому наваждению Фрейда. Любой человек, прочтя жизнеописание Джонса, поймет, что именно кокаин явился причиной «сумеречного состояния рассудка» Фрейда, которое длилось, по-видимому, с 1884 г. по 1907 г., т.е. до момента, когда он устроил вторичную чистку своего рукописного архива. Период времени с 1900 по 1905 гг. Фрейд, скорее всего, ничего не писал, поскольку находился в неважной психологической форме. «Три очерка по теории сексуальности» (1905) определенно связаны с «Толкованием сновидений» (1900) сексуальной тематикой. Однако обе названные работы, я считаю, в отличие от Вас, вполне научными произведениями. Во всяком случае, Вы пока не доказали обратного. Итак, приступим к изложению, как Вы сказали, кокаиновой авантюры.

О кокаине Фрейд случайно узнал из заметки в декабрьском выпуске «Германского медицинского еженедельника» за 1883 г., в которой говорилось, что доктор Теодор Ашенбрандт во время военных учений давал баварским солдатам питьевую воду, куда добавлял кокаиновый порошок. Он заметил, что эта вода быстро снимала у солдат усталость и они были готовы к новым напряженным тренировкам. В статье описывался случай, как *«солдат Т. упал в обморок от истощения»*. После этого ему дали всего одну столовую ложку живительной влаги. *«Т. поднялся без посторонней помощи, продолжил мари в несколько километров до пункта назначения и, несмотря на тяжелый ранец и летний зной, по прибытии выглядел свежим и бодрым»*. В статье имелись также такие слова: кокаин способствует *«подавлению голода... увеличению способности выносить напряжение... усилению умственных способностей»* и т.д.

Листья кустарника под названием «кока» были вывезены из Перу в Европу австрийским врачом Шерцером в 1859 г. Химик Ниманн выделил из них алкалоид кокаина; позже наиболее востребованным стал гидрохлорид кокаина, который употреблял и Фрейд. Местные жители Перу, Боливии и островов Карибского бассейна предпочитали жевать листья этого растения или сворачивать из них сигарки для курения. В Европе существовала компания *«Merck & Co»* по получению белого порошка, который можно было приобрести в свободной продаже по вполне умеренной цене. Он являлся главным ингредиентом популярного «напитка здоровья» – вина «Марианн». Позднее в Америке появляется безалкогольный напиток под названием «Кока-Кола». О полезных и вредных качествах кокаина химики спорили уже четверть века. Поскольку он являлся очень выгодным товаром, торговцы не называли его негативные качества, а наоборот,

всячески стремились подчеркнуть его достоинства. Фрейд начал жадно искать в медицинских и фармакологических журналах информацию о кокаине. Ему попалась на глаза статья врача из Кентукки, в которой утверждалось, что кокаин может снять наркотическую зависимость от морфия, причем без приобретения новой зависимости от кокаина.

Окрыленный этими новостями, он решил сделать ставку на «волшебное средство». В письме от 21 апреля 1884 г. Фрейд поделился новостями с Мартой. Он рассчитывал использовать его при сердечных заболеваниях, нервных истощениях, невралгии, а также от бешенства, рвоты, диабета, морской болезни и

«в особенности при ужасном состоянии отвыкания от морфия». «Может быть, из этого ничего не получится, – успокаивал он Марту. – Но я определенно испытаю его воздействие, а ты знаешь, что, когда человек упорно стремится к чему-либо, рано или поздно он добивается успеха. Нам нужна всего одна удача, чтобы начать думать о собственном доме».

Фрейд на протяжении всей своей молодости был озабочен открытием чего-то такого, что могло бы прославить свое имя, а значит, и разрешить волновавшие его бытовые проблемы.

Действие кокаина против морфия особенно заинтересовало Фрейда в связи с тем, что Эрнст Флейшль, ассистент Брюкке, страдал страшной зависимостью от морфия. Это случилось при следующих обстоятельствах. Во время проведения операции он занес инфекцию в ранку на большом пальце правой руки. Палец пришлось ампутировать, но из-за невромы боли в руке не прекращались. Когда они стали невыносимы, Флейшль вынужден был прибегнуть к морфию и, как это часто бывает, попал от него в зависимость. Фрейд следующим образом характеризует ассистента:

«Он в высшей степени выдающийся человек, для которого и природа, и воспитание сделали всё возможное. Богатый, натренированный во всевозможных физических упражнениях, с печатью гения в своих энергичных чертах, красивый, с прекрасными чувствами, одаренный всевозможными талантами и способный формулировать оригинальное суждение по большинству вопросов, он всегда был моим идеалом, и я не мог успокоиться, пока мы не стали друзьями, и я смог испытать чистое наслаждение от его способностей и репутации».

И вот этому замечательному человеку Фрейд рассказал о чудодейственном свойстве кокаина, который мог якобы заменить морфий как обезболивающее средство и одновременно снять от него зависимость. Флейшль ухватился за предложение Фрейда, по словам Джонса, «как утопающий за соломинку».

Марте Фрейд написал:

«Если дела пойдут хорошо, я напишу о кокаине статью и полагаю, что он займет подобающее место среди прочих терапевтических средств, например, рядом с морфием, или даже потеснит его. С ним я связываю и другие надежды и намерения. Я регулярно принимаю малые дозы этого вещества против депрессии и несварения, и чрезвычайно успешно. Полагаю, с помощью кокаина можно будет положить конец самой трудноизлечимой рвоте, часто сопровождаемой сильной болью. Короче говоря, я только теперь ощущаю себя врачом, так как действительно помог одному пациенту и надеюсь вылечить его. Если дела пойдут подобным образом, мы сможем, наконец, наладить нашу личную жизнь и поселиться в Вене».

Фрейд вел себя крайне неосмотрительно. Из-за употребления кокаина проблемы нарастали, как снежный ком. Природный инстинкт самосохранения его выручал, но вел он себя не как врач и ученый, а как продавец «живой воды».

Если употреблять кокаин малыми дозами, то действительно, устойчивая зависимость приобретается нескоро: может пройти от двух до четырех лет (в зависимости от индивидуальных особенностей организма). Поэтому, начав с весны 1884 г. употребление кокаина малыми дозами, Фрейд в течение нескольких лет не ощущал его разрушительного воздействия. Поэтому после того, как он сам испытал кокаиновый порошок на себе и посоветовал его Флейшлю, он отослал его также и Марте, чтобы и она стала, как он выразился, «крепче и румяней». В начале июня, когда Фрейд решил поехать к ней в Вандсбек, он написал:

«Горе тебе, моя принцесса! Когда я приеду, я зацелую тебя и закормлю. А если ты будешь непослушной, посмотрим, кто сильнее – маленькая девочка, которая ест слишком мало, или большой страстный мужчина с кокаином в крови».

Фрейд с энтузиазмом просил своих друзей и коллег отведать коку, чтобы самим убедиться в его замечательном «оздоровительном качестве». Надо отдать должное Фрейду, он умел убеждать людей в своей правоте. Но его страстная агитация действовала не на всех, например, осторожный Брейер отнесся к кокаину скептически, хотя на своего друга Фрейд порошка не жалел.

В клинике, где работал Фрейд, нашелся молодой человек, Карл Коллер, который работал в интернатуре и специализировался по глазным болезням. Он искал анестезирующее средство локального действия для проведения операций на глазах. Фрейд представил случай таким образом, будто он навел Коллера на мысль об использовании кокаина для этих целей. Как бы там ни было, Коллер ознакомился со статьей Фрейда общего содержания и провел серию конкретных испытаний на глазах лягушки, кролика, собаки, а потом и собственных. После отработки методики по обезболиванию глаз он написал отчет, где, между прочим, говорилось:

«Кокаин привлек к себе значительное внимание венских врачей благодаря тщательному сбору материалов и публикации интересной терапевтической статьи моего коллеги доктора Зигмунда Фрейда».

Выводы по этой работе были доложены сначала 15 сентября 1884 г. Бреттауэром на Конгрессе офтальмологов в Гейдельберге, а 17 октября перед Медицинским обществом Вены выступил и сам Коллер. Аналогичную работу проделал еще один знакомый Фрейда, Леопольд Кенигштейн, который, однако, немного опоздал. Открытие по анестезии глаз с помощью кокаина было признано за Коллером. Оба исследователя – и Коллер, и Кенигштейн – не отрицали роли Фрейда как распространителя идеи использования кокаина в медицине. Таким образом, уважаемый Скептик, кокаин, настойчиво пропагандируемый Фрейдом, принес немалую пользу медицине, которую недооценивают некоторые критики.

Скептик: Под критиком Вы, уважаемый Удод, конечно, подразумеваете меня. Что ж, скажу откровенно, я действительно считаю, что пропаганда кокаина принесла больше вреда, чем пользы. И без Фрейда медики использовали кокаин как анестезирующее средство. Известно, что русский фармаколог В.К. Анрепа уже в 1879 г. использовал его именно в этом качестве. Что же касается Фрейда, то он руководствовался далеко не самыми чистыми и гуманными побуждениями. Это признает и Джонс:

«Справедливости ради стоит сказать, – пишет он, – что посредством изучения кокаина Фрейд надеялся достичь некоторой степени известности, но не предполагал, что благодаря более тщательной и серьезной работе он мог прославиться уже в молодые годы. Он осознал это гораздо позже и горько сожалел о потерянном времени, обвиняя как себя, так и свою невесту».

Фрейду не давали спать лавры Роберта Коха (1843–1910), выделившего в 1882 г. бациллу, которая вызывает туберкулез; Луи Пастера (1822–1895), открывшего бактерии куриной холеры (1879), сибирской язвы (1881) и бешенства (1885), предложившего метод пастеризации (асептики и антисептики); венгерского врача Игнатия Земмельвейса (1818–1865), окончившего Венский университет, установившего в 1846 г. причину лихорадки у рожениц и разработавшего процедуру дезинфекции медицинских инструментов и посуды (от заражения крови в некоторых европейских родильных домах умирало до 50 процентов всех рожениц).

В конце XIX в. открытия в области физики и химии сыпались как из рога изобилия. Не меньше их было в медицине, фармакологии, физиологии, неврологии, гистологии. Фрейд злился, что его коллегам удавалось сделать открытия там, где он уже искал, но ничего не нашел. Они устремлялись «прямо в неисследованную область нервных расстройств», в которой он собирался работать. Этими опасениями он делится и с Мартой. «Неужели господин Кох из Берлина прав?» – с ужасом думал Фрейд. Работая в больнице врачом и занимаясь научными исследованиями, он существенно улучшил свое материальное положение и добился некоторой самостоятельности, однако он мечтал о большем – о всемирной славе ученого и выдающегося врача. В письмах к любимой он постоянно говорил о грядущих открытиях, которые потрясут мир. Непомерное тщеславие заставляло его искать короткий путь к известности и славе.

И вот, в апреле 1884 г. он, кажется, его нашел. Путь этот характеризовался одним коротким словом – кока. Следует помнить, что кокаин – далеко не безобидный наркотик. Он обладает сильным стимулирующим воздействием, что проявляется в эйфории, веселом и легком настро-

нии. У человека, принявшего дозу кокаина, появляется чувство уверенности, бодрости и активности. В этот момент он склонен переоценивать свои силы, строить грандиозные планы, становится безответственным в своих поступках. Одним из самых заметных симптомов интоксикации кокаином является повышенная сексуальность – гиперсексуальность. В наркотическом состоянии человек настойчиво пытается найти сексуального партнера; у него появляются низкие похотливые фантазии и желания, которые часто оканчиваются преступлениями на сексуальной почве. При внутреннем введении умеренной дозы действие наркотика начинается через 2–3 минуты и длится 10–20 минут. После этого введение возобновляется, обычно с несколько большей величиной дозы, чтобы последующий эффект не был меньше предыдущего. Передозировка приводит к зрительным, слуховым, а иногда и к тактильным галлюцинациям: человеку кажется, что по его телу ползают тараканы или змеи, у него появляются фобии, чувства растерянности и беспокойства. Сильная интоксикация может сопровождаться головными болями, ознобом, тошнотой, сердечной аритмией, судорожными припадками и приостановками дыхания. Неприятные ощущения, депрессия, чувство страха и тревоги наступают после действия наркотика. Чтобы это преодолеть, наркоман вынужден вводить всё увеличивающиеся дозы через каждые 20–30 минут. Так может продолжаться от нескольких часов до нескольких дней. Потом больной впадает в протрацию, в которой находится в течение нескольких дней. После одного такого большого цикла появляется новая потребность в наркотике и большой цикл, состоящий из нескольких малых циклов, повторяется.

В июне 1884 г. Фрейд написал статью «О коке», которую очень скоро опубликовали в «Центральном журнале общей терапии». Он писал ее под воздействием наркотика, который его вдохновлял и будил воображение. В этой статье его литературный дар достиг наивысшего пика. Никакой научной ценности она собой не представляла, но читать ее было очень интересно. Фрейд, не жалея красок, сообщил любопытную историю появления кокаина в Европе. Приведенные Вами, уважаемый Удод, скудные сведения взяты из этой статьи. Фрейд рассказывал о способах его потребления и связанных с кокой религиозных культах. Он упомянул, например, сагу о том, как Манко Капак, величественный сын бога-солнца, прислал ее людям в

«дар от богов, чтобы утолить голод, укрепить уставших и заставить несчастных забыть о своих печалях»... Он писал о «состоянии веселья и продолжительной эйфории, не отличающейся ничем от нормальной эйфории здорового человека... Вы ощущаете развитие самоконтроля, жизненной силы и работоспособности... вы находитесь в обычном нормальном состоянии, и вскоре трудно становится поверить, что вы подвергаетесь воздействию какого-либо средства... Длительная интенсивная умственная и физическая работа совершается без какой-либо усталости... Этим результатом наслаждаешься без всяких неприятных последствий, наступающих вслед за возбудимостью, вызванной алкоголем... Не возникает абсолютно никакой тяги к дальнейшему употреблению кокаина после первого приема или даже неоднократных приемов этого средства; скорее ощущается некоторое необъяснимое отвращение к нему».

Фрейд обманывал себя и других, особенно в той части, которая касалась терапевтических свойств кокаина. Без всякой серьезной апробации он советовал принимать сильнодействующий наркотик широким слоям населения, будто это эликсир здоровья, бодрости и долголетия. В те годы Фрейд, конечно, представлял прямую угрозу для здоровья людей. Однако медицинский вред от пропаганды наркотика не шел ни в какое сравнение с той социальной бедой, которая была вызвана его соблазнительной манерой подачи опасной для общества информации под видом результатов уважаемой науки. Свою эрудицию, высокий литературный дар и безупречный художественный вкус он использовал как прикрытие для проведения в жизнь теорий, служивших одной только цели – добиться всеобщего и безоговорочного признания. Никто не мог и заподозрить, будто он несет нечто, что противоречит истине и что может навредить здоровью и жизни граждан. Наоборот, читая его тексты, пропитанные доверительными интонациями, люди проникались симпатиями к автору, были благодарны ему за доставленное им удовольствие от приобретения, как им казалось, глубоких и полезных знаний. Работы Фрейда с нетерпением ждали, а заполучив их в руки, жадно впитывали всё, что он рассказывал. Его произведения сами становились наркотиком для многих миллионов обывателей, которые считали, что имеют дело с мудрым и добрым «доктором». Мало кто сегодня знает, что Фрейд одним из первых проложил прямую дорогу к наркомафии, приведшей к затяжной и кровопролитной войне. Когда же политики осознали опасность, исходящую от

наркотиков, имя Фрейда тут же забылось и никогда не упоминалось в связи с распространением этого зла.

Поначалу ничего страшного в кокаине не видели. Использование его в качестве анестезина на время заслонило его зловредные свойства. Коллеги не только не осуждали Фрейда за рекламу наркотика, но даже сочувствовали ему, видя, как его «обскакал» молодой офтальмолог. Фрейд тешил себя надеждой, что кокаин еще не раскрыл всех своих чудесных свойств. Он продолжал верить в него, как в средство, замещающее морфий. Проблема отвыкания от морфия была не менее важной, чем проблема локальной анестезии. От этой болезни страдало огромное количество людей. Но главное, это ужасное зло поразило его лучшего друга Флейшля, которого он боготворил и искренне хотел вылечить.

Вы, уважаемый Удод, об этом рассказали, однако я хочу Ваш рассказ немного детализировать. В одном из писем Фрейд написал:

«Один из моих коллег нашел поразительное применение для коки в офтальмологии и сообщил о нем Гейдельбергскому конгрессу, где это сообщение вызвало всеобщее возбуждение. За две недели до того, как я уехал из Вены, я посоветовал Кенигштейну попробовать сделать нечто подобное. Он тоже кое-что открыл, и сейчас между ними идет спор. Они решили представить свои открытия мне и попросить меня быть судьей в вопросе о том, кто из них должен первым опубликовать свою статью. Я посоветовал Кенигштейну зачитать свою статью одновременно со статьей Коллера перед Медицинским обществом. Во всяком случае, всё это на пользу коки, а за моей работой остается репутация первой, рекомендовавшей коку для венских коллег».

Итак, Фрейд посоветовал Кенигштейну «попробовать сделать нечто подобное», что сделал Коллер – сказано, кажется, вполне недвусмысленно.

Но за успешным докладом и демонстраций на Конгрессе в Гейдельберге последовала «громкая сенсация» – оглушительный успех во всем мире и полное признание открытия анестезии глаза за Коллером. Случилось то, о чем всю жизнь мечтал Фрейд. Имя Карла Коллера сделалось по-настоящему знаменитым: из неизвестного стажера он в одночасье превратился во всемирно известного ученого. Тогда было совершенно другое время, чем сегодня: всякое научное достижение быстро делалось достоянием общественности, так что успешный ученый приковывал внимание миллионов людей. После важного научного открытия он становился известным и богатым человеком. Так и случилось с Коллером. Позднее он эмигрировал в Нью-Йорк, где сделал головокружительную карьеру. Но даже без этого продолжения своей биографии Коллер с первых дней открытия был, наверное, самым знаменитым человеком Вены. Фрейдом овладело чувство зависти. Он стал во всем обвинять Марту, к которой вынужден уехать в Вандсбек в то время, когда Коллер экспериментировал с кокаином. Нетрудно было догадаться, что если бы Фрейд оставался на месте, он не допустил бы, чтобы Коллер «увел у него из-под носа» открытие мирового уровня. В разговорах с друзьями и знакомыми Фрейд страшно сожалел, что уехал в отпуск, но время было упущено, а ход событий не повернешь вспять.

Эрнест Джонс вместе с Фрейдом многократно обсуждали эти события; судя по комментарию Джонса, оба восприняли их как трагедию. Приступая к рассказу об этом эпизоде жизни Фрейда, биограф начал так: *«Теперь пришло время рассказать о человеке, «отнявшем» у Фрейда славу. Его звали Карл Коллер»*. В этом рассказе он использовал выражения типа: *«Несмотря на непорядочность Коллера по отношению к Фрейду...»*. Но на самом деле ничего «непорядочного» Коллер не совершил. В заключительном параграфе статьи «О коке» Фрейд написал:

«Пригодность кокаина и его солей, применяемых в концентрированных растворах для анестезии кожных и слизистых оболочек, предполагает его возможное будущее использование, особенно в случаях локальной инфекции... Применение кокаина, основывающееся на его анестезирующих свойствах, найдет себе место и в других случаях».

Об анестезирующем свойстве, он мог либо прочесть в литературе, либо узнать на собственном опыте. Если коку положить под язык или за щеку, как это делали аборигены Южной Америки, язык или щека немевают. Исследователь, интересующийся вопросами локальной анестезии, естественно, обратил бы внимание на эти свойства коки. Коллер поблагодарил Фрейда за начальную информацию (эти слова Вы, уважаемый Удод, привели), сам же приступил к разработке четкой процедуры его применения для операций на глазах. Казалось бы, всё сделано по-честному, однако Джонс и Фрейд так не думали.

Джонс вспоминает:

«Фрейд говорил, что если бы, вместо того чтобы советовать Кенигштейну провести эксперименты на глазу, он сам больше в них верил и не уклонялся бы от самостоятельного их выполнения, то не прошел бы мимо «фундаментального факта», т.е. анестезии, как это случилось с Кенигштейном. «Но меня сбили с пути таким большим неверием со всех сторон». ...«Кокаин создал мне хорошую репутацию, но львиная доля успеха ушла к другому». «Фрейд в действительности считал виновным себя: «Я упомянул об этом свойстве алкалоида в своей работе, но не подверг его детальному исследованию». В разговоре он обычно приписывал это упущение своей «лени»».

Между тем не в характере Фрейда ставить эксперименты и отрабатывать процедурные методики по применению препаратов – это скучно и долго. Так что он напрасно переживал: всё произошло именно так, как и должно было произойти. Но зависть душила его. Фрейд часто возвращался к этому тяжелому для него моменту, смещая акценты.

«Однажды, – рассказывает Фрейд, – я стоял во дворе с группой своих коллег, среди которых находился этот человек [Коллер]. Мимо нас прошел наш коллега [Кенигштейн], испытывавший сильную глазную боль. ... Я сказал ему: «Мне кажется, я сумею вам помочь», и мы все отправились в мою комнату, где я закапал ему в глаз несколько капель лекарства, которое немедленно сняло его боль. Я объяснил своим друзьям, что это вещество является экстрактом одного растения из Южной Америки, коки, которое, по всей видимости, обладает могущественными возможностями для снятия боли и о котором я готовлю статью. Один из моих коллег с необычайным интересом в глазах, Коллер, не сказал ничего, но несколько месяцев спустя я узнал, что он начал революционизировать глазную хирургию с помощью применения кокаина, делая легкими до этого невозможные операции».

Разве не для того Фрейд рекламировал свойства кокаина, чтобы им могли пользоваться все? Но мы видим, когда Коллер воспользовался препаратом, Фрейд, похоже, сильно пожалел о своей болтливости. В другое время он смотрел на эти события более спокойно:

«Здесь я могу задним числом рассказать, как по вине своей невесты я не прославился уже в те молодые годы. Побочный, но глубокий интерес побудил меня в 1884 г. получить от «Мерка» в то время малоизвестный алкалоид, кокаин, чтобы изучить его физиологическое воздействие. В разгар этой работы передо мной открылась возможность поездки к моей невесте, с которой я был в разлуке в течение двух лет. Я быстро завершил опыты с кокаином и в своей публикации довольствовался предсказанием, что скоро будут найдены новые способы применения этого средства. Я даже предложил своему другу, офтальмологу Кенигштейну, исследовать возможность применения анестезирующих свойств кокаина на больном глазу. Возвратившись из отпуска, я узнал, что не он, а другой мой друг, Карл Коллер (сейчас он в Нью-Йорке), которому я также рассказывал о кокаине, провел решающие опыты на глазах животных и продемонстрировал их на Конгрессе офтальмологов в Гейдельберге. Поэтому Коллер по праву считается изобретателем местной анестезии с помощью кокаина, которая оказалась столь важной для малой хирургии; но я не держу зла на невесту за эту помеху».

Сам факт, что Фрейд постоянно возвращался к этому эпизоду жизни, говорит о том, что он проклял всех на свете, включая жену, за упущенную возможность прославиться.

Джонс не простил Коллеру пустяковой ошибки в указании месяца выхода статьи «О коке», заподозрив того в злонамеренности. Коллер указал август, т.е. когда узнал об анестезирующем действии кокаина и приступил к его испытаниям, а статья выходила двумя выпусками «Центрального журнала общей терапии» с интервалом в две недели – 5 и 19 июня 1884 г. Между тем Фрейд намеренно – и это не вызывает уже никаких сомнений – отодвинул на год дату, когда он стал интенсивно пропагандировать кокаин. Например, в «Толковании сновидений», в рассказе об Ирме, как бы между прочим, автор обронил слова:

«Исследование о кокаине, произведенное мной в 1885 году, навлекло на меня тяжелые упреки. Близкий друг, умерший в 1895 году, благодаря злоупотреблению этим средством ускорил свою смерть».

По Фрейду получается, что «близкий друг», т.е. Эрнст Флейшль, сам «ускорил свою смерть», так как «злоупотреблял этим средством». На самом деле Фрейд прописал ему кокаиновое «лекарство» 1 мая 1884 г, т.е. сразу же, как узнал о возможной замене им морфия. Кроме того, Флейшль умер в 1891 г., а не в 1895 г. Обе даты были изменены, чтобы надежней

сбить с толку общественность. Смерть Флейшля произошла от передозировки наркотика и вот, при каких обстоятельствах.

Не в силах далее терпеть физические мучения, отчетливо понимая, что болезнь неизлечима, Флейшль пригласил к себе домой ближайших друзей – Фрейда, Брейера, Брюкке и Экснера (второго ассистента Брюкке). После того, как они выпили вина, хорошо закусили и попели старые университетские песни, Флейшль со всеми попрощался, подарил каждому по подарку на память (в основном книги) и в присутствии всех совершил акт самоубийства. Стоун писал:

«Эрнст Флейшль опустил голову на подушку и закрыл глаза. Йозеф Брейер подошел к нему, пощупал пульс: сердце уже не билось. Он начал натягивать простыню на голову Флейшля. Зигмунд тихо сказал: «А нужно ли это, Йозеф? Он красив даже в смерти»».

Эта трагическая сцена отнюдь не художественный вымысел писателя, а констатация имевшего места факта.

Вы верно сказали, уважаемый Удод, что когда Фрейд случайно наткнулся на статью Теодора Ашенбрандта в «Германском медицинском еженедельнике» за декабрь 1883 г. и попробовал на себе действие кокаина, он тут же решил написать статью о нем. Однако у него не было доступа к хорошей научной литературе. В библиотеке Генерального бюро военврачей, куда он был вхож, ее просто не было. Тогда Флейшль, с которым он сблизился в октябре 1883 г. и который уже страдал морфинизмом, написал рекомендательную записку в библиотеку Медицинского общества, где засвидетельствовал, что он лично берет на себя ответственность за сохранность книг и журналов. Надо сказать, что Фрейд не просто сдружился с Флейшлем, а настоящему полюбил его как за красивый ум, так и красивое тело.

«Я люблю его не столько как человеческое существо, – писал он *Марте*, – а как одно из драгоценных достижений Творца. И тебе совсем не следует быть ревнивой».

Если Фрейд пытался от чего-то откеститься, то понимать его надо прямо противоположным образом. Фрейд «любил» Флейшля именно как «человеческое существо», и ревность Марты была вполне оправданной. Конечно, он хотел всеми возможными способами облегчить страдания своего горячо любимого друга. Эта любовь доказывает, что Фрейд искренне заблуждался в отношении применения кокаина. Надо полагать, что данный случай был не единственный: в своих теоретических и практических исканиях он не раз и не два ошибался. Подобные факты снимают с него обвинение в беспросветном жульничестве.

Напомним, что морфий, или морфин, относится к опийным наркотикам и находится в одной группе с героином, маковой соломкой и кодеином. При интоксикации человек теряет болевую чувствительность, испытывает расслабленность, приятные ощущения и даже восторг, при котором все жизненные проблемы разом забываются. В его голове происходит быстрая смена грезоподобных переживаний. В этот момент он делается физически медлительным и умственно заторможенным, сосредоточенным на своих наслаждениях и образных видениях. Эта фаза продолжается примерно в течение получаса, после чего наступает сон, длящийся 2–3 часа. После пробуждения человек чувствует сильный дискомфорт, пониженный физиологический тонус и угнетенное состояние психики. Возникает острое желание вновь ввести дозу, как правило, большую. Передозировка определяется по суженным зрачкам и замедлению дыхания, которое может и вовсе прерваться. Зависимость быстрее всего приобретает при внутривенном введении наркотика. Обо всем этом Флейшль знал не только из книг, но и из личного опыта. Морфий действует на центральную нервную систему, а кокаин – на периферическую, именно поэтому он стимулирует зрительные, слуховые и тактильные рецепторы, вызывающие галлюцинации. Этим же действием объясняется усиление потенции. Индейцы жевали листья коки, чтобы целую ночь заниматься сексом. Кто бы сейчас вспомнил, что вся так называемая сексуальная теория Фрейда была создана под непосредственным воздействием этого наркотика.

Фрейд рыскал по журналам, издаваемым в Перу, где говорилось, что индейцы использовали коку в течение всей своей жизни в качестве стимулирующего средства без каких бы то ни было вредных последствий для своего здоровья. Они подмешивали листья коки в пищу при тяжелых переходах, когда требовались длительная выносливость и кратковременные большие усилия. Паласиос писал, что «за счет употребления коки индейцы способны совершать переходы, длящиеся сотни часов, и бежать быстрее лошади без признаков усталости». Чуди

рассказывал о мулате, который копал землю в течение пяти суток с двухчасовым перерывом на ночной сон. Хулиан описал случай с миссионером, избавившимся от ипохондрии. Подобные истории местные жители рассказывали и известному немецкому путешественнику и естествоиспытателю Александру Гумбольдту во время его путешествия. Хотя была информация и о вредном действии наркотика при чрезмерном его потреблении: он вызывал симптомы, которые наблюдались при морфинизме и алкоголизме. Но Фрейд не хотел замечать их, поскольку убедил себя, что малые дозы кокаина ни к каким опасным последствиям привести не могут. Он с радостью воспринял сообщения европейских исследователей, которые свидетельствовали, что кока помогает при подавленности, меланхолии, истерии и неврастении. Возможно, именно эти факты навели его на мысль об использовании кокаина в качестве психотропного средства. Он просил разрешения у руководства больницы (Мейнерта) и отделения (Шольца) испытать кокаин на конкретных больных, однако они ему не позволили.

Флейшля уговаривать не пришлось, он сам искал малейшую возможность для облегчения своих страданий. Джонс писал:

«Непереносимая невралгия, изнуравшая его в течение десяти лет, добивала его. Рассудок Флейшля под воздействием больших доз морфия стал периодически мутнеть. Фрейд получил первое представление о его состоянии во время краткого визита к нему в октябре 1883 года. «Я с полной безутешностью спросил его, куда всё это могло привести. Он сказал, что родители считают его великим ученым и что, пока они живы, он будет стараться продолжать свою работу. После их смерти он покончит с собой, ибо, по его мнению, ему долго не продержаться. Было бы бессмысленно стараться утешить человека, который столь ясно видит свою ситуацию». ... «Я не могу выносить, заставляя себя делать всё с усилием в три раза большим, чем это требуется другим, когда я так привык делать дела легче, чем они, никто другой не вытерпел бы того, что я терплю»».

Когда Фрейд в начале мая 1884 г. назначил ему кокаин, Флейшль почувствовал облегчение. В декабре этого года в «Сент-Луисском медицинском и хирургическом журнале» появилось даже краткое сообщение Флейшля об удачном использовании кокаина для отвыкания от морфия. Но с начала 1885 г. его самочувствие стало значительно хуже, чем до применения кокаина. Это было вызвано тем, что Флейшль сразу же начал внутривенное введение кокаина.

«Однажды в апреле, – пишет Джонс, – Фрейд просидел с ним всю ночь. Всё это время Флейшль находился в теплой ванне. Фрейд написал, что это абсолютно непередаваемо, так как он никогда не испытывал чего-либо подобного; «каждое замечание о глубочайшем отчаянии было законным». Это была первая из многих подобных ночей, которые он провел с Флейшлем в течение следующей пары месяцев. К этому времени Флейшль принимал громадные дозы кокаина; Фрейд заметил, что за прошедшие три месяца Флейшль потратил на кокаин не менее 1800 марок, что означало прием целого грамма кокаина в день. 8 июня Фрейд писал, что эти ужасные дозы сильно повредили Флейшлю, и, хотя он продолжал посылать кокаин Марте, предостерегал ее от приобретения привычки. Фрейд писал в это время: «Каждый раз я спрашиваю себя, испытаю ли я когда-нибудь в своей жизни нечто столь же волнующее или возбуждающее, как эти ночи... Его разговор, его объяснения всевозможных запутанных вещей, его суждения о людях нашего круга, его разнообразная активность, прерываемая состояниями полнейшего истощения, облегчаемыми морфием и кокаином, – всё это составляет ансамбль, который не может быть описан. Но возбуждение, исходившее от Флейшля, было таким, что даже перекрывало все эти ужасы». Среди симптомов кокаиновой интоксикации у Флейшля отмечались приступы потери сознания (часто с конвульсиями), сильная бессонница и отсутствие контроля над эксцентричным поведением. Постоянное увеличение ежедневной дозы приема кокаина привело, в конце концов, к белой горячке (с белыми змеями, ползущими по его коже). 4 июня наступил кризис. Придя в тот вечер, Фрейд застал его в ужасном состоянии, поэтому вызвал его лечащего врача Брейера. Фрейд остался у Флейшля на всю ночь. Это была самая ужасная из всех проведенных в этом доме ночей. Фрейд полагал, что Флейшль не протянет больше шести месяцев, однако он ошибся – болезнь Флейшля затянулась на шесть болезненных и мучительных лет».

Как видим, Джонс был достаточно беспристрастен к оценке событий, случившихся после того, как Фрейд взялся за лечение Флейшля. Вы, уважаемый Удод, были правы, когда сказали об объективности биографа. Если он что-то и утаил, то это были какие-то подробности поведения больного, которые вряд ли изменят общую картину его удручающего состояния. Но вот дальнейшее повествование, возможно, заронит у Вас зерно сомнения в отношении невинности

ошибок Фрейда. Трудно принять мысль, что в этой эпопее с кокаином всё было цепью досадных заблуждений.

Весной 1885 г., несмотря на ужасающий пример, имевшийся прямо перед глазами, Фрейд стал выступать за внутривенное введение кокаина. Он говорил: *«Я, не колеблясь, советую применять кокаин в подкожных инъекциях по 0,03 – 0,05 грамма, не беспокоясь о его накоплении в организме»*. К этой крайней мере он перешел, поскольку все прочие средства введения коки не оказывали на Флейшля никакого, даже кратковременного облегчающего эффекта. Он не прекращал свои «научные» эксперименты с кокаином. Так, к примеру, он установил, что этот наркотик помог больным, испытывающим страх перед питьем воды (гидрофобия). В июне 1885 г. была опубликована первая критическая статья Эрленмейера, который прекрасно знал данную проблему, поскольку в 1884 г. опубликовал книгу «О болезненном пристрастии к морфию». Фрейд же среагировал на его выступление следующим образом: *«Эта статья – напоминание о том, что именно я рекомендовал применение кокаина в случаях болезненного пристрастия к морфию, о чем ни разу не было упомянуто людьми, убедившимися в его ценности. Поэтому можно быть только признательным своим врагам»*. Напомним, что Фрейд не сам пришел к этой идее, а вычитал ее в статье американского врача из Кентукки. Естественно, нашлись защитники использования кокаина против морфия. Эту позицию отстаивал Оберштейнер в статье «О применении кокаина при неврозах и психозах», которую он переслал в Париж, где Фрейд проходил стажировку.

В следующем году в Европе стали всё чаще появляться сообщения об отрицательном действии кокаина. В мае 1886 г. Эрленмейер вновь выступил с критикой использования кокаина, назвав этот наркотик «бичом человечества». В третьем издании упомянутой выше книги он сделал добавления, где, в частности, говорилось, что *«Фрейд рекомендует без каких-либо ограничений применение кокаина при лечении морфинизма»*. Джонс в связи с критикой использования кокаина в лечебных целях замечает:

«Некоторые считали Фрейда человеком с опрометчивым суждением. И это, очевидно, был самый мягкий приговор, который могла вынести его чувствительная совесть самому себе. Он лишь еще более подтвердился из-за печального события, имевшего место немного времени спустя, когда, считая кокаин безвредным средством, Фрейд прописал слишком большую его дозу пациенту, который в результате этого скончался. Трудно сказать, насколько существенно всё это повлияло на репутацию Фрейда в Вене. Позже он рассказывал, что эти события привели к «тяжелым упрекам» в его адрес».

По поводу «чувствительной совести» Джонс сильно заблуждался. Когда говорят о необъективности биографа, возможно, имеют в виду и тот факт, что он занижал число покойников, оставшихся после лечения, которое назначалось доктором Фрейдом.

Только в середине 1887 г. Фрейд стал признавать свои ошибки, причем оправдывался он тем, что привыкание к кокаину до сего момента не были никому известны, за исключением случая, когда больной пристрастился к морфию. Здесь имелся в виду, конечно, случай с Флейшлем. Фрейд придумал теорию, будто привыкание к кокаину связано с кровеносной системой человека. Если кровяное давление в норме, кокаин можно вводить и внутривенно; если это условие не выполняется, нужно воздерживаться от подкожных инъекций. Поскольку нормальную стабильность кровяного давления нельзя гарантировать, то лучше вовсе отказаться от прямого впрыскивания кокаина в кровь, но проникновение кокаина через пищевод не угрожает нашему здоровью, если соблюдать меру. И обыкновенная пища может повредить здоровью, если ее много съесть. Не называя имени, Фрейд указал на случай Флейшля, который *«является первым случаем излечения от болезненного пристрастия к морфию посредством использования кокаина»*.

Это был уже преднамеренный обман общественности. К сожалению, к обману Фрейд прибегал неоднократно. Когда он чувствовал потребность в успешном примере, он его просто выдумывал. Вообще, есть большие сомнения в том, что Фрейд за всю свою жизнь кого-нибудь вылечил. Обращает на себя внимание и его манера обороняться. На обоснованную критику он отвечал спешно придуманной «научной» теорией. Кровяное давление, конечно же, никакого непосредственного отношения к реакции организма на наркотик не имеет. Во всяком случае, чтобы это утверждать, необходимо было провести исследования. Этого сделано, разумеется, не было, и серьезные специалисты прекрасно видели, что Фрейд просто искал для себя оправдания.

Сотни свидетельствующих документов он уничтожил или не велел публиковать, но многие доказательства его обмана доступны всем желающим, с ними надо лишь ознакомиться.

Джонс честно пишет:

«Когда Флейшлю был предложен кокаин, он немедленно стал вводить его себе в форме подкожных инъекций. Годы спустя Фрейд утверждал, что никогда не имел в виду этого, а прописал данное средство лишь для внутреннего употребления. Однако нет никаких свидетельств того, что он протестовал против «неправильного» употребления этого средства Флейшлем, но есть доказательства, что сам он выступал в поддержку подкожных инъекций кокаина для случаев, подобных случаю Флейшля, то есть при отвыкании от морфия, и, по-видимому, так же их делал. Как раз его руководитель, профессор Шольц, незадолго до этих событий усовершенствовал технику ввода иглы для подкожных инъекций, и Фрейд прекрасно овладел ею. Он много раз применял ее в последующие десять лет для различных целей, и в одном из своих трудов с гордостью упоминает о том, что никогда не занес никому никакой инфекции. С другой стороны, в его сновидениях тема инъекций неоднократно встречается в связи с темой вины.

В статье, написанной им в свою защиту в 1887 г., содержится намек на то, что при применении кокаина шприц для подкожных инъекций является источником опасности. В ссылках на свои предыдущие работы Фрейд опускает любое упоминание о статье 1885 г., в которой горячо выступал в защиту инъекций. Эта последняя статья также не включена в список его трудов, который в 1897 г. Фрейду пришлось подготовить для присвоения ему профессорского звания. В его архиве также нет ни одного экземпляра этой статьи. По всей видимости, знание о ней было полностью вытеснено.

Что поучительно в этой истории с кокаином, так это тот свет, который она проливает на присущий Фрейду способ работы. Его великой силой, хотя иногда также его слабостью, было совершенно необычное уважение, которое он питал к единичному факту. Это действительно очень редкое качество. В научной работе люди постоянно опускают единичное наблюдение, если оно не кажется состоящим в какой-либо связи с другими данными или общим знанием. С Фрейдом было не так. Единичный факт очаровывал его, и он не мог выбросить его из головы до тех пор, пока не находил ему некоторого объяснения. Практическая ценность этого качества ума зависит от другого качества: суждения. Факт, подвергаемый рассмотрению, может в действительности быть маловажным, а его объяснение – не представлять интереса; на этом пути лежит чудачество. Но такой факт может быть до поры до времени скрытой жемчужиной или крупницей золота, которая указывает на рудную жилу. Психология всё еще не может объяснить, от чего зависят чутье или интуиция, которые ведут исследователя к чему-то важному, не к открытию отдельной вещи, а вещи как частицы мироздания. ... Завладевая простым, но важным фактом, Фрейд пытался доказать его универсальность или общность с другими фактами. Мысль о собирании статистических данных по каждому вопросу была для него неприемлема. За это его часто упрекали, не понимая, что так работает ум гения».

Мы видим, что Джонс дезориентирован «гениальностью» Фрейда и пытается оправдать его ошибки тем, что оправданием никак не является. Невозможно явную ложь, к которой частенько прибегал Фрейд, оправдывать мифическим механизмом «вытеснения», которым пользуются психоаналитики. Но надо отдать должное, биограф остается достаточно честным в изложении известных ему фактов, хотя произошедшим тогда событиям он, как и все психоаналитики, правильную оценку дать не мог. Любой непредвзято мыслящий историк, обладающий научным мировоззрением, сумеет сделать правильные выводы из процитированного отрывка. Конечно, на «единичном факте», каким бы «очаровательным» он ни был, нельзя строить теорию. Верно писал Курт Колле, имея в виду Фрейда: *«Он был слеп ко всему, что противоречило его теории, построенной на основе единичного факта»*. «Положительное» воздействие кокаина Фрейд выявил на себе, что является полным абсурдом. Находясь в наркотической эйфории, он естественно мог зарегистрировать только положительный эффект. Все наркоманы на первой стадии потребления наркотика замечают одни благоприятные изменения в своем организме. Даже смерть Флейшля его ничему не научила: он не разуверился, а, напротив, укрепился в своей правоте, в вере в чудодейственные свойства кокаина.

Фрейд, очевидно, сжег вместе с прочими документами «улики» своего преступления, совершенного в отношении Флейшля. Возможно также, что Фрейд сам какое-то время перебирал с кокаиновой дозой и с ним случилось то, что Джонс назвал «сумеречным состоянием рассудка». Однако это не является оправданием ложной практики, которую он проводил в течение нескольких лет. Наверняка, Фрейд употреблял «бодрящее средство» и в последующие годы.

Чувствуется, что книги «Толкование сновидений» и «Три очерка по теории сексуальности» написаны под его сильным воздействием. В одном из июльских писем 1899 г. он писал:

«Я не могу прожить больше двух часов в день, не прибегнув к помощи друга Марсалы [сорт вина]. «Он» внушает мне мысль, что всё не так мрачно, как мне кажется, когда я трезв».

Многое из того, что касается кокаиновой авантюры, мы уже никогда не узнаем. Но даже того, что рассказал Джонс, вполне достаточно, чтобы сделать однозначный вывод в отношении научного и морального облика Зигмунда Фрейда.

Глава 7. Истерия, невроз и гипноз

Удод: Да, уважаемый Скептик, история с кокаином и поведение Фрейда в этой ситуации является своеобразным ключом к пониманию его странных реакций при других жизненных обстоятельствах. В первую очередь я имею в виду случай с пациенткой Анной О. Здесь трудно что-либо отрицать: кокаин испортил не только репутацию ученого, но поставил под вопрос и теорию сексуальности Фрейда, так как всем известно, прямое влияние этого наркотика на биологическую сексуальность человека. Биографы спорят, как долго Фрейд находился в кокаиновой зависимости. Джонс назвал 10-летний срок. Вы считаете, что он занижил период ровно в два раза, и истинный срок равен приблизительно 20 годам. Многие считают, что кокаин Фрейд употреблял до конца своих дней. Подобно индейцам он держал за щекой кокаиновую жвачку, отчего у него и развился рак на этом месте (интенсивное курение лишь усугубило болезнь, но не породило ее). В любом случае жизнеописание Фрейда будет сильно искажено, если умалчивать о кокаине. При написании самого главного труда по психоанализу «Толкование сновидений» автор действительно находился в сильной наркотической зависимости – этого нельзя отрицать.

То же самое касается болезни Анны О. Тот, кто умалчивает реальное положение дел в отношении этой дамы, искажает историю становления психоанализа. Здесь, как и в случае с кокаином, всё зависит от оценки степени влияния данного фактора на дальнейший ход событий. Одни говорят: да, результаты выздоровления Анны О. были полностью сфальсифицированы, однако это не ставит под сомнение сам психоаналитический метод. Другие не согласны с этим выводом и утверждают, что все без исключения случаи выздоровления больных были сфальсифицированы. Я, уважаемый Скептик, сторонник первой точки зрения, которой придерживаются и большинство исследователей психоанализа. Невозможно поверить в то, что миллионы посетителей психотерапевтических кабинетов подверглись тотальному обману. Наверняка психоанализ помог большинству пациентов, иначе обман стал бы достоянием общественности. Статистический фактор, мне кажется, в этом случае является решающим. Я, пожалуй, соглашусь, что данная проблема упирается не столько в психологию личности, сколько в психологию поведения огромных людских масс. Но прежде чем затрагивать весь комплекс вопросов, связанный с этой сложной темой, давайте коротко остановимся на существе дела и некоторых известных фактах биографии Фрейда.

Итак, «кокаиновая авантюра», как Вы выразились, уважаемый Скептик, подводит своеобразную черту под «розовым периодом» жизни Фрейда, когда он мечтал стать рациональным ученым в области гистологии и физиологии. Фрейд выступал здесь по большей части всё еще как химик-фармацевт, который искал волшебное средство от всех душевных и физических недугов. После неудачи с кокаином он более не занимается химическими реагентами и лекарственными средствами. Он также перестал препарировать биологические организмы и органы, стал избегать любого контакта с живой тканью, целиком сосредоточившись на душе человека. Фрейд заинтересовался абсолютно новой для него сферой медицинской практики, которую ранее он не изучал в университете и к которой его тогдашние наставники, в частности Теодор Мейнерт, относились резко отрицательно. Этой сферой были истерия, невроз и гипноз.

Оказавшись в «Отделении болезней нервной системы и печени», начинающий врач был удивлен той обстановкой, в которой пребывали люди, страдающие неврозами, истерией и другими психическими расстройствами. Фрейд с интересом наблюдал за их необычным поведением и обдумывал природу заболеваний. Ему показалось, что навязчивые идеи, маниакальная депрессия, паранойя, булимия и прочие отклонения, которые он мог постоянно наблюдать, не могут происходить от физиологии или анатомии человека. Вероятно, существуют

какие-то более тонкие, можно сказать, «трансцендентные» механизмы психики, которые невозможно объяснить с точки зрения элементарной гистологии нервной и мозговой тканей. Имея небольшой опыт препарирования угрей и раков, он не находил никакой зависимости между их примитивной организацией и тем, что видел и слышал от своих пациентов.

Здесь надо еще раз напомнить, что к психологическим теориям конца XIX столетия, в которых фигурировали виталистические субстанции и схоластические рассуждения относительно философских химер, естествоиспытатели относились презрительно, справедливо относя их к самым худшим разделам метафизики. Однако врачебная психиатрия тоже недалеко ушла от того, что было написано в «Гиппократовском сборнике». Все психические заболевания лечились в основном физическими упражнениями, массажами, холодными и теплыми ваннами, прогулками на свежем воздухе, подбором диет и особой санаторной обстановкой. Новым здесь было использование электрического разряда, который давал кратковременный эффект, но объективно не способствовал лечению душевнобольных. Если не существует психиатрической науки, надо ее создать, решил про себя Фрейд. Однако он всё еще колебался в расстановке приоритетов: а принесет ли будущая неведомая наука те возжеланные плоды, которые ждет от него мир и о которых он денно и нощно грезит? Тщеславие было его движущей силой, и здесь я не буду с Вами, уважаемый Скептик, спорить, поскольку эту черту характера отмечали все, кто хоть немного общался с Фрейдом.

Весной 1885 г. ему разрешают прочесть несколько неофициальных лекций по материалам своих гистологических исследований.

«В неврозах я ничего не понимал, – пишет Фрейд. – Когда я однажды представил своим слушателям историю одного невротика с фиксированными головными болями как случай ярко выраженного хронического менингита, все они в справедливом критическом возмущении от меня отшатнулись, и моя преждевременная педагогическая деятельность на этом закончилась».

Однако, почувствовав вкус к преподавательской деятельности, Фрейд стал энергично добиваться звания приват-доцента, заявку на которое он подал еще в начале года. Летом Фрейд получает это звание, чему немало способствовал всё тот же добрейший Брюкке. Ему, наконец, позволили прочесть официальную лекцию, которая прошла в торжественной обстановке.

По заведенному тогда правилу все молодые преподаватели и ученые, окончившие европейский вуз по собственному усмотрению должны были пройти стажировку в одном из научных центров Европы. Фрейд выбрал парижскую клинику Сальпетриер, где трудился известный врач и ученый Жан Мартин Шарко (1825–1893). В связи с этими радостными известиями Фрейд пишет невесте следующие строки:

«О, как это должно быть чудно. Я приезжаю с деньгами и надолго остаюсь с тобой, привожу тебе нечто восхитительное, а затем еду в Париж, становлюсь великим ученым и возвращаюсь в Вену, окруженный громкой славой. Мы сразу же поженимся, и я вылечу всех неизлечимых невробольных. Ты будешь заботиться обо мне, а я буду целовать тебя, пока ты не станешь веселой и счастливой; отныне мы славно проживем».

В середине октября 1885 г. Фрейд уезжает в Париж к Шарко, которого он боготворил (его именем, Жан Мартин, он наградил сына, родившегося в 1889 г.). Но к парижскому светилу весьма подозрительно относился тогдашний шеф Фрейда Теодор Мейнерт, который считал его обыкновенным шарлатаном. Со слов Сартра, он говорил Фрейдю, что весь успех Шарко состоял в том, что он заставлял своих студентов *«подбирать на панели уличных девок и посылать их в Сальпетриер, чтобы они разыгрывали перед Шарко свои «великие приступы». Он – посмешище всего медицинского корпуса. Гипнотизм – это трюк из кафешантана»*. Действительно, Шарко странным образом мудрил с гипнозом. Отрицая его как научный метод, он тешил свое самолюбие постановкой грандиозных шоу, которые посещали толпы зевак.

Оппонентом Шарко выступал психотерапевт из Нанси Ипполит Бернхейм. По словам Фрейда, с помощью гипнотического внушения он «добился больших терапевтических успехов». Фрейд безоговорочно присоединился к позиции Бернхейма, взялся перевести на немецкий язык две его книги и надеялся превратить гипноз в терапевтический метод лечения от всех видов невроза. Но этому замыслу не суждено было сбыться, так как Фрейд не сумел в достаточной мере овладеть мастерством гипнотизера. Поэтому ему пришлось искать другие пути для своей самореализации.

Мейнерт был уверен, что все умственные, волевые и эмоциональные расстройства, как и различного рода афазии и параличи, вызваны физическим повреждением участков мозга или нервной ткани. Если нет физических повреждений нервной или мозговой ткани, то психические расстройства сами по себе не возникнут. На все психические отклонения от нормы должны существовать материальные причины. Неврастения и истерия – это симуляция болезни, говорил он, поскольку они не обнаруживают тканевых отклонений. Естественно, что «бабушкиными заговорами» и «колдовством шаманов» настоящие психические болезни излечить нельзя. Только через тщательное изучение морфологии мозга, говорил он, можно понять истинные причины заболевания. Именно Мейнерт настоял, чтобы во Второй психиатрической клинике Вены, которую он возглавлял, все методы лечения заболеваний мозга разрабатывались в анатомических лабораториях. Он был сторонником активной медикаментозной, электрошоковой и химической терапии. Предрасположенность к психическим болезням, говорил он, передается по наследству, что ограничивает действие воспитания и социальных факторов. Его классификация болезней с характерной симптоматикой: старческое или раннее слабоумие, кретинизм, паранойя, кататония, маниакальное безумие на почве алкоголизма, травматический невроз и т.д., могла быть проверена на предках, родственниках и потомках больного. Мейнерт зафиксировал 30 тысяч обследований головного мозга, но мировое признание досталось всё же другому исследователю. Эмиль Крепелин (1856–1926) из Лейпцигского университета издал «Клиническую психиатрию», в которой привел исчерпывающую на тот период классификацию психических заболеваний в духе Мейнерта.

Вы, уважаемый Скептик, по-видимому, правы. Зигмунд Фрейд не был убежденным материалистом, т.е. он не искал причины психопатологии в гистологии и физиологии человека. Источником психических расстройств, считал он, должны быть психические причины. Здесь он расходился со своими учителями-физиологами, воспитанными на трудах Гельмгольца, и сходил с неовиталистами и неосхоластами, которые обычно не упоминаются в нынешних учебниках по истории психоанализа, но которые господствовали в конце XIX – начале XX в. В этом смысле ненаписанный им «Очерк научной психологии» сыграл важную роль в становлении психоанализа, так как летом 1895 г. Фрейд еще раз взвесил все материальные доводы в деле объяснения психических расстройств и выбрал, если не виталистический, то, по крайней мере, нематериалистический путь построения будущей теории. Но еще задолго до этого, нереализованного им «Проекта» произошел важный для становления психоанализа случай, повлиявший на его окончательный выбор. 18 ноября 1882 г. Брейер рассказал Фрейду о своей пациентке Анне О., о чем свидетельствует его письмо к Марте, написанное на следующий день.

Фрейд только что познакомился с этим прекрасным лечащим врачом, которого знала вся Вена. Брейер являлся личным врачом высокопоставленных особ города, в частности Теодора Гомперца, и доброй половины врачей Венских больниц. Он придерживался материалистических убеждений и с рациональных позиций смотрел на деятельность мозга и всей нервной системы. В Венском университете его учителем был Эрнст Брюкке и известный терапевт Йохан Оппольцер, у которого он впоследствии остался работать. С 1875 по 1885 гг. Брейер преподавал в университете, но ушел оттуда, так как предпочел заняться врачебной практикой. Как ученый, он исследовал «полузамкнутые каналы среднего уха» у голубей, связанные с движением головы. Он установил, что внутреннее ухо голубя чувствительно к силам притяжения и ответственно за равновесие тела в полете. Это была типичная тема для физиолога того времени, который всю жизнь оставался пытливым ученым, хотя большую часть рабочего времени посвящал медицинской практике. Поблизости с его домом находилась большая голубятня, где он любил проводить время, наблюдая за поведением птиц. Брейер работал над теорией вестибулярного аппарата птиц, животных и человека больше для души, поэтому чрезмерное рвение своего нового друга стать ученым он, видимо, не особенно понимал. До тех пор, пока Фрейд выдавал себя за приверженца естествознания и исследовал речных раков, готовя к публикации работу «О структуре нервных волокон и нервных клеток у рака», они оставались друзьями. Но когда он стал отходить от материализма, их теплые чувства друг к другу быстро охладели. Разрыву дружеских отношений во многом способствовали разногласия в объяснении истерии и невроза.

Камнем преткновения послужила пациентка, которая была школьной подругой жены Фрейда. Ее настоящее имя – Берта Паппенхейм (1859–1936). После внезапной смерти отца Марты, Бермана Бернейса (он в 1879 г. скончался прямо на улице), отец Берты, Зигмунд Паппенхейм, взял шефство над семьей Бернейсов, оставшейся без средств к существованию. В конце следующего года он сам заболел, и Берте пришлось ухаживать за больным отцом.

Паппенхеймы, как и Бернейсы, были известными семействами евреев-ортодоксов, которых хорошо знали все евреи Вены. Естественно, что ее болезнь привлекла внимание Фрейда еще и по этой причине. В книгах по истории психоанализа Берта фигурировала под вымышленным именем Анны О. Брейер лечил ее от истерии с декабря 1880 г. по июнь 1882 г. После раскрытия Джонсом настоящего имени Анны О., разразился громкий скандал, так как семейство Паппенхеймов не хотело, чтобы все узнали о психическом заболевании Берты Паппенхейм, ставшей впоследствии видной феминисткой и писательницей Германии. Но поскольку она была первой пациенткой, которая излечилась по методике психоанализа, имя ее, по мнению фрейдистов, должно быть известно научной общественности. Родственников и наследников особо возмутило то, что истерический невроз Берты объяснялся фрейдистами якобы ее тайными сексуальными вожделениями к лечащему врачу Йозефу Брейеру.

Краткая история заболевания Анны О. такова. Сначала у нее пропал аппетит и появилась слабость. Потом ее одолевал нервный кашель, обнаружилось малокровие, провалы памяти, нарушилась речь, мучили галлюцинации (ей мерещились скелеты, черепа и змеи). После смерти отца ей стало еще хуже: она перестала узнавать близких, обрывала пуговицы на своей одежде, страдала параличом лицевых мышц и конечностей, испытывала отвращение к пище, а однажды Анна пережила псевдороды. Брейер не обнаружил каких-либо повреждений органов или физических отклонений. Поэтому он, загипнотизировав ее, попытался внушить ей, что она абсолютно здорова. Это он проделывал несколько раз, пока необходимость в гипнозе сама собой отпала, так как с ней произошло «чудо» в полном смысле этого слова. Когда Анна О. в полном сознании подробно рассказала о зарождении одного из симптомов своего заболевания, он неожиданно для нее и врача бесследно исчез. Когда она заговорила о другом истерическом признаке, он тоже странным образом самоликвидировался (так, во всяком случае, часто излагается в истории психоанализа). Аналогично исчезли и другие ее истерические симптомы. Пациентка называла такой способ врачевания «лечением разговорами».

Но истина состояла в том, что такое излечение не было долгосрочным. Симптомы то исчезали, то появлялись, к старым симптомам добавлялись новые. Однажды ей было настолько плохо, что Брейеру пришла крамольная мысль: уж лучше б она совсем умерла, чем так мучиться. Но вдруг болезнь отступила; днем она чувствовала себя почти здоровой, хотя по вечерам ее снова одолевали галлюцинации. Через несколько лет исчезли и они; Анна О. стала психически нормальным человеком. Более того, она довольно активно занялась общественной деятельностью, в частности, побывала в России в период коллективизации, когда в Поволжье и на Украине был страшный голод. До конца дней она выступала в защиту прав женщин. Общественность Германии была ей благодарна, что было отмечено выпуском почтовой марки с ее профилем. Стоун рассказал, что Брейер случайно встретился с ней в булочной, и они вместе поужинали, вспоминая нелегкие дни ее болезни.

Об истерических симптомах Брейер рассказал Фрейду, которого крайне заинтересовало «излечение разговорами». Как стало известно позже (эту истину первые психоаналитики скрывали от общественности), никакого излечения во время беседы не произошло. Был кратковременный эффект, который, однако, вскоре бесследно исчез, и истерические реакции возобновились с еще большей силой. В результате больную переводили из одной клиники в другую, от одного врача к другому, и всё это происходило без устойчивых признаков настоящего выздоровления. Лечилась она и в швейцарском санатории Бельвю у Роберта Бинсвангера, где сохранились все медицинские отчеты по ее лечению. Многие исследователи, в их числе Жак Ван Риллар, указывали на отсутствие выздоровления и на «иллюзорность психоанализа». Настоящее же излечение произошло через много-много лет, причем независимо от применяемых к ней терапевтических воздействий.

Однако в этом не было ничего странного. Подобные случаи нередко фиксировались в медицинской практике, в том числе и Брейером, и рассматривались как случайные модификации нервного расстройства.

«В каждом городе, – говорил Брейер, – есть своя бродячая группа неврастеников, бегающая от врача к врачу в надежде на чудесное излечение мнимой болезни. Блуждающая кучка с мигрирующей болью: сегодня в голове, завтра в груди, на следующей день в коленной чашечке. Бесполезно изгонять боль из плеча или из кишок; этот монстр, который появляется так же быстро, как быстро удаляет его врач».

В случае с Анной О., говорил Брейер, обладающей особо возбудимой психикой, мы имеем ярко выраженную симптоматику примерно того же свойства. Он готов был признать, что ее истерия явилась следствием сначала болезни, а потом и смерти отца. Тем более, что она обвиняла себя в смерти отца, так как считала, что плохо ухаживала за ним. Таким образом, для Брейера это был несколько необычный случай, но всё же не выходящий за пределы известной ему психической патологии. Для Фрейда же этот единичный случай представлялся исключительным.

Вы, уважаемый Скептик, привели слова Джонса, где он восторгался умением Фрейда из одного-единственного факта, странного и непонятного, раздуть целую теорию. Если бы не трагические события и не сильное возмущение общественности, то мы бы сейчас разбирали не психоанализ, а какую-нибудь кокаиновую теорию или теорию излечения гипнозом. Фрейд и в самом деле умел найти такие запутанные области человеческой психики, где можно было строить самые экзотические теории. Он много лет размышлял над причинами возникновения и исчезновения истерических симптомов Анны О., пытаясь подвести под них эротическую основу. Его особенно интересовали самые необычные факты, не поддающиеся никакому рациональному объяснению. Таковым был истерический симптом псевдорудов и поведение при этом самого Брейера. Во время ложных схваток врач испуганно, с сильным волнением в голосе спросил пациентку, что с ней случилось. Та неожиданно для него тихо ответила: «Выходит ребенок доктора Брейера».

Фрейд полагал, что между врачом и пациенткой установились более чем доверительные отношения, так что Матильда, жена Брейера, переживала муки ревности, когда ее муж беседовал с Анной О., между прочим, весьма умной и симпатичной девушкой (друзья называли ее «красоткой»). Тревожась за ее невинность, строгие родители запретили ей читать любовные романы и посещать фривольные театральные постановки, что возмущало девушку. Фрейд подумал, что эти запреты каким-то образом проявились в истерии. Он стал замечать определенные сексуальные моменты и в своей врачебной практике, особенно после случая с Эмми фон Н., которая обуреваемая сексуальной страстью однажды бросилась ему на шею. Он был свидетелем, как одна пациентка обнажила перед ним грудь и задрала юбку. Фрейд говорил, что терапевтический эффект зависит от явной или скрытой взаимосвязи между врачом и пациентом, которая, как правило, имеет сексуальную основу. Этот эффект он назвал специальным термином – перенос (перенос на врача сексуальных, дружелюбных или враждебных отношений больного с другими людьми: отцом, матерью, родными, сослуживцами, любовницей или любовником). В бесчисленных разговорах со своими больными Фрейд стал обращать внимание на эротические аспекты взаимоотношений между людьми, которые постепенно вышли у него на первый план и которые он принял за доказательство сексуальной этиологии невроза. Брейеру не нравились прямые и откровенные сексуальные объяснения, но в «Очерке об истерии» (1985) он сам касается сексуальной тематики.

Перед тем, как приступить к изложению позиций Фрейда и Брейера по вопросу о неврозах, полезно остановиться на источниках. Как уже говорилось, наиболее полным собранием материалов на английском языке считается «Стандартное издание» фрейдовских трудов, осуществленное Джеймсом Стрейчи (James Strachey). Интересующая нас тематика размещена в первых трех томах. В первый том, изданный в 1966 г., вошли следующие работы.

1. «Сообщения относительно моих исследований, сделанных в Париже и Берлине» (с. 5).
2. «Предисловие к переводу лекций Шарко по болезням нервной системы» (с. 21).
3. «Наблюдения по мужской истерии...» (с. 25).
4. «Два коротких обзора» (с. 35).
5. Истерия. Эта статья появляется в шести разделах (с. 41).

А) Истерия – отсылка к «женскому сексуальному аппарату» и «физиологическая модификация» нервной системы.

В) Определение – предлагаемое определение соответствует позиции Шарко, который устанавливает понимание истерии в терминах, ранжированных от интенсивной к умеренной форме заболевания.

С) Симптоматология (параличи и т.д.).

Д) Течение истерической болезни.

Е) Лечение невроза.

Ф) Резюме.

6. «Статьи о гипнозе и внушении» (с. 63). Здесь Фрейд выражает свое недовольство гипнозом, высказывается в пользу этиологии и катарсиса, однако далее продолжает интересоваться гипнозом.

7. Предисловие к книге Ипполита Бернхейма «Гипноз, внушение и психотерапия». Здесь Фрейд различает «внутреннее» и «внешнее» внушение. Бернхейм считал, что пациент помнит свои гипнотические состояния. Если врач проявит настойчивость, то он может вызвать их вновь. Фрейд распространил это положение и на истерические состояния, коль скоро между истерией и гипнозом существует тесная связь (с. 75).

8. «Обзор по гипнотизму Огюста Фореля». Здесь Фрейд не критикует гипнотический метод сам по себе, но критикует некоторые приемы, применяемые при гипнозе и термин «внушение» (с. 91).

9. «Гипноз». Здесь Фрейд уже критикует сам гипнотический метод и предостерегает от злоупотребления им (с. 105).

10. «Случай успешного лечения гипнозом». Здесь Фрейд снова оправдывает гипнотический метод. Он утверждает, что этот метод особенно эффективен для исследования этиологических факторов невроза (с. 117).

11. «Предисловия и примечания к лекциям Шарко». Ядром всякого истерического аттракциона является память о физической или ситуативной травме. Больной в виде галлюцинаций переживает сцены, которые послужили причиной истерии (с. 131).

12. «Эскизы» к первой главе будущей книги Фрейда и Брейера «Исследование истерии». Здесь Фрейд утверждает, что постоянные и время от времени сильные истерические атаки являются результатом возврата памяти к очаговому состоянию психики («подавленные воспоминания», или «воспоминания о репрессии») (с. 144).

13. «Некоторые моменты сравнительного изучения органических и истеричных моторных параличей». Эта статья носит узкомединский характер; в ней рассматриваются повреждения спинного мозга; психологические факторы почти не затрагиваются (с. 157).

14. «Извлечения из бумаг, принадлежащих Флиссу». Фрейд забрасывал своего друга письмами и проектами. В этом пункте собрано всё, что так или иначе относится к появлению психоанализа. В частности, в «Проекте Е» Фрейд утверждает, что любые беспокойства имеют сексуальную основу. Страх, волнение, тревога возникают в ответ на сексуальную напряженность, которая не получила своевременной физической разрядки. Через сексуальность он пытается объяснить меланхолию, паранойю и мигрень. Спектр обсуждаемых вопросов настолько широк, что их невозможно как-то тематически классифицировать. В письмах к Флиссу он рассуждает о мифах и поэзии, о мастурбации и эдиповом комплексе (с. 175).

15. «Проект по научной психологии» (с. 283 – 360), о котором говорилось выше.

Второй том, вышедший в 1955 г., посвящен «Исследованию истерии» (1883–1895). На титуле указаны две фамилии – Брейер и Фрейд. Том состоит из введения «О психическом механизме истерических явлений» (с. 4), написанного обоими авторами, и пяти случаев (с. 21–128): первый случай с Анной О. описал Брейер (с. 22–48), остальные – Фрейд, в частности случаи с фрау Эмми фон Н., мисс Люси Р., Кэтрин и фрейлин Элизабет фон Р. Введение и конкретные примеры образуют две части; третья часть – «Теоретическая» (с. 185–247), написана Брейером, четвертая под названием «Психотерапия истерии» (с. 255–304) – Фрейдом.

Третий том, вышедший в 1962 г., начинается с некролога на смерть Шарко. Фрейд дает описание истерического состояния по Шарко, который заявлял, что истерик не осознает аффект – аффект является соматическим, и его симптомы не образуют одну связанную цепь. Истерия, по мнению Шарко, в основном обусловлена наследственностью больного, так что «он не оставлял места для приобретения невроза». Французский психотерапевт обнаружил «истерикогенные зоны» и «закартографировал» их. Такая трактовка истерии противоречила фрейдовской теории «травмирующего фактора». Правда, Шарко одновременно претендовал на первенство в открытии того, что истерия имеет идеогенетические корни.

В разделе «О психическом механизме истерического феномена» Фрейд говорит, что работы Шарко «являются основанием всех его новых идей». Но в целом отчетливо чувствуется, что точка зрения Фрейда отличается от точки зрения Шарко. Фрейд прямо высказался, что под гипнозом «физическая травма» (*physical trauma*) может быть замещена «словесным внушением» (*verbal suggestion*). Однако он ничего не говорит о проявлении истерических симптомов при других формах истерии. Самые обычные признаки истерии – комбинация рвоты, анорексии, расстройства сна или бессонницы. Вслед за этим Фрейд говорит о символизме: боль в ноге есть

символ боязни истерика не обнаружить у себя ногу. Он пишет также, что «лингвистическое обращение предоставляет мост, посредством которого ментальное состояние может быть выражено через физическое», чем «сильнее травма, тем больше адекватная реакция», т.е. высвобождение напряжения. «Самая адекватная реакция, однако, всегда есть действие».

Существует несколько условий, которые делают воспоминания патогенными. Идеи, которые окутывают травму, могут быть настолько сильными, что нервная система просто не справляется с ними. Бывает, что реакция на идеи может оказаться невозможной по социально-этическим соображениям. Нескомпенсированные идеи проявляются через соматические симптомы, которые выступают в качестве нервно-психической защиты. Моторная или сенсорная иннервация непременно связана с травмирующим опытом; она целиком или частично конвертирует нервно-психическое возбуждение. Таким образом, Я, или Эго, больного добывается душевного спокойствия путем «мнемонического символа».

Фрейд видел в этой способности к преобразованию характерный признак истерии. Такая его позиция расходится с позицией Брейера, который считал, что отличительным признаком истерии является раскол Эго на сознательную и бессознательную части. По Фрейду, недостаточная конверсия приводит к навязчивым комплексам, к тому, что называется одержимостью. Защитный механизм Я внутренне отклоняет неприемлемую для него идею таким образом, что сознание не догадывается о наличии этой недопустимой идеи. Но в момент психоза, характеризующегося беспорядочными галлюцинациями, инициирующая этот психоз идея находится в сфере сознания. Таким образом, Эго человека с помощью галлюцинаций отделяет себя от реальности; истерическое и гипнотическое состояния одинаково бессознательны.

В разделе «Одержимость и фобии: их психический механизм и их этиология» (1895) Фрейд пишет, что навязчивые идеи, или одержимости, не следует включать в неврастение или относить их к дегенеративным проявлениям психики. Неврастения – это просто истощение нервной системы. Навязчивые идеи, скорее всего, образуют отдельную группу неврозов, которые имеют особый механизм и этиологию. Он также разграничивает «нормальные» навязчивые идеи от «травмирующих», которые выступают в качестве воспоминаний; кроме того, он отделил «истинные навязчивые идеи» от фобий. И вообще, Фрейд пытался разобраться в терминах: фобия, страх, боязнь, беспокойство, гнев, раскаяние, сомнение – что здесь можно считать нормой, а что патологией. Так, он считал, что при «истинных навязчивых идеях» эмоциональное состояние пациента сохраняется в неизменном виде, даже если состав идей меняется. Это – отличительный признак патологии. Навязчивость как раз и происходит оттого, что пациент безуспешно пытается компенсировать недопустимую идею неподходящими для нее идеями, при этом неопределенно долго сохраняется беспокоящий эмоциональный фон.

Фобия по сравнению с одержимостью протекает более латентно и ровно. При фобиях Эго пациента не ищет компенсирующих идей, но испытывает неопределенный страх перед вещами, которые у всех нормальных людей беспокойства не вызывают. Сам факт боязни уже свидетельствует, что механизм замены бездействует. При бездействующем механизме защиты эмоция страха не может возникать в результате воспоминания, так как отсутствует сам процесс воспоминания. Обычно фобии являются частью беспокоящего невроза и почти всегда сопровождаются другими симптомами. С них начинается невроз; фобия – предвестник будущего невроза. Беспокоящий невроз имеет сексуальное происхождение, однако он не присоединяется к идеям сексуальной жизни, т.е. «он имеет непсихологический механизм». Определенной причиной невротического беспокойства является накопление сексуальной напряженности, возникшей из-за воздержания или незавершенности сексуального возбуждения, что в некоторых случаях приводит к импотенции или намеренному воздержанию. Отрицая психические основания для фобий, Фрейд не выдвинул взамен никакой альтернативы.

В разделе «Об основаниях для отделения специфического синдрома от неврастения согласно описанию «беспокоящего невроза»» Фрейд предложил перечень отличительных признаков – «клиническую симптоматику». Проведенная Фрейдом градация не отличается большой четкостью. Неврастения как невыходящая из нормы истощенность нервной системы и беспокоящий невроз как нервно-психическая патология сопровождаются общей раздражительностью, особенно к звукам. Там и там имеется симптом беспокойного ожидания (ипохондрия), страх перед будущим, необъяснимые моральные сомнения, наконец, беспокойство относительно самого беспокойного состояния. Фрейд перечисляет «беспокоящие атаки», которыми сопровождается невроз. Это – бессонница, сбой в дыхательной системе, тремор, диарея, закупорка сосудов и кишок, головокружение, клаустрофобия и множество других фобий, часто плохо осознаваемых.

Этиологию беспокоящих неврозов Фрейд дает в терминах сексуальной жизни, т.е. касается исключительно приобретенного, но не врожденного невроза. Причинами женского невроза могут служить страх потери девственности, страх перед менструацией и другие подростковые фобии. Невроз у взрослых женщин появляется как ответная реакция на отсутствие сексуальной жизни вследствие импотенции мужа или его смерти, как реакция на прерванные половые акты, чтобы избежать нежелательной беременности. В этом пункте Фрейд делает замечания относительно сексуальной ответственности и способов предохранения, которые в его время были крайне несовершенными. Для мужчин невроз чаще, чем для женщин, связан с неосуществленным сексуальным возбуждением. Но в целом то, что беспокоит женщин, беспокоит и мужчин. Если не невроз, то уж во всяком случае невращения вызывается практикой мастурбации, которая характерна для обоих полов. Среди причин неврозов Фрейд указывает сверхурочную работу, которая, однако, прежде вызывает неудовлетворительные сексуальные отношения, а те, в свою очередь, вызывают невроз. Таким образом, говорит он, *«механизм беспокойного невроза надо искать в отклонении соматического сексуального возбуждения от психической сферы и в последующем неправильном использовании этого отклонения»*. По Фрейду, развитие невроза беспокойства всегда обуславливается телесными возбуждениями, но не психическими. Он заявляет, что душевно беспокоящий невроз является телесным контрапунктом к истерии. В качестве решающего довода в пользу сексуальной этиологии неврозов он называет собственную терапевтическую практику.

В разделе «Дальнейшие замечания по нейропсихической защите» Фрейд сексуальную направленность невроза проецирует на детство пациента. Считается, что активный сексуальный опыт раннего детства является частью этиологии одержимого невроза. Но Фрейд утверждает, что нашел нижний слой истерических признаков в неврозе, который мог быть прослежен назад к сцене сексуальной пассивности, которая предшествовала удовлетворительному действию. Фрейд заявил, что одержимые идеи – это преобразованные самоупреки, которые вторично всплыли от подавления вины. Упреки в свой адрес всегда касаются некоторого сексуального акта, который выполнялся в детстве с удовольствием. В момент сексуального созревания подросток тщетно стремится защитить себя от своих же собственных упреков, связанных с онанизмом или сексуальными фантазиями, направленными на своих родителей, в результате чего возникает устойчивый невроз беспокойства. Взрослый человек не помнит свои действия по сексуальному удовлетворению, самоупреки, страх перед позором, если «преступление» раскроется и т.д., поскольку все нежелательные идеи оказываются вытесненными. Таким образом, пациент переживает вторичный процесс защиты. Невроз – это защита от неудачной защиты, проведенной в инфантильном возрасте. При этом содержание одержимой идеи заменяется двумя способами: во-первых, происходит частичная замена прошлых идей идеями настоящего и, во-вторых, сексуальные идеи заменяются чем-то аналогичным, но далеким от сексуальной направленности. В частности, слуховые галлюцинации вызваны событиями недавнего опыта, но одновременно они пропущены через цензуру. Оба фильтра ведут к символизму, который требует герменевтической терапии.

Истерические реакции кажутся преувеличенными постороннему наблюдателю, но это лишь видимость, поскольку посторонние не знают всего множества причин, вызвавших их. В действительности реакция адекватна возбуждающему стимулу; здесь действует закон сохранения психической энергии. Истерические симптомы, как и беспокоящие идеи при неврозе, тесно переплетаются, хотя каждый симптом имеет собственный источник происхождения. К этим точкам стягиваются ассоциативные цепи, по которым можно добраться до сексуальных истоков истерии. Психотерапевт должен уметь докопаться не только до подросткового уровня половой зрелости, но и до уровня детской сексуальности. *«В основании каждого случая истерии, – пишет Фрейд, – непременно лежит один или несколько сексуальных опытов»*; их надо просто уметь отыскивать. В качестве сексуального «партнера» у ребенка могут выступать родители, родственники, няни или вообще посторонние взрослые. Здесь же Фрейд рассуждает относительно «порогового барьера», который либо не дает развиться истерии, либо оказывается недостаточно высоким для проникновения в психику нежелательных идей и опытов. Он называет восьмилетний порог, после которого преждевременные сексуальные знания уже не могут привести к истерии. Ранее приобретенные знания могут дать истерическую симптоматику, впрочем, и в этом случае многое зависит от развития индивидуальной половой системы.

В третий том вошли научные работы, написанные до 1897 г. Летом этого года он начал самоанализ, который привел к отказу от травмирующей теории в этиологии невроза (21

сентября), открытию эдипова комплекса (21 октября) и признанию инфантильной сексуальности как универсального фактора (14 ноября). Обо всем этом Фрейд писал в письмах к Флиссу, а не в опубликованных научных работах. Его новая позиция ясно просматривается только в книге «Толкование сновидений» (1899). В «Сексуальной этиологии неврозов» (1898) – статья «довольно нахальной, написанной для того, чтобы причинить неприятность» (по словам самого Фрейда) – она еще не выкристаллизовалась. В названной статье он пишет:

«Врач всегда может причинить вред, если он имеет низкую квалификацию или недобросовестен; это особенно верно, если вопрос касается исследования сексуальной жизни его пациента».

В случае неврастении пациент может сообщить что-то относительно этиологии, в случае же настоящего психоневроза он сознательно ничего не скажет врачу, так как травмирующие факторы подверглись репрессии. Первейшая задача врача – извлечь причины невроза из глубин психики пациента (вероятно, он мастурбировал в детстве) и нейтрализовать их. «Мы имеем возможность, – пишет Фрейд, – перевести симптомологию в этиологию, и тогда мы можем смело требовать от пациента подтверждения наших подозрений». Врач должен безбоязненно идти на слом сопротивления пациента.

Он должен побуждать больного бросить вредные формы половых сношений. Попутно Фрейд говорит, что наркотики могут прямо или косвенно замещать сексуальную неудовлетворенность. «Но прежде, – пишет он, – необходимо создать общественную атмосферу для обсуждения проблем сексуальной жизни». Молодежь должна набираться опыта работы в указанном направлении. В разбираемой нами статье Фрейд еще и еще раз подчеркивает роль раннего детства в этиологии неврозов. Фактор воспитания ребенка, по его словам, намного важнее наследственного фактора. Именно ранний сексуальный опыт ведет к ошибочным психическим реакциям. Опасные сексуальные «фантазии относятся к той же психопатологической структуре, что и истерические идеи, одержимость и галлюцинации». Чтобы стать эффективной, заключает автор, психоаналитическая терапия (этот термин уже к тому времени появился) должна понимать рассказанные им вещи. Основная трудность овладения психоаналитическим методом как раз и состоит в недопонимании сексуальных вопросов в этиологии неврозов.

В третий том «Стандартного издания» трудов Фрейда вошли еще две работы – «Психический механизм забывания» (1898) и «Скрытые воспоминания» (1899). Первая статья является по существу первой главой книги «Психопатология обыденной жизни» (1901), которая разбиралась Вами, уважаемый Скептик, в пятой главе. Хотя, концентрированная аргументация указанной статьи растворилась по всему тексту этой книги. А главная идея статьи состоит в том, что когда мы усиленно хотим вспомнить забытое, в этот момент память нас больше всего и подводит. Это связано с тем, что максимальное сосредоточение вызывает и максимальное сопротивление со стороны нашего Эго. Чтобы вспомнить забытую вещь, нужно обмануть Эго, т.е. отвлечься на что-то постороннее. В этот момент забытое всплывет само по себе. Аналогичный механизм срабатывает в свободных ассоциациях. В неврозе подавляемые мысли цепляются за недавние впечатления и тянут их за собой вглубь. Люди обыкновенно не знают того, чего они не хотят знать. Получается так, что механизм, замещающий имена (приводился пример, как имя Синьорелли было замещено именами Боттичелли и Больтраффио), одновременно управляет парамнезией параноика и формирует одержимые идеи. Во всех этих случаях, говорит Фрейд, нужно выпустить пары неудовольствия, и тогда проблема разрешится. Важно то, что вышеупомянутое замещение помогает понять роль подавления у «нормальных» или только невротических лиц.

Последняя статья этого тома повторяет содержание письма к Флиссу от 25 мая 1899 г., где Фрейд описывает ситуацию, взятую из собственной жизни. Она также перекликается с вопросами, затрагиваемыми в книге «Психопатология обыденной жизни». Автор статьи повторяет, что скрытые или завуалированные воспоминания – это воспоминания детства. Инфантильные идеи и действия только подавлены, вытеснены, но они не исчезли бесследно. Фрейд пытается ответить на вопрос, почему малозначимые вещи из нашего детства остаются в нашей памяти, а важные забываются. Дело в том, пишет он, что Эго за счет механизма защиты прячет от нас всё волнующее, а подсовывает нам «куклу», т.е. второстепенные предметы, которые являются, собственно, только символами больших, но скрытых событий детства. Эго стремится обмануть нас, например, оно сливает два реалистических образа в один неестест-

венный, обставляет важную вещь непонятными символами, путает время и место произошедшего события, может как-то иначе маскировать значимые события детства. Фальсификация памяти стоит на службе подавления неприятных и нежелательных впечатлений детства.

Спаренный четвертый и пятый тома «Стандартного издания» фрейдовских сочинений (обновленное издание вышло в 1985 г.) заняты первым и вторым изданиями книги «Толкование сновидений» – главным сочинением первого психоаналитика. Шестой том (1960) является книгой «Психопатология обыденной жизни», седьмой том (1953) – книгой «Три очерка о сексуальности» и т.д. С точки зрения генезиса психоанализа последующие тома почти ничего не дают исследователю. Чтобы понять образ мыслей Фрейда, нужно обратиться к первым работам и письмам, которые являются для нашей страны библиографической редкостью. Хочу вернуться, уважаемый Скептик, ко второму тому «Стандартного издания», где представлена совместно написанная с Брейером книга «Исследования истерии» (1895). Было бы интересно сравнить позиции двух этих авторов. Структура книги представлена выше, сейчас приступим к краткому пересказу содержания.

Во введении авторы пишут, что находят определенную связь между обычной истерией и травмирующими невротами, поэтому считают оправданным для себя расширить понятие истерии. «Травмирующая истерия» лечится методом катарсиса. Потеря памяти, или потеря аффекта зависит от того, было ли отношение к случаю, который причинил аффект, достаточно энергичным. Так, в «сомнамбулическом состоянии» реакция сводится к нулю. Идеи, которые стали патологическими, имеют эмоциональную силу потому, что они были отклонены посредством встречной психической реакции, которая обнаруживается в свободных ассоциациях. Авторы выделили четыре стадии истерии: эпилептоидная стадия, стадия интенсивного движения, стадия, характеризующаяся галлюцинациями, и стадия максимального бреда. Психотерапевтическая техника сводится к разрядке эмоциональных напряжений у истерического больного путем соответствующего внушения в гипнотическом состоянии.

Разбирать конкретные случаи я сейчас не буду, так как о случае с Анной О. сказано достаточно, остальные же случаи, описанные Фрейдом, содержат мало теоретического материала. Замечу лишь, что при описании третьего случая с мисс Люси Р. автор признается в своей неспособности ввести пациентку в гипнотическое состояние. Поэтому он пошел на «открытый и честный диалог между врачом и пациентом», который получил название «лечение разговором» и стал фундаментом будущего психоанализа. Там он также говорил о многих вещах, которые нам уже известны, например, о той настойчивости, которую должен проявить врач, поскольку истерические больные имеют склонность «сопротивляться» лечению. Остановимся на третьей – «Теоретической части», написанной целиком Брейером.

В ней он указывает, что переход между эндогенным ростом возбуждения и психическим аффектом обеспечен сексуальным возбуждением и сексуальным аффектом. Поэтому сексуальный инстинкт – самый мощный источник сохранения роста возбуждения и, следовательно, невроза. Эти возбуждения распределены неравномерно по нервной системе. Гипноидное состояние – неотъемлемая часть истерии – вызвано автогипнозом и фантазиями, заполненными патогенными эмоциями. Истерический больной страдает главным образом от воспоминаний. Если, однако, пациент не осознает эти воспоминания, значит, мы обязаны признать, что бессознательные идеи существуют. Мы должны согласиться, что огромные комплексы идей, участвующие в психических процессах с важными последствиями, остаются полностью в бессознательной сфере, и многие пациенты сосуществуют с ними, не догадываясь об их существовании. Отсюда Брейер призывает нас поверить, что умственная деятельность раскола на два потока, один из которых течет сознательно, другой – бессознательно. Раскол сознания происходит через раскол идей – есть идеи, которые являются допустимыми для осознания, есть недопустимые. Центральным аспектом истерии, по мнению Брейера, является «откол части психической деятельности», которая становится невидимой; как он говорит, отколота часть «выталкивается в темноту». Феномен «двойного сознания» возникает тогда, когда две половины психики конфликтуют друг с другом и когда они не отличаются по функциональному признаку. У нормальных людей раскол психической деятельности наблюдается по состоянию «озабоченности». Раскол психики демонстрирует нам, что существующие соматические следы ведут к идеям, которые невозможно обнаружить в доступном слое психики пациента. Истерические проявления, во всяком случае, частично являются продуктами воображаемых событий. Бессознательные идеи через замещенные представления и образы выталкиваются в сознательную сферу, чтобы управлять эмоциями и чувственными состояниями пациента. Он не способен

критически относиться к подобным проявлениям скрытых идей, поскольку ничего не знает об их существовании. Отколотая часть психического содержания легко поддается гипнотическому внушению по причине ее бедности и неполноты.

Однако наблюдается и обратный процесс: в силу низкой организации и присущей им предрасположенности подавленные представления быстро самовозбуждаются. Последнее обстоятельство делает истерического больного гиперактивным, жаждущим испытать сильные чувства; при возбуждении трещина между сознательной и бессознательной частью психики расширяется. С амнезии, говорит Брейер, начинается, собственно истерия. Он указывает, что у подростков наблюдаются истерические реакции, поскольку этому способствует гормональный фактор, т.е. Брейер согласен с тем, что сексуальность влияет на порог и степень возбудимости. Он отмечает, что сексуальные потребности истерических пациентов несколько выше, чем у нормальных людей. Они и заболели истерией вследствие защитной борьбы со своей избыточной сексуальностью. По оценке Брейера, треть истерической диспозиции обусловлена гипноидным состоянием пациента, т.е. скрытым содержанием психики. Он, как и Фрейд, считал, что раскол психики – вещь вполне нормальная. Патологическим его делает амнезия, которая непременно сопровождает раскол. Именно ее он наблюдал у Анны О.

Отсюда можно сделать следующий вывод: Брейер пользуется примерно той же теорией неврозов, что и Фрейд. Он делает меньший упор на сексуальность только за счет того, что немалый объем его «Теоретической части» посвящен разработке механизма истерии. Правда, брейеровский механизм подавления, как и фрейдовский, носит ассоциативный характер и происходит от модели механизма, предложенного еще Иоганном Фридрихом Гербартом, о котором шла речь в третьей главе. Логично предположить, что Фрейд позаимствовал этот механизм вместе с разработанным Брейером новым понятием бессознательного. Бессознательным идеям у него уже не отвечают физиологические (рефлекторные) реакции. Им соответствуют так называемые гипноидные состояния психики (т.е. внушенные состояния), которые связывались в том числе и с сексуальностью, особенно с ее инфантильной фазой.

Брейер как практикующий врач, имевший несоизмеримо больший, чем у Фрейда, опыт, прекрасно знал о преступлениях, совершаемых на сексуальной почве. В документальном романе Ирвина Стоуна «Страсти ума, или Жизнь Фрейда» (1971) Брейер говорит, что существует множество моральных безумцев:

«Садисты, закалывающие ножом женщин на улицах – они обычно наносят удар в предплечье или в ягодицы, и при этом у них происходит извержение семени; фетишисты, которые режут на куски женское платье или крадут носовые платки, чтобы при мастурбации выливать в них семя; мужчины, выкапывающие мертвецов, чтобы иметь с ними половое сношение; гомосексуалисты, пойманные в общественных туалетах во время непристойного акта; извращенцы, одевающиеся, как женщины, и пристающие к мужчинам; эксгибиционисты, обнажающие свои половые органы в парках и театрах; флагелланты, истязавшие кнутом друг друга; женщины, занимающиеся оральным половым актом».

Таким образом, Брейер понимал истерию и нервно-психические расстройства и теоретически, и практически намного шире и глубже, чем это можно было видеть у Фрейда. Сходство между теориями Фрейда и Брейера позволило многим критически настроенным историкам творчества Фрейда сказать, что психоанализ создал Брейер. Сам Фрейд по молодости лет неоднократно заявлял, что психоанализ, техника внушения и теория истерии, невроза и бессознательного – детище Брейера. Я же так не думаю, уважаемый Скептик, так как считаю, что психоанализ – это большое научное и культурно-историческое явление, в центре которого все-таки стоит фигура Фрейда.

Глава 8. Лечение разговором

Скептик: Возможно, следующее мое высказывание покажется Вам, уважаемый Удод, несколько категоричным, тем не менее оно верно. Психического заболевания, над излечением которого Фрейд бился 15 лет (с 1885 по 1899 гг.) и в результате чего возник психоанализ, просто не существует. Я имею в виду истерию. В сегодняшних психиатрических лечебницах практически нет пациентов, о которых говорил Фрейд. Это объясняется, по крайней мере, двумя причинами. В качестве первой причины, утешительной для фрейдистов, можно было бы назвать

социальный фактор. Фрейд жил в период больших общественных потрясений, которые породили что-то среднее между модой и «панической эпидемией». Армия неврастеников обслуживалась многочисленной группой врачей типа Фрейда, которые наживались на стрессовых состояниях людей с неопределенными симптомами нервно-психических расстройств. Но этот фактор не является главным. Всё же основной причиной следует назвать неудовлетворительное развитие психиатрической науки, которая в конце XIX – начале XX вв. попала в руки схоластов. Универсальная теория, изобретенная им, претендовала на излечение всех нервно-психических расстройств. Поэтому под диагноз истерии попадал широкий круг заболеваний, которые сегодня разнесены по самым различным группам. Почти каждое из этих заболеваний лечится медикаментозными средствами. Это намного дешевле и эффективнее, чем лечение методом гипнотического внушения или психоанализа.

Добавим сразу же, что прогресс фармакологии однозначно свидетельствует о материальных причинах большинства психических расстройств и сводит на нет сексуальную теорию Фрейда. Разумеется, истерическая амнезия как избирательное вытеснение из памяти определенных фактов и событий после психической травмы осталась. Психика людей как раньше, так и теперь стремится избавиться от фактов сексуального насилия, ужасов войны, поступков, резко контрастирующих с моральными установками. Но не Фрейд открыл это явление и не он первый заставил людей в гипнотическом состоянии вспоминать о «подавленных идеях и представлениях». При лечении истерического невроза помимо гипноза можно использовать и кокаин, о котором говорил Фрейд, так как внушение в состоянии наркотической интоксикации проходит более успешно. Только все эти способы малоэффективны и охватывают небольшую группу диссоциативных и соматоформных расстройств, куда традиционно также включают ипохондрию и легкие формы паранойи. Шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и тяжелые формы нервно-психических заболеваний не лечатся внушением.

Если имя Фрейда принадлежит истории, то почему оно не сходит с уст современных психотерапевтов, спросите Вы. А потому, уважаемый Удод, что культ Фрейда и его психотерапии поддерживается специальными организациями, заинтересованными в дорогостоящем «лечении разговором». В действительности, такое лечение если бесполезно, то уж, во всяком случае, малоэффективно. Из-за его дороговизны никто не станет сегодня держать в муниципальных диспансерах для душевнобольных пациентов, страдающих истерическими припадками, параличом или контрактурой, тем более ипохондриков, жалующихся на плохой аппетит или слабую память. Все эти «болезни» возникли от мнительности, которая, между прочим, тоже лечится дешевыми лекарственными средствами быстро и эффективно. Однако существует какое-то количество нервно-психических больных, которые хотели бы, чтобы с ними как следует повозились. Им непременно хочется излить на кого-нибудь свой поток жалоб, они просто жаждут, чтобы им сказали, как серьезно они больны, им нравится быть больными – это их здоровое состояние. Для частных психоаналитических клиник и кабинетов клиенты с этими жалобами являются желанными, особенно если они – состоятельные люди. Психоаналитики обнаружат у них такие «психические комплексы», что им не избавиться от них в течение многих и многих лет.

Раньше под истерию подпадали делирий и деменция, связанные с нарушением памяти, внимания и понимания. Оба заболевания, как и истерическая амнезия, могут привести к тому, что больной утрачивает, например, ориентацию на местности, которая до того ему была хорошо знакома. Такая форма забывчивости очень распространена и в рамках психоаналитической теории получила бы какую-нибудь сексуальную интерпретацию. Психоаналитик назначил бы больному многомесячный курс лечения, который в итоге оказался бы абсолютно безрезультатным. Между тем делирий обусловлен именно органическим очаговым поражением головного мозга, а не психической травмой как при истерической амнезии. Он может возникнуть вследствие энцефалита, менингита, инсульта, сердечной и легочной недостаточности, дефицита тиамина или отравления бромидами.

Деменция, в отличие от делирия, часто связана с дегенеративными процессами в головном мозге. Если делирий встречается одинаково часто у детей и стариков, то деменция намного чаще встречается у стариков: в США деменцией болеет 10% 65-летних и 20% 80-летних людей. Клиническая картина деменции примерно такая же, что и при делирии: либо избыточная активность (больные беспокойны, неусидчивы, пытаются уйти из дома), либо, напротив, крайне пассивны и сонливы. В обоих случаях они теряют способность формулировать мысли, выбирать из нескольких вариантов один, теряют краткосрочную и среднесрочную память, у них снижается

темп речи, в нее внедряются мысли, не относящиеся к данной теме. Внешне отличительных симптомов немного; в частности, характерным признаком делирия является скоротечность его развития, наличие зрительных, реже слуховых и тактильных галлюцинаций. Но главное отличие делирия от деменции состоит в другом: деменция является прогрессирующим заболеванием, которое разрушает всю сеть нейронов, так что эта болезнь практически не поддается исцелению (ее течение можно только затормозить). Между тем активное медикаментозное лечение делирия с помощью галоперидола, молиндона, фторфеназина или тиотексена, как правило, дает положительный эффект.

В период Перестройки и вскоре после нее в нашей стране были учреждены Психоаналитическая ассоциация (1989), Фонд возрождения русского психоанализа (1993), Восточноевропейский институт психоанализа (1994), Русское психоаналитическое общество (1995), Профессиональное психоаналитическое общество (1996). Знаковым событием для всего психоаналитического движения послужил Указ от 19 июля 1996 г. Президента РФ Б.Н. Ельцина «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа». Однако психоанализ плохо прижился на российской земле: психоаналитических кабинетов создано немного. Это связано в основном с тем, что на рынке псевдонаучных услуг он неизменно проигрывает доморощенным лекарям, докторам магических академий и прочим шарлатанам. Подавляющая масса не хочет доверять свое психическое здоровье психоаналитику, хотя люди и почитают Фрейда за врача и ученого. В случае нервно-психического расстройства или тяжелого невроза человек скорее начнет искать соответствующий лекарственный препарат, чем запишется на прием к психоаналитику и, между прочим, правильно сделает. Сегодня существуют десятки эффективных препаратов, снимающих депрессивные и тревожные состояния (антидепрессанты и транквилизаторы). В частности, препараты, содержащие литий (карбонат лития и цитрат лития), весьма эффективны при маниакально-депрессивном психозе, пимозид рекомендуется в качестве средства для лечения двигательных и голосовых тиков и т.д. В целом население нашей страны больше доверяет лечению «пилюлями», чем «разговорами». Но нам сейчас предстоит ответить не на вопрос, какой способ лечения предпочтет россиянин, а какое он выберет мировоззрение. И вот здесь-то фрейлизм неизменно побеждает в схватке с прозрачным материалистическим воззрением на структуру и работу мозга. Из двух теорий наш обыватель непременно выберет экзотическую, спекулятивную, ему лично плохо понятную.

Мне кажется, уважаемый Удод, Вы просто щадите Фрейда, хотя неплохо осведомлены о нелицеприятных фактах его биографии. Уже из того, что Вы сказали, любому непредвзято мыслящему читателю станет ясно, что он не был ученым. Вы, собственно, признались, что он в своей врачебной практике ориентировался на больных, которых Брейер назвал *«бродячей группой неврастеников, бегающих от врача к врачу в надежде на чудесное излечение мнимой болезни»*. Такие «больные» действительно лечились обычным «разговором», и подобное лечение помимо немалых денег приносило громкую славу врачу-кудеснику. Со всей Вены и ее окрестностей больные с «мигрирующей болью» приходили на квартиру по адресу Берггассе, 19, где принимал чудесный доктор, лечивший по древней методике заговора и толкования сновидений, но вместе с тем окончивший медицинское отделение Венского университета и стажировавшийся в крупнейшем медицинском центре Европы. Нынешние психоаналитики вместе с лекарями-сновидцами тоже не преминут заявить об окончании психологического факультета университета или медицинского отделения престижного вуза. С самого начала, когда Фрейд еще не проживал по указанному адресу, он разместил в газете «Neue Freie Presse» от 25 апреля 1886 г. объявление об открытии кабинета частнопрактикующего врача, где указал все необходимые рекламные атрибуты, эффективно действующие на обыденное сознание. В нем он написал:

«Доктор Зигмунд Фрейд, приват-доцент невропатологии Венского университета, вернулся после шестимесячного пребывания в Париже и ныне проживает по адресу Ратхаусштрассе, 7».

На это объявление клюнуло немного взбалмошных истеричек, но только потому, что Фрейд был еще молод, а в Вене таких кабинетов было огромное количество.

Если отбросить всю сложившуюся вокруг Фрейда мифологию о великом враче и ученом, то необходимо признать, что успех пришел к нему именно как к «народному целителю», которых во все времена и во всех странах было бесчисленное множество. Однако, в отличие от рядовых врачей-шарлатанов, Фрейд имел в своем распоряжении удивительно аморальную методологию, создававшую ему очень шумную рекламу сначала в городе, потом в стране и, наконец, по всему

свету. Никто до него еще не додумывался спекулировать на сексуальной тематике. Обычно использовалась откровенно мистическая методология заговоров или снятия порчи с использованием православного креста, игральных карт, горящей свечи и стеклянного шара. На свою золотую жилу Фрейд напал не сразу. Вначале он, как и многие начинающие врачи-шарлатаны, занимался традиционным лечением невротиков, которых ему поставлял, между прочим, сам Брейер и знакомые врачи-профессионалы, которые не хотели заниматься с мнимыми больными. Вот что о самой первой пациентке Фрейда пишет Стоун:

«Первой пришла пухленькая, миловидная сорокалетняя фрау Хейнцнер. У нее была кожная сыпь, и дерматолог Фрейд вылечил ее с помощью мазей. Через несколько дней она пожаловалась на негнущуюся шею, вследствие чего ее голова склонялась набок. Физиотерапевт Фрейд расслабил мускулы ее шеи с помощью электроразрядов. При следующем посещении она жаловалась уже на острые боли в желудке. Терапевт Фрейд провел массаж брюшины и снял судороги. «Доктор Фрейд, – сказала она, – вы чудесный врач. Вы можете вылечить меня от всех болезней»».

На следующем этапе своей врачебной практики Фрейд начал всё чаще вступать со своими пациентами в долгие и откровенные беседы. Если полистать необъятную психоаналитическую литературу, то основным ее содержанием будут бесконечные пересказы диалогов «врача» и «больного». Образцовыми диалогами считаются те, в которых «врач» убеждает «больного», что ему известно нечто, выуженное им из сновидений или рассказов о детстве «больного», что позволит ему излечить душевный недуг. Пациенты, страдающие мнительностью, лечатся любым «заговором», в том числе, основанном на сексуальной тематике. Разумеется, литературный дар Фрейда и других психоаналитиков здесь стоит на первом месте. Драматические сцены душевного исцеления он описывал подчеркнуто сухим, наукообразным языком, как пишутся протоколы лабораторных испытаний над крысами. Тем не менее, обязательными атрибутами таких «медицинских романов» были «сексуальные домогательства», «сцена у гроба» и «тяжелые муки». Здравомыслящему читателю обычно с самого начала становится понятно, что он имеет дело не с научной литературой, а с театральной пьесой, в которой оба героя исполняют драматические роли «врача» и «больного» и разыгрывают между собой спектакль под названием: «Счастлиное исцеление тяжелобольного психопата мудрым доктором, владеющим чудодейственной наукой». Потом философствующие психологи (такие же фальшивые, как и практикующие врачи) начинают расхваливать метод свободных ассоциаций, подробно рассказывая о тяжести душевного заболевания и замечательном искусстве врача. Наконец, миллионы обывателей припадают к книгам, где наряду с интимными сценами необычной любви и страшными эпизодами насилия родителей над своими несчастными детьми даются вполне тривиальные толкования, в которых используются завораживающие термины: *Verdichtung*, *Gegenbesetzung*, *Fehlleistung*, *Hemmung*, *Ichlibido*, *Widerstand*, *Deckerrinerungen*. В этих книгах как бы мимоходом сообщается о насильственной смерти, тяжелых муках и неестественных симптомах заболеваний, с которыми подозрительно часто имел дело автор.

Вся эта экзотика пленила чувствительные сердца и инфантильные умы скучающих фрейлин, и те толпою повалили записываться на прием к доктору Фрейду, несмотря на то, что многим из них приходилось ожидать своей очереди месяцами. Эта грандиозная афера принесла баснословные барыши, на которые потом строились крупные психоаналитические центры, поддерживались международные общественные организации и устраивались многотысячные форумы, куда съезжались психоаналитики со всего света.

Прежде чем закрутились колеса этой очень прибыльной машины, Фрейду пришлось пойти на ряд обманов. Случай с Анной О. был одним из первых в этом ряду. Брейер, похоже, тоже замешан в этой лжи, но каково его личное участие, сейчас трудно установить. В «Исследовании истерии», о которых Вы, уважаемый Удод, рассказали, его перу принадлежит немалая часть объема книги. Но не исключено, что поскольку имя Брейера имело в городе большой вес, Фрейд каким-либо образом склонил его поставить свою фамилию под текстом, который был либо скорректирован, либо частично написан им самим. После провала «Афазии» с посвящением Брейеру Фрейд, возможно, предпринял усилия по включению его фамилии в соавторы. Что именно Фрейд предпринял, нам никогда уже не узнать, но известно, что он ничем не брезговал на пути к своей цели. Поэтому я не стал бы слишком доверять расстановке авторства по разделам «Исследования». Верно, что Фрейд сначала говорил, что психоанализ – дело рук Брейера. Это было выгодно, поскольку его старший товарищ имел авторитет в медицинских кругах Вены. Но

когда психоанализ утвердился, Фрейд перестал связывать его с именем Брейера. Наоборот, отход от теории истерии Брейера, говорил он, приблизил его к психоанализу.

В очерке «Об истории психоаналитического движения» автор в отношении Брейера заметил:

«Он предпочитал еще, так сказать, физиологическую теорию, хотел объяснить раскол психики у истерических больных разобщением между различными душевными состояниями (или, как мы тогда говорили, состояниями сознания) и создал, таким образом, теорию гипноидных состояний, после которых в душе остается неассимилированные чуждые тела, как бы застревающие в бодрствующем сознании. Я объяснил всё это менее научно, предполагая всюду тенденции и наклонности, аналогичные явлениям обыденной жизни, видя в самом психическом расколе результат процесса отталкивания, который я тогда назвал отражением, а позже вытеснением. На время я пытался допустить одновременное существование обоих механизмов, но так как опыт обнаруживал всегда одно и то же, т.е. вытеснение, то вскоре гипноидной теории Брейера я противопоставил учение об «отражении»».

Здесь Фрейд сильно искажает ход развития и суть теоретических воззрений в отношении истерии и гипноза. Вы, уважаемый Удод, в предыдущей главе засвидетельствовали, что в «Теоретической части» Брейер развил теорию вытеснения и гипноидных состояний, которая была намного глубже и последовательнее взглядов Фрейда. Создается впечатление, что Брейер действительно заложил теоретические основы психоанализа, который у Фрейда представлен более неопределенно через комментарии к конкретным случаям. По всему чувствуется отменная подкованность Брейера в тогдашних психофизических теориях. Он весьма обоснованно ввел в методику катарсиса модное тогда теоретическое понятие «бессознательное», логично увязав его с истерией и гипноидными состояниями психики. И, вообще, из «Теоретической части» написанной Брейером, ясно видно, что автор выступает абсолютно самостоятельно, чего не скажешь о Фрейде.

Вы, уважаемый Удод, справедливо отметили, что Фрейд колебался в отношении методики гипноза. Сначала (пп. 1–5 первого тома «Стандартного издания») он приветствовал гипноз; затем (пп. 6–9) он отрицал его; далее (пп. 10–15) он снова оправдывал гипнотический метод, но в итоге вновь ополчился на него. Эти колебания происходили потому, что своей собственной теории истерии и гипноза Фрейд не имел. Он занимал позицию то Шарко, то его оппонента Бернхейма, то своего друга Флисса, то переходил на теоретическую платформу Брейера. В поверхностных курсах по истории психоанализа рассказывается о непрерывно восходящем пути развития этой теории. На самом деле Фрейд всегда держался каких-то очень неопределенных, половинчатых и нелогичных позиций. Он мог говорить о ложности гипноза и одновременно применять его в своей практике; в другой раз он поступал прямо противоположным образом: хвалил гипноз, но не использовал его на практике. Отказ от гипноза обычно связывают с возникновением метода «лечения разговором», однако именно Брейер начал использовать этот прием в лечении Анны О. В четвертой части «Исследования истерии» (второй том «Стандартного издания», с. 255 и далее), которая называлась «Психотерапия истерии», Фрейд ничего нового и существенного не сказал. Он по-прежнему вращался вокруг методики катарсиса, предложенной Брейером, которая впоследствии трансформировалась в психоаналитическую методику в основном путем смены вывески.

Во введении оба автора отметили важность высказанного больным слова. Оно свидетельствует о переходе обозначенного этим словом психического состояния из области бессознательного в область сознательного. В заключительной части Фрейд снова напомнил, что истеричные признаки исчезают, когда события, с которыми они связаны, перенесены в сознательную память. Это может произойти только в диалоге врача с пациентом. Врач ищет выход эмоциям больного через ассоциативные связи, умело пользуясь внушением. Он отмечает, что методика катарсиса может стать непригодной из-за того, что не все пациенты поддаются гипнозу. Катарсис, т.е. очищение во время общения с врачом, наступает скорее спорадически, чем систематически, поэтому необходимо уделять большее внимание этиологии неврозов, в основе которых лежит сексуальность. Различие в сексуальных факторах дает и различие в неврозах – других причин Фрейд не допускает. Проблема состоит в том, что в течение жизни сексуальные факторы и ответные реакции на них накладываются друг на друга, образуя сложную картину невроза. Но если удастся распутать ассоциативно-символические цепи, то очистительный метод ликвидирует каждое подавленное воспоминание одно за другим и непременно приведет к успеху. Метод

катарсиса может быть описан как «симптоматическая терапия», которая возможна при ясной этиологии. Особенностью этого метода является его исключительная трудоемкость. Фрейд заявил, что катарсис не применим к индивидуумам, уровень интеллекта которых ниже некоторого уровня. От пациента, как и врача, требуется концентрация внимания, понимание и вера в методику лечения. Но даже в этом случае сопротивление со стороны пациента неизбежно. Это связано с тем, что недопустимые идеи обладают рядом «универсальных характеристик», в частности, они всегда вызывают тревогу и чувство стыда, доставляя моральные муки. Поэтому в отношении этих идей начинают действовать защитные механизмы в виде цензуры, которая ничего не знает о недопустимых идеях.

Далее Фрейд говорит о подавлении этих идей, от которых, тем не менее, остается след в виде соматической иннервации, телесной трансформации. Он пишет о переносе, о зависимости больного от врача и т.д., о чем Вы, уважаемый Удод, уже рассказывали, но что является с точки зрения современной науки чистой схоластикой. Любопытно, что в другом месте (ответ на критику Лауэнфельда, т. 3, п. 135) при перечислении причин, вызывающих невроз беспокойства, Фрейд прибегает к аристотелевской схеме классификации причин. Эта схема использовалась схоластами Средневековья и неосхоластами XIX–XX вв., прежде всего, Францем Brentano. По Аристотелю, причины делятся на предварительные, особенные, сопровождающие и ускоряющие, или освобождающие, действие. Предварительные причины, или условия, – те, которые сами по себе никогда не вызывают действие. Особенности причины должны непременно существовать при совершении действия. Сопровождающие, или конкурирующие, причины – это необязательные факторы. Они воздействуют на ситуацию параллельно с предварительными и особенными причинами, внося свой вклад в этиологию невроза. В качестве предварительных причин Фрейд назвал наследственную предрасположенность, истощение нервной системы, наркотическую интоксикацию. В частности, прогрессивный паралич, обусловленный сифилисом, возникает не только из-за наследственных факторов. Данная каузальная схема выглядит старо, громоздко и искусственно, вместе с тем она свидетельствует о том, что Фрейд знал и пользовался схоластическими и неосхоластическими теориями, которые были популярны в Европе на рубеже веков и о которых сегодня уже никто не помнит.

Чтобы правильно оценить метод катарсиса, который у Брейера был связан с гипнотическим внушением, нужно отдавать себе отчет в том, что такое гипноз. Известно, что гипноз может обеспечивать эффективную анестезию и, следовательно, снимать сильные боли, например, при родах и хирургических операциях. Это происходит за счет гипнотического транса, который частично или полностью блокирует внимание гипнотизируемого. При сноподобном состоянии торможением охвачена только часть коры головного мозга, «сторожевые центры» продолжают бодрствовать, обеспечивая контакт с раздражителями. Существует так называемая парадоксальная фаза сна, когда слабые раздражители воздействуют эффективнее сильных. В этой фазе человек обладает высокой степенью внушаемости, что можно использовать не только в лечебных целях. Однако нужно помнить, что если установка гипнотизера существенно расходится с установками гипнотизируемого, то феномен гипнотического транса не наступает. Такое возможно, в частности, при резко критическом отношении гипнотизируемого к гипнотизеру и тому, что он делает. В случае проявления готовности подчиниться гипнотизеру гипнотический транс наступает практически неизбежно, поскольку всякий гипноз является одновременно и самогипнозом. При гипнотическом внушении важно создать доверительную атмосферу. Она быстрее наступает в коллективе, где получается, что каждый гипнотизирует каждого. Вот почему гипнотизеры часто прибегают к массовым сеансам: с большой группой людей им бывает намного проще работать, чем с отдельно взятым человеком.

Гипнабельные люди могут войти в транс от обычного чтения книги или просмотра кинофильма. В этом состоянии они не замечают ничего из того, что происходит вокруг них, и не контролируют ход времени. При серьезных психических заболеваниях, например при шизофрении, тяжелой форме депрессии, параноидном бреде, а также при интоксикации психотропными средствами, включая снотворные, гипнабельность резко падает. Но с навязчивыми и тревожными состояниями, различными фобиями и практически со всеми видами истерии гипноз эффективно справляется. Существует бесчисленное количество истерий, связанных с болями в конечностях, животе, прямой кишке, одышкой в состоянии полного покоя, с нарушением функции глотания или потерей памяти, которые возникают как результат самовнушения. Следовательно, их снятие тоже возможно с помощью внушения, но уже со стороны врача. Боязнь воды (аквафобия), крови (гемофобия), лошадей (гиппофобия), дневного света (фенгофобия), темноты (ахулофобия),

замкнутого пространства (клаустрофобия), иностранцев (ксенофобия), змей (офиофобия), микробов (бациллофобия), машин (механофобия) и еще многих десятков вещей тоже развиваются самопроизвольно, без всякой сексуальной подоплеки.

Через внушение или самовнушение можно легко ликвидировать первоначальные стадии ипохондрических и параноидных состояний. Ипохондрик испытывает страх за свою жизнь и здоровье, что неизбежно сопровождается тревожным ожиданием, принятием посторонних ощущений за симптомы очередной болезни. Запущенную ипохондрию сопровождает целый букет соматических расстройств: рвота, онемение, слабость, паралич, тремор, слепота, глухота, афония, абазия и т.п. Если упустить первоначальную фазу, то подозрения в наличии одного или двух заболеваний, возникшие в молодые годы, в зрелом возрасте развиваются в серьезный недуг, который придется лечить медикаментозными средствами, так как при длительной психопатологической установке вырабатываются соответствующие ферменты, приводящие к органическим изменениям мозговой и нервной ткани. Это касается и параноидных состояний, которые на начальных стадиях ничем не отличаются от ипохондрических. На начальных стадиях параноик выказывает осторожность, опасение, лишний раз боится, прежде чем что-то сделать. Потом эти, в общем-то нормальные реакции, перерастают в излишнее недоверие и подозрительность, крайнюю озабоченность своим «особенным статусом». Человек начинает думать, что его незаслуженно обошли, обидели, унизили, против него замышляют недоброе, преследуют, хотят обмануть, изнасиловать, убить. В ответ на это появляются характерные поведенческие признаки: раздражительность, вспыльчивость, агрессивность; или, в зависимости от выбранной человеком психологической защиты: апатия, уход в себя, отшельничество, затворничество. Как и при ипохондрии, первые фазы паранойи устраняются внушением, а при запущенной болезни уже могут не помочь и самые сильные лекарственные средства. Всё зависит от того, хочет ли сам больной излечиться. Подобно алкоголизму и наркомании, ипохондрия и паранойя в первую очередь лечатся самим больным, а уже во вторую – врачом.

Когда врач не находит оснований для жалоб, истерической больной – будь то женщина или мужчина (мужчин-истериков не меньше, чем женщин, но они редко идут на прием) – отправляется к следующему врачу, которого ему порекомендовали как «чудного исцелителя». Так возникают те самые брейеровские больные, путешествующие из клиники в клинику, из одного кабинета в другой в надежде обрести понимание и успешное излечение от приобретенной паранойи, истерии, депрессии, невротического или психопатического расстройства. Разумеется, причиной их заболевания может быть что угодно. В первую очередь здесь виновата слабая психика, которая достается нам по наследству. Потом, несомненно, на психическое здоровье существенно влияет воспитание. Между прочим, здесь часто виноваты родители, которые излишне беспокоятся о здоровье детей, что передается последним сначала в форме слабых фобий, о которых дети ничего не говорят, потом серьезных неврозов. Сказываются также физические и моральные травмы, неудачи в семейной жизни и разочарования в избранной профессии, тяжелые болезни и многое другое, что до сих пор остается малоисследованным. Естественно, сексуальная тематика занимает какое-то место в этих расстройствах, но полагать, что все без исключения психические и невротические болезни обусловлены сексуальной этиологией – значит ничего не понимать в психофизике человека.

Когда же Фрейд объявил, что всему виной является секс, все ипохондрики, невротики и психопаты, которых намного больше, чем действительно душевнобольных, и которых безжалостно изгоняют из всех клиник, устремились к нему в кабинет на Берггассе, 19. Добрый и внимательный доктор, внушающий доверие самым застарелым истеричкам и запуганным неврастеникам, умеющий заинтересованно выслушать и тактично сказать, гостеприимно распахнул перед ними двери. Теперь они нашли свободные уши, которые готовы были часами, месяцами и даже годами слушать их бесконечные жалобы. «Вы были со мной откровенны, – говорил он им, – я отплачу вам той же монетой». Далее мнительным людям ничего не стоило внушить мысль, что во всех бедах виноваты их гениталии, страх перед кастрацией, тоска по оргазму, оральная фаза детства или стыд за извержение семени во время сексуального сновидения. Эти нелепости излагались спокойным и уверенным тоном, не терпящим возражений. Чувствовалось, что человек, говоривший об интимных вещах, твердо знал истинную причину тревоги, беспокойного томления или безотчетного страха. Он наглядно, что называется, на пальцах, разъяснял механизмы сексуальных процессов, в результате которых возникла бессонница, головная боль, страх перед улицей или заворот кишок. Несчастные люди верили ему и

несли радостную весть о мудром спасителе их истерзанных душ другим людям. Отчего не лечить ложные болезни ложными же методами.

Биографы изображают жизненный путь Фрейда как мученический подвиг непризнанного гения, который в поисках единственно правильной теории глубинных психических процессов и действенного метода исцеления безнадежных больных сначала сильно пострадал от врагов науки, но после был признан всем человечеством как величайший ученый. Между тем этот «Коперник» психологии все вечера напролет играл в карты, любил вкусно поесть, модно одеться и прошвырнуться по шумным улицам Вены, а летом в обязательном порядке выехать подальше от дома на пару месячишек для комфортного и беспечного времяпрепровождения – посидеть где-нибудь в шезлонге с дорогой сигарой в зубах и с наслаждением, неторопливо, через соломинку выпить стаканчик душистого вина. Фрейд ни за что на свете не променял бы партию игры в тарок в компании со своими закадычными «неучеными» друзьями – Йозефом Панетом, Леопольдом Кенигштейном, Людвигом Розенбергом и Оскаром Рие – на самую великую истину психиатрии, поскольку наука как раз и должна была обеспечить его беззаботное существование. Если он и был готов пожертвовать своим счастливым досугом, то только ради славы и богатства.

Каких-то больших и тяжелых испытаний, вопреки расхожему мнению, Фрейд не испытывал. Чтобы деньги потекли рекой, достаточно было в кабинете врача повесить разрисованные маски американских индейцев, обставить его древнекитайскими вазами, вавилонскими статуэтками, мраморными бюстами римских императоров, барельефами греческих богов. Эта обстановка располагала к тому, что богатые простаки, ложась на кушетку, покрытую красивым персидским ковром, начинали беззастенчиво рассказывать самые неприличные истории из своей личной жизни, сексуальные сны далекого детства и фантазировать по методике свободных ассоциаций относительно своих родителей и родственников.

Бруно Гётц, вначале молодой поэт, а позже преподаватель Рижского военно-морского училища так вспоминал о Фрейде:

«Это один из тех чудо-лекарей, подобных которому можно встретить в Индии. Ему не нужна никакая методика, он может произносить какую-то абракадабру, но ты при этом начинаешь чувствовать себя всё лучше и лучше и становишься практически здоровым».

От общественного возмущения, критики серьезных врачей и ученых-профессионалов он был надежно защищен плотным кольцом преданных ему друзей, психоаналитическим обществом и еврейской ассоциацией «Бнайт Брит». Эти крепостные стены могли выдержать любой ураган, дующий извне, одновременно они выполняли функцию удобных инструментов воздействия на враждебную и чуждую ему социальную среду. Медленно, но верно Фрейд отстраивал Великую Империю Психоанализа, которой предрекал многовековое существование. С этой целью он разработал структуру движения психоаналитиков, написал устав и проводил тщательный отбор кадров, которые должны были после его смерти возглавить начатое им дело. Но пока что ему нужно было всему учиться. К счастью, на его жизненном пути повстречался человек, который воплотил его юношескую мечту в жизнь.

В разгар кокаиновой авантюры Фрейд на полгода уехал в Париж на стажировку к Жану Мартену Шарко. Он смог увидеть, как его французский коллега демонстрировал на сцене больных с мужской истерией: 25-летнего извозчика, у которого правое плечо и рука от падения с повозки перестали ощущать боль и изменение температуры, 22-летнего каменщика с частичной эпилепсией, 17-летнего каменщика с параличом левой руки, 16-летнего парня с припадками ярости, 32-летнего золотильщика со спастическими приступами. Ни у кого из них не было заметных физических повреждений органов, следовательно, заключил Шарко, все болезни вызваны психическими расстройствами. Судя по тому, как этот французский врач демонстрировал больных с мужской истерией и давал сеансы гипноза, его смело можно причислять к театральным деятелям, которые совмещали в одном лице сценариста, режиссера и актера.

Шарко сразу понравился Фрейду, ибо он сам хотел стать именно таким ученым. Он заворожено наблюдал за выступлением французского коллеги, когда тот демонстрировал свое «искусство» гипнотизера на четырех хорошеньких пациентках, которые выступали уже не раз и, очевидно, имели с выступления какое-то денежное вознаграждение. Спектакль начинали разыгрывать два ассистента Шарко – доктора Бабински и Рише. В другое время в представлении участвовал и третий доктор, Мари, которого не было, когда на сеансе присутствовал Фрейд. Ассистенты крутили перед глазами девушек стеклянный шар и блестящие предметы, что-то

говорили им на ухо и те засыпали. Ряд проделанных над ними экспериментов должен был убедить зрителей, что девушки надежно загипнотизированы.

Стоун пишет:

«Первой пациентке сказали, что перчатка, брошенная к ее ногам ассистентом, – змея. Она ужасно завопила, задрала юбку до колен и отпрянула назад. Убрали перчатку, и молодая женщина сказала, что она вновь счастлива. Она широко улыбнулась, а затем захихикала. Второй пациентке дали бутылку с раствором аммиака и сказали, что это душистая розовая вода. Она с большим удовольствием вдыхала аммиак. Затем убрали бутылку и сказали женщине, что она в церкви и должна молиться. Она опустила на колени, сложила руки и прочитала молитву. Третьей пациентке дали древесный уголь и сказали, что это шоколад. Она откусывала кусочки и смаковала их. Четвертой молодой женщине было объявлено, что она собака; она встала на четвереньки и принялась лаять. Ей приказали встать и сказали, что она превратилась в голубя. Женщина стала размахивать руками, пытаясь взлететь».

После этого на сцене появился главный маг-целитель – это был Шарко. Наряженный во фрак фокусника, белоснежную сорочку и черный цилиндр, он продемонстрировал три фазы гипноза. С этой целью, пишет Стоун,

«ввели пациентку, приятную брюнетку с собранным назад шиньоном, в легком лифе, свободно спадавшем на грудь. Ее сопровождали две медицинские сестры. Амфитеатр замолк, когда Шарко начал пояснять, что гипнотизм – это искусственно вызванный невроз, который свойствен неуравновешенным лицам с повышенной чувствительностью, что он первый из неврологов изучил, проследил его развитие и разработал научную теорию, описывающую его многочисленные стадии. ...Ассистент внушил девушке первую стадию гипноза – ввел ее в дрему. Шарко рассказал о соотношении между дремой и подлинным сном, высказал свои суждения о различиях между ними. Затем с помощью яркого луча, направленного на глаза пациентки, он продемонстрировал вторую стадию гипноза – каталепсию. Ее руки и ноги перестали гнуться, потеряли чувствительность даже к уколам булавки, кожа побледнела, а дыхание замедлилось. Шарко привлек внимание к физическому состоянию тела, показав то, что стало известно как «иконोगрафия Сальпетриера». Он мог заставить девушку принять любую паралитическую позу: со скрюченными руками, ногами, спиной, шей и даже выгнуться дугой – наклониться назад с закрытыми глазами настолько сильно, что любой человек давно бы упал. Затем Шарко вывел пациентку из каталепсии и ввел в третью стадию гипноза – стадию расслабленного сна. Когда она вышла из этого состояния, то были налицо признаки летаргии, а признаков паралитического состояния не наблюдалось. Она бегло отвечала на вопросы. ...Аудитория наградила Шарко громом аплодисментов. Он поклонился налево, направо, надел цилиндр и исчез в дверях».

От этого аттракциона Фрейд долго не мог прийти в себя. И хотя ему сказали, что пациентки никогда не страдали истерией и были специально обученными актрисами, много раз демонстрировавшими трюки, Фрейд всё же отправился в Нанси к двум знаменитым гипнотизерам Франции – Льебо и Бернхейму, чтобы научиться у них волшебному искусству. Однако сколько бы Фрейд не смотрел за работой этих гипнотизеров, а также за сеансами Шарко и Брейера, ему никак не удавалось овладеть гипнозом. Мешало и другое: против использования гипноза в медицинской практике существовал устойчивый протест ученых, с которым Фрейд не мог не считаться. За сто лет до этого доктор Франц Антон Месмер, учившийся, как и Фрейд, в Венской клинической школе, нажил огромное состояние и приобрел мировую известность за счет гипнотических сеансов. Он создал теорию «животного магнетизма», который якобы излечивает от многих тяжелых недугов. Впоследствии Месмера и последователей «месмеризма» изгнали из Вены, обвинив их в шарлатанстве. Они бежали в Париж, где продолжили свои сеансы, но уже без прежнего триумфа. Комиссии Французской Академии наук пришлось вторично осуждать месмеризм как «игру воображения».

Жульническая методика обладала поразительной живучестью. Несмотря на многократные разоблачения врачей-гипнотизеров и даже избиение этих «актеров-иллюзионистов», месмеризм возродился в Европе вновь и вновь то в одном месте, то в другом. Шарко как раз и был одним из последователей Месмера, который, однако, прекрасно знал, чем могут закончиться его гипнотические трюки. Греческий термин «гипноз», который переводится как «сон», был введен в 1842 г. шотландским врачом Джеймсом Брейдом для того, чтобы сбить с толку европейскую публику, наслышанную о месмеризме и магнетизме. Однако людей с научным складом ума невозможно ввести в заблуждение новым термином, поскольку они всегда стараются ухватиться

за суть дела. Они понимают, что гипноз – это никакое не лечение, а обыкновенное внушение в полудреме. Любому нерелигиозному человеку понятно, что сказанное слово не способно избавить мозг и нервную систему от органической патологии. Но жаждущий чуда и мечтающий о славе Фрейд верил в псевдонаучные трюки и чудодейственное слово. Как известно, легче всего одурачить мага и мистика, но в то же самое время, эзотерики не гнушаются подлога и обмана. Вся методика Фрейда как раз и основывалась на приемах, к которым прибегали маги и мистики, эзотерики и обыкновенные фокусники.

Трудно простить современного врача-психоаналитика за незнание того, что, например, при делирии (ранее это заболевание относили к истерии) наблюдается изменение состава крови. Поэтому при подозрении на эту болезнь назначается исследование крови на барбитураты и фенциклидин, определяется уровень глюкозы, аммиака, парциальное давление кислорода и углекислого газа. Навязчивые состояния, бессонница, депрессия, тревожные состояния, тики, а тем более тяжелые формы маниакально-депрессивного психоза и шизофрении непременно протекают на фоне физиологических отклонений, фиксируемых на молекулярном или гистологическом уровне. Например, тревожное состояние часто сопровождается болью в груди, спазмами живота, тошнотой, учащенным сердцебиением и дыханием, нервной дрожью, поносом, обмороками, потливостью, расширением зрачков, сухостью во рту. Этим симптомам не могут не соответствовать определенные материальные причины. Сегодня обращаться к либидо, эдипову комплексу и тому подобному вздору – значит совершать преступление. Вот уже несколько десятков лет нейролептические препараты прекрасно помогают больным, страдающим широким спектром нервно-психических заболеваний – от легких тревожных состояний до глубоких шизофренических кризов. Современная фармацевтическая промышленность выпускает два–три десятка нейролептиков (клозапин, рисперидон, локсапин, молиндон и т.д.), которые назначаются врачом в зависимости от результатов проведенного лабораторного физико-химического анализа. Успехи фармакологии, кажется, не оставляют шансов для спекуляций на психоанализе, но не так-то просто избавиться от общественных предрассудков, чем и пользуются недобросовестные врачи.

Вернемся, однако, к Фрейду и Брейеру. Их разрыв, как написал Фрейд в очерке «Об истории психоаналитического движения», обусловлен не столько теоретическими, сколько «более глубокими причинами», которые замкнулись на брейеровской пациентке Анне О. Фрейд писал: *«Брейер сказал о своей знаменитой первой пациентке, что сексуальные моменты у нее были удивительно неразвиты и никогда ничего не приносили в богатую картину ее болезни»*. Между тем, Брейер *«должен был открыть ... сексуальную мотивировку»*, так как в эпизоде с псевдородами имело место «перенесение». Но от Брейера

«ускользнул общий характер этого неожиданного явления, так что он, как пораженный, на этом месте оборвал исследование. Я не получил от него по этому вопросу никаких прямых указаний, но в различное время он дал мне достаточно оснований для вышеизложенных предположений. Когда я впоследствии всё решительнее настаивал на значении сексуальности в этиологии неврозов, он первый проявил по отношению ко мне то неприязненное отношение, которое мне впоследствии стало так хорошо знакомо, но которое я тогда еще не понимал, как роковую судьбу».

Всё, что вышло из-под пера Фрейда, нужно подвергать сомнению. Он изобразил Брейера трусом, спасовавшим перед «научной правдой», которая открылась в психоанализе пациентки Анны О., заочно проведенном мужественным Фрейдом. Иногда очень сложно убедить собеседника в том, что автор нас обманывает, тем более, когда собеседник считает данного автора гениальным ученым и великим практиком. К счастью, в данном конкретном случае мой скепсис легко получает подтверждения. Тот же Руткевич, которого я критиковал за изображение Фрейда рациональным ученым, привел вопиющие факты, касающиеся лечения пациентки Анны О. Мне только непонятно, уважаемый Удод, как он мог в одной своей лекции прославлять Фрейда, в другой – обвинять в мошенничестве. Тем не менее, мы все должны быть благодарны Руткевичу за предоставленный им любопытный материал об Анне О. Ниже приводятся выдержки из раздела «Открытие» курса лекций «Психоанализ. Истоки и первые этапы развития» Руткевича, где автор цитирует работы, опубликованные на Западе, но малоизвестные российскому читателю.

«В 1972 г., – пишет Руткевич, – канадский историк Г. Элленбергер написал статью, в которой впервые обратил внимание на факты, полностью опровергающие ранее представленные

Брейером в его истории, которая затем с добавлениями Фрейда рассказывалась чуть не в каждой книге по психоанализу. Эллиенбергер отыскал историю болезни Берты Паппенхейм (Анны О.). С этой историей болезни она отправилась в санаторий Бельвю в Кройцлингене после лечения у Брейера. Дальнейшие записи были сделаны врачами Бельвю. По ним Эллиенбергер установил, что ни о каком «успешном излечении» не было и речи, да и сам факт применения «катарсического лечения» оказывался под вопросом, поскольку основной проблемой, с которой столкнулись психиатры в санатории, была сильнейшая наркотическая зависимость Б. Паппенхейм от морфия. Сохранились у нее и те симптомы, от которых ее, якобы, исцелил Брейер.

О том, что мы имеем дело с явной фальсификацией, в дальнейшем [1986] писал Х.Т. Эршенредер, указавший на то, что именно Брейер пичкал Анну О. гигантскими порциями морфия и в результате сделал пациентку морфинисткой. «Истерия» была изначально ложным диагнозом, а пресловутый катарсический метод не дал никаких сдвигов – в результате Б. Паппенхейм вынуждена была в течение трех лет реабилитироваться от последствий лечения, от обретенного морфинизма.

Недавно [1995] к этой теме обратился известный датский (живущий в США) историк психоанализа М. Борк-Якобсен, который выяснил еще ряд подробностей этого «случая». Он оценил его как гигантскую мистификацию. До того, как Б. Паппенхейм начал лечить Брейер, у нее вообще не было истерических симптомов, выявлены были лишь кашель и лицевая невралгия, вызванная заболеванием зубов. Кстати, от лицевой невралгии страдала одна из пациенток Фрейда, который упорно выводил наблюдаемые симптомы из истерического невроза (случай «Цецилии М.» – Анны фон Либен). Сам Брейер говорил о том, что это была «инкубационная фаза», во время которой шло развитие невроза. Но Борк-Якобсен установил, что лишь вместе с началом гипноза у пациентки появились «гипноидальные состояния», соответствующие теории Брейера, а вместе с ними и шлейф тех истерических симптомов, которые обычно приводятся в этой истории как то, с чем изначально столкнулся Брейер. Иначе говоря, симптомы были вызваны самим лечением. Нечто подобное происходило в Сальпетриер, где пациенты Шарко играли свою роль по правилам, которые устанавливались в этом «театре» терапевтом-гипнотизером. Даже если Борк-Якобсен ошибается в своем предположении, будто Б. Паппенхейм просто приняла эту «игру» и свою роль в «приватном театре» (лишь бы вырваться из несносных условий мещанской семьи), симптомы у нее возникли в результате гипноза, но никак не были символическими воспроизведениями ее прошлого.

История была опубликована Брейером в 1895 году, то есть через 13 лет после самого лечения. Рассказ этот, пишет Борк-Якобсен, «слишком хорош, чтобы быть правдоподобным». В психиатрическую лечебницу в Кройцлингене Берта Паппенхейм была помещена по совету и при содействии Брейера, который прекрасно сознавал неудачность всех своих попыток излечить пациентку. В лечебнице сохранилась медицинская карта, переданная Брейером Роберту Бинсвангеру (отцу Людвигу Бинсвангера). В ней содержатся записи самого Брейера, а потом записи врача из лечебницы, д-ра Лаупуса. По ним видно, что у больной была сильнейшая лицевая невралгия, что в 1881 г. прошла неудачная операция, что она привыкла к большим дозам морфия, который ей давал Брейер, а заодно, так как она не могла спать, еще и к большим дозам хлорала. В «Исследовании истерии» нигде не упоминаются ни невралгия, ни морфинизм. Никакого излечения не было – все истерические симптомы сохранились. Они фиксируются и в другой карте – с 1883 по 1887 г. Берта Паппенхейм трижды была в лечебнице Инценсдорф. (Впервые она побывала там в 1881 г.). Брейер отказался ее лечить после того, как она была в Кройцлингене, а не до того. Он долго сопротивлялся публикации этого явно неудачного для врача случая лечения – публикации, в которой описывается *happy end*. Фрейд знал, какова была реальная ситуация, Брейер не скрывал от него неудачности «катарсического» лечения (об этом говорится в письме Фрейда невесте от 5 августа 1883 г., Марта Бернайс была знакома с Бертой). Тем не менее Фрейд настаивал на публикации – этот «случай» был необходим, чтобы подчеркнуть первенство перед «французами».

Не удивительно, что сама Берта Паппенхейм была противницей психоанализа. Но выступать публично она не могла, занимаясь активной общественной деятельностью – и о длившейся годами истерии, и о морфинизме вспоминать не следовало. Но можно себе представить, каким было ее отношение к медикам, которые пользовались этим молчанием и беззастенчиво вралли о своих «успехах». Скверно то, что даже область общественной деятельности Берты Паппенхейм Фрейд и его биограф Джонс ухитрились связывать с «сексуальным интересом», который, мол, определял ее невроз. Она спасала малолетних от проституции, а это – в духе этой теории – выводили из вытесненной сексуальности. Как замечает Борк-Якобсен: «Словно психоаналитики никак не могли простить Берте Паппенхейм того, что она выздоровела без их участия». Фрейдом было выдуманно и бегство Брейера – будто он вместе с женой спешно уехал из Вены. Ложью в этой истории было и то, что результатом этой поездки был ребенок – Дора Брейер родилась за три месяца до предполагаемого рассказом отъезда и собственного зачатия. Не было у Паппенхейм «ложной беременности» – это чистой выдумка Фрейда.

В узком кругу психоаналитиков некоторые знали, что лечение было неудачным. Об этом как-то прямо сказал Юнг, уже порвав с Фрейдом. Легенда становится истинным мифом после публикации книги Джонса. Трудно возложить за всё это ответственность на Джонса – не сам он всё

это выдумывал, но исполнительно повторял за Фрейдом. В письме С. Цвейгу от 2 июня 1932 г. Фрейд сам рассказывает эту историю в том же духе; так он преподнес и случай М. Бонапарт в 1927 г. (сохранилась сделанная ею запись). Фрейд ухитрился даже выдумать свой визит к Берте Паппенхейм после «бегства» Брейера, хотя он только через полгода впервые услышал об этом случае. Выдумано то, что накануне смерти Брейер признавал правильность теорий Фрейда и будто бы они накануне смерти встречались. Вымыслом оказываются и сведения относительно угрозы самоубийства жены Брейера, и относительно вообще какой-либо роли сексуальности в отношениях Брейера и пациентки. И всё это придумывалось только для того, чтобы, во-первых, оттенить неудачность лечения, а во-вторых, объяснить отход Брейера из-за его «трусости» – лечение не удалось до конца только потому, что Брейер «бежал», да и от психоанализа ушел по той же неблагоприятной причине. Борк-Якобсен прослеживает начальный момент всех этих инсинуаций. Еще в письмах невесте Фрейд начинает придумывать «роман» между доктором и пациенткой, но тут еще нет центральных пунктов легенды, нет никакой «трусости» и «бегства» Брейера.

Но еще важнее для разоблачения легенды то, что лечил Брейер вовсе не в духе позднейших теорий – лечение еще напоминало магнетические сеансы конца XVIII в., а сам Брейер в 1882 г. никак не осмыслил его в духе теории психической травмы. Фрейд стал истолковывать этот случай подобным образом тоже далеко не сразу, но примерно с 1888 г., то есть после стажировки в Сальпетриер и выхода статей Жане. Случай был нужен исключительно для того, чтобы отстоять приоритет перед Жане – мол, Венская «школа» раньше и независимо от «французов» совершила все открытия.

Стоит отметить, что Брейер публиковал приукрашенную историю неохотно, он не хотел превращать в неподражаемый образец явную неудачу. Фрейд был лишен таких «предрассудков». Мало того, что Фрейд часто путал свои фантазии и действительность, но и человеческие качества видны здесь не самые лучшие. Даже не касаясь явной лжи (переходящей в клевету, когда речь идет о Брейере), можем ли мы доверять ученому, который придумывает и подгоняет всё под нужные ему схемы? ... Фрейд создал не только легенду, но и «движение», так сказать, материальный носитель самовоспроизводящегося мифа. ... Можно сказать, что Фрейд является образцом для немалого числа «интеллектуалов» XX в., которые в меньших масштабах повторяли те же процедуры самовозвеличения.

Даже если мы допустим, что Фрейд верил Брейеру на слово и не заглядывал в историю болезни Анны О., мы уже не можем принимать этот случай в качестве первого успешного применения психоаналитического метода. Известны и другие мистификации, когда за блестящими описаниями Фрейда скрывается принятие желаемого за действительное. Так, история «маленького Ганса» – сына Макса Графа, музыкального критика, посещавшего заседания психоаналитического общества, – оказалась безусловной фальсификацией. Это по «свежим следам» выяснил еще швейцарский философ и психолог Хэберлин, хорошо знакомый и с Фрейдом, и с отцом «маленького Ганса». Вряд ли мы имеем дело с сознательной подтасовкой. В то время Макс Граф был истовым поклонником Фрейда (он отошел от него позже, во время изгнания из ассоциации Адлера). Он расспрашивал ребенка, по существу, подсказывая ему ответы. Сложнее всего оказалось растолковать сыну желание овладеть матерью и ревность к отцу – тот долго не понимал, чего от него хотят и каковы функции половых органов. Не была придуманной только боязнь по отношению к лошадям, но такой страх можно объяснять и менее экзотическими причинами, чем проекция на коня образа отца».

После этой обвинительной тирады в фальсификации эмпирических данных, на которых возник психоанализ, Руткевич умудряется сохранить веру во Фрейда как ученого и в его психоанализ как истинно научную теорию и эффективный метод. Так как *«значение совершенных Фрейдом открытий сегодня не отрицают даже многие принципиальные противники психоанализа»*, Руткевич склонен закрыть глаза на любые «моральные качества» его личности. Он готов довериться «всем психоаналитикам». *«Ссылки всех психоаналитиков на эмпирический опыт, – пишет он, – следует учитывать, поскольку чаще всего они не заняты выдумками и сознательными фальсификациями»*. Такая вопиющая непоследовательность в суждениях является характерной чертой не только курса лекций Руткевича или биографии Джонса, но и всей литературы, касающейся психоанализа. Авторы ловят за руку Фрейда, отмечают множество отдельных случаев жульничества у других психоаналитиков, но отказаться от сумасбродной теории они не в силах. Им кажется, что за единичными фальсификациями стоит большая наука и правильный метод лечения. Фанатичные поборники фрейдизма не хотят верить в масштабное мошенничество, осуществляемое по всему миру национальными и международными обществами психоаналитиков.

Фрейду был оказан «холодный прием», когда в середине октября 1886 г. он прочитал доклад «Об истерии у мужчин», где рассказал о достижениях школы Шарко. Мужская истерия

еще признавалась венскими врачами, но лечение гипнозом – ни в коем случае. Старик Шарко из-за опасения быть осмеянным не говорил о гипнозе как о методе лечения, хотя, вероятнее всего, верил в него. Аналогично вели себя Брейер и Фрейд, которые гипнотическим обманом занимались почти что «подпольно». Поэтому Фрейд и сделал доклад об истерии, хотя ему хотелось рассказать о лечении разговором – методике, которая у него возникла сразу же после знакомства с Брейером, когда тот рассказал о чудесном исцелении Анны О. Позиция большинства венских врачей того периода по вопросу об истерии и смежных темах отражена в выступлении Теодора Мейнерта, которое привел Жан-Поль Сартр в своем киносценарии. Возможно, именно этих слов он не произносил, но что-то близкое наверняка звучало.

«В сообщении доктора Фрейда, – *говорил Мейнерт*, – я нахожу много идей новых и много идей верных. К сожалению, верные идеи стары, а новые идеи ложны. Верно, например, что отдельные больные обнаруживают нервные расстройства, схожие с теми, которые описал наш коллега. Но я обращаюсь здесь к тем из собратьев, кто достиг моего возраста или немного постарше: разве эти симптомы не были известны давным-давно, во времена, когда мы впервые переступили порог медицинского факультета? Напротив, ново лишь то, что доктор Фрейд произвольно объединил все эти симптомы, чтобы наполнить содержанием ту мифическую болезнь, которую он именуется истерией. Нам всем, дорогие коллеги, известно, что после внезапной травмы, например аварии на железной дороге, больной может какое-то время обнаруживать тот или иной из этих симптомов. Эмоциональный шок, страх вызывают в нервах тончайшие повреждения, которых пока не разглядишь в наши микроскопы. Однако эти крайне быстро проходящие расстройства, как то: гемианопсия, психическая глухота, похожие на эпилепсию припадки, галлюцинаторный бред и даже параличи, принадлежат ведению неврологии и всегда оказываются последствиями психического хаоса, вызванного несчастным случаем. Я не считаю необходимым продолжать спор. Мне, господа, никогда не попадались мужчины-истерики, но я вынужден признать, что если истерия – болезнь, то мне не выпало удачи нашего молодого оратора, и я также не встречал женщин-истеричек, если не называть этим именем тех несчастных, которые пытаются вызвать к себе внимание врачей ложью и нелепыми кривляньями. Истерии не су-ще-ству-ет! (Аплодисменты. Один Брейер не хлопает).

Несколько слов в заключение. Я не отвергаю существования гипнотизма, напротив. Но я рассматриваю гипнотизера и гипнотизируемого как пару больных, из которой серьезнее болен отнюдь не гипнотизируемый. И мне жаль коллег, которые, пусть из чувства альтруизма, опускаются до того, чтобы играть при больных роль нянек при младенцах. Господа и дорогие коллеги, вернемся к нашей профессии врача, самой прекрасной из профессий. Пока исследования в физиологии не открывают нам новых свойств нервной системы, давайте придерживаться испытанных методов лечения. Массаж, душ, электротерапия – эти методы могут вызывать улыбку у нашего молодого собрата, но все-таки опыт доказывает, что без них излечение невозможно. Будем терпеливы и, главное, будем скромны! В чем и состоит первейший долг врачей и ученых».

Язвительная критика Мейнерта заставляет Фрейда вновь заняться электротерапией с помощью массажной установки Эрба, но гипноз он бросать не желает. В зависимости от обратившихся к нему больных, он пробует применять то физическую, то гипнотическую терапию. Случай с Анной О. не дает ему покоя. Трудно поверить, что он не знал тогда всей правды, которую рассказал нам Руткевич. Клубок вранья, который распутали западные исследователи, лишний раз подтверждает, что Фрейд всё прекрасно знал и сознательно шел на обман. Только с причинами, указанными Руткевичем трудно согласиться. Надо не знать Фрейда, чтобы сказать, что он действовал исключительно во имя Венской школы: «мол, Венская «школа» раньше и независимо от «французов» совершила все открытия». Фрейду не было никакого дела до академической науки Вены, которую в то время представлял Мейнерт, он работал только на себя и прославление своего имени. Ради этого он слишком часто шел на обман. Написанная им «Автобиография» (1925) и очерки «Об истории психоаналитического движения» (1914), как и «сугубо научные работы», почти не содержат достоверных фактов. Всё, написанное им, относится к своеобразному беллетристическому жанру. Чтобы ознакомить Вас, уважаемый Удод, с технологией фрейдовских фальсификаций, перескажу небольшой эпизод, связанный с обсуждаемой нами темой.

Уже говорилось, что будущий психоаналитик никак не мог определиться в отношении гипноза. Затрагивая эту тему, Джонс пишет: «*Фрейд выступил в защиту гипнотизма с присушим ему пылом*». Далее биограф сообщает, что в 1887 г. он сделал книжный обзор по этой теме, где рассказал о двух книгах Бернхейма. В связи с этим Джонс привел слова Фрейда:

«Чтобы усовершенствовать технику гипноза, летом 1889 года я поехал в Нанси, где провел несколько недель. Я наблюдал трогательного старика Льебо, когда он работал с бедными женами рабочих, был свидетелем удивительных экспериментов Бернхейма с больничными пациентами... Я имел с ним [Бернхеймом] много вдохновенных бесед и взял на себя перевод на немецкий язык двух его книг о внушении и его лечебном воздействии на пациента».

После этой цитаты Джонс высказывает свое недоумение:

«Здесь содержится любопытная ошибка, ибо Фрейд уже опубликовал год назад первую из двух названных книг под заголовком «Гипноз, внушение и психотерапия» и снабдил ее обширным предисловием. Он даже опубликовал большой отрывок из этой книги в «*Wiener Medizinische Wochenschrift*». В декабре 1887 года, за 18 месяцев до того, как он посетил Бернхейма, он договорился об издании этого перевода».

Удивившись «любопытной ошибке», Джонс продолжил свое повествование. Ну, а мы, уважаемый Удод, давайте подумаем: зачем Фрейд изменил датировку событий?

Совершенно невозможно представить себе, что Фрейд просто забыл очередность важных для него событий и потому случайно перепутал годы. Вообразите себе Фрейда, который восхищается теорией и практикой гипноза Бернхейма. Он делает обзор его книг в венском журнале, переводит на немецкий язык и затем публикует в соответствии с договоренностью лучшую его книгу. Подобно тому, как он искал знакомства с Флейшлем, он ищет встречи с Бернхеймом. Наконец, он получает от известного ученого, швейцарца Огюста Фореля рекомендацию и отправляется в Нанси, чтобы познакомиться с Бернхеймом лично. Именно в этой последовательности и никакой иной должны были отложиться указанные события в голове Фрейда. И вот, непонятно зачем, он пишет сначала о посещении Бернхейма, а потом о своих обязательствах по переводу его книг. Возникает вопрос: кто заинтересован в этом обмане, который на первый взгляд представляется абсолютно ненужным.

Мне кажется, уважаемый Удод, всё дело в том, что Фрейд часто придумывал фабулу своей работы в соответствии с художественным развитием замысла. Он был целиком погружен в придуманный им мир иллюзий и выступал в качестве мифотворца, который сочинял не только романтические теории, но и придумывал себе красивую жизнь, которой он никогда не жил. Возможно, при написании процитированного Джонсом текста он вспомнил, как неприглядно суетился с переводом и публикацией книги, как настойчиво искал встречи с Бернхеймом, для чего побеспокоил уважаемых коллег, в частности, Фореля. Теперь же ему не хотелось вспоминать эти мелкие хлопоты. Он посчитал, что два события его и без того беспокойной биографии расставлены во времени не совсем правильно. Биография будет выглядеть чуть-чуть лучше, если он скажет сначала о встрече с автором, а потом о переводе и публикации его книги. Возможно, вопреки заверениям Джонса, он перевел и опубликовал книгу Бернхейма без его разрешения; после этого разразился скандал и сейчас он хотел как-то загладить неприятный инцидент. Возможно, у него промелькнула мысль, что эту невинную подгонку событий никто не заметит. Сказать что-либо определенное здесь очень сложно. Но, очевидно, что в течение жизни подобных крохотных подчисток биографии накопилось такое огромное количество, что жизнь «венского бунтаря и мученика» превратилась в один сплошной миф. Самым печальным результатом его писательской деятельности явилась, конечно, не его биография, а само учение. Стремясь к успеху, Фрейд легко шел на фальсификацию фактов: важно, чтобы теория внешне смотрелась красиво и всем нравилась, а соответствуют ли она действительности – это не должно волновать влюбленного в миф почитателя.

Представьте себе, уважаемый Удод, скучающего Фрейда, который любит красиво пожить и которому к тому же нужно как-то содержать семью. Зимой и летом в его кабинет почти никто не заходит; осенью и особенно весной наблюдается небольшое оживление. Так продолжается в течение долгих десяти лет. Имея литературный дар и неумные амбиции, разве ж здесь удержишься от фантазий! Разумеется, в начале своей карьеры каждая заглянувшая в его кабинет дамочка была для него событием. Впоследствии, особо выделившихся среди них, он отметил как своих учителей, которые осветили ему путь к психоанализу. В их числе, прежде всего, нужно назвать фрау Эмми фон Нейштадт (второй после Анны О. случай из «Исследования истерии», 1895). Ее настоящее имя – Фанни Мозер, девичья фамилия – Зюльцер-Варт. Фрейд принял ее 1 мая 1889 г. после «безуспешного» шестинедельного лечения Брейером. Фрау страдала галлюцинациями, желудочным расстройством, испытывала боли в ноге, не могла глотать, а

главное, странно прищелкивала языком при разговоре. Время от времени она начинала истерически кричать: «Стойте! Не говорите ничего! Не трогайте меня! Господин доктор, представьте, одна из крыс была в моей постели!» Фрейд решил применить к ней методику катарсиса, которая была впервые опробована на Анне О. Он давал фрау выговориться, после чего она испытывала облегчение. По описанию Фрейда, в котором столько же правды, сколько в словах гадалки на картах, у нее постепенно исчезали истерические симптомы, депрессия пошла на убыль, а речь восстановилась, исчезло прищелкивание языком. Но удалось ли Фрейду ее вылечить? – Конечно, нет. Это признавал и он сам! Однако лечением разговором Анны О. занимался только Брейер; лечением же разговором Эмми фон Н. занимался уже Фрейд. Поэтому всё, что он делал, было тщательно запротоколировано, а дата 1 мая 1889 г. стала днем рождения психоанализа, который отмечается «всем прогрессивным человечеством» и по сей день. И хотя Фрейд применял к этой больной и физическую, и гипнотическую терапии, улучшение ее состояния он связывал только с лечением разговором, в котором, правда, еще отсутствовала сексуальная тема.

Другой выдающейся пациенткой, вошедшей в анналы психиатрии, была 24-летняя фрейлин Элизабет фон Рейхардт (пятый случай из «Исследования истерии», 1895). Она пережила смерть отца, сестры и операцию на глаза у матери, после чего развились истерические боли в ногах, которые иногда не давали ей ходить. Эта истерия продолжалась уже два года, когда она в 1892 г. перешагнула порог кабинета на Берггассе, 19. К тому времени хозяин кабинета уже выбросил установку Эрба для электротерапии и в основном сосредоточился на доверительном общении. Сначала он попытался применить к ней гипноз, но безуспешно: фрейлин никак не хотела засыпать. Из частных бесед с пациенткой он не улавливал никаких сексуальных мотивов. Тогда он положил ей на лоб свою ладонь и попросил рассказывать всё, что ей взбредет в голову. Она заговорила о молодом человеке, который провожал ее поздним вечером. «Пробка выскочила!» – радостно воскликнул Фрейд. Таким образом, открылась первая сексуальная страница психоанализа. По свидетельству Фрейда, когда она начинала рассказывать о своей любви, боли в ее ноге неожиданно усиливались. Для него это был верный знак сексуальной подоплеки истерии.

Однажды Элизабет фон Р. не пришла на сеанс к Фрейду, и он решил навестить ее дома. По внезапной реплике фрейлин: «Прервемся. Это мой свояк. Я слышу, он спрашивает обо мне» Фрейд догадался, где собака зарыта. Он сказал Элизабет фон Р.: «Вы стараетесь оградить себя от вызывающего страдание убеждения, что любите мужа сестры, навязывая себе взамен физические мучения. В тот момент, когда это убеждение возвращается к вам, возникают боли вследствие успешного перевоплощения. Если вы сумеете противостоять истине, тогда ваша болезнь будет поставлена под контроль». Элизабет кричала: «Это неправда! Вы заговорили меня! Это не может быть правдой! Я не способна на такую безнравственность. Я никогда не прошу себе». Фрейд спокойно ей отвечал: «Дорогая фрейлин Элизабет, мы не отвечаем за свои чувства. Тот факт, что вы заболели при таких обстоятельствах, говорит достаточно ясно о вашем высококонрастном характере».

Фрейд понял так, что когда свояк пришел в дом фон Рейхардта, он спутал Элизабет с сестрой, на которой ему предстояло жениться (она впоследствии умерла). Тогда сестра сказала ей, что они «прекрасно подходят друг другу». Когда Элизабет стояла у гроба своей сестры, ей, предположил Фрейд, неизбежно пришла в голову мысль: «Теперь он свободен, и я могу стать его женой!» Эти домыслы и вывели Элизабет из равновесия, она обвинила Фрейда во лжи, что таких низких мыслей у нее сроду не было. Он разъяснил ее «сопротивление» следующим образом: «Основой для самого подавления может быть лишь чувство неудовольствия, несовместимости идеи, которая должна быть подавлена, и господствующей массы идей, образующих Я. Однако подавленная идея берет реванш, становясь патогенной». В общем, здесь просматривается механизм вытеснения, который описывался многими психологами, в том числе и Гербартом, но в изложении Фрейда всё выглядит иначе. Дальше с ней произошло чудо: нога после тяжелого разговора с лечащим врачом у Элизабет фон Р. внезапно прошла. Фрейд видел ее, когда она весело вальсировала на балу.

Мне кажется, уважаемый Удод, вся эта *love story* представляется крайне надуманной. Во-первых, у меня нет никакой уверенности в том, что боли в ноге возникли от любви. Во-вторых, я никогда не соглашусь, что одним указанием причины можно поставить на ноги человека, который до этого болел целых два года. В-третьих, нет доказательств того, что после бала нога Элизабет фон Р. не заболела снова. Наконец, в-четвертых, после разоблачения истории с выздоровлением Анны О. никакой веры в выздоровление Элизабет фон Р., а также других пациенток у меня нет. Я думаю, что эта душещипательная история, описанная в «Исследовании

истерии» и живо пересказанная в исторических сборниках по психоанализу, придумана автором от начала и до конца. Выведенные в ней образы Любви и Смерти были столь яркие и впечатляющие, что все последующие поколения психоаналитиков поверили во фрейдовский миф.

«Пятый случай» лег в основание теории психоанализа. Теперь будущие психоаналитики выучивают этот текст наизусть, чтобы держать наготове гениальный ход мысли своего учителя. Считается, что здесь Фрейд впервые раскрыл механизм сопротивления, в основе которого лежит вытесненное желание, основанное на любви. Кроме того, лечебный эффект здесь был достигнут исключительно путем разговора, без всякого гипнотического воздействия. Данный случай выделяется среди прочих еще и тем, что автор впервые использовал термин «психический анализ». Впрочем, рассказанные здесь случаи еще не демонстрируют психоанализ в полный рост, поскольку считается, что Фрейд до 1895 г. еще не овладел методом свободных ассоциаций. Суть этого метода я предлагаю Вам, уважаемый Удод, обсудить на примерах, взятых из книги Фрейда «Толкование сновидений».

Глава 9. Толкование сновидений

Удод: Я не стану возражать, что суть психоанализа лучше всего постигнется через сочинение «Толкование сновидений». Идеи Фрейда о бессознательном, трехслойной психике, свободных ассоциациях, эдиповом комплексе, нарциссизме, спонтанных ошибках (оговорки, описки, ложные действия, неожиданные забывания) выросли из анализа снов. Указанная книга лучше других позволяет понять психологию самого автора и способ его познания душевного мира людей. Фрейд претендовал на универсальность своей методологии. Он надеялся, что его теория о сопротивлении, вытеснении, цензуре, сублимации и прочих вещах даст универсальный ключ ко всем тайнам психических проявлений. Центральным понятием его теории был сексуальный инстинкт, к которому он, как к локомотиву, цеплял все остальные психические реакции. «Толкование сновидений» самое значительное произведение Фрейда из всех когда-либо написанных им; оно состоит из четверти миллиона слов.

Психоанализ появился сразу же после того, как Фрейд перешел от гипноза к методу свободных ассоциаций, сущность которого заключается в следующем. Пациент пересказывает мысли и образы, которые пришли ему в голову, без внутренней цензуры и без особого напряжения со стороны интеллекта – памяти, логики и внимания. Этот прием широко используется, в частности, при вспоминании забытых сновидений. Но в сновидениях, по утверждению Фрейда, вся информация представлена в виде символов, которые надо еще уметь расшифровать. В очерке «Об истории психоаналитического движения» он пишет, что

«символика сновидений оказалась почти последним достижением в моем понимании сновидения, поскольку ассоциации мало что дают для объяснения символов. Поскольку я придерживался привычки всегда изучать сначала сами явления, прежде всяких справок о них в книгах, то я смог установить символику сновидения гораздо раньше, чем нашел указания на этот счет в сочинениях Шернера. Я оценил в полном объеме это средство выражения сновидения лишь позже, отчасти под влиянием исследований Штекеля, сначала заслуженного в психоанализе работника, а затем проявившего небрежность. Тесная связь между психоаналитическим толкованием сновидений и некогда столь высокоценимым в античном мире искусством снотолкования стала мне ясна только много лет спустя. Самую оригинальную и значительную часть моей теории сновидений, объяснение видоизменения сновидения внутренним конфликтом, своего рода внутренней неискренностью, я позже встретил у одного автора, которому была чужда медицина, но не философия – у инженера Поппера, опубликовавшего под именем Линкеуза «Фантазии одного реалиста»».

В письме к Флиссу от 10 марта 1898 г. Фрейд «набросал» теорию толкования сновидений. Сначала она не должна была выходить за рамки «предположений», однако впоследствии эта теория сделалась фундаментом толкования сновидений.

«Мне кажется, – пишет Фрейд, – что теория исполнения желаний дает нам лишь психологическое решение, но не биологическое – или, лучше сказать, метапсихологическое решение. (Я хотел бы серьезно спросить у тебя, можно ли пользоваться термином «метапсихология» для моей психологии, поле деятельности которой лежит за пределами сознания.) Мне кажется, что биологически жизнь в сновидениях целиком проистекает от остатков доисторического периода (возраста от одного до трех лет), то есть того же периода, который является источником бессознательного, и

единственного периода, который содержит в себе этиологию психоневрозов; это тот период, относительно которого обычно существует амнезия, аналогичная амнезии при истерии. Я предполагаю следующую формулу: то, что виделось в этот доисторический период, дает начало сновидениям; то, что слышалось, – фантазиям; а то, что сексуально переживалось, – психоневрозам. Повторение того, что переживалось в этот период, представляет само по себе исполнение желания. Свежее желание может вызвать сновидение лишь тогда, когда оно может стать связано с материалом из этого доисторического периода, когда оно само по себе является дериватом доисторического желания или уподобляется ему».

Письма Фрейда к своему другу Вильгельму Флиссу (1858–1928) позволяют получить представление об этапах работы над книгой. Основу ее текста составляют сновидения самого автора: в книге приведено свыше 40 его сновидений и толкований к ним. Джонс буквально по месяцам проследил написание книги.

«Первый намек на мысль о написании книги, посвященной анализу сновидений, – *пишет биограф*, – мы встречаем в его письме от 16 мая 1897 г., то есть за несколько месяцев до того, как но-настоящему начался его самоанализ, но когда Фрейд определенно находился под влиянием тех мотивов, которые привели его к написанию данной книги». «В письме от 7 июля 1897 г., в тот месяц, в который он начал свой самоанализ, Фрейд говорит о своем видении глубинных проблем сновидений, включая законы их развития, как разработанные им лучше всех остальных, тогда как все другие массы загадок ждут своего разрешения». 14 августа 1897 г. Фрейд писал Флиссу: «Главный пациент, который меня занимает, – это я сам». «Касаясь несостоятельности своей теории свращения, в сентябре 1897 г. Фрейд упоминает о том, что от нее уцелело». «В письме от 15 октября 1897 г. ...Фрейд заявляет о двух элементах эдипова комплекса: любви к одному из родителей и ревливой враждебности по отношению к другому». «5 ноября, когда его самоанализ был в разгаре, он сказал, что намеревается заставить себя написать книгу, работа над которой явилась бы выходом из плохого настроения». «К 9 февраля 1898 г., времени следующего упоминания этой темы, Фрейд с головой ушел в написание книги и, вероятно, занимался этой работой в течение двух месяцев». «К 23 февраля 1898 г. были написаны уже несколько глав, и работа над книгой «кажется мне многообещающей». «К 5 марта закончен целый раздел его книги, «без сомнения лучше остальных составленная часть». «24 мая он сообщает, что третий раздел его книги, о конструкции сновидений, закончен, но после этого Фрейд на некоторое время откладывает работу из-за своего побуждения набросать краткое эссе по общей психологии».

Следует также заметить, что в течение 1898 г. появляются наброски еще двух книг Фрейда: «Психология обыденной жизни» (1901) и «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905). Далее Джонс продолжает:

«В письме от 19 февраля 1899 г. он пытается провести различие между природой сновидений и природой истерических симптомов, которые являются скрытым выражением осуществленных желаний». «28 мая «без какой-либо особой причины» у Фрейда возникает непреодолимое желание продолжить работу над книгой о сновидениях». В письме от 27 июня 1899 г. «он обнаруживает, что последняя глава этой книги всё более разрастается и не является ни хорошей, ни плодотворной, но он обязан ее написать. На следующий день, однако, первая глава посылается в печать».

Целиком «книга была закончена к сентябрю 1899 г.». Но поскольку в издательство она сдавалась по частям, то выход ее произошел без каких-либо задержек 4 ноября 1899 г. Правда, издатель, видимо, из коммерческих соображений (так поступают и нынешние издатели), на обложке указал дату следующего года. Добавим также, что 14 октября 1900 г. начинается психический анализ Доры; он длится до празднования Нового 1901 года. Однако 1 апреля 1902 г. Дора обратилась к Фрейду вновь. «История болезни Доры» выходит в 1905 г. под названием «Фрагмент анализа одного случая истерии», а последний эпизод с ней освещен в «Послесловии» к «Фрагменту».

Скептик: Извините меня, уважаемый Удод, я хотел бы Вас ненадолго прервать. Это хорошо, что Вы привели в деталях ход написания книги. А теперь сравните, что по этому поводу писал Фрейд в 1914 г. в очерке «Об истории психоаналитического движения». Он пишет:

«Мои статьи, для которых я тоже с некоторым трудом нашел приют, должны были содержать гораздо меньше того, что я знал, опубликование их могло быть отложено на сколь угодно долгий срок, потому что мне приходилось защищать свой спорный приоритет. «Толкование сновидений», например, было готово во всем существенном в начале 1896-го, а напечатано только летом 1899

года. Лечение Доры было закончено к концу 1899 года, ее история болезни написана в течение ближайших двух недель, а опубликована только в 1905-м».

Это – весьма показательный пример того, как Фрейд искажает факты. Записывая данные строки, он не мог знать, что биографы и историки восстановят истинную картину событий по его письмам к Флиссу.

Удод: Действительно, получилось любопытное сравнение. Хочу напомнить, что дружба с Флиссом длилась с 1887 по 1902 г. Мне, уважаемый Скептик, совершенно непонятно, почему биограф Зигмунда Фрейда – Эрнест Джонс – так неуважительно отнесся к Флиссу. В начале главы 13 он пишет:

«Для мужчины средних лет [речь идет о Фрейде], женатого по любви и имеющего шестерых детей, дружба с человеком [здесь подразумевается Флисс], стоящим на более низком уровне, и подчинение нескольких лет своих суждений и мнений взглядам этого человека кажутся странным. Но что более всего удивляет, так это то, что ради этого человека Фрейд взялся за исследование своего бессознательного разума – это действительно в высшей степени необыкновенно».

Дело в том, что Фрейд настолько крепко привязывался к своим друзьям, что его дружба переходила в настоящую любовь. Так было с Эрнстом Флейшлем, так будет с Карлом Юнгом, такое произошло и сейчас с Вильгельмом Флиссом. Как известно, Фрейд не мог прожить и дня, чтобы не исписать хотя бы страницы. Мысли, переполнявшие его беспокойную голову, должны были лечь на бумагу, а затем, непременно, кому-то даны для прочтения. После нескольких провалов своих научных трудов Фрейд излагал свои идеи в письмах к Флиссу – единственному в то время другу, который его понимал.

«Я не могу ничего писать, – объяснял он Флиссу, – если у меня вообще нет аудитории, но я вполне согласен писать лишь для тебя одного». Из другого письма: «Существа, подобные тебе, ни в коем случае не должны исчезнуть. Нам, всем остальным, очень не хватает людей твоего типа. Я не знаю, как мне благодарить тебя за то сочувствие, то понимание и ту поддержку, что ты оказываешь мне в моем одиночестве; с твоей помощью я открыл для себя смысл существования».

Это написано 40-летним мужчиной. А вот строки из письма 16-летнего юноши к другу детства Флюсу:

«Я буду писать тебе голую правду, но только тебе одному; надеюсь, что никто посторонний не сможет прочесть эти строки. Если же такое все-таки случится и ты не сможешь этому помешать, ничего не говори мне об этом, иначе ты будешь получать от меня лишь обтекаемые фразы, из которых ничего не сможешь почерпнуть».

Как видим, Фрейд почти не изменился; у него было, можно сказать, патологическое желание письменно высказаться близкому другу.

Скептик: В связи с этим позвольте мне, уважаемый Удод, привести некоторые ошеломляющие цифры, свидетельствующие о любви Фрейда к письменному слову. До женитьбы Фрейд интенсивно переписывался со своей невестой Мартой, которая в течение 4,5 лет жила отдельно, с матерью в Вандсбеке (пригород Гамбурга). Обычно его письма к ней умещались на 3–4 листах, иногда на 10–12, а однажды на 22 листах. Эти эпистолы он отправлял почти ежедневно, но бывало и три раза в день. Переписка Зигмунда с невестой, а потом и женой составляет полторы тысячи писем. Эпистолярное наследие Фрейда насчитывает около 10 тыс. писем. Из них 2,5 тыс. адресованы членам семьи, 2 тыс. – поверенному в его делах Шандору Ференцу, остальные письма – его друзьям, знакомым и официальным лицам. Например, 1347 писем составляет переписка Фрейда с Эрнестом Джонсом, 492 письма – переписка Фрейда (220) с Карлом Абрахамом (272), около 300 писем – переписка Фрейда (100) с Лу Андреас-Саломе (200), 284 письма – переписка с Вильгельмом Флиссом (сохранились только письма Фрейда), 164 письма – переписка с Юнгом, 134 письма – переписка с Пфистером, 90 писем – переписка Фрейда (40) с Блейлером (50) и т.д. Большинство писем сейчас опубликованы, многие из них подверглись «редактированию». Так, из переписки Фрейда и Абрахама опубликовано только 367 писем, из них 121 послание Абрахама и 81 Фрейда изданы в сокращенном виде. Анна Фрейд предоставила Джонсу для написания биографии ее отца все письма, циркуляры, дневники, протоколы заседаний Венского психоаналитического общества, которыми располагала. Джонс – единст-

венный человек, пользовавшийся неограниченным правом читать документы. Сегодняшние наследники Зигмунда Фрейда существенно ограничили доступ к его архиву. Секретность многих письменных документов, хранящихся в Библиотеке Конгресса (США), установлена до 2100 г. Скрываются, конечно, отнюдь не научные истины, а какие-то его неприглядные поступки, за которые нынешние родственники испытывают чувство неловкости. Но прошу Вас, уважаемый Удод, продолжите свой рассказ.

Удод: Джонс, безусловно, прав, когда сказал, что «Толкование сновидений», по существу, является исповедью Фрейда перед Флиссом. От избыточного потребления кокаина и неудач в науке Фрейд испытывал частые и глубокие депрессии. Флисс, не зная о пагубных свойствах кокаина, просил Фрейда чаще его принимать, чтобы не впасть в депрессию, источником которой он считал никотин. Поэтому он советовал Фрейду бросить курить или хотя бы выкуривать в день не по 20 сигар, как это было, а 2–3. Фрейд пытался следовать этому совету, но у него ничего не выходило, зато другой совет – увеличить дозу коки – он выполнял легко.

Флисс просил Фрейда чаще писать и сообщать ему о своем душевном и телесном самочувствии. Дело в том, что Флисс разработал теорию биологических ритмов и всю свою жизнь искал ее подтверждение. Его теория проистекала из двух фактов: во-первых, цикличности менструаций и, во-вторых, из связи между состоянием слизистой оболочки носа и функционированием гениталий: *«нос часто разбухает во время генитального возбуждения или в период менструации»*. Джонс разъясняет:

«Первая публикация Флисса, в 1897 г., сообщала о новом синдроме, которому он дал название «назальный рефлекторный невроз». Он включал в себя головную боль, невралгические боли широкого радиуса действия – от кардиальной до поясничной области, от рук до живота – и расстройства внутренних органов, кровообращения, дыхания и пищеварения – очень обширная сеть. Особенность этого синдрома состояла в том, что все его проявления могли быть ослаблены определенной дозой кокаина, употребляемого через нос. Его причина была либо органической (последствия инфекции и т.д.), либо функциональной (вазомоторные расстройства сексуального происхождения). Последняя находилась в русле собственных исследований Фрейда, в особенности потому, что синдром Флисса имел самое явное сходство с неврастенией, одним из «актуальных неврозов» Фрейда».

Флисс, как и Фрейд, свято верил в нумерологию. За основу разработанной им нумерологической науки он взял два числа: женское число 28 (менструальный период) и мужское число 23 (период между концом предыдущего менструального цикла и началом следующего). Комбинируя эти числа, Флисс определял всевозможные биологические циклы, в частности, возникающие у человека сексуальные желания. Фрейд также поддерживал веру Флисса относительно связи между состояниями носа и гениталий. Он даже позволил Флиссу сделать хирургическую операцию на нос одной своей пациентке, после чего та чуть было не умерла. Дело было так.

В начале 1895 г. у Фрейда проходила терапевтический курс лечения анархистка Эмма Бенн («Красная Эмма»), родом из России, но проживавшая в Соединенных Штатах. Бенн страдала галлюцинациями и многими соматическими расстройствами, которые тогда диагностировали как истерию. В австрийском враче она признала «революционера»; она рассказала ему, что первые ее месячные сопровождалась кровотечениями из носа. Однажды во время ψ-анализа она пожаловалась на воспаление лобных пазух. Флисс, специально приехавший из Берлина в Вену, осмотрел ее и пришел к выводу, что у нее слишком сужены дыхательные пути: требуется хирургическое вмешательство.

«Операция прошла успешно, – пишет Стоун. – Флисс возвратился в Берлин. Эмму забрали домой. На следующий день, когда Зигмунд вошел в ее спальню, он почувствовал дурной запах. Осмотрев ее нос, он увидел дрожание слизистой. Из-за острой боли она не спала всю ночь. Он дал ей болеутоляющее. На следующий день вышел осколок кости и началось кровотечение. Через день Зигмунд не смог промыть носовой канал. Он понял, что Эмма в опасности. Пригласил доктора Герзуни, тот прибыл немедленно. Специалист по болезням носа, сделав упор на недостаточном дренаже, вставил резиновую трубку и сказал Зигмунду, что придется вновь ломать кость, если трубка не удержится. Воздух был насыщен зловонием.

На следующий день рано утром Зигмунда разбудили сообщением, что у Эммы сильное кровотечение. Доктор Герзуни смог прийти только вечером. Зигмунд попросил отоларинголога доктора Рекеля посетить Эмму. К приходу Рекеля кровь шла у Эммы не только из носа, но и изо рта. Запах в комнате был нестерпимым. Доктор Рекель прочистил нос, извлек спекшиеся сгустки и

тампон, затем внимательно уставился на что-то, повернулся к Зигмунду и спросил: «Что это?» Зигмунд посмотрел и ответил: «Не знаю. Что это может быть?» – «Нить. Взгляну, в чем дело». Он взялся за конец нити и потянул. Он тянул... тянул... и тянул до тех пор, пока не вытащил почти полметра марли, оставленной доктором Флиссом после операции в носовой пазухе Эммы. Поток крови буквально вырвался из Эммы; она пожелтела, затем побелела, глаза вылезли из орбит. Зигмунд тронул пульс: он едва прощупывался. Над Эммой нависла смертельная опасность. Доктор Рекель действовал быстро, вложил в пазуху смоченную раствором йода марлю. Кровотечение остановилось».

Как Вам этот случай?

Скептик: Случай ужасный. Конечно же, Эмма не нуждалась ни в какой операции. Из-за своего дремучего невежества Флисс и Фрейд чуть было не отправили бедную анархистку на тот свет. Кстати, Флисс дважды оперировал и нос Фрейда, после чего назначал ему кокаин.

«Однако, – замечает Джонс, – в течение длительного времени Фрейд мучился от рецидивов скопления гноя в полостях носа, сначала в одной, затем в другой. Естественно, предпринимались отчаянные попытки объяснить эти различные приступы и обострения с точки зрения действия периодических законов».

Не только сходный интеллектуальный уровень, вера в кокаин, сексуальный фактор и нумерологию объединяли этих двух людей; образ жизни и стиль поведения у них тоже были одинаковыми. Флисс, как и Фрейд, был чрезвычайно самоуверенным человеком, причем как раз в тех вопросах, в которых он меньше всего разбирался. Как и Фрейд, он был готов из единичного случая раздуть всемирный закон. Оба плохо чувствовали и плохо понимали конкретные вещи, но любили порассуждать на глобальные темы, разом охватывающие физическую, психологическую и социально-культурную сферы. Научный уровень, на котором они общались, можно охарактеризовать как пафосный инфантилизм. Чтобы стало понятно, что я под этим понимаю, приведу короткий отрывок из письма Фрейда:

«Вчера до меня дошли приятные новости, что загадки мира и жизни начинают поддаваться разгадке, о чем раньше нельзя было даже помыслить. Я уверен, что знание о том, окажется ли дорога к конечной цели, для достижения которой ты решил использовать математические построения, короткой или длинной, для тебя открытой».

Эта тональность еще уместна в разговоре 17-летних юношей, но не ученых мужей, которым за сорок. Подобное пустословие часто можно услышать также в разговорах философов, рассуждающих о проблемах естествознания, но не серьезных естествоиспытателей. Одно время Фрейд и Флисс собирались совместно написать книгу, но потом эти планы расстроились и каждый пошел своим путем.

Флисс доминировал над Фрейдом.

«Лишь в одном отношении я лучше тебя, – пишет Фрейд. – То, что я тебе рассказываю о предмете моего исследования, душе, находит в тебе понимающего критика, в то время как рассказ о твоём конечном предмете исследования, звездах, возбуждает во мне лишь чистейшее изумление». Фрейд считал своего друга «человеком высшего интеллекта, непогрешимого критического суждения и получившего основательное физическое и математическое образование».

Фрейд посылал ему письма и просил оценить изложенные в них идеи. Им принимались почти все замечания и предложения Флисса.

«Флисс действовал как цензор, – пишет Джонс. – И в качестве цензора кроме своей основной деятельности по вычеркиванию того, что вызвало у него сомнения или возражения, он выполнял важную функцию, молчаливо санкционируя то, чему он разрешил проходить».

Таким образом, книга «Толкование сновидений» имеет тот вид, который она имеет, только потому, что этого желал Флисс. Без него, скорее всего, книга вообще бы не вышла, так как именно он контролировал самоанализ Фрейда. Сильно заблуждаются те, кто говорит, будто Фрейд провел самоанализ своих снов, побывав одновременно в шкуре и пациента, и врача. В действительности Фрейд выступал преимущественно в качестве пациента перед врачом Флиссом.

В 1908 г. Фрейд произвел вторую большую чистку своего рукописного архива и уничтожил все письма Флисса, адресованные к нему. Однако его письма к Флиссу в 1937 г. были выкуплены Марией Бонапарт у вдовы Флисса и в 1950 г. частично опубликованы. В 1985 г. в Лондоне под редакцией Дж.М. Массона выходит перевод на английский язык всех 284 писем Фрейда к Флиссу. Несмотря на то, что издатель пользовался полным доверием «Семьи», выдержав жесткий психоанализ (тест на преданность), он навлек на себя недовольство и был уволен из Архива Фрейда. Его увольнение произошло после того, как Массон предложил свою версию того, почему основатель психоанализа отказался от тезиса о совращении детей их родителями. Эта вольность вкупе с намерением Массона опубликовать всё эпистолярное наследие Фрейда вызвало бурю негодования в стане ортодоксов психоанализа и хранителей фрейдовских тайн. Несчастного издателя обвинили во всех смертных грехах, особенно его задела публикация Жанет Малкольм. За «клевету» в свой адрес он подал жалобу в Верховный суд США, который, рассмотрев в 1991г. дело по существу, решил не вмешиваться в «семейную склоку». Судья сказал, что Малкольм сделала ложное заявление, но не клеветническое. Именно после этого инцидента «Семья» постановила, что наиболее важные документы не могут быть открыты публике ранее 2100 г.

Из писем Флисса, опубликованных Массоном, стало известно о многих нестыковках. В частности, обнаружилось несоответствие в истории написания книги «Толкование сновидений». Фрейд в 1914 г. пожаловался на чинимые ему препятствия в деле публикации книг, чего на самом деле не было. Если и была какая-то задержка в публикации книг, то она была вызвана либо самим Фрейдом, либо вполне понятной причиной: его книги плохо расходились. «Толкование сновидений» была напечатана тиражом в 600 экземпляров и первоначально не имела никакого успеха: за два года была распродана только треть этого тиража, а весь тираж – за 8 лет. Такой низкий покупательный спрос был характерен для всех книг Фрейда, вышедших до наступления его звездного часа. Об «Афазии» уже говорилось выше; остается добавить, что за 13 лет разошлось лишь 626 экземпляров «Исследования истерии», которые в 1895 г. вышли тиражом в 800 экземпляров.

Итак, при чтении книги «Толкование сновидений» мы ни на минуту не должны забывать о Флиссе, тень которого постоянно нависала над Фрейдом. Мы должны также учитывать то обстоятельство, что книга писалась во время интенсивного потребления кокаина, который сильнейшим образом деморализовал психику Фрейда, непрерывно пробуждая сексуальные фантазии. Надо помнить и об алкоголе, когда автор, впадая в депрессию, *«не мог прожить больше двух часов в день, не прибегнув к помощи друга Марсалы»*. Но, пожалуй, главное, о чем нельзя забывать, так это о самом методе свободных ассоциаций. В современных учебниках по психологии и психиатрии никогда не рассказывается подлинная история возникновения метода, благодаря которому существует психоанализ. Между тем в официальной биографии Джонса на этот счет имеются вполне однозначные указания. Они сообщают свободным ассоциациям их истинную сущность, без которой этот метод просто не мыслим. Джонс пишет:

«Когда Фрейд принял на веру действенность метода свободных ассоциаций, он руководствовался в этом, по его словам, «неясной интуицией». Теперь у нас есть ключ к разгадке источника такой интересной интуиции.

Случилось так, что один автор по имени Людвиг Бёрне в 1823 г. написал статью с захватывающим вниманием заголовком «Искусство в три дня стать оригинальным писателем». Она заканчивалась следующими словами: *«Отсюда вытекает практическое правило. Возьмите несколько листов бумаги и в течение трех дней записывайте на них всё, что придет вам в голову. Пишите всё, что вы думаете о самих себе, о ваших успехах, о турецкой войне, о Гете, об уголовном процессе и его судьбах, о ваших начальниках, – и через три дня вы изумитесь, как много кроется в вас совершенно новых, неведомых вам идей. В этом и заключается искусство в три дня стать оригинальным писателем»*. Фрейд говорил, что Бёрне был одним из его любимых писателей, захвативших его внимание. Когда Фрейду было 14 лет, ему подарили собрание сочинений этого писателя, и только эти книги сохранились у него от юношеских лет. Полвека спустя Фрейд вспоминал многие места из этой работы. Вероятно, это поразительное высказывание Бёрне отложилось в голове Фрейда и спустя 20 лет сыграло свою роль в решении Фрейда не ограничивать «свободную игру мыслей» своих пациентов».

Вы, уважаемый Удод, прекрасно понимаете, что очень легко переступить черту, если «свободную игру мыслей своих пациентов» заменить «свободной игрой собственных мыслей». Это фактически и происходило с Фрейдом: как выразился Флисс, психотерапевт просто

«вкладывал свои мысли в головы своих пациентов». Когда Фрейд был в Париже, он специально посетил кладбище Пер-Лашез, чтобы возложить пышный букет цветов на могилу Людвиг Бёрне, которому он обязан величием гениального ученого, баснословным богатством и всемирной славой – всё это к нему потом пришло благодаря предложенному Берне методу свободных ассоциаций. Данный литературный прием лежит в основе всех научных и ненаучных сочинений Фрейда. Это несложно понять, когда изучаешь написанные им тексты. Известно, что в рабочем кабинете Фрейда стояло два больших письменных стола, где в соответствии с рекомендациями Бёрне, находились стопки чистой бумаги. В выдвижных ящиках этих столов хранились неоконченные рукописи сразу нескольких книг и статей. В часы вдохновения, которые нередко посещали Фрейда после приема кокаиновой дозы, он бегал от одного стола к другому и записывал всё, что приходило ему в голову. Иногда это была только одна фраза или абзац, иногда несколько страниц убористого текста. Писал он часто урывками – подбегал к столу, словно художник к мольберту, делал несколько решительных «мазков» и затем выбегал из кабинета.

О манере Фрейда писать нужно сказать особо. Почерк у него был ужасный, очень неразборчивый, размашистый, косой, сильно напоминающий почерк Ленина. Эксперт по почеркам Рихард Покорны, автор книги «Психология почерка» (1967), интерпретировал письмо Фрейда как «*проявление образно-созерцательного, но не понятного-рационального мышления*». Судя по почерку, писал Покорны, «*образ его мышления является не рациональным, но интуитивным; процесс мышления – не индуктивным, но дедуктивным; исходным пунктом является гипотеза, но не отдельное наблюдение как таковое*». Между прочим, неплохая характеристика фрейдовского стиля мышления, с ней можно было бы и согласиться. Но иногда недобросовестные почерковеды льстили Фрейду и выдавали тот психологический портрет, которого он от них ждал, например, такой:

«Это человек с большим воображением, но не фантазер, он обладает хорошей интуицией и очень точно определяет сильные и слабые стороны человека. Хорошо развитая наблюдательность вкупе со способностью логически увязывать любой символ с реальной жизнью позволяет ему подмечать едва уловимые связи между отдельными элементами и устанавливать их воздействие друг на друга. Он не производит впечатления сентиментального человека, энергичен, объективен и мыслит, как человек, увлеченный своим делом. Его не заботит общественное мнение. Он фанатик Истины, и ему не требуется одобрение со стороны».

Эта благоприятная характеристика, размещенная в одном из модных журналов, похожа на обыкновенную рекламу экстрасенса, который берется снять порчу и найти верную подругу жизни. По существу, Фрейд выступал именно в таком амплуа. Печальнее всего то, что эти фальшивые характеристики затем перекочевывали в биографические справки о нем. Так создавался образ великого лекаря душ, чей «научный» метод, по мнению авторов многочисленных энциклопедий и медицинских справочников, не должен вызывать сомнения.

«Толкование сновидений», являясь образцом иррационального мышления, состоит из множества придуманных кусков-сновидений фантазмагорического содержания, набросанных самым произвольным образом по методу Берне. Далее Фрейд соединял разрозненные фрагменты многочисленными дедуктивными связями. Логика в них нет никакой, но автор без доли сомнения уверенно доказывал, что «из *A* следует *B*». Доверчивый читатель, поверивший в «рациональность мышления» автора, действительно думал, что «из *A* следует *B*», хотя ничего подобного в действительности не было и быть не могло. Нельзя без улыбки читать глубокомысленные рассуждения Руткевича, когда он принимается анализировать стиль мышления Фрейда. Чтобы разобраться в хитросплетениях фрейдовского текста, он ссылается на «элиминационную индукцию» Ф. Бэкона и Дж.Ст. Милля. Между тем отгадка очень проста: весь текст от начала и до конца придуман Фрейдом по замечательному методу свободных ассоциаций. Приведем содержание и истолкование двух типичных сновидений, которых в «Толковании сновидений» огромное множество. Перед их изложением Фрейд вопрошает:

«Кто до толкования [т.е. до его выдающегося «научного» открытия] мог бы предугадать наличие сексуального влечения в следующем сновидении? Субъект сообщает: «Между двумя дворцами стоит маленький домик; ворота его на запоре. Жена ведет меня по улице, подводит к домику, толкает дверь, и я быстро вхожу во двор, несколько поднимающийся в гору». Кто имеет известную опытность в толковании сновидений, – комментирует Фрейд, – тот сейчас же увидит в проникновении в тесные помещения и в открывании запретных дверей наиболее употребительную сексуальную символику и с легкостью истолкует это сновидение как изображение попытки *coitus'a a*

posteriori [сноска издателя: половой акт сзади]. Узкий двор, подымающийся в гору, несомненно, влагалище; помощь, оказываемая женой в сновидении, указывает на то, что в действительности лишь уважение к жене послужило препятствием к осуществлению такой попытки; полученная справка говорит, что накануне сновидения в дом спящего поступила молодая служанка, произведшая на него благоприятное впечатление и вызвавшая в нем мысль, что она, наверное, не отклонила бы такого предложения. Маленький дом между двумя дворцами взят из воспоминаний о Праге и тоже в свою очередь указывает на служанку, которая родом именно из этого города».

Воспроизведем второе сновидение вместе с объяснениями Фрейда (они приведены в квадратных скобках):

«Кто-то забрался в дом, и она в страхе позвала сторожа. Но тот мирно отправился вместе с громилами в церковь [влагалище], к которой вели несколько ступеней [символ коитуса]; позади церкви была гора [лобок], а наверху густой лес [растительность на лобке]. На стороже был шлем и ряса [демоны в рясах, по словам специалистов, носят всегда фаллический характер]; у него большая рыжая борода. На громилах, мирно шедших с ним, были длинные мешкообразные фартуки [две части мошонки]. Из церкви в гору вела дорога. Последняя с обеих сторон поросла травой и кустарником, который становился всё гуще и на вершине горы переходил в дремучий лес».

Помнится, в одном из разговоров с Юнгом Фрейд как-то обронил: *«Я просто не могу демонстрировать большей наготы перед читателем»*. При чтении подобных сновидений и комментариев к ним у этого самого читателя тут же возникает вопрос: что ж такого мог оставить Фрейд за пределами «Толкования сновидений»?

Разумеется, в приведенных толкованиях нет никакой науки. Перед нами плод сексуальной фантазии самого автора, которая случайным образом проецируется им на самые обычные сюжеты, в то время как в них и намек нет на сексуальное содержание. Проецированием как неким эпистемологическим приемом пользуются все малообразованные люди (шаманы, знахари, маги и мистики), когда пытаются подо что-то подвести теоретическую базу. Этой примитивной, но широко распространенной методикой пользовались и древние оракулы, трактующие случайно возникающие символы, и мифотворцы эпохи античности, и хироманты, алхимики, астрологи Средневековья. Система проекций, принятая Фрейдом, крайне произвольна. Она не имеет никаких вероятностных характеристик, т.е. статистического измерения, и, по сути, ничем не отличается от тех систем проекций, которыми пользуются обыкновенные шарлатаны и гадалки, ворожащие на картах и других предметах. Об этом можно судить по расшифровке символов, которую привел Фрейд в своей книге. По мнению психоаналитика, мужские половые органы обычно символизируются лицами, а женские – ландшафтами. Приведем его расшифровку символики снов:

«... Король и королева изображают большей частью родителей спящего; принц или принцесса – его самого. Все продолговатые предметы, палки, трости, деревья, зонты (аналогия с эрекцией!), все длинные и острые орудия: ножи, кинжалы, пики служат для изображения мужского полового органа. Употребительным, хотя и малопонятным символом его служит пилка для ногтей. Коробки, жестянки, ящики, шкафы, печки соответствуют половой области женщины. Комнаты в сновидениях по большей части – женщины (по-немецки созвучие: *Zimmer* и *Frauenzimmer*). Определения «закрытые» или «открытые», очевидно, относятся сюда же. Сновидение, в котором спящий спасается через анфиладу комнат, изображает публичный дом. Лестницы, подъем по ним и сходжение – символическое изображение коитуса. Голые стены, по которым карабкается спящий, фасады домов, с которых он зачастую со страхом спускается, соответствуют телу человека в стоячем положении и воспроизводят в сновидении, по всей вероятности, карабканье детей по телу родителей. «Гладкие» стены – мужчины; за «выступы» домов спящий нередко цепляется. Столы – по большей части женщины; по всей вероятности, вследствие контраста их ровной поверхности с рельефностью женского тела. Так как стол и постель – необходимые атрибуты брака, то в сновидении первый нередко заменяет вторую и переносит иногда комплекс сексуальных представлений на комплекс «еды». Из предметов одежды женская шляпа изображает почти всегда половые органы мужчины. В сновидениях мужчин галстук служит зачастую символом пениса, не только потому, что он имеет продолговатую форму, «свешивается!» и служит характерным атрибутом мужчин, но и потому, что галстук можно выбрать себе любой, по желанию. Лица, пользующиеся этим символом в сновидении, имеют обычно целую коллекцию галстуков и очень часто их меняют. Все сложные машины и аппараты в сновидениях – большей частью половые органы, в изображении которых символика сновидений вообще чрезвычайно изобретательна. В равной мере сюда же следует отнести многие ландшафты, особенно такие, где имеются мосты или

горы, поросшие лесом. Наконец, различные непонятные новые словообразования могут оказаться соединением нескольких слов, относящихся к половой жизни. Возня с маленьким ребенком, физическое наказание его служат обычно изображением акта онанизма».

Усвоив эти соответствия, Вы, уважаемый Удод, становитесь просвещенным фрейдистом. Предлагаем Вам сдать небольшой экзамен на усвоение и закрепление словаря символов. С этой целью попытайтесь истолковать сновидение некоего молодого человека, в котором наш учитель Фрейд сам выделил курсивом ключевые слова, которые необходимо интерпретировать как половые органы или половой акт. Вот содержание этого сновидения:

«Он идет с отцом по улице, напоминающей Пратер, там большая эстрада с небольшим выступом; к последнему привязан воздушный шар, слабо, однако, надутый. Отец спрашивает его: «К чему это всё?» Он удивляется, но объясняет ему. Далее он входит в какой-то двор; на земле лежит большой лист жести. Отец хочет оторвать себе большой кусок, но предварительно оглядывается, нет ли кого-нибудь. Он говорит ему, что нужно сказать только сторожу, тогда можно взять сколько угодно. На этом дворе лестница ведет вниз в шахту, стены которой обиты мягким, всё равно как спинка кресла. В конце этой шахты продолговатая платформа, а за ней еще шахта».

Если бы это были только медицинские подробности, то их можно было бы еще как-то пережить – мало ли с какими гадкими вещами приходится сталкиваться врачам-психиатрам. Но весь трагизм нынешней ситуации состоит в том, что мы имеем дело не просто с неприличными мыслями и низкими чувствами какого-то несчастного пациента, но и с откровенной фальсификацией, «научной» неправдой, в лучшем случае – с самообманом известнейшего врача, у которого явно наблюдались определенные отклонения на сексуальной почве. Скорее всего, Фрейд просто придумал процитированный сюжет сна. Однако неиспорченного в моральном отношении человека, здесь возмущает еще и вот что. Почему уже более ста лет эта «глубинная психиатрия», созданная не вполне здоровым человеком, торжествует в престижных университетах и медицинских заведениях? Возможно, причиной подобных сновидений – если предположить, что Фрейд их в действительности видел, – была кокаиновая интоксикация. В любом случае, данный сновидец не может выступать в качестве образцового врача-психотерапевта, поскольку сам нуждается в неотложной психиатрической помощи. Однако вместо того, чтобы оказать ему эту медицинскую помощь, окружающая Фрейда экзальтированная публика стала распространять его бредовые идеи по всему свету и превозносить имя автора до небес.

Судите сами, уважаемый Удод, какой нормальный человек примет разъяснение такого символа:

««Я иду летом гулять по улице, – рассказывает молодая женщина своему врачу-спасителю. – На мне шляпа странной формы: туля выгнута вверх, а поля свешиваются вниз, причем одна сторона ниже другой. Я в хорошем, веселом настроении. Встретив нескольких молодых офицеров, я думаю: «Вы мне ничего не можете сделать». Так как она не может привести ни одной мысли, – поясняет Фрейд, – соответствующей представлению о шляпе в сновидении, то я говорю ей: «Шляпа, по всей вероятности, мужской половой орган с поднятой средней частью и двумя свешивающимися боковыми». Я умышленно уклоняюсь от истолкования детали относительно неравной длины обеих полей; хотя как раз такие подробности обычно и указывают путь к толкованию. Я продолжаю: если ее муж обладает, таким образом, хорошим половым органом, то ей нечего бояться офицеров, между тем как обычно, она, благодаря своей фобии, не решается выходить на улицу одна. Такое разъяснение страха я мог бы ей дать и раньше в связи с другим материалом. Чрезвычайно интересно, как пациентка встречает мое толкование. Она отрицает, что говорила, будто поля шляпы свешиваются вниз. Я, однако, хорошо помню ее слова и настаиваю на них. Она молчит и потом решается, наконец, спросить, что означает, если у ее мужа одно яичко ниже другого, и у всех ли мужчин это так. Тем самым разъясняется примечательная деталь приснившейся ей шляпы, и всё толкование охотно принимается ею. Шляпа как символ пениса была мне знакома задолго до сообщения этого сновидения. Из других менее прозрачных случаев я убедился, что шляпа может быть символом и женских половых органов».

Почему женская шляпка должна символизировать именно мужской половой орган? По словам самого Фрейда, пенис проецируется на продолговатые предметы, а все полости символизируют женские половые органы. Всякое возвратно-поступательное движение он интерпретирует как половой акт. Так, пилка для ногтей – это не столько символ фаллоса, сколько полового акта, поскольку обработка ногтей с ее помощью напоминает известное движение.

Теперь, бросим взгляд вокруг себя, что мы видим? – Карандаш, ручка, свеча (о сломанной свече в книге имеется отдельный сюжет), вилка, ложка, банан, огурец, шило, отвертка, напильник, стамеска, свисающие с брелка ключи, свисающий с ветки кленовый листок – всё это мужские половые органы? Тогда то, что ими не является, очевидно, надо отнести к женским половым органам, а именно: персик, дыня, лампочка, пышная выпечка, ухо, пельмень. Все виды емкостей – чашка, кастрюля, шкаф, комната, туннель, шахта, дверной проем, колодец, щель в полу – тоже обладают женской атрибутикой. Шляпа, по логике психоаналитиков, должна попасть в последнюю группу, но для нее почему-то сделано исключение.

Вне всякого сомнения, Фрейд необходимо было отстранить от врачебной практики, как отстраняют гинеколога, для которого помощь людям совмещается с побочным интересом. Согласитесь, есть что-то ненормальное, когда человек в каждом окружающем его предмете видит половые органы. Сексуальная озабоченность, коллекционирование каких-либо предметов и прочие психологические зависимости к тяжелой патологии не относятся, но и к науке тоже. Они стоят в одном ряду с непомерным увлечением музыкой, игрой в шахматы, любовью к живописи, спорту, балету. По-видимому, Фрейд принадлежал к той категории людей, которых с детства и до глубокой старости волнует сексуальная тематика. В целом таких людей немного, но они сразу же делаются заметными для окружающих. Из огромного числа подростков один, страдающий подобной формой зависимости, ухитряется испачкать все стены и заборы в округе непристойными рисунками и надписями. Когда он взрослеет, то для своего окружения становится разносчиком пошлых анекдотов и порнографической продукции. Ничего такого за Фрейдом замечено не было, но не секрет, что психологами часто становятся именно те люди, которые не в состоянии разобраться со своими собственными проблемами. Это, кажется, его случай.

Кто же будет спорить, что некоторым людям иногда, а некоторым много чаще (здесь всё зависит от конкретного человека) снятся сексуальные сны, которые только и могут быть однозначно поняты с этих позиций. Но разве это повод для тех далеко идущих выводов, которые сделал Фрейд? Фактически в его толкованиях царит полный произвол, в частности, потому, что он придерживался того ложного мнения, которое было без обиняков высказано Вильгельмом Штекелем: *«Нет ни одного символа, который – поскольку это хоть отчасти позволяет фантазия – не мог бы быть применен и в мужском, и в женском значении!»* В первом издании книги «Толкование сновидений» тотального символизма еще не было. Но после знакомства со словарем тайных знамений этого интерпретатора Фрейд, спустя десять лет, решил обогатить свое сочинение герменевтической методикой отыскания фаллоса во всех без исключения окружающих нас предметах. Возможно, он сделал бы то же самое еще в первом издании, но поначалу это показалось ему слишком «ненаучным». Он боялся, что его высмеют за составление обыкновенного сонника для домохозяек.

Нормальные, занятые делом люди мало обращают внимание на сны и редко помнят их содержание. Сразу после пробуждения кое-что припомнить удастся, но словесное оформление сновидений почти наверняка становится их существенным искажением. К середине дня мы уже обычно ничего не помним, даже если при этом делаем над собой усилия хоть что-нибудь восстановить в своей памяти. Пациент приходит к психотерапевту, который просит его рассказать свой сон, приснившиеся два–три дня назад, а то и намного больше. О чем можно здесь помнить и что рассказывать? Понятно, что большая часть рассказанного будет откровенным вымыслом. Зная об этом, Фрейд нашел для себя беспроегрешный выход – тот самый основной психоаналитический прием, о котором уже не раз шла речь, – метод свободных ассоциаций. Теперь пациенту и не нужно было напрягать свою память; он мог нести любой вздор, который пришел ему в голову. Более того, чем меньше смысла в рассказах пациентов, тем больше радуется психоаналитик, поскольку ему кажется, что с ним говорит *Оно* – скрытое от всех, включая самих пациентов, подсознание. Это только сознание проявляется через рациональное мышление и последовательную дедукцию, а подсознание, или бессознательное, только-то и может действовать спонтанно, иррационально, нелогично.

Отныне у Фрейда было замечательное оправдание для пациентов и коллег, чтобы открыто использовать хитрый литературный прием Людвига Берне в психоаналитическом врачевании. Он поверил сам и убедил других, что спонтанные причуды, пришедшие случайным образом в голову, прямоком ведут к цели – истокам сексуальной травмы, полученной в детстве. Когда врача просили назвать главную идею психоанализа, он смело указывал на метод свободных ассоциаций, что было сущей правдой, поскольку этот спекулятивный прием представлял единственный канал для двустороннего обмена информацией между врачом и пациентом. Эта

методика, по существу, использовалась Фрейдом еще тогда, когда он вместе с Йозефом Брейером лечил истерию и невроз по методике катарсиса, пытаясь использовать гипноз. Но, как мы помним, гипнотизер из Фрейда получился неважный, поэтому он слегка изменил технологию внушения. Так в психоаналитической науке открылся широкий простор для беспрепятственного фантазирования, разрешенного не только врачу, но и пациенту. Свободная ассоциация, на которую Фрейд сделал ставку в 1895 г., казалось бы, позволяла в потоке более или менее связанной речи бодрствующего пациента отловить «больные» переживания. Врач просил своих пациентов лечь на кушетку, закрыть глаза и свободно проговаривать все мысли, мелькающие у них в голове, особенно, если эти мысли по какой-либо причине стыдно было озвучивать. Пауза или нерешительные колебания в рассказе пациента расценивались врачом как сопротивление, сигнализирующее о наличии психической травмы.

Но здесь возникал порочный круг, который был описан в 1937 г. самим Фрейдом в работе «Конструкции в анализе». Там он выказал обиду на коллегу, который сказал, что

«когда мы даем пациенту наши токования, то поступаем в соответствии с принципом: орел – я выиграл, решка – ты проиграл. То есть, когда он соглашается с нами – это хорошо, а если возражает – это является лишь знаком сопротивления, т.е. опять же устраивает нас. Таким образом, мы всегда оказываемся правы в отношении беспомощной бедной персоны, которую мы анализируем, независимо от того, как она относится к нашим предположениям. Действительно, «нет» нашего пациента, в общем-то, не приводит нас к отказу от нашего толкования как неверного. Такое разоблачение нашей техники, – пишет Фрейд, – с большой радостью приветствовалось противниками психоанализа».

Радости в этом противоречии немного, но все попытки автора статьи разорвать порочный круг успехом не увенчались. Главный аргумент Фрейда заключался в том, что лечение не состоит из одного сеанса, где диалог строится по принципу «да» – «нет». Серьезное лечение предполагает длительную поисковую работу, ведущуюся с обеих сторон. Психотерапевт путем проб и ошибок постепенно выстраивает для себя конструкцию психопатологии и предъявляет ее на суд пациента. В зависимости от его реакции, которая не сводится к односложным ответам, врач производит либо коррекцию, либо уточнение своей конструкции. Фрейд сравнивает работу психоаналитика с трудом археолога, реконструирующего давно разрушенное здание; только здание мертво, а он имеет дело с живым человеком, который реагирует на усилия психоаналитика. Он пишет:

«Мы ни в коем случае не должны пренебрегать знаками, которые появляются в реакциях пациента на сообщение какой-либо нашей конструкции. ...Мы не принимаем «нет» анализируемого пациента как вполне достоверное и не признаем «да» как малоубедительное. Но совершенно несправедливо обвинять нас в том, что мы во всех случаях перетолковываем выражения. В действительности всё это не так просто, решение дается нам нелегко».

Здесь мы имеем дело с типичной ошибкой, которая возникает тогда, когда пытаются решить логическое противоречие методом поджога дымовых шашек и ухода под прикрытием густого дыма от четко поставленного вопроса. Фрейд думает, что если дело представить в расплывчатой форме, то проблема сама собой рассосется. Но нет, если вопрос звучит прямо, надо и отвечать на него соответствующим образом. Завуалированные формы приводят только к спекуляциям с последующим обострением противоречия. Весь расчет Фрейда строится на том, что сопротивление пациента, не мытьем так катаньем, будет сломлено, и он согласится с версией врача. Здесь, собственно, снимается острота проблемы. Но когда сопротивление будет действительно железобетонной стеной, ситуация окажется тупиковой и даже комической. В самом деле, если бы с пациента не брали платы, то, наверняка, нашлись бы такие «психи», желающие разыграть своих спасителей: они рассказывали бы заведомую чушь, а врач с серьезным видом комментировал бы ее; смотреть на этот двойной обман невозможно было бы без смеха. Претензия, высказанная в отношении интерпретации сопротивления, абсолютно правильная; никакие оправдания не помогут, так как в данном случае мы имеем дело с логическим кругом, в котором врач всегда прав.

Мало того, неопределенность выводов из потока свободных ассоциаций нужно возвести в куб, поскольку Фрейд для интерпретации сновидений придумал три психических механизма: сгущение, смещение и инверсию мыслей, образов и символов. При сгущении несколько объектов сновидения сливаются в один. Например, в жизни вы имеете несколько врагов. Тогда в

сновидении они могут слиться в один незнакомый для вас образ человека, который попадает под машину. Таким образом, вы одним разом расправляетесь со всеми своими врагами. При смещении происходит перенесение любви или ненависти с одного объекта на другой. Например, вы любите своего сослуживца, но вам снится, что любовью вы занимаетесь со своим отцом. Таким образом, ваша любовь к сослуживцу сместилась на вашего отца, или наоборот. Наконец, механизм инверсии действует по принципу полярности: вам снится огонь, а истолковываете вы его как воду; снится, что вы вышли из дома, на самом деле вы вошли в дом и т.д. Приведем пример из «Толкования сновидений», где автор приводит инверсию символа.

Фрейд рассказал сновидение следующего содержания:

«Она живет на даче; однажды ночью она бросается в темную воду озера в том месте, где бледная луна отражается на гладкой поверхности». Вот его инверсная трактовка: «Сновидения этого типа, – пишет Фрейд, – сновидения о родах. Смысл их становится ясным, если факт, содержащийся в прямом его значении, превратить в противоположность, т.е. вместо «броситься в воду» подставить «выйти из воды», иначе говоря, родиться».

Тотчас же возникает множество вопросов. Почему содержание именно этого сновидения нужно было инвертировать? А, может быть, сон нужно принимать так, как он рассказан, без инверсии символов? Почему роды символизируются как выход из воды, а не из пещеры, комнаты, шахты, печки, салона автомобиля, т.е. как Фрейд по воде догадался о родах? Далее, он дал трактовку символа «броситься в воду», но почему-то оставил без внимания символ «бледной луны», которая отражается в «темной воде озера». Возможно, расшифровка символов луны и озера коренным образом изменит трактовку сновидения. Во всем здесь царит произвол. Вся эта символическая интерпретация имеет точно такое же происхождение, как и нумерология, т.е. числовая герменевтика.

Иногда современные психотерапевты, чтобы как-то скрыть допущенные Фрейдом откровенные ляпы, стали говорить, что их метод свободных ассоциаций позволяет произвести только настройку на нужную волну, но сам поток словоизвержения не следует брать в расчет. Тут же возникает вопрос: тогда как можно вообще проводить психоанализ, на что ориентироваться? Как отделить зерна от плевел, т.е. истинные символы от неистинных? Как быть с перечисленными механизмами толкования? Что делать с необъятным списком символов сновидений, которым пользуются психоаналитики? У Фрейда всё это определяло существо теории психоанализа и ее методологии. Он перессорился с лучшими своими друзьями, которые хотели хоть немножко подкорректировать его теорию. Если из психоаналитической науки убрать свободные ассоциации вместе с инверсией, сгущением и смещением символов, то от нее ничего не останется. Ее не будет и в том случае, если из психоанализа убрать сексуальную основу; на ней строится всё поведение людей. Современные же психотерапевты часто говорят – психоаналитика истинная наука, а ее создатель гениальный ученый, только вот секс не является таким уж универсальным ключом к психическим проявлениям человека. Это похоже на то, как если бы сказали: система Коперника верна за одним исключением – не Земля вращается вокруг Солнца, а Солнце – вокруг Земли.

Удод: Действительно, в «Толковании сновидений» Фрейд интерпретирует любые, самые невероятные сновидения. Это не может не вызывать подозрений в отношении его методики.

«... Абсурдность сновидений, – пишет он, – давала в руки противников толкования их главный аргумент в пользу того, что сновидение – не что иное, как бессмысленный продукт пониженной и рассеянной душевной деятельности. Я привожу несколько примеров, в которых абсурдность содержания сновидений лишь мнимая: при более глубоком проникновении в смысл она тотчас же исчезает».

Из предложенного набора примеров приведу пятое по счету «абсурдное сновидение, играющее числами». Фрейд пишет:

«Один мой знакомый господин М. подвергся нападению со стороны ни более, ни менее, как самого Гёте. Нападки эти носили, по нашему общему мнению, незаслуженно обидный характер. Господина М. эти нападки, естественно, совершенно убили. Он горько жалуется на них нашим общим знакомым. От этой личной обиды его поклонение Гете, однако, нисколько не поколебалось. Я стараюсь выяснить соотношение времени, которое представляется мне невероятным. Гете умер в 1832 г.; так как его нападки на М. относятся, понятно, к более раннему периоду, то М. был в то

время совсем молодым человеком. Мне думается, что ему было 18 лет. Я не знаю, однако, какой сейчас год и потому все мои расчеты теряются во мраке. Нападки на господина М. содержатся в известном произведении Гете «Природа»».

Так как толкование сновидения заняло у Фрейда несколько страниц, приведу из него лишь выборочные места. Прежде всего, психотерапевт разъясняет, откуда взялось число 18:

«Третьим источником этого сновидения, – пишет он, – является рассказ одной пациентки о психической болезни ее брата, припадки которого сопровождаются несмолкаемыми криками: «Природа, природа!» Врачи полагают, что эти восклицания объясняются чтением этого прекрасного произведения Гете и свидетельствуют о переутомлении больного его занятиями по натурфилософии. Я предпочел, однако, установить здесь наличие сексуального элемента. Мое мнение подтвердилось вскоре тем, что несчастный в припадке бешенства изуродовал себе половые органы. Во время первого припадку больному было 18 лет».

Скептик: Гете, нумерология и страсти вроде изуродованных гениталий – типичный набор фрейдовского ψ -анализа. Из биографии автора известно, что он в школьные и студенческие годы увлекался естественно-научными исследованиями и пытался повторить опыты, которые проводил немецкий поэт. В книге на этот счет кое-что говорится:

«На то, что *«mea res agitur»*, – пишет Фрейд, – указывает мне категорически упоминание об этом небольшом, несравненно прекрасном произведении Гете, так как цитирование этого произведения в одной популярной лекции окончательно толкнуло меня, юного и колеблющегося студента, на изучение естественных наук».

Кстати сказать, знаменитое произведение «Природа», как недавно выяснилось, отнюдь не принадлежит перу Гете, о чем Фрейд, конечно, не догадывался. Поэт завладел им незаконно и всю жизнь выдавал его за свое. Чтобы скрыть плагиат, он даже критиковал себя за якобы допущенные там ошибки. Теперь послушайте, уважаемый Удод, что в действительности означает слово «природа» в интерпретации Фрейда и о чем говорит дата смерти поэта – 1832 г.

Фрейд пишет:

«... Мысли, лежащие в основе сновидения, говорят иронически: «Разумеется (по-немецки *naturlich* одного корня с *Natur* – природа), он глупец, сумасшедший, а вы – гениальные люди, вы понимаете лучше. Быть может, однако, дело обстоит как раз наоборот?» И вот это «наоборот» и выражено в сновидении в чрезвычайно пластичной форме. Гете нападает на молодого человека – это абсурдно, между тем как молодой человек мог бы написать сейчас с легкостью на бессмертного Гете, и далее – я произвожу вычисление с года смерти Гете, между тем, как в действительности я осведомился у пациента о годе его рождения».

На сей раз демон бессознательного почему-то решил облегчить задачу врачу-толкователю и дал подсказку в виде слова «наоборот». Откуда такая милость? Может быть, он морочил врачу голову и указал ему ложную дорогу, а число 1832 – это вовсе не год рождения господина М.? Далее Фрейд анализирует отдельные предложения, сказанные сновидцем:

««Я стараюсь выяснить себе соотношение времени, которое представляется мне неверным». – Разве не содержится тут критическое сомнение в том, что Гете мог обрушиться на молодого человека? «Мне думается, что ему было 18 лет». – Это звучит совсем как результат неверного вычисления. А фраза «я не знаю, какой сейчас год» могла бы служить примером колебания или сомнения в сновидении».

Таких трактовок, как эта, можно придумать тысячи, и все они будут более или менее подходить под сказанные предложения. Фантазируя по методике свободных ассоциаций, Фрейд обманывался сам, обманывал своего пациента (в его существовании всегда имеются сомнения) и ввел в заблуждение многомиллионную армию читателей. В подобных толкованиях, уважаемый Удод, я тоже вижу множество натяжек. Они бросаются в глаза всякому, кто хоть мало-мальски склонен к научному анализу.

Удод: Вы, уважаемый Скептик, по-видимому, правы, фрейдовский ψ -анализ действительно недалеко ушел от каббалы, хиромантии, астрологии и прочих суеверных «наук». В этом убеждает

меня заключительное рассуждение Фрейда в отношении этого «абсурдного сновидения». Там он рекомендует:

«При разъяснении мнимых суждений в сновидении следует руководствоваться тем выше-указанным правилом толкования, что связь отдельных элементов сновидения настолько прозрачна, что ее можно оставить в стороне и подвергать анализу каждый элемент в отдельности. Сновидение представляет собой конгломерат, который в целях анализа должен быть снова раздроблен на отдельные части».

Другими словами, Фрейд предлагает разорвать абсурдную фабулу сновидений на отдельные части и каждый фрагмент анализировать в отдельности.

Но ведь это послужит источником неопределенности толкования. А главное, согласно его представлениям, *«психическая сила, создающая эту мнимую связь отдельных элементов»* является самым важным элементом, как он писал, *«четвертым моментом образования сновидения»*. В другом месте он говорит о *«психической деятельности, которая, хотя и не всегда, по-видимому, фигурирует при образовании сновидений, но которая, будучи в наличии, стремится безупречно и осмысленно соединить в одно целое элементы сновидения, столь различные по своему происхождению»*. Об этой силе Фрейд упоминал многократно на страницах своей книги. В частности, это чувствуется, например, в следующих строках:

«Мы должны подумать и о том, что каждое более или менее сложное сновидение оказывается результатом взаимодействия различных психических сил. С одной стороны, мыслям, образующим желания, приходится выдерживать сопротивление цензуры, с другой – мы видели уже неоднократно – даже в бессознательном мышлении каждая мысль связана с другой, ей противоречащей...».

В следующем отрывке указывается на инверсность и контрастность элементов, которую удается расшифровать, если только руководствоваться принципом целостности всего сновидения. Фрейд пишет:

«Каждый элемент сновидения может означать в толковании как свою противоположность, так и самого себя. Заранее никогда нельзя сказать этого; решающее слово произносит здесь общая связь всего целого. Это обстоятельство было подмечено, по-видимому, и народной мудростью: народные сонники при толковании сновидений очень часто поступают по принципу контраста. Такое обращение к противоположности становится возможным благодаря внутреннему ассоциативному сцеплению, которое в нашем мышлении связывает представление о каком-либо предмете с представлением, ему противоположным».

Итак, в одном месте Фрейд советует и сам часто использует прием расчленения сновидения на отдельные фрагменты, в другом же месте он рекомендует делать прямо противоположное – не расчленять сновидение. Последнее он объяснял тем, что сновидения формируются бессознательной частью нашей психики, поэтому всякое нарушение последовательности фрагментов сновидения приведет к разрушению смысла сна. Он пишет:

«...Сновидение не образовалось бы вовсе, если бы подсознательное желание не получило подкрепление из другой сферы. Эта сфера – сфера бессознательного. Я предполагаю, что сознательное желание лишь в том случае становится возбудителем сновидения, когда ему удастся пробудить равнозначное бессознательное и найти себе поддержку и подкрепление. Эти бессознательные желания представляются мне, согласно данным из психических неврозов, всегда истинными, всегда готовыми найти себе выражение, когда им только представляется случай объединиться с сознательным желанием и на его незначительную интенсивность перенести свою повышенную. Нам кажется тогда, будто лишь сознательное желание реализовалось в сновидении, и, однако, мелкая деталь формы этого сновидения послужит нам указанием, как найти следы могущественного помощника из сферы бессознательного. Эти всегда активные, так сказать, бессмертные желания нашей бессознательной сферы, напоминающей мифических титанов, на которых с незапамятных времен лежит тяжесть горных массивов, нагроможденных на них когда-то богами и сотрясаемых до сих пор еще движениями их мускулов, эти пребывающие в оттеснении желания проистекают сами собой, однако, как показывает психологическое изучение неврозов, [они родом] из детства».

Таким образом, в детстве сновидения инициируются несбывшимися желаниями, которые ребенок переживает во время бодрствования. Внешние обстоятельства в течение жизни постоянно способствуют накоплению неудовлетворенных, главным образом, сексуальных вожде-

лений, которые хранятся в огромном резервуаре под названием «бессознательное». У взрослых, по мнению Фрейда, сновидения в основном проистекают из этой области психики, именно бессознательное придает снам цельность и связанность, хотя в одном сновидении могут обрести жизнь взаимоисключающие мотивы. Но Фрейд, похоже, по своему собственному усмотрению выбирал, какие сны родом из детства, а какие – из современности. В «Толковании сновидений» большинство сновидений трактуется вне детской этиологии. Каждый взрослый человек видит сны, но редко когда сюжет или образы сновидений как-то связаны с воспоминаниями детства. Чаще всего сновидения являются реакцией на события предыдущего дня, во всяком случае, этого никак нельзя отрицать. Чтобы безапелляционно заявлять, что сны взрослых навеяны исключительно событиями детства, нужно было проводить серьезные статистические исследования, а их как раз и нет. Выводы, сделанные Фрейдом в конце книги, как мне представляется, малообоснованны. Вы так не считаете, уважаемый Скептик?

Скептик: Вы, уважаемый Удод, слишком хорошо думаете о Фрейде, когда указываете на столь тонкие противоречия в его книгах. Когда он писал о том, как анализировать сны – по частям или целиком, он думал только об одном – о внешней привлекательности текста и о том, чтобы придать ему максимально научный вид. Никакой логики там нет, как нет ее и в придуманных им снах. Вы указываете на противоречия в утверждениях, которые у него разнесены по различным главам, что не каждый может заметить. Но ведь текст его книги бессмыслен в каждом своем предложении. Фрейд выделяет еще в особую группу какие-то там «абсурдные сновидения». Да они все без исключения абсурдны. Нет более глупого занятия, чем искать смысл в сновидениях. В отношении объяснения происхождения снов из детства у Фрейда произвола не меньше, чем в толковании их сексуальной подоплеки.

По поводу же «психической силы», якобы цементирующей сновидения, нужно сказать вот что. В бодрствующем состоянии, при обдумывании каких-либо житейских или производственных задач, человека не может отвлечь крик птицы или лай собаки – эти случайные звуки не нарушают последовательности его мыслей. Во сне же любые внешние воздействия вызывают новые ассоциативные цепи образов. Это происходит потому, что если сон неглубокий (различают две фазы сна: глубокую без сновидений и поверхностную), то сновидение протекает на очень низком энергетическом уровне. Поэтому содержание сновидений в огромной мере продиктовано внешними или внутренними причинами (чувством голода и жажды, болевым ощущением и т.д.), которые не образуют какой-либо целостности. В душевной комнате человеку может присниться, что он задыхается в наглухо закрытом гробу, погибает от удушья в тонущей подлодке, гибнет при пожаре в задымленной комнате и т.д. Тема детской инфантильности во всех случаях будет отсутствовать. Фрейд же, на мой взгляд, нашел слишком легкий путь для решения проблемы хаотичности и противоречивости сновидений, когда ввел сексуальное бессознательное.

Читать книги Фрейда о толкованиях каких-либо событий, происходивших во сне или наяву с истерическими девицами и взбалмошными дамочками, – занятие не из легких. Всякий живой, действительно аналитический ум после прочтения десяти страниц абсолютно пустого разговора должен сильно заскучать. Не развлекут его и детективные поиски автора следов бессознательного. Все его парадоксальные сюжеты закручены на сценических контрастах, дешевых трюках и художественном украшательстве. Что касается его «теории бессознательного», то таковой просто не существует. Фрейд подхватил модное словечко, которое он мог слышать в связи с обсуждением популярных в его время теорий Вундта, Гербарта и, особенно, Брейера. Его друг и соавтор в «Исследовании по истерии» придал этому термину новое звучание, которого не было у тогдашних психофизиков и которое связывалось им с так называемым гипноидным состоянием истерика (подробности в главе 7). У Фрейда брейеровское понятие бессознательного девальвировало. Сказать, что сновидения формируются в области бессознательного или что сознательное желание становится сновидением, когда оно совпадает с бессознательным желанием – значит, ничего не сказать.

Прекрасным доказательством алогичности мышления Фрейда служит «Фрагмент анализа одного случая истерии (История болезни Доры)», опубликованный им в 1905 г. Эта работа является образцовой реконструкцией заболевания истерической 18-летней девушки, которая рассказала Фрейду пару своих сновидений, и он на 150 страницах анализирует их ничем непримечательное содержание. Анализ пациентки, настоящее имя которой Ида Бауэр, проводился с середины октября до конца декабря 1900 г., но подготовка материала к печати произошла много позже, когда Фрейд написал еще две свои основополагающие работы: «Три

очерка по теории сексуальности» и «Остроумие и его отношение к бессознательному». В «Добавлении» 1923 г. Фрейд предпочел отодвинуть дату написания «Фрагмента» на год назад.

«Описанное здесь лечение, – *написал он*, – было прервано 31 декабря 1899 г., сообщение о нем написано в течение двух последующих недель, но опубликовано в 1905 году». Чуть ниже он вновь указал на этот год: «...такое признание позволило сведущему врачу легко узнать в ней Дору 1899 года».

«Ошибки» такого рода, как мы знаем, являются неслучайными, но и не особенно принципиальными. Для нас сейчас важно, что «Фрагмент» непосредственно примыкает к теме книги «Толкование сновидений». По причине детального разбора двух сновидений Доры «Фрагмент» даже ценится выше, чем книга, поскольку он признавался лучшим учебным пособием для подготовки будущих психотерапевтов.

Перед изложением самого истерического заболевания, добавим, что Дора, или Ида Бауэр, была сестрой известного лидера социал-демократической партии Австрии, Отто Бауэра (1882–1938), который в 1918–1919 гг., занимая пост министра иностранных дел, выступил за присоединение Австрии к Германии. В 1921 г. Бауэр стал во главе Социалистического рабочего интернационала. Он был талантливым писателем и вдохновенным оратором. Умер он в Париже, похороны его были чрезвычайно торжественными. На траурном митинге лидер французской социалистической партии, Леон Блюм, говорил о нем, как о выдающемся политическом деятеле мирового масштаба.

Отто уважительно относился к Иде и старался ей всячески помочь, когда она впадала в депрессию или истерию. Она тоже была внимательна к нему и хотела на него походить. В начале «Фрагмента» Фрейд написал о нем так:

«Единственный, на полтора года старший брат девушки ранее был для нее идеалом, а многие из его амбиций она просто переняла. В последние годы отношения брата и сестры охладели [реальные факты скорее говорят об обратном]. Молодой человек, насколько только можно, пытался избегать семейных дразг. Там, где он всё же должен был принять чью-либо позицию, он вставал на сторону матери. Таким образом, обычная сексуальная притягательность отца и дочери, с одной стороны, матери и сына – с другой, сблизили их еще теснее».

В другом месте автор также указывает на наличие в этой семье перекрестно действующего эдипова комплекса, в соответствии с которым отец больше любил дочь, беспокоился о ее здоровье, а дочь, в свою очередь, по причине изначально заложенной ревности, ненавидела мать.

«Отношения между матерью и дочерью, – *пишет Фрейд*, – уже годами были очень недружелюбными. Дочь не замечала матери, жестко критиковала ее и практически полностью уклонялась от какого-либо влияния с ее стороны».

Этим эдиповым отношениям внутри семьи несколько противоречат слава самой Иды, которая сказала врачу-психоаналитику нечто противоположное:

«Мой брат говорит мне, что мы не имеем права критиковать поведение нашего отца, что мы должны даже радоваться поведению нашего отца, что он смог найти женщину, к которой так привязан, поскольку наша мать совсем не понимает его. Я признаю правоту брата и хотела бы разделить его мнение, но не могу. Я не могу простить отца».

Ее отец, Филипп Бауэр, переболел сифилисом и шестью годами ранее лечился у Фрейда. Кстати, Фрейд лично знал и других родственников Доры, за исключением ее матери, которую он считал «малообразованной, но, прежде всего, неумной женщиной». Отто Бауэр любил свою «ограниченную мамашу» примерно той же любовью, которой любил свою мать и сам Зигмунд Фрейд, а Филипп Бауэр чем-то походил на его отца, Якоба Фрейда. Он тоже был евреем-космополитом, влюбленным в немецкую культуру эпохи Просвещения. Отто, являясь социалистом, из «классовых соображений» недолго любил отца – либерала по политическим убеждениям, крупного промышленника и аристократа по духу (отец к тому же принадлежал к масонской

ложе). Дочь обвиняла отца в том, что он заразил венерической болезнью мать,¹¹ к которой Дора, судя по ее диалогам с врачом, не чувствовала неприязни. В общем, отношения в этой семье можно объяснить, не прибегая к эдипову комплексу, но психоаналитик мог особое отношение Доры к отцу истолковать как ревность дочери к его любовнице. Во всяком случае мы не станем далее разбирать сложные отношения внутри семьи Бауэр, а сосредоточимся на болезни самой Доры (Иды).

«Главным признаком ее болезни, – пишет Фрейд, – были дурное настроение и изменения в характере. ...Она была недовольна собой и близкими... Отца она встречала недружелюбно,... не переносила присутствия матери... Она пыталась избегать общения... [испытывала] усталость и рассеянность».

Вряд ли эти признаки могут свидетельствовать о каком-либо серьезном заболевании, если учитывать естественные колебания настроения, испытываемые большинством людей в этом возрасте. Но однажды родители обнаружили у нее в столе «прощальное письмо». Отец высказал предположение, что «у девушки вовсе не было серьезного намерения совершить самоубийство, но эта история настолько потрясла его», что он решил отдать ее на лечение. Существенная реконструкция психики пациентки была произведена сразу после анализа первого сновидения, рассказ о котором занял менее шести строк; вот они:

«В каком-то доме пожар. Отец стоит возле моей кровати и будит меня. Я быстро одеваюсь. Мама еще хочет попытаться спасти свою шкатулку с драгоценностями. Но папа говорит: «Я не хочу, чтобы я и оба моих ребенка сгорели из-за твоей шкатулки с драгоценностями». Мы спешим вниз, и как только я оказываюсь во дворе, я просыпаюсь».

Поскольку рассказанные события не имели места в действительности, значит, решил Фрейд, пожар случился в тайном отделе мозга Доры. Фрейдовская теория такова:

«Образцовое сновидение стоит одновременно на двух ногах, одна из которых опирается на существенный актуальный повод, а другая – чреватые тяжелыми последствиями события детских лет. Между ними, т.е. детскими переживаниями и современными, сновидение протягивает цепочку. Оно пытается переформировать настоящее по прообразу более раннего переживания. Желание, которым вызывается сновидение, конечно же, приходит из детства. Оно постоянно пытается заново пробудить детство в реальности, исправить настоящее на основе детства».

Психоаналитик решил, что огонь для истерических больных, возможно, символизирует свою противоположность, т.е. воду. «Это может быть вызвано, например, тем, – поясняет он, – что им будет сниться пожар и тогда они попытаются потушить его водой». Пусть так, но что делать Фрейд с водой? По всей видимости, говорит он, истерички «боятся, что они напишут в постель». Итак, контакт с детством есть, а где же здесь современный «актуальный повод»? «Но огонь появляется не только как противоположность воды, – продолжает психоаналитик, – он служит и для прямой символизации любви». Таким образом, есть контакт и с современностью. Дора не иначе как влюбилась, считает Фрейд. Больше того, она не просто влюбилась, а крепко озаботилась сексом, хотя сама еще не догадывается об этом.

«Подумайте о Ваших выражениях, – просит он девушку, – ночью произойдет беда, нужно выйти. Не означает ли это какую-либо телесную потребность? И если Вы переместите эту беду в детство, возможно ли, что она будет чем-то иным, чем та, при которой постель становится мокрой? Но что делают, чтобы предотвратить писание детей в постель? Не правда ли, что их пробуждают ночью ото сна, совершенно так же, как в сновидении делает с Вами папа? Итак, это было реальным событием, от которого Вы берете себе право на замещение папой господина К., который разбудил Вас ото сна. Итак, я должен заключить, что Вы дольше страдали от недержания мочи, чем обычно бывает у детей».

Далее водная тематика плавно перетекла в сексуальную:

¹¹ В.Э.: Но КОГДА заразил? – после рождения детей или до? Может быть болезнью Иды Бауэр на самом деле был врожденный сифилис?

«В мыслях сновидения на долю «мокрого» вследствие легко выявляемых отношений выпадает роль узлового пункта для нескольких кругов представлений. «Мокрое» принадлежит не только недержанию мочи, но и кругу мыслей, касающемуся сексуального искушения, оказавшегося подавленным содержанием сновидения. Она знает, что и при сексуальном сношении имеется что-то мокрое, что при совокуплении мужчина дарит женщине что-то жидкое в форме капель. Она знает, что как раз в этом и состоит опасность, что ей поставлена задача охранять гениталии от орошения».

Что называется «приехали» – от «пожара в доме» к «охране гениталий от орошения». Если пользоваться логикой рассуждений Фрейда, то в качестве логического умозаключения можно вывести что угодно из чего угодно, и это само по себе является нелепостью. Но кроме того, нелепости Фрейда имеют и весьма непристойный вид. Так, у него мамина «шкатулка с драгоценностями», как и всякая коробка или сумка, тоже «является лишь заместительницей раковины Венеры, женских гениталий!»

Попутно выясняются и другие подробности детского периода жизни Доры.

«Я считаю, – пишет Фрейд, – что привел практически все признаки, доказывающие наличие мастурбации в детстве. ...Дора подтвердила идею мастурбации как тем, что она сама часто страдала от колик в животе, так и тем, что кузину с такими же болями она с полным основанием считала мастурбанткой».

С мастурбацией связана понятная реакция типа: «Фу, это же скверно!» Отвращение Доры к высказанному предположению о ее мастурбации Фрейд проецирует на «существенный актуальный повод».

«Вспомним, – продолжает врач-психоаналитик, – что после поцелуя господина К. у Доры появилось сильное чувство отвращения, и что мы нашли достаточно оснований, чтобы дополнить ее рассказ об этой сцене с поцелуем тем, что во время объятия она ощутила давление эрегированного члена на свое тело».

Это, кажется, уже перебор. Обращаю Ваше внимание, уважаемый Удод, что Фрейд в процессе реконструкции нежной души своей пациентки сам «дополняет» ситуацию «эрегированным членом» господина К., мастурбацией, которой якобы занималась Дора, и недержанием мочи в детстве. Скромная, робкая девушка и подумать об этом не могла. Врач-психоаналитик уверен, например, что для Доры «все мужчины такие же, как отец. А своего отца она считала венериком; у него же была эта самая болезнь, и он заразил ею мать. Таким образом, она могла бы себе вообразить, что все мужчины венерики». Но ведь она могла и не «вообразить» этого и, наверняка, так не думала. Дурная логика: все мужчины такие же, как отец, отец – венерик, следовательно, все мужчины – венерики, навязана несчастной девушке психоаналитиком насильно. Еще не факт, что она мыслит столь примитивно и пошло. Дедуктивные цепочки вроде: огонь – вода – недержание мочи – мастурбация, или: если был поцелуй господина К., значит, девушка ощутила его эрегированный член, не просто абсурдны, они еще и очень непристойны, особенно когда это касается такого юного создания, как Дора.

Есть в психоанализе Доры и глупая игра с числами, которую всегда любил выискивать Фрейд. В конце «Фрагмента» разговор начал вращаться вокруг временного отрезка в 14 дней. Дора заявляет: «Господин доктор, знаете ли Вы, что сегодня я здесь в последний раз. Да, я решила, что до Нового года я еще выдержу это, а дольше я не желаю ждать излечения». Понятно, что грязные намеки и издевательская логика врача-психотерапевта стали для нее невыносимы. «Доктор» же сконфузился из-за неожиданной потери заработка и поинтересовался, когда она приняла это решение. Дора отвечала: «Я думаю, дней 14 назад, когда я посетила К. на озере в Л., тогда у них была уволена одна из гувернанток». Доктор: «Вот как? О ней Вы ничего не говорили. Пожалуйста, расскажите». На двух страницах идет рассказ о гувернантке, где выясняется, что ее увольнение произошло с двухнедельной отсрочкой, как это положено по законодательству. «Итак, – восклицает доктор, – опять 14 дней, характерный для обслуживающего персонала срок!» После окончания сеанса Дора рассталась с доктором, который посчитал, что его уволили, как ту самую гувернантку.

Но вот история болезни получает неожиданное продолжение. Через 15 месяцев «совершенно неслучайно», пишет Фрейд, она появляется в кабинете в связи с правосторонней невралгией лица. Ее отец, пожилой человек, который когда-то сам проходил ψ-анализ у Фрейда, заставил дочь снова явиться на прием к этому же врачу. Очень возможно, что девушка

действительно страдала невралгией из-за нездорового зуба или застуженного нерва. Но врач-психоаналитик и не пытается найти материальную причину. Он спрашивает ее, когда это началось; та отвечает: «Ровно 14 дней назад». Автор язвительно продолжил:

«Я должен был улыбнуться, так как мог показать ей, что ровно 14 дней назад она прочитала в газете упоминавшее меня сообщение, что она и подтвердила. Итак, то, что выдавалось за невралгию лица, соответствовало самонаказанию, раскаянию из-за пощечины, которую она когда-то дала господину К., и из-за мести мне в переносе, тянущемся еще оттуда. Какого вида помощи она хотела добиться от меня, я не знаю, но я обещал простить ей то, что она лишила меня удовольствия более основательного ее освобождения от страданий. Впрочем, прошли уже годы после этого посещения. С тех пор эта девушка вышла замуж, и именно за того молодого мужчину, если меня не обманывают все те символы, которые обнаруживаются в ассоциациях в начале анализа второго сновидения. Если первое сновидение обозначает поворот от любимого мужчины назад к отцу, т.е. бегство из жизни в болезнь, то второе сновидение, конечно, оповещало, что она отрывается от отца и возвращается к жизни».

Этим заканчивается «Фрагмент», по поводу которого биограф Фрейда, Джонс, заметил, что материал этой статьи «собирался путем чрезвычайно обширных и утомительных серий наблюдений». К сказанному следует добавить короткую информацию, которая известна историкам психоанализа.

Дора (она же Ида Бауэр) в 1922 г. обращалась с жалобой на «шумы в правом ухе» к психотерапевту фрейдистского толка Феликсу Дойчу. В этом она винила своего сына, которого ждала целыми ночами напролет. Лидия Флем пишет, что сын

«начал проявлять интерес к женщинам, приходил домой глубокой ночью, а она с тревогой ожидала его возвращения, напряженно вслушиваясь в ночные звуки. Со слезами на глазах она обвиняла всех мужчин в эгоизме и низости, сетовала на их непомерные притязания. Она очень боялась, что ее сын ничего не добьется в жизни (а он между тем сделал прекрасную карьеру, став блестящим музыкантом), в отличие от ее брата [Отто Брауэра], о котором она отзывалась с большой нежностью и всё время подчеркивала, что всю жизнь их связывали самые близкие отношения [Фрейд говорил о последующем охлаждении их отношений]. И действительно, Отто немедленно мчался к сестре, как только узнавал, что она нуждается в его помощи, он неоднократно звонил Феликсу Дойчу, чтобы поблагодарить того за помощь, оказанную сестре, и даже высказывал желание встретиться с врачом, но тот уклонился от этого предложения».

Как видим, Дора, или Ида Бауэр, была вполне добропорядочной и одновременно немного «сумасшедшей» женщиной, которая традиционно (для еврейских семей) переживала за своих детей и родственников. В этом как раз нет никакого нервно-психического расстройства; ее «истерия» является скорее для нее нормой. Отклонением же от нормы нужно было бы считать ее равнодушие к сыну и брату – вот тогда, действительно, нужно было бы вызывать врача-психотерапевта. Ида Бауэр умерла от рака кишечника в 1945 г. на 64-м году жизни в Нью-Йорке, куда она была вынуждена эмигрировать в связи с нацистскими преследованиями евреев во время Второй мировой войны.

Глава 10. Теория сексуальности

Удод: Вы знаете, уважаемый Скептик, больше всего меня возмущает сексуальная интерпретация сновидений, в содержании которых нет и намека на это. Мне жаль, что книги «Толкование сновидений» и «Фрагмент анализа одного случая истерии», который Вы только что пересказали, сегодня являются основными учебниками по психоанализу, детально изучаются в университетах и медицинских институтах. Они дают абсолютно неверное представление о психологии поведения человека. Мало того, что в них абсолютно отсутствуют какие-либо научные истины, они к тому же ещё и весьма непристойного содержания. Несомненно, молодые люди должны оставаться целомудренными. Об этом едва уловимом чувстве, которое часто принимается за глупое упрямство и которое одинаково свойственно и девушкам и юношам, французский романтик Жозеф Жубер писал так:

«Целомудрие столь тонко и нежно, что благодаря ему душа, подобно своему символу – цветку – в смутном страхе съезживается и замыкается в себе при малейшей угрозе слишком острых

ощущений или преждевременной ясности. Оно – смятение, овладевающее нами при виде разврата и делающее нас недостижимыми для него. Оно – предчувствие, касающееся нас одних и сдерживающее само себя, дабы оградить наши мысли, вкусы и волю от всего запретного. Оно – инстинкт, восстающий против всего недозволенного. Перед лицом всего, чего должно избегать и не должно познавать, оно – недвижимое бегство, слепое угадывание и немое предупреждение. Оно – робость, делающая все наши чувства осмотрительными и хранящая неопытную юность от искушения (подвергнуть испытанию свою невинность, выйти из своего неведения и прервать свое блаженство).

Скептик: Как действует целомудрие?

Удод:

«Оно смежает нам веки, скрывая предметы от глаз, и окружает наш ум и наше зрение защитным покровом, чудесной дымкой, – говорит Жубер. – Оно окутывает неведомой тканью, опутывает незримой сетью все наше существо, дабы оградить нас от малейшей грубости. Оно становится посредником между нашими ощущениями и обносит святилище нашей души оградой, допуская внутрь лишь продуманные образы, умеренные переживания и похвальные чувства. ...»

Наша внутренняя природа, желая сформировать наш нравственный облик, действует осторожно, памятуя о его хрупкости. Сначала она создает семена и сеет их в нашей душе, в глубине нашего существа, вдали от окружающей нас суеты. Но если бы молекулы, благодаря которым мы испытываем ощущения, могли легко и свободно проникать в это незащищенное убежище, то их масса и грубость их натиска разрушили бы все самое юное и нежное в нашей душе, отдав ее во власть материи, – поэтому природа ограждает нас от них. Она завешивает тот исполненный любви и жизни альков, где в полусне зреет семя характера, свободным и сплошным, прозрачным и невидимым пологом, укрывающим нас с ног до головы и сопутствующим нам всюду. Она запирает все ведущие туда двери, вставляет многочисленные витражи, она пропускает внутрь лишь полусвет, шепот, лишь чистую сущность всех чувств. Она отделяет нас от предметов, обволакивает нетленной пеленой, укрывает невещественной тканью. Она помещает нас внутри легкого облака, открытого всем стихиям, но при этом в высшей степени целостного и потому недоступного не только для всего порочного, но даже для воздействия примера. В эту пору жизни мы получаем от природы оболочку. Оболочка эта – целомудрие.

Действительно, можно представить себе целомудрие в виде сферы, внутри которой пребывает наше существо в расцвете своих возможностей. Земные впечатления и влияния поступают туда лишь пройдя сквозь своего рода фильтр, задерживающий осадок. Целомудрие – источник сдержанности наших чувств и мыслей. Как тормоз останавливает оно всякие необузданные порывы. Оно оберегает нашу душу от ненужной накипи внешних впечатлений, отбирая лишь их элементарную, необходимую часть. Таким образом, оно без насилия прививает душе мудрость, приучая волю повиноваться лишь тому, что, подобно ей, духовно по своей природе. Оно смягчает все, что входит в нашу душу, и порыв, побуждающий нас к деятельности, проходит сквозь нее, как свет проходит сквозь воздух, как луч проходит сквозь зрачок. Оно дает нашим способностям время и возможность развиваться спокойно и плавно в свободном и замкнутом пространстве, питаюсь чистотой и паря среди прозрачных флюидов простодушия. Оно невидимыми узами удерживает наши сердца в безмятежности и охраняет все наши чувства от волнений. Оно неспособно задержать наше развитие, но способно защитить нас, смягчая все удары и пресекая наши собственные стремления, если они вредны или губительны для нас. Вот его назначение. Необходимость его очевидна. В нем нуждается наш дух, подобием или, вернее, грубой тенью которого является наша плоть. ...»

Целомудрие для наших добродетелей то же, что оболочка, в которую заключен зародыш, для птенцов, то же, что скорлупа для ядра, чашечка для цветка и небо для мира. Без этого таинственного спасительного покрова добродетели наши не смогли бы расцвести. Семя их оказалось бы обнаженным, убежище – ненадежным, сущность – искаженной. Они были бы ущемлены в своей основе, затронуты в своей сути, остановлены в своем внутреннем развитии, быстром ли, медленном ли. Вся молодая поросль оказалась бы загублена. ...Целомудрие дано нам всем, но не всем оно отмерено с равной щедростью и благосклонностью. Целомудрие одних соткано грубовато, другим достался всего лишь его лоскут. Только те, кто носят в себе начатки всех совершенств, обладают абсолютным, полным целомудрием, связанным бесчисленными нитями со всем, чем насыщена их жизнь. ...»

Целомудрие подобно красоте. Трагические события лишают нас его. А само по себе, без внешнего воздействия, оно блекнет и стирается, когда достигает своей цели и нужда в нем отпадает. ... Нет, оно не умирает в нас, мы живем под его защитой. Оно покидает нас, но остаются жить вскормленные им добродетели. Оно входит у нас в привычку. Оно отпечатывается в нашем облике. В нас остается его цвет, я имею в виду румянец, заливающий наши щеки, словно для того, чтобы смыть пятно позора, которым грозит нам оскорбление, или воспротивиться нежданной и слишком сильной радости, которую хочет доставить нам похвала. Такова последняя тень покрова целомудрия».

Скептик: В каком возрасте мы обретаем целомудрие?

Удод:

«Одним оно дано от рождения, – *говорит Жубер*, – к другим приходит со временем. Оно живет и действует до тех пор, пока самая ничтожная частица в нас не проникнется его твердостью и непоколебимостью, а появляется в момент, когда органы наши обретают способность воспринимать и постигать вечные истины».

Скептик: Как мы утрачивает целомудрие?

Удод:

«Когда все нежные побегии наших главных достоинств становятся достаточно крепкими; когда наши врожденные благие склонности преобразуются, свертываясь, словно молоко, и обращаются в доброту; когда ничто уже не в силах лишить нас природной доброты; когда ум наш, вскормленный целомудренными понятиями, достигает полного развития и обретает равновесие, которое мы зовем разумом; когда разум наш мужает, а нравственные чувства постепенно приобретают ту твердость, что зовется характером; когда зерно этого характера дает мощные побегии, наконец; когда никто и ничто не в силах заронить в нас семя разврата, мы перестаем быть беззащитными. Человек сложился, покровы спадают и сеть расплетается».

Скептик: Каковы плоды целомудрия?

Удод:

«Тонкий вкус, чью природную чистоту ничто не замутняет; светлое воображение, чью ясность ничто не затемняет; быстрый и острый ум, мгновенно постигающий возвышенное; неувядающая свежесть восприятия; любовь к невинным удовольствиям и неведение иных забав; умение быть счастливым и привычка находить счастье в себе самом; нечто, сравнимое с бархатистостью только что раскрывшегося цветка; очарование, живущее в душе и изливаемое ею на все окружающее, отчего она не устает любить; дар вечной любви; наконец, привычка уважать себя, настолько вошедшая в плоть и кровь, что без нее уже невозможно обойтись, и приходится вести безупречную жизнь, дабы чувствовать себя человеком порядочным и счастливым, ибо – следует помнить об этом, хотя, быть может, следует и забыть, – никакое удовольствие не оскверняет душу, пройдя через чувства, естественно и неспешно впитавшие эту непорочность: таковы плоды целомудрия».

Скептик: Как познается целомудрие?

Удод:

«Его видно даже невооруженным глазом. Благодаря ему наш силуэт, голос, манеры, облик, движения предстают в не имеющей пространственного измерения перспективе, обретают волшебную глубину и бездну очарования, ибо, как легко заметить, целомудрие для красоты и ничтожнейших из наших прелестей то же, что глазурь для красок, что зеркало вод для источника, что стекло для постелей или дымка для ландшафтов. Оно само уже некая красота. Без него красоты нет и быть не может. Ибо взор дерзкий и бесстыдный пленить невозможно».

Скептик: Замечательно, что Вы, уважаемый Удод, отыскали эти слова французского романтика. Они позволяют избавиться от того нехорошего осадка, который остался после чтения отрывков из произведений Фрейда. Кто бы сомневался, что этот врач-психотерапевт под видом научных исследований стал публиковать тексты сомнительного содержания, уверяя окружающих, будто они имеют какую-то психотерапевтическую ценность. Но я против того, чтобы книги «Толкование сновидений» и «Фрагмент анализа одного случая истерии (История болезни Доры)» запрещали издавать и читать. Это только вызовет к ним нездоровый интерес. Более того, я хочу сейчас привести отрывок из первого очерка работы Фрейда «Три очерка по теории сексуальности» (1905). Прошу Вас, уважаемый Удод, извинить меня за столь низкий стиль, но я должен предоставить всем нашим читателям возможность ознакомиться с тем, что Фрейд называл теорией сексуальности, так сказать, из первых рук. Надеюсь, что данный отрывок не слишком подорвет целомудрие нашей замечательной молодежи.

Итак, в указанном сочинении Фрейд пишет:

«Нормальной сексуальной целью считается соединение гениталий в акте, называемом совокуплением, которое ведет к разрядке сексуального напряжения и временному угасанию сексуального влечения (удовлетворение, аналогичное насыщению при голоде). И всё же при нормальном сексуальном процессе можно заметить элементы, развитие которых ведет к отклонениям, описанным как перверсии. Предварительными сексуальными целями считаются известные промежуточные процессы (лежащие на пути к совокуплению) отношения к сексуальному объекту – ощупывание и разглядывание его. Эти действия, с одной стороны, сами дают наслаждение, с другой

стороны, они повышают возбуждение, которое должно существовать до достижения окончательной сексуальной цели. Одно определенное прикосновение из их числа взаимное прикосновение слизистой оболочки губ получило далее как поцелуй у многих народов (в том числе и высокоцивилизованных) высокую сексуальную ценность, хотя имеющиеся при этом в виду части тела не относятся к половому аппарату, а составляют вход в пищеварительный тракт. Всё это – те моменты, которые позволяют установить связь между перверсией и нормальной сексуальной жизнью и которые можно использовать для классификации перверсий. Перверсии представляют собой или: а) выход за анатомические границы частей тела, предназначенных для полового соединения, или б) остановку на промежуточных отношениях к сексуальному объекту, которые в норме быстро исчезают на пути к окончательной сексуальной цели.

Психическая оценка, которую получает сексуальный объект как желанная цель сексуального влечения, в самых редких случаях ограничивается его гениталиями, а распространяется на все его тело и имеет тенденцию включать в себя все ощущения, исходящие от сексуального объекта. Та же переоценка переносится в психическую область и проявляется как логическое ослепление (слабость суждения) по отношению к душевным проявлениям и совершенствам сексуального объекта, а также как готовность подчиниться и поверить всем его суждениям. Доверчивость любви становится, таким образом, важным, если не самым первым источником авторитета. Именно эта сексуальная оценка так плохо гармонирует с ограничениями сексуальной цели соединением одних только гениталий и способствует тому, что другие части тела избираются сексуальной целью. Значение фактора сексуальной переоценки лучше всего изучать у мужчины, любовная жизнь которого только и доступна исследованию, между тем как любовная жизнь женщины, отчасти вследствие культурных искажений, отчасти вследствие конвенциональной скрытности и неоткровенности женщин, погружена еще в непроницаемую тьму.

Использование рта как сексуального органа считается перверсией, если губы (язык) одного лица приходят в соприкосновение с гениталиями другого, но не в том случае, если слизистые оболочки губ обоих лиц прикасаются друг к другу. В последнем исключении заключается приближение к норме. Кому противны другие формы перверсий, существующие, вероятно, с самых древних доисторических времен человечества, тот поддается при этом явному чувству отвращения, которое не допускает его принять такую сексуальную цель. Но граница этого отвращения часто чисто условна; кто со страстью целует губы красивой девушки, тот, может быть, лишь с отвращением сможет воспользоваться ее зубной щеткой, хотя нет никакого основания предполагать, что полость его собственного рта, которая ему не противна, чище, чем рот девушки. Тут внимание привлекается к моменту отвращения, которое мешает либидозной переоценке сексуального объекта, но, в свою очередь, преодолевается либидо. В отвращении хотят видеть одну из сил, которые привели к ограничению сексуальной цели. Обыкновенно влияние этих ограничивающих сил до гениталий не доходит. Но не подлежит сомнению, что и гениталии другого пола могут быть сами по себе предметом отвращения и что такое поведение составляет характерную черту всех истеричных больных (особенно женщин). Сила сексуального влечения обыкновеннее всего проявляется в преодолении этого отвращения.

Еще отчетливее, чем в предыдущем случае, становится ясным при использовании заднего прохода, что именно отвращение налагает печать перверсии на эту сексуальную цель. Но пусть не истолкуют как известное пристрастие с моей стороны мое замечание, что оправдание этого отвращения тем, что эта часть тела служит выделениям и приходит в соприкосновение с самым отвратительным – с экскрементами, не более убедительно, чем то оправдание, которым истеричные девушки пользуются для объяснения своего отвращения к мужским гениталиям: они служат для мочеиспускания.

Сексуальная роль слизистой оболочки заднего прохода абсолютно не ограничивается общением между мужчинами, оказываемое ей предпочтение не является чем-то характерным для инвертированных чувств. Наоборот, по-видимому, педерастия у мужчины обязана своим значением аналогии с актом с женщиной, между тем как при сношении инвертированных [гомосексуалов] сексуальной целью, скорее всего, является взаимная мастурбация.

Распространение сексуальной цели на другие части тела не представляет собой во всех своих вариациях нечто принципиально новое, ничего не прибавляет к нашему знанию о половом влечении, которое в этом проявляет только свое намерение овладеть сексуальным объектом по всем направлениям. Но наряду с сексуальной переоценкой при анатомическом выходе за границы половых органов проявляется еще второй момент, который с общепринятой точки зрения кажется странным. Определенные части тела, как слизистая оболочка рта и заднего прохода, всегда встречающиеся в этих приемах, как бы проявляют притязание, чтобы на них самих смотрели как на гениталии и поступали с ними соответственно этому. Мы еще услышим, что это притязание оправдывается развитием сексуального влечения и что в симптоматике некоторых болезненных состояний оно осуществляется. ...

Заместителем сексуального объекта становится часть тела, в общем, очень мало пригодная для сексуальных целей (нога, волосы), или неодушевленный объект, имеющий вполне определенное отношение к сексуальному лицу, скорее всего к его сексуальности (части платья, нижнее белье). ...

Известная доля ощупывания для человека необходима, по крайней мере, для достижения нормальной сексуальной цели. Также общеизвестно, каким источником наслаждения, с одной стороны, и каким источником новой энергии, с другой стороны, становится кожа благодаря ощущениям от прикосновения сексуального объекта. Поэтому задержка на ощупывании, если только половой акт развивается дальше, вряд ли может быть причислена к перверсиям.

То же самое и с разглядыванием, сводящимся, в конечном счете, к ощупыванию. Зрительное впечатление проходит тем путем, которым чаще всего пробуждается либидозное возбуждение и на проходимость которого, – если допустим такой телеологический подход, – рассчитывает естественный отбор, направляя развитие сексуального объекта в эстетическом плане. Прогрессирующее вместе с развитием культуры прикрывание тела будит сексуальное любопытство, стремящееся к тому, чтобы обнажением запрещенных частей дополнить для себя сексуальный объект; но это любопытство может быть отвлечено на художественные цели («сублимировано»), если удастся отвлечь его интерес от гениталий и направить его на тело в целом.

Задержка на этой промежуточной сексуальной цели подчеркнутого сексуального разглядывания свойственна в известной степени большинству нормальных людей, она дает им возможность направить известную часть своего либидо на высшие художественные цели. Перверсией же страсть к подглядыванию становится, напротив: а) если она ограничивается исключительно гениталиями, б) если она связана с преодолением чувства отвращения (*voyeurs*: подглядывание при функции выделения), в) если она вместо подготовки к достижению нормальной сексуальной цели вытесняет ее. Последнее ярко выражено у эксгибиционистов, которые, если мне позволено будет судить на основании ряда анализов, показывают свои гениталии для того, чтобы в награду получить возможность увидеть гениталии других.

При перверсии, стремление которой состоит в разглядывании и показывании себя, проявляется очень замечательная черта, которая займет нас еще больше при следующем отклонении. Сексуальная цель проявляется при этом выраженной в двойной форме: в активной и в пассивной. Силой, противостоящей страсти к подглядыванию и иногда даже побеждающей ее, является стыд (как раньше – отвращение)».

Безусловно, никакой научной ценности эта «теория сексуальности» не имеет, и у всех нормально воспитанных людей она вызывает только чувство брезгливости. Если кто-то попытается указать на практическое значение его порнографии, то он тоже ошибется. В практических целях это и добрая полусотня других его произведений вам не поможет. В благополучных семьях XIX столетия половым воспитанием детей, включая гигиенические навыки, занимались гувернантки или няни. Сейчас в нашей стране институт гувернанток и нянь возрождается. Знакомство же с текстами Фрейда не только бесполезно, но и очень вредно для нравственного воспитания детей и подростков. Нам нужно также всегда помнить о кокаине, который Фрейд употреблял при написании этого текста и который, как нам хорошо известно, вызывает сильные сексуальные желания. Вообще, по поводу объяснений избыточной сексуальности Фрейда существует масса предположений. Одни исследователи ищут корни сексуальности фрейдизма в традиционной жизнелюбии евреев, увязывая ее с национальными и религиозными обычаями, которые культивировались на протяжении многих веков. Другие указывают на личность самого Фрейда, который после женитьбы охладил к своей жене. Этому способствовал и ряд объективных обстоятельств.

После свадьбы Марта была постоянно беременной, родив одного за другим шестерых детей, и отвлекалась на хлопоты по дому. Фрейд же находился у себя в кабинете, где на кушетке лежали симпатичные девушки, рассказывающие ему подробности своей интимной жизни. Марта его не понимала, и он после свадьбы никогда не обсуждал с ней свои теории. Его письма к ней стали абсолютно бессодержательными, как, например то, которое он послал 28 сентября 1908 г. В нем он скупающе писал:

«Данное письмо обязано своим появлением тому, что несколько дней назад мы зачем-то купили голубую марку, и тому, что сегодня идет дождь. ... Минна отдыхает в своей комнате, а я думаю пойти съесть гранат (за десять сантимов), потом покурить и разложить пасьянс».

Это письмо свидетельствует, что теперешние его чувства к жене не идут ни в какое сравнение с тем, что он испытывал к ней до женитьбы. Другое дело Минна: к её сестре он испытывал нечто большее, чем просто теплые дружеские чувства, – об этом говорят в один голос

многие фрейдоведы. С Мартой он никогда не ездил отдыхать, зато часто брал с собой Минну. Фрейд говорил, что только Минна и Флисс по достоинству оценили его теорию сексуальности, над которой он работал в 90-х годах. Марта однажды сказала: *«Должна признаться, что если бы я не знала, с какой серьёзностью мой муж относится к работе, я решила бы, что психоанализ является одним из видов порнографии»*. Мария Бонапарт, внучка Наполеона и самая активная поборница психоанализа, как-то раз заметила его создателю: *«Госпожа Фрейд рассказала мне, до какой степени удивила и даже оскорбила её Ваша работа, в которой Вы открыто рассуждали о вопросах сексуальности. Она нарочно не стала читать её»*.

В письме от 8 июля 1915 г. Джеймсу Патнему Фрейд признавался:

«Я – сторонник гораздо более свободной сексуальной жизни, хотя сам пользовался такой свободой весьма умеренно; я пользовался ею лишь в той мере, в какой считал для себя позволительной».

Здесь на Минну, естественно, падает подозрение, поскольку она слишком часто бывала спутницей Фрейда в его летних отпусках. Её горячо любимый жених умер от туберкулеза, а за другого она выходить замуж не хотела.

«История о том, что у Фрейда с Минной был роман, – пишет Пол Феррис, – существует довольно давно. Эрнест Джонс, писавший об их тесной дружбе, предполагал, что такое может прийти людям в голову, и заявил: «С обеих сторон не было никакого сексуального влечения». Возможно, Джонс знал, что слухи утверждают обратное, и настаивал на преданности Фрейда своей жене. Юнг утверждал, что ему точно известно о существовании связи от самой Минны. С формальной точки зрения это был бы инцест. Есть некоторые факты, говорящие о том, что это произошло или что у Фрейда были фантазии на эту тему ближе к концу того же лета 1900 года».

Кто ещё, кроме Минны, мог быть случайным сексуальным партнером, историки теряются в догадках. Вокруг него вращалось столько хороших, влюбленных в него барышень, что делать здесь какие-либо прогнозы было бы делом безнадежным. Между тем Фрейд был закрытым человеком и часто вводил в заблуждение, чтобы отвести от себя подозрения. Его благообразный вид и репутация серьезного врача и ученого не давали повода для сплетен: никто из посторонних думать о каких-то непристойных сексуальных связях с пациентами не мог. Но те, кто хорошо знали Фрейда, никаких твердых гарантий в этом отношении уже не давали.

Как бы там ни было, сексуальная подоплека психоанализа, особенно в первые годы становления теории, подверглась сильнейшей критике. В связи с анализом Доры Джонс вспоминает: *«Шпильмейер выступил против использования метода, который он описал как «психическую мастурбацию»*. Биограф рассказывает, что вскоре после выхода «Фрагмента» и двух вышеупомянутых работ на Фрейда обрушился шквал возмущения. В мае 1906 г. на конгрессе в Баден-Бадене Густав Ашаффенберг *«с яростью заявил, что метод Фрейда неправилен в большинстве случаев, сомнителен во многих случаях и поверхностен во всех случаях. Это аморальный метод, и, тем или иным образом, он основывается только на самовнушении»*. Хохе считал, что *«психоанализ является дурным методом, проистекающим от мистических наклонностей, и очень опасен для людей медицинской профессии»*. *«Ни один психиатр, – говорил Ригер, – не мог рассматривать взгляды Фрейда без вполне реального ощущения ужаса»*. Из-за чрезмерного внимания Фрейда к *«паранойяльному вздору с сексуальными намеками на чисто случайные инциденты, которые, даже если они не создавались фантазией, являлись маловажными. Подобные вещи не могут привести ни к чему иному, кроме как к «отвратительной бабьей психиатрии»*. Конрад Альт сказал, что учение Фрейда является *«шагом назад»*; *«он пообещал, что никогда ни одному его пациенту не будет позволено лечиться у кого-либо из последователей Фрейда, с их бессознательной деградацией в полнейшую непристойность»*.

В 1907 и 1908 гг. в Берлине были предприняты попытки распространения фрейдизма, в частности, Абрахамом. После его выступления Оппенгейм

«заявил, что у него не хватает слов, чтобы достаточно резко или решительно высказаться против таких чудовищных идей. Циен также был шокирован «столь фривольными утверждениями» и заявил, что всё, написанное Фрейдом, является полнейшей бессмыслицей. Браун выкрикнул, что под угрозой находятся немецкие идеалы и что следует предпринять решительные меры по их защите. ...Дюбуа из Берна сделал выпад против психоанализа. Ложные обобщения Фрейда, считал он, сделали его метод опасным, а сообщения, опубликованные им и его последователями, производят

впечатление современной формы колдовской магии. Настоятельной обязанностью противников Фрейда является вести войну против этой теории и ее последствий, так как они быстро распространяются, приводя публику в беспомощное замешательство. ...

На собрании Американской психологической ассоциации в декабре 1909 г. в Балтиморе Борис Сайдис очень оскорбительно высказался против деятельности Фрейда и яростно выступил против «безумной эпидемии фрейдизма, вторгающейся в данное время в Америку. Психология Фрейда отбрасывает нас к временам темного Средневековья, а сам Фрейд является просто еще одним из тех набожных сексуалов, которых можно найти в самой Америке (мормоны и т.д.)». ... Джозеф Коллинз ... протестовал против ... «порнографических историй о непорочных девах». ... «Пришло время, чтобы наша ассоциация ... решительно сокрушила христианскую науку, фрейдизм и весь этот вздор, нелепость и чепуху».

...29 марта 1910 г. имел место яростный взрыв оскорблений на медицинском конгрессе в Гамбурге. Вейгандт [говорил, что] интерпретации Фрейда находятся на одном уровне с самыми дрянными книгами по сновидениям. Его методы являются опасными, так как они просто вызывают сексуальные мысли у пациентов. Его метод лечения стоит на одном уровне с массажем половых органов. Эрнст Трёмнер высказал оригинальную мысль, что, так как большинство истериков фригидны, то в истерии не может быть никаких сексуальных факторов. Макс Нонне был озабочен моральной опасностью врача, пользующегося такими методами. Альфред Зенгер сказал, что упоминания об анальном эротизме придадут теории Фрейда крайне фантастическую и гротескную форму».

Таким образом, нельзя сказать, что мировое ученое сообщество психиатров и психологов ничего не предприняло для того, чтобы предотвратить трагедию, однако, в конечном итоге, оно не смогло победить зло. В 1900 г., после выхода «Толкования сновидений» о Фрейде никто ничего не говорил, хотя он сильно рассчитывал на славу. «Что обращать внимание на какого-то сумасшедшего доктора? – думали про себя все серьезные врачи. – Чтобы опуститься до дискуссии с ним, надо перестать себя уважать». Карл Краус в своем журнале «Факел» опубликовал сочиненную им эпиграмму следующего содержания:

«Если человечество со всеми своими отвратительными недостатками – это единый организм, то психоаналитики – его экскременты».

Врачи и ученые открыто презирали Фрейда и всю его «гоп-компанию». Кто тогда думал, что одна «глупая книжонка», которую никто из специалистов и в руках-то не держал, может изменить весь научный климат планеты. Однако с появлением сразу нескольких неприличных произведений этого «неугомонившегося выскочки» сообщество не на шутку встревожилось и подняло тревогу. Как только у тщеславного Фрейда, который с младых ногтей мечтал о создании собственной психиатрической школы, появились ученики, фанатичные последователи и масса «исцеленных» им пациенток, началась не просто критика, а всеобщее возмущение его «грязной методикой работы с людьми».

«С 1907 г., – пишет Фрейд в очерке «Об истории психоаналитического движения», – положение против всяких ожиданий сразу изменилось. Оказалось, что психоанализ постепенно пробудил к себе интерес и нашел друзей, что имеются научные работники, готовые признать его».

Он прослеживает победоносное шествие психоанализа по главным странам мира: США, Англии, Швейцарии, Италии, Франции, Швеции, Германии. Однако Фрейд с сожалением отмечает:

«Относительно положения психоанализа в Германии можно сказать, что он стоит в центре научной дискуссии и вызывает у врачей, как и у неспециалистов, выражение самого решительного отпора, который до сих пор не прекратился и, временами усиливаясь, всё снова и снова подымается. Ни одно официальное учебное заведение до сих пор не допустило в свои стены психоанализа; врачи, успешно применяющие его на практике, малочисленны; только немногие лечебницы, например ..., открыли ему двери. На критической почве Берлина подвизается один из самых выдающихся представителей анализа Карл Абрахам, бывший ассистент Блейлера. Можно было бы удивляться, что это положение вещей остается неизменным вот уже в течение ряда лет, если бы не было известно, что оно соответствует только внешней видимости. Не следует преувеличивать значение официальных представителей науки и руководителей лечебных заведений, так же как и находящейся в зависимости от них ученой молодежи. Понятно, что противники громко подымают голос, в то время как запуганные приверженцы воздерживаются от шумных выступлений. Многие из

последних, первые вклады которых в психоанализ вызывали надежды, потом, под давлением обстоятельств, отстранились от этого движения.

Но само движение потихоньку неуклонно развивается, вербует постоянно новых приверженцев среди психиатров и неспециалистов, доставляет психоаналитической литературе всевозрастающее число читателей и именно этим побуждает противников ко все более сильным попыткам противодействия. Уже десятки раз пришлось мне в течение этих лет читать в отчетах о работах некоторых конгрессов и научных заседаний, фрейнов или в рефератах после некоторых обнародованных трудов: «Ну, теперь психоанализ умер, окончательно побежден и уничтожен». Ответ можно было бы составить в духе телеграммы Марка Твена в газету, поместившую ложное известие о его смерти: известие о моей смерти сильно преувеличено. После каждого из этих известий о смерти психоанализ приобретал новых приверженцев и сотрудников или создавал себе новые органы. Объявление о смерти было все-таки шагом вперед по сравнению с полным замалчиванием его».

По поводу распространения психоанализа в России Фрейд написал:

«Научный вклад русских врачей и психиатров в области психоанализа можно до настоящего времени считать незначительным. Только Одесса имеет в лице М. Вульфа представителя аналитической школы».

Несмотря на такую низкую оценку главы психоаналитического движения, его учение стремительно набирает силу и у нас в России. Психоанализ получил распространение благодаря стараниям Русского психоаналитического общества, возглавляемого И.Д. Ермаковым. Это Общество занималось распространением психоаналитической литературы, издавало психоаналитический журнал, участвовало в международных форумах, открывала кабинеты, – словом, занималось всяческой пропагандой фрейдизма. Но в советское время психоанализ был заклеен как буржуазная наука, дискредитирующая рациональное поведение человека, с которого снята ответственность за поведение в обществе.¹² Фрейд, по мнению советских идеологов, был выразителем западного декаданса и апологетом фальшивой морали. Весь иррационализм его учения, естественно, вытекал из неосознанного разочарования капитализмом.

Удод: Но сначала советские марксисты хотели абсорбировать фрейдизм вопреки «заветам Ильича». Ленин прямо не писал о нём; известно лишь его высказывание, которое часто цитировалось в советской литературе: «Перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза». Но Клара Цеткин (1857–1933), «выдающийся деятель германского и международного рабочего движения», в 1925 г. написала воспоминания «о Ленине», где рассказала, в частности, о своей беседе с ним в 1920 г. по поводу «женского вопроса». Цеткин сообщила, что «вождь мирового пролетариата» крайне негативно отнесся к опасному поветрию, распространяющемуся в марксистской среде. С её слов, Ленин даже на счет фрейдизма выказал намерение выступить: «Может быть, я когда-нибудь скажу речь или напишу о затронутых вопросах. Позже, не сейчас». Но из-за болезни и последующей смерти данным намерениям не суждено было сбыться, хотя Ленин наверняка говорил об этом со своей женой, которая в 1923 г. писала:

«...Фрейд не просто учитывает роль полового чувства в наших поступках, он непомерно раздувает эту роль, объясняя все подсознательные поступки половыми чувствами. Многие объяснения его искусственны, натянуты и сверх того проникнуты буржуазно-мещанскими взглядами на женщину».

Сама Цеткин также разоблачила «классовую сущность» «буржуазно-ханжеской псевдо-революционности» венского психотерапевта. Она писала:

¹² В.Э.: Это неточно. В 1920-е годы была сделана весьма мощная попытка сделать фрейдизм основой советской психологии подобно тому, как марксизм был основой советской социологии. И в принципе фрейдизм мог бы и победить, если бы у власти остались Троцкий, Каменев и Зиновьев. Но когда (в конце 1920-х годов) Сталин отстранил от власти этих еврейских лидеров, фрейдизм был прикрыт. Я думаю, что в этом решающую роль сыграла воля лично Сталина. Он не хотел, чтобы люди думали, будто Отцом Народов руководит сексуальное влечение к матери и ненависть к отцу (что для знающих биографию Иосифа Джугашвили вообще-то выглядело более оправданно, чем для среднего человека).

«Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т.п., – короче, к той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир – созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом часто произвольными, вытекает из личных потребностей. Именно, из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне также противно, как и любовное копание в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно всё же, в конце концов, вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово-сознательного, борющегося пролетариата для него нет места».

Несмотря на эти предостережения, ряд советских психологов-марксистов выступили в защиту фрейдизма. В частности, А.Р. Лурия (1902–1977), который был даже некоторое время ученым секретарем Русского психоаналитического общества, в статье «Психоанализ как система монистической психологии» (1925) привел аргументы, почему марксисты должны принять «цельное», «монистическое», «диалектическое», «социально-обусловленное» и вполне «революционное» учение Фрейда, а не «метафизическую», «наивно-эмпирическую», «узко-экспериментальную» «старую психологию». Лурия писал:

«Вместо изучения отдельных изолированных «элементов» психической жизни психоанализ выдвигает как свою задачу изучение цельной личности, ее поведения, механизмов и стимулов; вместо описания отдельных переживаний – объяснение отдельных проявлений личности путем сведения их к глубже лежащим, более примитивным условиям ее жизни и среды; вместо скрыто-дуалистического подхода к психической жизни, часто впадающего в идеализм, – открыто монистический, динамический принцип подхода к личности; вместо изучения изолированных «вещей» – изучение непрерывных процессов, в которых отражается органическая связанность жизни ребенка, рода с психикой взрослого человека; вместо выделения вне социального «человека вообще» и изучения его вне формирующих социальных условий – сведение многих глубочайших механизмов человеческой психики на действие социально-групповых влияний; наконец, вместо наивно-эмпирического удовлетворения описанием явлений сознания «так, как они даны нам» – принципиально – поставлена задача аналитически изучать внутренние, скрытые обусловленности явлений, «так, как они нам не даны», но как мы их можем изучить, обладая методами объективного анализа. Исходя из таких принципов, психоанализ строит свою систему психологии, и эта система, как нам кажется, несравненно больше удовлетворяет тем методологическим требованиям, которые выставляет всякая позитивная наука, которые отчетливо формулировал диалектический материализм».

Лурия в этой статье лишь однажды слегка пожурил психоаналитиков за то, что они слишком много социально-обусловленного отдают на откуп бессознательному, *«полагая, что сознание присуще лишь узкому классу психических явлений»*. Но в целом он был в восторге от психоанализа, без которого, как он считал, марксистам не выработать своей психологической науки. Его не насторожила даже исключительно сексуальная направленность психоанализа, объяснение сознательных поступков человека через животные влечения, биологические инстинкты, дремлющие в подкорковых областях мозга. Эти движущие силы, далекие от политэкономических категорий Маркса, нужно было срочно избаловать. Л.С. Выготский, работавший в области детской психологии и создавший в 1926 г. психологическую лабораторию аномального детства, на базе которой впоследствии вырос «Экспериментальный дефектологический институт», разоблачил попытки своего коллеги и товарища соединить марксизм с фрейдизмом. Он показал никуда не годные средства соединения этих классово-чуждых теорий.

«Автор пользуется при этом методом, который, по аналогии с геометрией, можно было бы назвать методом логического наложения понятий. Система марксизма определяется как монистическая, материалистическая, диалектическая и т.д. Затем устанавливается монизм, материализм и т.д. системы Фрейда; понятия при наложении совпадают, и системы объявляются сращенными. Очень грубые, резкие, бьющие в глаза противоречия устраняются весьма элементарным путем: они просто исключаются из системы, объясняются преувеличением и т.п. Так, десексуализируется фрейдизм, потому что пансексуализм явно не вяжется с философией Маркса. Что ж, говорят нам, примем фрейдизм без учения о сексуальности. Но ведь именно это учение составляет нерв, душу, центр всей системы. Можно ли принять систему без ее центра? Ведь фрейдизм без учения о

сексуальной природе бессознательного – всё равно что христианство без Христа или буддизм с Аллахом».

Скептик: Мудрые марксисты – а Выготский, несомненно, был умным человеком и талантливым исследователем – замечали в психоанализе те же самые ошибки и спекуляции, что и все внимательные, рационально мыслящие ученые. Ленин, Крупская и Цеткин, конечно, не могли провести глубокий анализ, но Выготский сразу понял, что фрейдизм абсолютно не совместим с монизмом и материализмом, а значит, и с марксизмом. Не «классовое чутье», а обыкновенный здравый смысл заставил написать П.Б. Ганнушкина¹³ (1875–1933), основателя русской психиатрической школы, критическую статью «О психотерапии и психоанализе», в которой он разоблачил шарлатанскую методику лечения душевнобольных. Он указал на больных,

«одержимых болезнью Фрейда, не в том смысле, что это новая форма болезни, описанная Фрейдом, а в том смысле, что они заболели от неумеренного, неумелого, почти преступного применения фрейдовской методики».

«Свободные ассоциации» свободны от чего угодно, только не от желания психоаналитика доказать наличие у больного эдипова комплекса, страха перед кастрацией и прочей ерунды. Этого, кажется, не отрицал и сам создатель психоаналитического одурачивания. В 1910 г. на Нюрнбергском форуме психоаналитиков Фрейд говорил: *«Механизм оказываемой нами помощи нетрудно понять: мы сообщаем больному ожидаемое сознательное представление, а он находит у себя сходное с ним вытесненное бессознательное».*

Таким образом, речь идет о суггестии – прямом гипнотическом внушении, какая при этом используется теоретическая подкладка, уже не столь важно. Психоаналитик, задевая важные для каждого человека стороны его психики (секс, любовь, смерть), может внушить пациенту всё, что угодно. Так обычно действуют мошенники, которые, воздействуя на слабую психику людей, за счет их растерянности, страха и ослабления внимания, могут заставить свою жертву расстаться с немалой суммой денег. Однако с падением Советского Союза ситуация изменилась на противоположную. Теперь психоанализу оказан самый теплый прием. Он принят по высшему разряду как уважаемая наука, которая заложила основы теоретической и практической психиатрии. Его преподают в университетах, налажено массовое издание всех сочинений венского психотерапевта, открылись даже кабинеты, практикующие психотерапию по Фрейду. Как и в странах Запада, в России психоанализ существует за счет хорошо налаженного издания книг и превосходно отстроенной структуры психоаналитических обществ.

В период между двумя мировыми войнами психоанализ сделался мировой религией. Уже при жизни автора «Толкование сновидений» переиздавалось 8 раз и переводилось на многие языки мира, включая, русский (перевод вышел в 1913 г.). Неожиданный взлет фрейдизма был предметом многочисленных исследований. Его популярность объясняли, например, тем, что наука психология «устала» от плоского бихевиоризма с его примитивной схемой «стимул – реакция». Психоанализ как будто бы обещал комплексный подход, в котором просматривались и элементы эволюционной биологии с наследованием архаичных признаков, и готовность решать сложнейшие проблемы человеческих переживаний. Фактически же фрейдизм занял выгодное положение между врачебной практикой и умозрительной философией витализма, опирающейся на учение Аристотеля об энтелехии. Однако подобными научно-философскими причинами невозможно объяснить тот факт, что учение Фрейда превратилось в массовую идеологию поэтов, художников, кинорежиссеров и просто обывателей, которые буквально штурмовали психоаналитические кабинеты. Когда корни нервозности европейского общества ищут в тревожной политической обстановке в период подготовки и ведения мировых войн, в этом случае подменяют следствие причиной. Скорее опасные идеи создают тревожную социальную обстановку, ведущую к войне, но не наоборот. Впрочем, в больших системах с положительной обратной связью невозможно указать, что является причиной, а что – следствием. При возникновении самого

¹³ В.Э.: Выготский и Ганнушкин, надо полагать, писали то, что думали, но решающим здесь является вопрос, позволяют ли им писать то, что они думают. Десятки миллионов людей в то время в СССР не могли писать то, что они думают. В данном случае им позволяли. Но почему? Выготский выступил в 1926 году (или позже?). Сталин отстранил Каменева и Зиновьева в декабре 1925 года на XIV съезде ВКП(б).

незначительного возбуждения сильно связанная система просто взрывается из-за лавинообразного процесса, который тут же следует за возбуждением.

В чём же дело, почему это сомнительное учение сделалось столь популярным? Мне думается, уважаемый Удод, что всё дело в сексе. Фрейд полагал, что все сны взрослых непременно должны быть о сексе, даже если об этом, казалось бы, ничто не напоминает. Он твердо верил, что за низменной похотью и ненавистью людей скрыты не только череда нервных импульсов, но и огромный резервуар отрицательной энергии виртуального характера. Рассказ о том, как мальчик ангельского вида стремится убить своего папочку, чтобы совокупляться со своей мамочкой, поразил воображение обывателя. Этот миф, искусственно построенный на жёстком контрасте, для сумасшедшего XX столетия сделался настоящим откровением. Во время работы над книгой и незадолго до её публикации в одном малотиражном издании появилась статья Фрейда «Покрывающие воспоминания» (1899), где он также рассказывал о своих сновидениях. Сны были столь откровенны, что их нельзя было помещать на страницах книги, но Фрейд непременно хотел высказаться публично. В статье приводился придуманный диалог между Фрейдом-врачом и Фрейдом-ребенком, испытывающим фобии на сексуальной почве. После того, как Фрейд стал известным человеком, он попытался сделать статью недоступной (правда, безуспешно, так как статья вошла в «Стандартное издание»). Сегодня солидные профессора университетов в массовых аудиториях с серьезным видом рассказывают, что если во сне студент видит себя нагим, то это непременно связано с раем и тем периодом времени, когда человек еще не ведал греха. Поскольку дети не стесняются ходить нагишом, значит, говорят эти ученые, они живут в раю, а рай – это коллективная проекция детства человечества. После того, как психиатрия превратилась в откровенное мифотворчество, ученые забыли, что такое корректно поставленный эксперимент и что такое его рациональное объяснение. Обывателей увлекла та простота объяснения беспокоящих их проблем, которую они находили на страницах психоаналитических сочинений. Но куда смотрят ученые мужи? Разве они не видят, что Фрейд только изображал из себя ученого, но никогда им не был. Практиковать и пропагандировать психоанализ могут только извращенцы или дураки.¹⁴

Удод: Я, пожалуй, соглашусь с Вами, уважаемый Скептик. В самом деле, Министерство здравоохранения или образования должно обязать издателей сочинений Фрейда делать надпись, гласящую, что данные книги опасны для душевного здоровья. Однако мне любопытно узнать больше об истоках фрейдовской сексуальности. Ваши разъяснения меня не слишком устраивают. Я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что сексуальный мотив громко звучал в теориях Флисса. Хочу напомнить Вам также, что их дружба прервалась примерно через год после завершения работы над книгой «Толкование сновидений», которая писалась под надзором Флисса и в которой впервые были сделаны сексуальные интерпретации снов. Разрыв с другом произошел следующим образом. Вероятно, в состоянии депрессии Фрейд резко и оскорбительно выступил против теории циклов Флисса, о чём потом искренне сожалел и примерно в течение двух последующих лет извинялся за свою несдержанность. Флисс, в свою очередь, ответил Фрейду, что тот является «читателем чужих мыслей» и «вкладывает свои мысли в головы своих пациентов».

Всё началось летом 1900 г. при личной встрече с Флиссом, когда Фрейд неожиданно заговорил о бисексуальности как о новой своей идее. Изумленный Флисс воскликнул: «Но я же тебе говорил то же самое во время наших вечерних прогулок в Бреслау [1897], и ты тогда отказался принять эту идею». Действительно, Фрейд забыл не только о разговоре трехлетней давности, но и о том, что, например, в письме от 4 января 1898 г. он писал Флиссу: «Я подчеркиваю значимость понятия «бисексуальность» и считаю твою идею самой важной для моей работы со времени идеи о «защите»». Затем в письме от 1 августа 1899 г. он вновь говорит о бисексуальности: «Ты, конечно, прав по поводу бисексуальности. Я тоже начинаю смотреть на сексуальный акт как на взаимодействие четырех индивидов». После разрыва с Флиссом Фрейд, не теряя надежды на восстановление с ним дружбы, написал в письме от 7 августа 1901 г.:

«Не скрыть того факта, что мы несколько отделились друг от друга... Тут ты дошел до предела, ты нападаешь на меня и говоришь, что «читатель чужих мыслей на самом деле просто вкладывает свои идеи в головы других», а это лишает мою работу всякого значения».

¹⁴ В.Э.: И еще умышленные злодеи.

Излив свою обиду, Фрейд далее в том же письме неожиданно предлагает Флиссу стать его соавтором по написанию книги о бисексуальности:

«А теперь к самому важному. Моя следующая книга, как мне думается, будет называться «Бисексуальность человека». В ней будет схвачена проблема вплоть до самых корней, будет произнесено последнее слово – насколько мне это только доступно по данному предмету – слово последнее и глубочайшее... Идея сама по себе твоя. Ты помнишь, как годы тому назад, когда ты был еще хирургом и отоларингологом, я сказал тебе, что решение проблемы лежит в сексуальности. Через несколько лет ты поправил меня и сказал: в бисексуальности, и теперь я вижу, что ты был прав. Возможно, я позаимствую у тебя еще кое-что и даже, быть может, буду вынужден прямо попросить тебя внести свою лепту в мою книгу. Речь идет о расширении ее анатомо-биологической части, которая в одних лишь моих руках окажется слишком тощей. Я бы сосредоточился на ментальной стороне бисексуальности и изложении невротического аспекта. Таков следующий проект, в котором, как я надеюсь, мы могли бы вновь с удовольствием соединиться в делах научных».

Это предложение возмутило Флисса; он, разумеется, не принял его. Что именно он ответил, мы не знаем, но в письме от 19 сентября 1901 г. Фрейд с сожалением в сердце написал: *«Я не понимаю твоего ответа относительно бисексуальности. Очевидно, нам трудно понимать друг друга»*.

Далее произошел очень некрасивый инцидент, который, однако, весьма характерен для Фрейда. Он передал теоретические наработки Флисса по бисексуальности некоему Отту Вейнингеру, который высказал Фрейду свою заинтересованность в них. В 1903 г. Вейнингер выпустил книгу под названием «Пол и характер», где говорил о бисексуальной природе каждой живой клетки. Эту идею он представил как свое собственное открытие, ни слова не сказав о Флиссе. В письме от 20 июля 1904 г., как разъяснил Джонс,

«Флисс спрашивал Фрейда о том, является ли правдой то, что, как ему стало известно, Вейнингер сообщил Фрейду о своей работе и даже предоставил ему свою рукопись для чтения. Теперь Фрейд оказался слишком вовлеченным в это дело, но мужественно реагировал на создавшееся положение. Он откровенно признался, что, должно быть, действовал под влиянием желания отнять у Флисса авторство его работы, которое, вероятно, смешалось с его завистью и враждебностью к Флиссу».

В ответ на эту низость Флисс в 1905 г. опубликовал памфлет против Фрейда и его приспешников, Вейнингера и Свободы, и откровенное письмо самого Фрейда, где тот признался в плагиате. Фрейд пришел в бешенство. В январе 1906 г. он написал Карлу Краусу, редактору популярного в Вене журнала «Факел», письмо, в котором, в частности, говорилось:

«Д-р Флисс осуществил в Берлине публикацию памфлета, направленного против О. Вейнингера и Г. Свободы, в котором оба молодых автора обвиняются в величайшем плагиате и про которых говорят чрезвычайно грубые вещи. О правдивости этого жалкого писаки можно судить хотя бы по тому факту, что меня самого, хотя я был другом Флисса в течение многих лет, обвиняют в том, что я предоставил Вейнингеру и Свободе информацию, которая и послужила основой для их так называемых незаконных действий... Я надеюсь, уважаемый г-н редактор, что Вы будете рассматривать данное письмо лишь как знак моего к Вам уважения, как свидетельство моего предположения о Вашей заинтересованности в делах культуры. В данном вопросе мы озабочены защитой против сверхмерной самонадеянности грубой личности и выражением ею своего мелкого личного честолюбия от имени святой науки».

Ещё одно письмо Фрейд направил в Берлин, где жил Флисс, редактору Магнусу Хиршфельду, издателю популярного «Ежегодника сексуальных пограничных случаев». В письме говорилось:

«Нельзя ли обратить Ваше внимание на памфлет... Это вызывающая отвращение пачкотня, которая, среди всего прочего, грязно клеветает на меня... В данном случае нам действительно придется иметь дело с фантазией честолюбивого человека, который в своем одиночестве потерял всякую способность к суждению о том, что правильно и что допустимо... Лично для меня неприятно произносить публично резкие слова против человека, с которым в течение двенадцати лет я был связан самой тесной дружбой, и, таким образом, провоцировать его на дальнейшие оскорбления».

Так печально закончилась дружба между Фрейдом и Флиссом, который, как мне кажется, дал основной импульс к сексуальной этиологии психоанализа.

Скептик: Дружба с Вильгельмом Флиссом является своеобразной моделью эволюции отношений между Фрейдом и всеми его близкими друзьями: Йозефом Брейером, Альфредом Адлером, Эугеном Блейлером, Карлом Юнгом, Шандром Ференци. Всех их Фрейд в свое время чрезмерно любил, но затем столь же искренне ненавидел и беспощадно им мстил. В частности, та ужасающая грязь, которую он впоследствии изливал на Йозефа Брейера, сейчас оказалась засекреченной. Джонс, несомненно, читал эти письменные свидетельства, переданные ему Анной Фрейд, с которой у него были самые доверительные отношения, однако он воздержался от того, чтобы включать их в жизнеописание ее отца. История с Флиссом, которую Вы, уважаемый Удод, рассказали сейчас более или менее подробно, демонстрирует, кроме всего прочего, ещё и исключительный эгоцентризм Фрейда как человека и ученого. Он никогда и никого по-настоящему и заинтересованно не слушал, касалось ли это науки или вопросов повседневной жизни. В письме от 12 февраля 1900 г. есть фраза, которая прекрасно характеризует весь его «эпистолярный роман» с Флиссом: *«Мне даже немного стыдно, что я пишу тебе только о себе»*. Фрейд как бы и не читал письма Флисса, его идеи были ему неинтересны, он плохо понимал логику его не всегда последовательных доводов. Ему важно было высказаться самому, поскольку в нем сидел «демон, жаждущий что-либо написать».

Но потом что-то (в данном случае бисексуальность) цепляло его в высказываниях окружающих его людей. Он начинал понимать, что из того, о чем они говорят, может получиться нечто. Тогда заинтересовавшая его идея, кому бы она ни принадлежала, переходила в его личную собственность. Жажда обладания у него была настолько сильной, что он временами забывал, откуда исходила идея. Если охватить мысленным взором всё, что предлагал Фрейд (понятие бессознательного, метод свободных ассоциаций, понимание истерии, символизм сновидений), мы непременно обнаружим чужой источник. Все более или менее рациональные идеи были им позаимствованы у кого-то, потом трансформированы, часто искажены, непомерно раздуты, растворены в каких-то беллетристических фантазиях. Свои теории он обдумывал так же, как сочинитель детективных романов придумывает сюжет. Главное, чтобы книга читалась с интересом; соответствует ли её содержание эмпирической реальности, удовлетворяет ли она высоким теоретическим и методологическим критериям, было для него делом десятым.

По словам историка психологии Томаса Лихи, который опирался на обширную литературу, опубликованную на Западе, Фрейд позаимствовал у Флисса не только идею бисексуальности, но практически всю теорию детской сексуальности. Лихи пишет:

«По мнению Ф. Дж. Саллоуэя, именно Флисс пришел к понятию Ид, а Фрейд завладел им, не выразив никакой признательности. Влияние Флисса на Фрейда было столь велико, что его невозможно кратко обобщить. Но в данном контексте самым важным представляется заимствование концепции детской сексуальности. Флисс отстаивал наличие сексуальных чувств у детей, подкрепляя это наблюдениями за собственными детьми».

Саллоуэй считал даже, что вся *«психоаналитическая легенда должна была затемнить влияние Флисса, оказанное на Фрейда»*, т.е. прикрасить факт «кражи идеи детской сексуальности», который он называл «кражей Ид Флисса» (под «Ид» понимается бессознательная сексуальность).

Легендарное прикрытие состояло в том, что Фрейд просто придумал сцену, как он в возрасте 2,5 года (!) во время поездки в вагоне поезда испытал сексуальное влечение к матери. В письме к Флиссу от 3 октября 1897 г. он разоткровенничался:

«Мое *libido* по отношению к *matrem* пробудилось... нам предстояло провести ночь рядом, и я рассчитывал увидеть ее *nudam*».

В письме от 15 октября, которое уже упоминалось выше, Фрейд заявил о сексуальной любви к своей матери и ревности к отцу, т.е. о существовании эдипова комплекса, а также о важности психоанализа вообще. Он писал:

«Мой самоанализ – самое существенное, чем я сегодня располагаю, и он приобретет еще большее значение, если будет доведен до конца». В следующем письме он уже заявил: «Теперь я считаю это [его сексуальное влечение] универсальным событием раннего детства».

В этот момент, как считает Саллоуэй, и состоялось великое открытие детской сексуальности. Исследователь обвиняет Фрейда и в том, как он свой единичный опыт (если предположить, что описанная сцена с матерью имела место в действительности) превратил в «универсальный» принцип психиатрии.

Удод: Вообще-то о сексуальности Фрейд заговорил еще до Флисса, в период интенсивного общения с Брейером (1881–1892). Джонс сообщает, что в марте 1896 г. Фрейд в статье, написанной по-французски для «*Revue neurologique*», писал, что

«специфической причиной всех неврозов является некоторое расстройство в сексуальной жизни пациента... причина истерии заключается в пассивном сексуальном переживании до половой зрелости, т.е. в травматическом совращении; это заключение основывалось на полном анализе 13 случаев. К такому переживанию склонны дети в возрасте 3–4 лет. Фрейд высказывает предположение, что подобное переживание, происходящее в возрасте 8–10 лет, не приведет к возникновению невроза».

Джонс напоминает также о содержании доклада «Этиология истерии», прочитанного 2 мая 1896 г. в Венском обществе психиатров и неврологов, где Фрейд уверенно утверждал,

«что в основе каждого случая истерии могут быть обнаружены одно или несколько переживаний примитивного сексуального опыта, относящегося к первым годам детства; переживаний, которые могут быть воспроизведены путем аналитической работы, хотя с тех пор прошли целые десятилетия... Я убежден, – говорил Фрейд, – что это является важным откровением, открытием *caput Nili* [истока Нила] неврологии».

Последние слова часто цитируют летописцы психоанализа.

Скептик: Да-да, я помню об этом выступлении Фрейда в Венском обществе, где председательствовал известный невролог Рихард фон Крафт-Эбинг (1840–1902), который считался крупнейшим специалистом по медицинским, психическим и правовым вопросам, связанным с сексом. Он был инициатором либерального законодательства в этой области, выступал за смягчение наказаний за преступления, совершенные на сексуальной почве. До него проблемами проституции и гомосексуализма занимались только юридические инстанции. Он первым обратил внимание на физиологическую, психическую и социальную составляющие и настаивал на обязательной медицинской экспертизе. Крафт-Эбинг доказал, что женщина не совершает преступления, когда вступает в сексуальные отношения с другой женщиной. В связи с этим была введена важная поправка в пункт 175 уголовного кодекса. Правда, он считал, что гомосексуализм обусловлен не столько психосоматическими, сколько социальными и воспитательными условиями. Главным фактором данной сексуальной «патологии» он назвал отсутствие условий для «развития нормальной сексуальности». Женщина становится лесбиянкой, говорил он, по причине избыточной сексуальности (гиперсексуальности), а также из-за страха перед мужем, нежелания иметь детей или в силу религиозных запретов. Он обратил внимание на то, что гомосексуализм жен находится в прямой зависимости от импотенции мужей. Особенно сильно он распространен в тюрьмах, где имеются очевидные ограничения. Крафт-Эбинг делал аналогичные выводы и из факта распространения гомосексуализма среди девушек высшего класса пуританского общества, где тоже господствовали сексуальные запреты. Он способствовал декриминализации сексуальной сферы в тогдашней Европе. Ещё неизвестно, кто больше повлиял на сексуальное раскрепощение общества начала XX в., Фрейд или Крафт-Эбинг. Во всяком случае, последний использовал вполне научные и моральные средства, а первый прибегал к ненаучным и чисто аморальным методам.

Между прочим, некоторое время, когда Крафт-Эбинг возглавлял одну из международных комиссий, ему помогал молодой Карл Юнг. Имя Крафта-Эбинга фигурировало также в документах по присвоению Фрейду звания экстраординарного профессора. Однако это было скорее формальностью: его авторитетное имя часто ставилось на бумагах для повышения их статуса, так что данному факту не стоит придавать большего значения, как это делают историки психоанализа. Таким образом, Крафта-Эбинга не назовешь новичком в вопросах секса. Выслушав доклад Фрейда о сексуальных причинах истерии, он добродушно улыбнулся и сказал: «Всё это похоже на сказку». После этого доклада Фрейд написал Флиссу: «Эти ослы ... [всё приняли] с ледяным холодом ... К черту их!» Потом эти слова наследники Фрейда будут усиленно

скрывать, но они, вопреки их желанию, станут достоянием истории, в отличие от множества других аналогичных высказываний, которые пока остаются строго засекреченными.

Брейер был, пожалуй, неправ, сказав, что Фрейд «эпатировал» академическое сообщество, когда во всех поступках человека видел сексуальные инстинкты. Фрейдовское заблуждение скорее проистекало от какой-то его научной инфантильности. Он был писателем-фантастом, который попал во враждебное ему сообщество ученых. Во Флиссе он нашел родственную душу ученого-дилетанта, который снабжал его сумасбродными идеями вроде детской сексуальности. Когда произошел окончательный разрыв с Брейером, Флисс заблистал для него солнечным светом надежды. В переписке с Флиссом нередко называлось имя Брейера. Например, в письме от 1 марта 1896 г. Фрейд писал:

«По его [Брейера] мнению, я должен каждый день спрашивать себя, не страдаю ли я от нравственного безумия или научной паранойи. ... Я уверен, он никогда не простит мне того, что в «Исследовании» [совместная работа по истерии, о которой рассказывалось выше] я заставил его выбрать одно предложение из трех и сделать преждевременные обобщения, к которым он питал отвращение... Испытываем ли мы по отношению друг к другу одинаковые чувства?»

Ответ последовал положительный: несомненно, ненависть была взаимной.

«Фрейд, – согласно подлинным словам Брейера, – человек абсолютных и крайних формулировок; эта его психическая потребность ведет, на мой взгляд, к чрезмерным обобщениям».

Такие разные люди не могли долго и плодотворно обсуждать научные проблемы. С Брейером Фрейд никогда бы не стал муссировать тему детской сексуальности и соращения, как он это делал в длинных письмах к Флиссу.

Так как Фрейд уничтожил все письма Флисса, мы никогда не узнаем позицию адресата в отношении детской сексуальности на середину 90-х годов. Но я склонен, уважаемый Удод, в этом вопросе больше доверять Саллоуэю, чем Джонсу или кому-либо еще из психоаналитиков. Всё-таки Фрейд заговорил о детской сексуальности не раньше 1894 г., когда он уже хорошо знал Флисса, которого эта проблема волновала с момента создания им теории циклов. Выше я говорил о переписке периода осени 1897 г. Вы, уважаемый Удод, напомнили события весны 1896 г. Я сейчас приведу Вам слова из письма Фрейда от 15 октября 1895 г. Он спрашивает своего друга:

«Я открыл тебе великую тайну?... Истерия – это следствие инфантильного сексуального шока... Этот шок... позднее трансформируется в упреки к самому себе... спрятанные в бессознательном и действующие только как воспоминания».

Из этих слов можно заключить, что Фрейд вроде как наставляет Флисса в вопросах детской или инфантильной сексуальности. Однако всё это может оказаться не более чем риторический прием. Напомню ещё раз, что мы абсолютно не знаем точку зрения Флисса на тот момент. Можно подумать, что проблематику, связанную с детской сексуальностью, Фрейд привез из Парижа, когда стажировался у Шарко, т.е. на 10 лет раньше, чем это принято считать. Об этом Фрейд сам написал в очерке «Об истории психоаналитического движения» (1914), который я ниже процитирую. Но Саллоуэй тщательно изучил данный вопрос, и я больше доверяю его заявлению, что именно Флисс провоцировал Фрейда на откровенные разговоры о детской сексуальности и связал их с мифом об Эдипе. Свои экскурсы в темные глубины детства, произошедшие в октябре 1897 г., Фрейд сразу называл «анализом» детских воспоминаний, что неудивительно, поскольку он с Флиссом долго смаковал эту проблему. Потом этот анализ естественным образом влился в метод «свободных ассоциаций» – термин, который тоже не означает какую-то примечательную веху в психотерапии. Все эти теоретические откровения невероятно раздуты психоаналитиками, считающими Фрейда чуть ли не Дарвином психологической науки.

Мне кажется также, что искать ответ на вопрос, кто первым – Флисс или Фрейд – заговорил о детской сексуальности, достаточно бессмысленно. Ну, подумайте сами, уважаемый Удод, два сексуально озабоченных человека на протяжении доброго десятка лет научнообразно рассуждают об инцесте, педофилии, гомосексуализме, соращении, прочих аморальных вещах, а потом солидные профессора начинают что-либо выискивать в их праздных разговорах. Это не стоило бы и нашего внимания, если бы сюда не примыкал вопрос о так называемой ошибке Фрейда с идеей сексуального соращения детей родителями, родственниками или взрослыми

людьми. Сама тема, как и все построения Фрейда, не стоит и выведенного яйца, тем не менее, история, связанная с ней, довольно любопытна, поскольку она лишней раз подчеркивает бесчестные приемы, к которым не единожды прибегал первый психоаналитик.

Прочитую ранее обещанный отрывок из очерка «Об истории психоаналитического движения», где автор, касаясь интересующей нас темы, называет имена Шарко и Брейера, но не Флисса, что явно говорит в пользу последнего. Так уж мудро устроена психика Фрейда – скрывать истинный источник идей, которые он присвоил. О поворотном пункте в истории психоанализа в 1914 г. он писал следующее:

«Я бы самым решительным образом протестовал против того, чтобы считать учение о вытеснении и о сопротивлении предпосылками психоанализа, а не выводами. Такие предпосылки общепсихологической и биологической природы действительно существуют, и было бы целесообразно поговорить о них в другом месте, но учение о вытеснении – результат психоаналитических исследований, законным образом добытый из бесчисленных наблюдений. Такое же приобретение, только гораздо более позднего времени, составляет разработка вопроса о детской сексуальности, о которой в первые годы нащупывания пути аналитического исследования еще не было и речи. Можно было только заметить, что причину влияния актуальных впечатлений у больного приходится видеть в прошлом. Но «ищущий находит часто больше, чем хотел бы найти». Приходилось всё дальше и дальше углубляться в прошлое, и, наконец, как будто бы являлась надежда, что можно будет остановиться на периоде возмужалости, на эпохе традиционного пробуждения сексуального чувства. Напрасно: следы вели еще дальше назад, в детство и даже далее, в ранние его годы. На этом пути пришлось преодолеть заблуждение, которое чуть не стало роковым для молодой науки.

Под влиянием связанной с Шарко травматической теории истерии приходилось считать реальными и имеющими этиологическое значение рассказы больных, которые приписывали пассивным сексуальным переживаниям в раннем детстве, то есть, грубо выражаясь, половому соблазну, значение причины симптомов болезни. Когда эта этиология рухнула вследствие ее неправдоподобия и противоречия с несомненно установленными фактами, то непосредственным следствием этого явился период полнейшей растерянности. Анализ приводил вполне правильным путем к этому рода инфантильным сексуальным травмам, и тем не менее они оказывались ложью. Почва действительности была таким образом утеряна. В это время я охотно бросил бы всю работу подобно моему почтенному предшественнику Брейеру после сделанного им неприятного открытия [связанного с Анной О]. Может быть, я устоял только потому, что у меня не было выбора начинать что-либо другое. В конце концов, я стал понимать, что никто не имеет права отчаиваться только потому, что обманулся в своих ожиданиях, но что следует проверить, не ошибся ли он в своих предположениях. Если истеричные указывают на вымышленные травмы как на причину симптомов болезни, то сущность этого нового факта сводится к тому, что они фантазируют о таких сценах, и поэтому необходимо считаться с этой психической реальностью так же, как и с практической. Вскоре я имел возможность убедиться, что назначение этих фантазий – прикрыть и приукрасить самоэротические проявления детских лет и поднять их на более высокую ступень (сублимировать). И вот тут-то за этими фантазиями и открылась во всем ее объеме половая жизнь ребенка».

Это писалось в расчете на то, что личные письма автора к его закадычному другу никогда и никому не будут известны. Следовательно, никто и никогда не сможет сравнить то, что сказано здесь, с тем, что он написал Флиссу в письме от 21 сентября 1897 г., когда возникла проблема с ошибкой травматического совращения. В том письме Фрейд обстоятельно раскрывал Флиссу четыре причины, почему его прежняя теория совращения ложна. Во-первых, эта теория не давала тех успешных результатов, на которые рассчитывал Фрейд; больные не исцелялись от истерии только потому, что с ними поговорили на сексуальные темы с предварительным зондированием детских впечатлений. Во-вторых, причиной отказа от теории совращения стало

«обнаружение удивительного факта: в извращенности можно обвинять всех отцов, включая моего собственного, но, конечно, столь широкая распространенность извращений не столь уж вероятна».

В таком случае истерия была бы массовым заболеванием – это с одной стороны; с другой, в известных случаях домогательства, дети вырастали и не становились истериками. В-третьих, бытовало «своего рода интуитивное убеждение по поводу того, что бессознательное не отличает реальность, поэтому никто не в состоянии разграничить правду и вымысел». В-четвертых, разговоры о совращении возникают только в сознательном состоянии; когда пациент находится в бреду или в гипнотическом состоянии, т.е. когда у него отключены защитные механизмы, он почему-то никогда не вспоминает о совращении.

Перечисленные причины, взятые сами по себе, выглядят довольно странно: вряд ли современный практикующий врач мог бы согласиться с этим набором. Но для нас письмо любопытно в другом отношении. В нем Фрейд определенно заявил:

«Я хочу по большому секрету сообщить тебе то, что стало мне ясно в последние несколько месяцев. Я больше не верю в мою теорию неврозов».

Прошло две недели, и 3 октября Фрейд рассказал Флиссу о своих сексуальных чувствах, которые он испытал к матери в возрасте 2,5 лет. В истории психоанализа началась эпоха эдипова комплекса. Ссылаясь на многочисленные источники, где анализировалась эта проблема, Лихи пришел к заключению, что Фрейд либо заставлял своих пациентов заявлять о соvrращении, которых не было на самом деле, либо сам внушал им эту ужасную мысль, либо, наконец, просто фабриковал данные, что наиболее вероятно. Лихи пишет:

«Психоаналитическая легенда начинается с того, что Фрейд говорил, как его пациентки рассказывали ему о соvrращении их собственными отцами. Однако в опубликованных отчетах Фрейда соvrратителями никогда не были отцы. Обычно ими оказывались другие дети, иногда взрослые (учителя или гувернантки – похоже, что пациенты-мужчины Фрейда также подвергались соvrращению), а в некоторых случаях неустановленные взрослые родственники, но никогда – родители. Либо Фрейд неправильно описал эти данные своим коллегам-психиатрам, либо историй об эдиповых фантазиях вообще не было. Еще основательнее выглядит версия того, что пациенты Фрейда вообще никогда не рассказывали ему никаких историй.

Критики Фрейда продемонстрировали, что с самого начала своей карьеры он верил в сексуальные причины невротических заболеваний, и мы уже увидели, что он разделял убежденность Ж.М. Шарко в травматической теории истерии. Ошибка с соvrращением явилась результатом комбинации этих убеждений с агрессивными терапевтическими техниками Фрейда. Хотя психоанализ, в конце концов, стал кратким сводом недирективной терапии, в процессе которой терапевт говорит очень мало, интерпретации используются лишь как средство мягкого понуждения пациента, реальная практика Фрейда сильно от этого отличалась. По крайней мере, во время своих первых случаев, Фрейд был склонен к даче указаний и интерпретаций, обрушивая на своих пациентов целый водопад сексуальных интерпретаций их состояния и нажимая на них до тех пор, пока они не соглашались с его взглядом на собственное поведение. Как и полагается конкистадору, Фрейд свято верил в свою способность раскрывать секреты, спрятанные даже в подсознании пациентов: *«Ни один смертный не в состоянии хранить секреты. Если молчат его губы, то говорят его пальцы; предательство сочитя из всех его пор»*. Он писал, что, работая со своей пациенткой Дорой и открыв о ней определенные факты, не колеблясь использовал их против нее. В статье, которую он представил Венскому обществу, Фрейд говорил о необходимости *«жесткого требования к пациенту подтвердить наши подозрения. Мы не должны уходить в сторону из-за отрицания на начальных этапах»*. Далее он сообщил, что, по крайней мере, однажды «силой навязал пациенту определенные сведения». Его пациенты, конечно, сопротивлялись. *«Правда состоит в том, что эти пациенты никогда спонтанно не повторяли своих историй и никогда не приводили врачу полных воспоминаний о сценах подобного рода»*. Перед тем как покорить мир, Фрейд для начала покорил своих пациентов.

Фрейд наслаждался, заставляя своих пациентов соглашаться с тем, что он считал правдой, и любое сопротивление истолковывал как признак того, что приблизился к величайшей тайне. Итак, принимая во внимание подобную терапевтическую технику Фрейда, очевидно, что независимо от того, склонялся ли он к теории детской сексуальности или к теории травматического происхождения истерии, пациенты сочинили бы для него подтверждающие истории. Ф. Киоффи утверждает, что пациенты Фрейда придумывали истории о своем соvrращении, чтобы умиловить своего завоевателя, которому, без всяких сомнений, было приятно находить подтверждение собственных гипотез. А. Эстерсон и М. Шацман полагают, что он логически вывел истории о соvrращении и навязал их своим пациентам. В любом случае неудивительно, что пациенты уходили от Фрейда. Киоффи, Эстерсон и Шацман утверждают, что в некоторых случаях Фрейд сознавал ложность историй о соvrращении, и ему пришлось объяснять, почему такое возможно, чтобы не подвергнуть сомнению статус психоанализа как научной теории. Они утверждают, что именно для этого он изобрел эдипов комплекс и детскую сексуальность. В новой формулировке допускалось, что истории с соvrращением, касающиеся внешней жизни пациентов в детском возрасте, могут быть ложными, но они удивительно много говорили о внутренней жизни детей, демонстрируя бессознательные эдиповы фантазии, направленные на мать или отца. Психоанализ стал доктриной, имеющей дело только с внутренней жизнью людей, а психоаналитический метод, как говорилось, раскрывает внутреннюю жизнь вплоть до самых первых дней детства. Но, сделав такой шаг, позднее Фрейд был вынужден пересмотреть или похоронить всё то, во что он верил во времена эпизода с соvrращением.

В более поздних работах он рисовал себя наивным, недирективным терапевтом, *«настоятельно удерживающим свой критический дар в состоянии неопределенности»*, хотя раньше он гордился тем, как *«направленно отыскивает совращение»*. Он говорил, что его ошеломило, когда пациентки одна за другой рассказывали о совращении своими отцами, тогда как в статье 1896 г. совратителями были взрослые незнакомцы, старшие мальчики, занимающиеся сексом со своими младшими сестрами, или взрослые, на чьем попечении находились дети, – но никогда отцы. Позднее он даже отрекся от проклятий, которые направлял своему собственному отцу».

Прочитанное заключение, основывающееся на результатах исследования нескольких современных фрейдистов, является своеобразным приговором психоанализу. Не доверять Лихи нет никаких оснований, поскольку каждый может убедиться в справедливости главных его выводов, если внимательно прочтет, например, «Историю болезни Доры». Однако, уважаемый Удод, одна ли сексуальность была виной в победном шествии психоанализа по миру? Ведь после разрыва с Вильгельмом Флиссом начинается совершенно новый этап развития психоанализа как жесткой организации и массового общественного движения.

Две статьи в «Новой Литературе»

Жириновский, Фрейд и Россия

Эссе – <http://old.newlit.ru/~akimov/001969.htm>

Обращение к Жириновскому

Уважаемый Владимир Вольфович!

1 ноября 2005 года состоится заседание Преображенского суда г. Москвы по рассмотрению иска Яны Дубейковской к Вам. Ознакомившись с материалами дела, опубликованными на персональном сайте Дубейковской, я пришел к выводу, что она глубоко заблуждается, думая, очевидно, что занимается нужным для людей делом. Психиатрия – это лженаука; его практикуют врачи-мошенники, имеющие на руках сертификаты об окончании психоаналитических курсов, которые, однако, не признаются Министерством образования РФ. Ваше возмущение в ее адрес было совершенно обоснованным. Считаю, что Вы, не переходя границ приличия, вполне корректно и справедливо боролись против незаконных, вредных и аморальных методов воздействия на людей со стороны психоаналитиков.

В Интернете опубликована моя статья «Жириновский, Фрейд и Россия», в которой я всесторонне проанализировал возникшую коллизию между Вами и Дубейковской. О содержании статьи она прекрасно информирована и, похоже, сильно напугана, поскольку убрала с персонального сайта критикуемую мной статью «О нашем, о женском. Размышления политконсультанта-психоаналитика накануне 8 марта». Я убежден, что Вам просто необходимо выступить на предстоящем суде с обличительными материалами по отмене преступного указа Ельцина № 1044 от 19 июля 1996 г. «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа». Пусть Ваши юристы просмотрят мои работы по психоанализу, которые указаны в конце данной статьи. Они найдут в них все необходимые аргументы против психоаналитиков вообще и Дубейковской в частности. С уважением, Акимов Олег Евгеньевич.

24 октября 2005 г.

– I –

Когда Сократ приходил на городской рынок, он неизменно повторял: «Сколько же существует вещей, без которых мне можно прожить!» [1,¹⁵ с. 111]. Когда я захожу в Интернет, мне хочется сказать нечто аналогичное. Но вот однажды, прогуливаясь по психоаналитическим сайтам, я неожиданно набрел на сайт Яны Станиславовны Дубейковской, оформленный в ярко оранжевый цвет Украинской революции. Дубейковская является директором коммерческого предприятия ООО «Центр Прикладного психоанализа», которое предлагает «интеллектуальные услуги» по завоеванию: «победы без страха», «власти без ненависти», «любви без зависти», «денег без вины» и всего этого она обещает добиться с помощью «психоанализа без кушетки».

Дубейковская считает и предлагает себя, как политического технолога. Однако политику она очень не любит. В интервью журналисту одной из газет она сказала: «Для политиков характерно абсолютно не критичное отношение к себе», «им кажется, что без них и солнце не взойдет», «политик в психологическом плане – это маленький ребенок». «Нормальные люди имеют нормальные простые профессии. А люди, у которых внутри сидит комплекс проблем,

¹⁵ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979.

должны заниматься сложной дифференцированной деятельностью. Одним из таких занятий является политика. Гитлер ведь мог стать художником, но стал вождем».

В принципе, с Дубейковской можно было бы согласиться, только зачем же она сама рвется в политику. Так, например, на последних президентских выборах она была одним из руководителей штаба Глазьева. Чтобы заявить о себе погромче, она наговорила обидных слов в адрес вице-спикера Государственной Думы. Она сказала: «Жириновский – это больше артист, чем политик. Для артиста главное – выступать, показывать. Это не связано с обретением любви как средства влияния, когда своим заявлением, своим жестом, поступком ты меняешь всю ситуацию вокруг. Особенность Жириновского в том, что он очень хорошо вписан в систему власти и отвлекает на себя подростковые отцеубийские проекции. Поле массовой психики заполнено проблемами, подавленностью какими-то страхами. Люди ищут фигуры в политической системе, которые могут стянуть на себя негативные проекции. И тут появляется Жириновский, всегда готовый почудить, похулиганить».

Жириновскому можно относиться, конечно, по-разному, но мне кажется, директору коммерческого предприятия по обслуживанию политиков нужно всё же выражаться поаккуратнее. Владимир Вольфович за словом в карман не полез и тут же попытался объяснить Дубейковской, что, оскорбляя лидера большой партии, которого в Думу выбирали миллионы людей, она тем самым оскорбляет и этих избирателей. «...Партии в нашем государстве (я имею в виду настоящие партии) проистекают из самого народа», – написал ей в письме лидер ЛДПР.

Однако Дубейковская эту важную его мысль не поняла и в ответном послании еще больше стала оскорблять его избирателей. Она написала: «Пьяницы и полудурки тоже существенная и активная часть нашего родного электората – я как политтехнолог это прекрасно понимаю. Надо вам срочно менять свою социальную базу. Смело верю, что здорового интеллекта и политического артистизма у Жириновского достаточно, чтобы развернуться от депрессивного электората к активной и жизнерадостной молодежи».

На эти слова вице-спикер уже не стал реагировать. Дубейковская же на этом не успокоилась, открыла на своем сайте страничку для всех желающих, кто хотел бы излить свою ненависть на него. Со всей страны таких желающих набралось два человека. В одном послании выражалось желание, чтобы Дубейковская вызвала Жириновского «К барьеру». «У Соловьева – аудитория большая, резонанс», – написал некий Евгений. В другом послании никакой определенной мысли не содержалось, одни лишь обидные слова, которые я воспроизводить не стану.

Поскольку эта форма дискредитации Жириновского не прошла, то через полгода Дубейковская решила тактику поменять. Политтехнолог подала на Жириновского в суд. Для этого она выбрала из его ответного письма отдельные хлесткие фразы, вписала их в свое исковое заявление и потребовала от суда, чтобы вице-спикер выплатил ей из своего кармана миллион рублей за поправление ее чести и достоинства.

Выхваченные из текста фразы, конечно, не передают содержания всего письма Жириновского, между тем задумка его состояла в следующем. Сказав, что, оскорбляя лидера большой партии, она оскорбляет народ, Владимир Вольфович стал перечислять дела партии с самого ее зарождения. В частности, он писал: «Мы, ЛДПР, вышли на политическую арену в 1977 году. Чем Вы, мадам, занимались тогда? Были школьницей в красном галстуке? Тогда «чудить» было весьма небезопасно, но мы в рамках советской, «брежневской» конституции пытались организовать политическую партию».

Далее: «1987 год. Самое начало атак на меня...» и снова вопрос Жириновского: «Где были тогда Вы и Ваши работодатели? Молча рассовывали по карманам подачки от власти?» Разумеется, последняя фраза относится к «работодателям», так как Дубейковская в то время была слишком молода. Однако она решила обыграть этот пассаж и написала в исковом заявлении, будто Жириновский оклеветал именно ее.

Жириновский блестящий стилист и свой ответ построил предельно ясно. Он называл года – 1977, 1987, 1989, 1990, 1991, – и спрашивал, что делала она и ее товарищи коммунисты. Поскольку Дубейковская – известный политтехнолог, руководила избирательной кампанией Глазьева, человека близкого к коммунистам, которые, в свою очередь, являются яркими противниками ЛДПР, то Жириновский в своем письме в лице Дубейковской, конечно, клеймил Глазьева

и весь левый спектр политиков, ответственных, как он считает, за беды страны. Политтехнолог же все грехи коммунистов взяла на себя. В общем, ее политическая игра здесь более чем очевидна.

– II –

Я не состою в ЛДПР, никогда не голосовал за Жириновского, более того, мне многое не нравится, что и как делает он и его партия. Однако меня поразила та нечестная технология, которую использовала против него Дубейковская. Это подтолкнуло меня к тому, чтобы познакомиться с ее психоаналитической методикой поближе. Было любопытно узнать, как эта женщина может давать советы известным политикам, опираясь на учение Фрейда, о котором мне кое-что известно.

Мое внимание было привлечено названием одного раздела ее книги; он назывался: «Зигмунд Фрейд о кадровой работе в Советской России». «Странно, – подумал я, – ведь родоначальник психоанализа не писал о нашей стране на подобные темы». Как оказалось, автор намеренно дала дезориентирующий заголовок, чтобы привлечь к своей книге внимание читателей. Я поймался на ее удочку, раздел прочитал и пожалел о потерянном времени.

Сначала я знакомился с политическими выступлениями Дубейковской и существом ее спора с Жириновским. Но узнав, что она является доцентом Высшей школы экономики и ведет курсы, базирующиеся на учении Фрейда, включая психоаналитические подходы в политике, сильно расстроился, и вот почему.

Свою психоаналитическую методику в приложении к политике Дубейковская пояснила так:

«Я быстро поняла операциональность таких психоаналитических образов, как образ «отца» и «отцеубийцы», и начала их активно использовать в имиджмейкерском ремесле. Структура массовых проекций и идентификаций, провокация агрессии и чувства вины стали органичной частью моего инструментария понимания процесса выборов. Однако до сих пор помню, что тезис о том, что «политик всегда мужчина» я восприняла как приговор. Нет – мне, конечно, было понятно, что политикой занимаются женщины с отцовскими идентификациями, что сама политика – это яркое проявление фаллоцентризма, эдипальной конкурентности и силового самоутверждения. Но что-то мешало мне закрыть тему женщины-политика из спектра интересных мне проблем».

Строить политическую технологию на низменных чувствах людей, их агрессии и желании убить «отца», весьма опасно и аморально. Нужно будить в людях радость, доброту и любовь. «Фаллоцентризм», «эдипальная конкурентность» и т.д. – всё это ложные псевдонаучные понятия психоаналитиков, которые только компрометируют и оскорбляют реальные отношения между людьми. Приведенные слова она сказала в статье [13]¹⁶. В конце этой статьи, написанной по случаю женского праздника, политтехнолог высказала пожелание: «Предлагаю заменить статью за мужеложство на статью за мужланство».

Жириновский, обращаясь к Дубейковской, написал:

«Однако, у Вас весьма современный подход к психоаналитике. Куда уж тут Юнгу! В этом Ваша беда. Если бы Вы и подобные Вам, не чудили бы в политической науке, не хулиганили бы в психоанализе, то уровень ЛДПР был бы еще выше, а Россия жила бы намного лучше, чем сейчас».

Не знаю, как насчет политического «уровня ЛДПР», но то, что без психоаналитиков «Россия жила бы намного лучше», в этом нет сомнений.

Признаться, некоторое время я находился в растерянности. С одной стороны, политическая позиция, занимаемая Жириновским по многим злободневным вопросам дня, мне представляется спорной. С другой, нельзя оставлять без внимания и те опасные тенденции, развивающиеся у нас в стране, которые олицетворяет деятельность Дубейковской. Больше всего вызывает беспокойство быстрое внедрение фрейдистской идеологии в политическую, образовательную и воспитательную сферы. Беда еще и в том, что российский психоанализ очень быстро приобретает коричневатый оттенок (см. статью [14]¹⁷).

¹⁶ Дубейковская Я.С. *О нашем, о женском. Размышления политконсультанта-психоаналитика накануне 8 марта.*

¹⁷ В.Э.: Ссылка на 14. Акимов О.Е. *Анна О. – первая пациентка Фрейда.* Но, возможно, должно быть: 15. Акимов О.Е. *Карл Юнг – фашист, а кто Вы, господин Медведев?*

– III –

Как бы ни относиться к неординарной личности Владимира Вольфовича, но, похоже, он прав: многочисленные институты психоанализа, в том числе, политехнологические, России не нужны. Если бы вице-спикер в свойственной ему раскованной манере сказал о Фрейде, что он «подлец» и «подонок», я бы согласился. По-моему, отец-основатель психоанализа действительно был порядочным аферистом. Вы посмотрите, какую жульническую технологию по выколачиванию денег из населения он придумал, а между тем она больше калечит психику человека, чем лечит. Ганс Айзенк это однозначно установил на основе добротных статистических выкладок (об этом рассказывается в книге [2,¹⁸ с. 189 и далее]).

Более того, Дороти Роу в предисловии к известной книге Джеффри Мэссона «Против терапии» беспристрастно констатирует: результаты любой формы психотерапии примерно одни и те же – у одной трети больных психическое здоровье немного улучшается, у другой трети останется без изменения и еще у одной трети ухудшается; причем через несколько недель или месяцев у тех, у кого здоровье по прошествию курса лечения улучшилось, снова может ухудшиться [3,¹⁹ с.20]. Мэссон в своей книге убедительно доказывает, что ни один психиатрический метод нельзя считать научно обоснованным.

Сегодня, говорит он, приходит, наконец, понимание того, что лечебный эффект всецело зависит от личности врача, а не от метода, которым он пользуется. Замечено, что молодые и «неопытные» врачи достигают большего оздоровительного эффекта, чем пожилые и «опытные». Хорошенькая молодая девушка, появившаяся в нервно-психическом диспансере сразу после получения аттестата, способна оказать самое благоприятное воздействие на пожилых мужчин, страдающих тяжелыми формами душевного расстройства. В Средние века душевнобольных просто избивали палкой или как-то иначе наказывали. При этом тогдашние врачи тоже отмечали определенный прогресс в «лечении». В связи с этим уместно рассказать об одном случае, описанном Мэссоном.

В начале марта 1990 г. в Чикаго в возрасте 86 лет ушел из жизни «выдающийся» психоаналитик Бруно Беттельхейм. Вся Америка скорбела по «образцу сострадания, доброты и человеколюбия». Но вот 13 марта того же года в «Нью-Йорк Таймс» появляется статья коллеги-психоаналитика, Рудольфа Экстейна, который написал, что Беттельхейм превратил детский приют, которым заведовал много лет, в настоящий «концентрационный лагерь». Он и его подручные систематически избивали и оскорбляли больных ребятишек. Причем об этих издевательствах знали родители и все работники пансионата. Однако жестокий и хитрый «доктор» сумел всех так запугать, что никто не мог сказать против него ни слова.

Мэссон утверждает, что данный случай вполне ординарен, поскольку сам психоаналитический метод сравним по своему ошарашивающему эффекту разве что с электрошоком, от которого все терапевты давно отказались. Да что говорить о бессердечности психоаналитиков, когда родоначальник так называемой гуманистической психологии, Карл Роджерс, являет образцовый пример человеческой черствости. Мэссон пишет, что он крайне холодно относился к своей дочери и совершенно не признавал очаровательную внучку [3, с. 255]. Его бездушность естественным образом распространялась и на пациентов. Автор книги «Против терапии» проиллюстрировал свойство его характера на множестве ярких эпизодов из его жизни.

Часто можно слышать слова возмущения: «Да что вы такое говорите! Доктор N – настоящий профессионал и эталон добропорядочности. Его знает весь мир, как гениального теоретика и практика». Так вот, в подавляющей массе случаев этот «гений» оказывается обыкновенным прохвостом, а весь мир живет мифами о нем. Данное соображение, прежде всего, относится к Зигмунду Фрейду.

Я долго размышлял над тем, как в небольшой статье показать, что основоположник психоанализа не был ученым и в своих книгах нес полную окопесу. В работах [4]²⁰ и [14]²¹ я рассказывал о своих исследованиях биографии отца-основателя. Статья [15]²² касается опасных тенденций, которые наблюдаются уже в наши дни в среде российских психоаналитиков. Сейчас мне хочется продолжить начатую тему «Критика идеологии фрейдизма», только упор сделать на

¹⁸ Акимов О.Е. *Правда о Фрейде и психоанализе*. – М., 2005.

¹⁹ Masson J.M. *Against Therapy*. Common Courage Press, Monroe, Maine, 1994.

²⁰ Акимов О.Е. *Зигмунд Фрейд как основатель ложной теории и практики*.

²¹ Акимов О.Е. *Анна О. – первая пациентка Фрейда*.

²² Акимов О.Е. *Карл Юнг – фашист, а кто Вы, господин Медведев?*

пагубности учения Фрейда как такового. В самом деле, если гуманистическая психология Роджерса или когнитивно-поведенческая терапия Айзенка выглядят еще более или менее безобидно, то в отношении психоанализа этого уже никак не скажешь.

Чтобы в этом убедить читателя, я процитирую несколько характерных пассажей из нетленных сочинений Фрейда. Умному человеку они скажут о многом сами за себя. Впрочем, один комментарий мне всё же придется сделать. Дело в том, что я должен извиниться перед читателем, который никогда не читал фрейдовских опусов. Такое может случиться и со «специалистом», работающим в этой области. Почему? Я сейчас объясню.

Когда-то, в советское время, во всех кабинетах, начиная от генерального секретаря и кончая парторгом самого задрипанного завода, стояли книжные стеллажи, ломящиеся от десятков томов полных собраний сочинений Маркса и Ленина. Однако обитатели партийных кабинетов плохо представляли себе, что написали классики марксизма-ленинизма, поскольку никогда не брали со стеллажей их книг. Нечто похожее происходит и с современными психоаналитиками. На Фрейда они, конечно, молятся, как коммунисты на Ленина, даже анализируют в точности по нему, но книг его полностью не читали, поэтому очень удивятся, когда прочтут сейчас, о чем сто лет назад писал их идол.

Итак, со следующего подраздела я начну цитировать классика, однако спешу предупредить новичков. Сейчас они столкнутся с самой низкопробной порнографической литературой, которая когда-либо печаталась со времени изобретения Гуттенбергом книгопечатного станка. Об этой историко-литературной достопримечательности должен помнить и редактор, просматривающий текст этой статьи. Он обязан учитывать, что подобной продукцией сегодня завалены полки всех книжных магазинов и библиотек. Десятки отечественных типографий дённо и ночью шлепают миллионными тиражами труды венского авантюриста. Моя вина состоит лишь в том, что я осмелился широко растиражированный текст вставить себе в статью.

– IV –

Приведу содержание и истолкование двух типичных сновидений из книги Фрейда «Толкование сновидений». Перед их изложением автор с гордостью вопрошает:

«Кто до толкования [т.е. до его выдающегося «научного» открытия] мог бы предугадать наличие сексуального влечения в следующем сновидении? Субъект сообщает: «Между двумя дворцами стоит маленький домик; ворота его на запоре. Жена ведет меня по улице, подводит к домику, толкает дверь, и я быстро вхожу во двор, несколько поднимающийся в гору». Кто имеет известную опытность в толковании сновидений, – *комментирует Фрейд*, – тот сейчас же увидит в проникновении в тесные помещения и в открывании запретных дверей наиболее употребительную сексуальную символику и с легкостью истолкует это сновидение как изображение попытки *coitus'a a posteriori* [сноска издателя: *половой акт сзади*]. Узкий двор, подымающийся в гору, несомненно, влагалище; помощь, оказываемая женой в сновидении, указывает на то, что в действительности лишь уважение к жене послужило препятствием к осуществлению такой попытки; полученная справка говорит, что накануне сновидения в дом спящего поступила молодая служанка, произведшая на него благоприятное впечатление и вызвавшая в нем мысль, что она, наверное, не отклонила бы такого предложения» [5,²³ с. 286].

Воспроизведем второе сновидение вместе с объяснениями Фрейда (они приведены в квадратных скобках):

«Кто-то забрался в дом, и она в страхе позвала сторожа. Но тот мирно отправился вместе с громилами в церковь [влагалище], к которой вели несколько ступеней [символ коитуса]; позади церкви была гора [лобок], а на верху густой лес [растительность на лобке]. На стороже был шлем и ряса [демоны в рясах, по словам специалистов, носят всегда фаллический характер]; у него большая рыжая борода. На громилах, мирно шедших с ним, были длинные мешкообразные фартуки [две части мошонки]. Из церкви в гору вела дорога. Последняя с обеих сторон поросла травой и кустарником, который становился все гуще и на вершине горы переходил в дремучий лес» [5, с. 298].

Помнится, в одном из разговоров с Юнгом Фрейд как-то обронил: «Я просто не могу продемонстрировать большей наготы перед читателем». При чтении подобных сновидений и

²³ Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.

комментариев к ним у этого самого читателя тут же возникает вопрос: что ж такого мог оставить Фрейд за пределами «Толкования сновидений»? По мнению психоаналитика, мужские половые органы обычно символизируются лицами, а женские – ландшафтами. Приведу его расшифровку символики снов:

«Все продолговатые предметы, палки, трости, деревья, зонты (аналогия с эрекцией!), все длинные и острые орудия: ножи, кинжалы, пики служат для изображения мужского полового органа. Употребительным, хотя и малопонятным символом его служит пилка для ногтей. Коробки, жестянки, ящики, шкафы, печки соответствуют половой области женщины. Комнаты в сновидениях по большей части – женщины (по-немецки созвучие: *Zimmer* и *Frauenzimmer*). Понятия «закрытый» или «открытый», очевидно, относятся сюда же.

Сновидение, в котором спящий спасается через анфиладу комнат, изображает публичный дом. Лестницы, подъем по ним и сходжение – символическое изображение коитуса... «Гладкие» стены – мужчины... Столы – по большей части женщины; по всей вероятности, вследствие контраста их ровной поверхности с рельефностью женского тела... Из предметов одежды женская шляпа изображает почти всегда половые органы мужчины. В сновидениях мужчин галстук служит зачастую символом пениса, не только потому, что он имеет продолговатую форму, «свешивается» и служит характерным атрибутом мужчин, но и потому, что галстук можно выбрать себе любой, по желанию. Лица, пользующиеся этим символом в сновидении, имеют обычно целую коллекцию галстуков и очень часто их меняют. Все сложные машины и аппараты в сновидениях – большей частью половые органы, в изображении которых символика сновидений вообще чрезвычайно изобретательна. В равной мере сюда же следует отнести многие ландшафты, особенно такие, где имеются мосты или горы, поросшие лесом. Наконец, различные непонятные новые словообразования могут оказаться соединением нескольких слов, относящихся к половой жизни. Возня с маленьким ребенком, физическое наказание его служат обычно изображением акта онанизма» [5,²⁴ с. 291–292].

Разумеется, в приведенных толкованиях нет никакой науки. Перед нами плод сексуальной фантазии самого автора, которая случайным образом проецируется им на самые обычные сюжеты, в то время, как в них и намек нет на сексуальное содержание. Проецированием как неким эпистемологическим приемом пользуются все малообразованные люди (шаманы, знахари, маги и мистики), когда пытаются подо что-то подвести теоретическую базу. Этой примитивной, но широко распространенной методикой пользовались и древние оракулы, трактующие случайно возникающие символы, и мифотворцы эпохи античности, хироманты, алхимики, астрологи Средневековья. Система проекций, принятая Фрейдом, крайне произвольна. Она не имеет никаких вероятностных характеристик, т.е. статистического измерения, и, по сути, ничем не отличается от тех систем проекций, которыми пользуются обыкновенные гадалки, ворожащие на картах и других предметах.

– V –

Прочитую несколько фрагментов из «Трех очерков по теории сексуальности», которые, как и «Толкование сновидений», имеют общий тираж у нас в стране несколько миллионов экземпляров. Я хочу, чтобы читатель хорошенько сосредоточился и немного поразмышлял над прочитанным. После этого, я надеюсь, он воспользуется моим советом, который состоит в следующем. Если у вас в доме имеются книжки Фрейда, не поленитесь, встаньте с дивана, возьмите их с полки и спустите в мусоропровод, чтобы их, не дай Бог, не прочитали ваши дети и внуки. А сейчас внимательно читайте текст, написанный отцом-основателем.

«Нормальной сексуальной целью, – пишет он, – считается соединение гениталий в акте, называемом совокуплением, которое ведет к разрядке сексуального напряжения и временному угасанию сексуального влечения (удовлетворение, аналогичное насыщению при голоде). И все же при нормальном сексуальном процессе можно заметить элементы, развитие которых ведет к отклонениям, описанным как перверсии. Предварительными сексуальными целями считаются известные промежуточные процессы (лежащие на пути к совокуплению) отношения к сексуальному объекту – ощупывание и разглядывание его. Эти действия, с одной стороны, сами дают наслаждение, с другой стороны, они повышают возбуждение, которое должно существовать до достижения окончательной сексуальной цели. Одно определенное прикосновение из их числа взаимное прикосновение слизистой оболочки губ получило далее как поцелуй у многих народов (в том числе

²⁴ Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.

и высокоцивилизованных) высокую сексуальную ценность, хотя имеющиеся при этом в виду части тела не относятся к половому аппарату, а составляют вход в пищеварительный тракт. Всё это – те моменты, которые позволяют установить связь между перверсией и нормальной сексуальной жизнью и которые можно использовать для классификации перверсий. Перверсии представляют собой либо выход за анатомические границы частей тела, предназначенных для полового соединения, либо остановку на промежуточных отношениях к сексуальному объекту, которые в норме быстро исчезают на пути к окончательной сексуальной цели.

Психическая оценка, которую получает сексуальный объект как желанная цель сексуального влечения, в самых редких случаях ограничивается его гениталиями, а распространяется на все его тело и имеет тенденцию включать в себя все ощущения, исходящие от сексуального объекта. Та же переоценка переносится в психическую область и проявляется как логическое ослепление (слабость суждения) по отношению к душевным проявлениям и совершенствам сексуального объекта, а также как готовность подчиниться и поверить всем его суждениям. Доверчивость любви становится, таким образом, важным, если не самым первым источником авторитета. Именно эта сексуальная оценка так плохо гармонирует с ограничениями сексуальной цели соединением одних только гениталий и способствует тому, что другие части тела избираются сексуальной целью. Значение фактора сексуальной переоценки лучше всего изучать у мужчины, любовная жизнь которого только и доступна исследованию, между тем как любовная жизнь женщины, отчасти вследствие культурных искажений, отчасти вследствие конвенциональной скрытности и неоткровенности женщин, погружена еще в непроницаемую тьму.

Использование рта как сексуального органа считается перверсией, если губы (язык) одного лица приходят в соприкосновение с гениталиями другого, но не в том случае, если слизистые оболочки губ обоих лиц прикасаются друг к другу. В последнем исключении заключается приближение к норме. Кому противны другие формы перверсий, существующие, вероятно, с самых древних доисторических времен человечества, тот поддается при этом явному чувству отвращения, которое не допускает его принять такую сексуальную цель. Но граница этого отвращения часто чисто условна; кто со страстью целует губы красивой девушки, тот, может быть, лишь с отвращением сможет воспользоваться ее зубной щеткой, хотя нет никакого основания предполагать, что полость его собственного рта, которая ему не противна, чище, чем рот девушки. Тут внимание привлекается к моменту отвращения, которое мешает либидозной переоценке сексуального объекта, но, в свою очередь, преодолевается либидо. В отвращении хотят видеть одну из сил, которые привели к ограничению сексуальной цели. Обыкновенно влияние этих ограничивающих сил до гениталий не доходит. Но не подлежит сомнению, что и гениталии другого пола могут быть сами по себе предметом отвращения и что такое поведение составляет характерную черту всех истеричных больных (особенно женщин). Сила сексуального влечения обыкновеннее всего проявляется в преодолении этого отвращения.

Еще отчетливее, чем в предыдущем случае, становится ясным при использовании заднего прохода, что именно отвращение налагает печать перверсии на эту сексуальную цель. Но пусть не истолкуют как известное пристрастие с моей стороны мое замечание, что оправдание этого отвращения тем, что эта часть тела служит выделениям и приходит в соприкосновение с самым отвратительным – с экскрементами, не более убедительно, чем то оправдание, которым истеричные девушки пользуются для объяснения своего отвращения к мужским гениталиям: они служат для мочеиспускания.

Сексуальная роль слизистой оболочки заднего прохода абсолютно не ограничивается общением между мужчинами, оказываемое ей предпочтение не является чем-то характерным для инвертированных чувств. Наоборот, по-видимому, педерастия у мужчины обязана своим значением аналогии с актом с женщиной, между тем как при сношении инвертированных сексуальной целью, скорее всего, является взаимная мастурбация» [6,²⁵ с. 133–135].

Вы понимаете, конечно, что никакой научной ценности эта «теория сексуальности» не имеет. У всех нормально воспитанных людей она вызывает только чувство брезгливости. Если кто-то попытается указать на практическое значение порнографических текстов Фрейда, то он тоже ошибется. В практических целях это и добрая полусотня других его произведений вам не поможет. В благополучных семьях XIX столетия половым воспитанием детей, включая гигиенические навыки, занимались гувернантки или няни. Сейчас в нашей стране институт гувернанток и нянь возрождается. Знакомство же с текстами Фрейда не только бесполезно, но и очень вредно для нравственного воспитания детей и подростков. Нам нужно также всегда

²⁵ Фрейд З. *Три очерка по теории сексуальности* / Психология бессознательного: Сб. произведений. – М.: Просвещение, 1989.

помнить о кокаине, который Фрейд употреблял при написании подобных текстов (об этом я подробно рассказываю в своей книге [7]²⁶).

– VI –

В «Анализе фобии пятилетнего мальчика» Фрейд рассуждал следующим образом: мальчик Ганс думал, что пипка нужна ему для писания, однако известно еще одно назначение этого органа. И вот, автор набросал сценарий того, как могло бы происходить открытие мальчиком этой важнейшей функции. Он подвергает малыша тяжелым испытаниям. Бедный Ганс смертельно обижается на мать, которая спит с его отцом, из-за ревности он хочет убить своего папашу и новорожденную сестренку, у него появляется боязнь лошадей, но вот приходит волшебник, доктор Фрейд, и снимает все познавательные проблемы мальчика.

Вместо того, чтобы писать скучным академическим языком научную статью, психоаналитик решает сочинить захватывающий роман, как «мальчик ищет случай видеть пипки других людей», как «ему нравится показывать свои половые органы», как «одна из его маленьких подруг помогла ему при мочеиспускании и, таким образом, могла видеть его половой орган», как «его желание оставалось невытесненным», как ему удалось найти «активные формы сексуального удовлетворения». И вот уже миллионы людей по всему миру утирая глаза, влажные от слез, читают выдающийся труд австрийского психоаналитика. «Анализ фобии пятилетнего мальчика» становится эталоном проведения психотерапевтических мероприятий. Профессора и академики российских учебных заведений разбирают день за днем события, пережитые Гансом. Студенты конспектируют работу Фрейда, проводят по ней десятки семинаров, сдают экзамены по истории болезни мальчика, поскольку гениальному автору удалось не просто зафиксировать уникальный случай, а на практике собственноручно провести сложнейшую процедуру излечения опасного невроза.

В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд говорит, что нет ничего противостественного в сосании мужского члена женщиной. «Анализ фобии пятилетнего мальчика» как раз и начинается с разъяснений этого актуального для всех студентов-девушек факта.

«Первые сведения о Гансе, – пишет Фрейд, – относятся ко времени, когда ему еще не было полных трех лет. Уже тогда его различные разговоры и вопросы обнаруживали особенно живой интерес к той части своего тела, которую он на своем языке обычно называл *пипкой*. Так однажды он задал своей матери вопрос:

Ганс: «Мама, у тебя есть пипка?»

Мать: «Само собой разумеется. Почему ты спрашиваешь?»

Ганс: «Я только подумал».

В этом же возрасте он входит в коровник и видит, как доят корову. «Смотри, – говорит он, – из пипки течет молоко».

Уже эти первые наблюдения, – комментирует Фрейд, – позволяют ожидать, что многое, если не большая часть из того, что проявляет маленький Ганс, окажется типичным для сексуального развития ребенка. Я уже однажды указывал [а именно, в «Трех очерках по теории сексуальности»], что не нужно приходить в ужас, когда находишь у женщины представление о сосании полового члена. Это непристойное побуждение довольно безобидно по своему происхождению, так как представление о сосании связано в нем с материнской грудью, причем вымя коровы выступает здесь опосредствующим звеном, ибо по природе это – грудная железа, а по виду и положению своему – пенис. Открытие маленького Ганса подтверждает последнюю часть моего предположения.

В то же время его интерес к пипке не исключительно теоретический. Как можно предполагать, у него также имеется стремление прикоснуться к своему половому органу. В возрасте трех с половиной лет мать увидела, что он держит руку на пенисе. Мать грозит ему: «Если ты это будешь делать, я позову д-ра А., и он отрежет тебе твою пипку. Чем же ты тогда будешь делать пипи?» Ганс: «Моей попой». Тут он отвечает еще без сознания вины, но приобретает при этом «кастрационный комплекс», который так часто можно найти при анализе невротиков, в то время как они все протестуют против этого» [6,²⁷ с. 39].

Последний абзац показывает, как из шутливой фразы, сказанной мамой, которую она потом, видимо, напомнила сыну, когда тот стал взрослее, Фрейд вывел наличие у всех детей мира кастрационного комплекса. Основатель психоанализа об этом комплексе говорил посто-

²⁶ Акимов О.Е. *Психология познания. Удод*. – М., 2004.

²⁷ Фрейд З. *Три очерка по теории сексуальности* / Психология бессознательного: Сб. произведений. – М.: Просвещение, 1989.

янно, однако кроме этого придуманного им случая с Гансом у него не было доказательств, что хоть один мальчик когда-нибудь в жизни переживал за свою пипку.

За всеми вопросами и ответами, приведенными в «Анализе фобии пятилетнего мальчика», мы узнаем одно и то же лицо – несчастного Фрейда. Это его одолевает патологический интерес к половым органам. Если даже предположить, что подобное любопытство проявил трехлетний мальчик, то нормальный доктор не стал бы вести с ним беседы на эти темы. Он обязан был ему объяснить, что в его возрасте лучше интересоваться игрушками, книжками с картинками, предметами окружающего мира, но никак не пипками мамы и папы. Мудрый, правильно воспитанный человек постарался бы отвлечь малыша от несвоевременного любопытства. Вместо этого читатель видит, как взрослый дядя, по сути, занялся растлением ребенка.

К счастью, Фрейд обманул читателя, заявив, будто запись диалогов ему предоставил отец Ганса. В книге [2]²⁸, детально разбирая отдельные сюжеты этого сочинения, я попытался доказать, что никаких диалогов в действительности не происходило. Весь написанный текст выглядит слишком вымученно и противоречиво, чтобы соответствовать реальности. Видно, что автор плохо знает психологию детей, и большую часть текста либо просто придумал, либо скопировал со своего патологического детства.

– VII –

Теория Фрейда опасна для неподготовленной к жизни молодежи, но более опасна его практика. Отец-основатель, конечно, не был ангелом, и хорошенькие девушки подвергали себя риску, когда шли к нему на анализ. Всю терапию он и его последователи, конечно, проводят в строгой секретности. До сих пор история не донесла до нас ни единого документа, прямо указывающего, что Фрейд был замешан в сексуальных связях со своими пациентами. Однако существует масса косвенных свидетельств, которые бросают на него тень. Кроме того, существует достаточное количество фактов, говорящих о грубом нарушении врачебной этики со стороны других аналитиков. Отношение между пациенткой и врачом-аналитиком всегда доверительные, по-другому и быть не может. Даже с точки зрения обычной психологии этот момент требует повышенного внимания, в психоанализе же интимный контакт превращается в тигель «целительного» процесса. Почитайте внимательно биографии известных психоаналитиков, и вы убедитесь, что они занимались далеко не безобидным ремеслом. В результате взаимного проникновения душ и тел пациентка либо выходила замуж за своего врача (через это прошли жены Карла Юнга, Шандора Ференци, Эриха Фромма, Вильгельма Райха), либо становилась его любовницей, как Сабина Шпильрейн и Тони Вольф у того же Карла Юнга, Элла Паллош у того же Шандора Ференци, Мария Бонапарт у Рудольфа Лёвенштайна и т.д.

Всякое «сопротивление» пациентки будет сломлено врачом, по условию их официального контракта. Сексуальные чувства – а других аналитик и не предполагает – тоже естественным образом встроены в теорию психоанализа под наукообразным термином *трансфер* – перенос любовной страсти пациентки на аналитика. В «Этическом кодексе» говорится:

«Терапевтические отношения между пациентом и психоаналитиком основываются на доверии и обоюдном информированном согласии... Психоаналитик должен в тактичной форме достичь согласия с пациентом по поводу времени встреч, оплаты и других правил и обязательств, адекватно объяснить суть реальных и терапевтических отношений».

Неужели кто-то думает, что опытный аналитик не сможет «в тактичной форме достичь согласия»? Очень даже сможет, а пациентка за эти его старания перечислит на его счет кругленькую сумму.

Фрейд в «Заметках о любви в перенесении» специально рассмотрел случай, «когда пациентка делает совершенно определенные намеки или прямо заявляет, что, как любящая смертная женщина, влюбилась в анализирующего ее врача» [8,²⁹ с. 160]. Автор потратил три страницы на обсуждение вопроса: «как должен вести себя аналитик, чтобы не потерпеть неудачи при таком положении, если для него несомненно, что лечение необходимо продолжить, несмотря на такое любовное перенесение, а поэтому перешагнуть через него?» Затем твердо сказал:

²⁸ Акимов О.Е. *Правда о Фрейде и психоанализе*. – М., 2005.

²⁹ Фрейд З. *Заметки о любви в перенесении* / Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М.: МПСИ, 2000.

«Аналитик никогда и никоим образом не должен отвечать на предлагаемую ему нежность или принимать ее. Наоборот, он должен считать момент подходящим для того, чтобы отстаивать перед влюбленной женщиной нравственные требования и необходимость отказа; добиваться от нее, чтобы она прекратила свои требования и продолжала аналитическую работу, преодолев животную часть своего Я» [8, с. 164].

Легко писать этические наставления, когда сидишь один за письменным столом, и совсем иное дело, если перед тобой на кушетке в соблазнительной позе лежит молодая женщина, в которую ты успел влюбиться. Все фальшивые табу Фрейда летят в тартарары, и могучая энергия либидо берет свое. Не случайно в современном психоанализе появился новый раздел – психоанализ психоанализа, т.е. разрешение средствами психоанализа запутанных проблем, возникших между пациенткой и врачом в процессе психоанализа.

Меня лично всегда удивляла беспечность мужей, которые позволяют своим женам посещать психоаналитические кабинеты. Разве может кого-то остановить моральная норма, прописанная в «Этическом кодексе»: «*Сексуальные отношения между аналитиком и пациентом или членами его семьи наносят вред обеим сторонам терапевтического процесса и находятся за пределами этических норм*? Чего стоят разговоры об «Основных руководящих принципах» психоанализа: конфиденциальность, честность, запрет на эксплуатацию пациента, профессиональная компетентность, уважение личности и отсутствие дискриминации, взаимность и информированное согласие? Всё обратится в прах, стоит только проскочить искре взаимной симпатии. А она не может не проскочить, когда речь заходит о самых интимных вещах в атмосфере полного доверия и секретности.

Пусть мы ничего не знаем о самом Фрейде, но о его ближайшем сподвижнике, «приемном сыне» и «правой руке», Отто Ранке, нам всё хорошо известно. Его пациентка, ставшая его второй женой, Анаис Нин, оставила дневник, где честно описала психотерапевтический сеанс ее «анализа». «*Внезапно он жадно поцеловал меня, – пишет она. – Потом заставил меня лечь под него, и мы целовались до самозабвения; мы знали, что должны остановиться, но не могли, и я, опьяненная, как и он, вдруг почувствовала, что пью его сперму*» [9,³⁰ с. 82–83].

Кто-то подумал, что это из ряда вон выходящий случай; очевидно, Ранк какой-то особый аналитик, не сумевший себя сдерживать. Однако до него у Анаис был другой врач, Рене Алленди, о котором пациентка тоже оставила откровенную запись. В дневнике воспроизведен диалог, который имел место между ней и врачом:

««Я не хочу». – «Ты не сможешь без этого обойтись. Кричи, если хочешь. В этом доме на крики никто не обращает внимания». – «Не хочу, потому что у меня останутся следы... Тут Алленди бросил меня на кровать и сильно отхлестал по ягодицам. Но я кое-что заметила: его член после всех этих вещей, которые его возбуждали, – после порки, борьбы, неистовых ласк, целования груди – всё еще был мягкий. Генри бы уже пылал от страсти. Алленди подтолкнул мою голову к своему члену, как в первый раз, но потом, даже в такой обстановке возбуждающих действий и угроз, трахался ничуть не лучше, чем раньше. Член у него был короткий и вялый. Ему происходящее казалось верхом сладострастия! Я же ломала перед ним комедию... Меня забавляло, что мне удалось так искусно обмануть Алленди-психолога!» [9, с. 83].

В психоанализе прямо заложено неуважение к женщинам, которые преимущественно и посещают аналитиков-мужчин. Анаис Нин воспроизвела слова врача Рене Алленди, которые можно начертать на знамени всех аналитиков. Он ей сказал:

«Я сделаю из тебя половую тряпку. Ты будешь пресмыкаться передо мной и делать всё, что я тебе прикажу. Я хочу, чтобы ты отказалась от своего Я, забыла о гордости, забыла обо всем».

Мне кажется, что этот Алленди является идеальным врачом-психотерапевтом, который полностью усвоил учение Фрейда.

– VIII –

А теперь давайте вернемся к эпизоду, произошедшему между Жириновским и Дубейковской. Что имел в виду Владимир Вольфович, когда обвинял психоаналитиков в лице

³⁰ Мекаччи Л. *Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа.* – М.: Смысл, 2004.

Дубейковской в «растаскивании казны и государственной собственности» и «молчаливом рассовывании подачек от власти по карманам»? (Эти фразы взяты из искового заявления Дубейковской.) По этому поводу я думаю вот что.

В 1996 г. небольшая группа психоаналитиков (имен называть пока не буду) убедила не совсем здорового президента России, Ельцина Б.Н., подписать указ «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа». В нем, в частности, говорилось:

«Правительству Санкт-Петербурга рассмотреть вопрос о предоставлении Восточно-Европейскому институту психоанализа льготных условий аренды занимаемого в настоящее время институтом здания в г. Санкт-Петербурге» [10,³¹ с. 779].

В принципе, один этот пункт превращает слова Жириновского в достаточно весомый аргумент против позиции Дубейковской и ее «товарищей» по работе. Она закончила именно Восточно-Европейский институт психоанализа, чем очень гордится. Но дело даже не в отдельно взятой выпускнице этого института, которая использует психоаналитические технологии для ведения нечестной политической борьбы. Проблема ставится шире: она состоит действительно в масштабном «растаскивании казны и государственной собственности» для очень неблагоприятных задач.

Указ вышел в разгар предвыборной кампании Ельцина, который ради своей победы шел на любые уступки всем, в том числе, и психоаналитикам, и защитникам секс-меньшинств, и прочим представителям небольших групп населения. В высших эшелонах власти царил полная неразбериха. Президентские решения прорабатывались из рук вон плохо. Я ни на секунду не сомневаюсь, что подобный указ никогда бы не вышел, если бы Борис Николаевич знал всю правду о Фрейде и психоанализе. Но случилось непоправимое: указ вышел и спровоцировал в стране психоаналитический бум.

Сразу же после его опубликования 26 июля на стол Ельцина легло письмо президента Российской Академии образования Петровского А.В. В нем он сетовал: «Мне и моим коллегам представляется, что фиксация ряда положений Указа исключительно на Восточно-Европейском институте психоанализа (г. Санкт-Петербург) не оправдана...» [10, с. 780]. Петровский писал, что «предоставление Восточно-Европейскому институту психоанализа льготных условий аренды вполне целесообразно» [10, с. 781], однако существует и г. Москва, в котором тоже полно психоаналитических учреждений. Понятно, что москвичам удалось отвоевать у большого Ельцина теплые местечки под ярким солнышком. Так, в государственном здании Института психологии РАН в 1997 г. был открыт Институт практической психологии и психоанализа, в здании Психологического факультета МГУ была открыта Психоаналитическая Академия и т.д.

Между тем во всем цивилизованном мире психоаналитическое образование, как и астрологическое, магическое и прочие шарлатанские сферы, не признается государственным. Никакая психоаналитическая аттестация не входит в государственный реестр, в университетах и академических институтах отсутствуют психоаналитические подразделения, психоаналитики трудоустраиваются на свой страх и риск исключительно в частном секторе. Разумеется, и на Западе существуют какие-то нарушения и отклонения, на которые кивают российские психоаналитики. Но в целом тенденция вполне ясная: здоровое общество никогда не принимало психоанализ за серьезную науку и медицинскую практику. Если представители фрейдизма слишком глубоко внедрялись в государственные структуры, то всегда рано или поздно в обществе находились здоровые силы, которые выталкивали их из этого сектора.

В России, как водится, всё ставится с ног на голову. Психоанализ процветает на психологических факультетах всех вузов страны. Учение Фрейда стало первейшей заботой нашего государства. Сегодня в подвальных комнатах Института психологии РАН, что расположен на ул. Ярославская, 13, за запертыми изнутри дверьми, обитыми красным дерматином, здоровенные мужики (я их видел) «анализируют» хрупких девочек (я их тоже видел). Вся эта «медицинская помощь» надежно защищена ельцинским указом от 1996 г. Один из прорабов психоаналитической Перестройки, Лейбин В.М., в своей статье «Психоанализ в России» так и написал:

«К концу 90-х годов психоанализ в России неожиданно обрел статус государственной политики. Во всяком случае, реализация Указа Президента РФ потребовала подготовку соответству-

³¹ Овчаренко В.И., Лейбин В.М. *Антология российского психоанализа*. Т. 2. – М.: МПСИ, 1999.

ющей программы организационной и финансовой поддержки развития психоанализа на государственном уровне» [10,³² с. 481].

– IX –

Между прочим, именно Лейбин Валерий Моисеевич один из тех, кто дезориентировал российскую общественность относительно советского психоанализа. Он представил дело так, будто советская школа психоаналитиков, подобно школе генетиков, была раздавлена каблуком сталинского сапога. У него есть даже стихи на эту тему:

Архипелаг ГУЛАГ –
Вурдалак,
Трупного запаха яд.
На чаше весов
Жертвы усов
И хитрый, бесовский взгляд
[11,³³ с. 418].

Или вот еще:

Архипелаг Оно
Фрейд открыл давно,
А страстей накал
Достоевский знал»
[11, с. 309].

Здесь Пушкин может отдыхать.

Добавлю, сегодня модно подчеркивать национальность и говорить «русский психоанализ». Однако этот социальный феномен возник исключительно благодаря ошибочным действиям Советского Правительства. Можно было бы писать «русский психоанализ», пишут же «французский психоанализ». Но нынешние российские психоаналитики вкладывают в термин «русский» определенный шовинистический элемент превосходства «русской души» над духовной конституцией представителей других национальностей [15]³⁴. Поэтому в нашем нездоровом обществе лучше заменить термин «русский» нейтральным термином «российский», а психоанализ советского периода называть «советским».

Итак, что же фактически произошло с советским психоанализом? В книге [12]³⁵ на этот счет приводится скудная информация, тем не менее, она дает ключ к пониманию того, почему в Советской России были свернуты все психоаналитические исследования. Если передавать ее содержание в нескольких словах, то суть дела такова.

Почти одновременно с образованием в Москве Психоаналитического Общества и Института был открыт в особняке Рябушинского, что расположен на Малой Никитской, 6 (сейчас там Музей Горького), Детский дом-лаборатория (ДДЛ). Обычно туда направлялись дети крупных партийных чиновников, в частности, там находился сын Сталина, Василий. Когда советские последователи Фрейда дискутировали между собой, переводили, изучали и издавали книжки по психоанализу, это никого особенно не волновало. Но когда персонал ДДЛ (преимущественно молодые девушки без образования) стали внедрять приемы воспитания маленького Ганса в жизнь, произошла катастрофа.

Представьте себе огромную комнату с высоким потолком, площадью примерно 35–40 квадратных метров (я в ней побывал и три часа проговорил с бабушкой-экскурсоводом). На полу возятся полтора десятка детей разного возраста и пола и друг у друга мастурбируют пипки. Время от времени они просят своих воспитательниц показать им свои пипки и совместно позаниматься онанизмом. Представили себе эту картину? Теперь слушайте краткую историю советского психоанализа.

ДДЛ открылся в начале 1922 г. В конце 1923 г. О.Ю. Шмидт, курирующий ДДЛ, ездил в Вену и докладывал Фрейду, что всё идет точно, в соответствии с его «наукой». В начале 1924 г. в верхние эшелоны власти просочилась информация, что в ДДЛ творятся безобразия. Однако здравый смысл у советских руководителей проснулся лишь к началу 1925 г., когда, наконец,

³² Овчаренко В.И., Лейбин В.М. *Антология российского психоанализа*. Т. 2. – М.: МПСИ, 1999.

³³ Лейбин В.М. *Фрейд и Россия*. – М.: МПСИ, 2000.

³⁴ Акимов О.Е. *Карл Юнг – фашист, а кто Вы, господин Медведев?*

³⁵ Эткинд А. *Эрос невозможного. История психоанализа в России*. – М.: Гнозис, 1994.

была сформирована правомочная комиссия для оценки результатов воспитания по Фрейду и принятия решения. Комиссия отметила: *«Сексуальные проявления, онанизм, наблюдаются у большинства детей, живущих в ДДЛ. У детей, только что вступивших в ДДЛ из семей, онанизм не наблюдается».*

В результате разразившегося скандала ДДЛ был срочно изолирован от Психоаналитического Института. В отношении советского психоанализа всем всё стало сразу понятно. Однако непонятливый Фрейд в письме к Осипову от 23 февраля 1927 г. писал:

«У аналитиков в Советской России, без сомнения, наступают плохие времена. Откуда-то большевики взяли, что психоанализ враждебен их системе. Вы знаете правду – наша наука не может быть поставлена на службу никакой партии, хотя для своего развития она нуждается в определенной свободе».

Фрейд всегда начинал говорить о свободе, когда кто-нибудь возмущался развратом, который во все стороны расходился от его школы. Ему было жаль расставаться с советскими психоаналитиками и не только потому, что в их лице он нашел идейную и моральную поддержку; существовала более веская причина для разочарований. Дело в том, что всё мировое психоаналитическое движение в начале 1920-х годов поддерживалось деньгами из Российской казны.

После ухода в 1921 г. от Фрейда Ранка в «Комитет шести» или «Комитет носителей колец» (аналог советского Политбюро) вошел Макс Эйтингон. Его брат, Наум Эйтингон, занимал в компетентных органах (тогда это было НКВД) высокую должность в Москве.

«Представляется, что сегодня есть достаточно данных, – пишет Эткинд, – позволяющих считать Макса Эйтингона в той или иной форме причастным к делам своего (сводного?) брата... В начале и даже в середине 20-х гг. во время правления Троцкого и расцвета советского психоанализа, международное аналитическое движение финансировалось советскими деньгами!» [12,³⁶ с. 300].

– X –

Ну, а что Сталин, сын которого находился на воспитании в ДДЛ? Ровным счетом ничего! С его стороны не последовало никакой реакции. Его сыну не было и пяти, когда он оказался в ДДЛ. Отец абсолютно не интересовался, чем занимается маленький Вася. Я вообще сомневаюсь, что Сталин знал о скандале в ДДЛ.

Тревогу забили прежде всего матери детей, которые находились в ДДЛ, в частности, Вера Шмидт, жена Отто Шмидта и мать Оськи, который вместе с сыном Сталина находился на воспитании в ДДЛ. Вера была «ответственным руководителем», т.е. занимала высокую должность в ДДЛ. Она вместе с пятью другими «руководительницами» (так официально назывались воспитатели) в 1924 г. написали возмущенное Заявление, в котором говорилось, что коллектив ДДЛ «пришел к выводу о невозможности продолжать дальнейшую работу при существующих условиях» [10,³⁷ с. 654]. Именно женщины увидели растлевающую опасность, идущую от психоанализа и, пусть не сразу, но, в конечном счете, весьма решительно и надолго разделались с вредной фрейдовской идеологией, господствовавшей в первой половине 1920-х годов в нашей стране.

В это время в среде советских идеологов, философов и психологов начались бурные дискуссии о совместимости марксизма и фрейдизма. Сначала преобладала позиция их полной согласованности, затем маятник качнулся в противоположную сторону и возобладали точка зрения противников. Они всё громче и громче заявляли: «Очистим марксизм от скверны фрейдизма!» В конечном счете, последние победили. Заметим, однако, Сталин в этой дискуссии не принимал никакого участия.

Первый советский диктатор, Ленин, медленно и мучительно умирал; второй диктатор, Сталин, тогда, в 1920-х годах, еще не имел никакой власти.³⁸ Страной фактически руководил

³⁶ Эткинд А. *Эрос невозможного. История психоанализа в России.* – М.: Гнозис, 1994.

³⁷ Овчаренко В.И., Лейбин В.М. *Антология российского психоанализа.* Т. 2. – М.: МПСИ, 1999.

³⁸ В.Э.: У автора смутное представление о том, кто правил Советским Союзом в 1920-е годы. На самом деле картина была такой: Троцкого отстранили от власти уже в 1923 году, когда Ленин был еще жив, но безмолвствовал. (Троцкий, собственно, никогда и не был «у власти»: он всегда был вторым человеком при Ленине; со смертью Ленина он «должен был бы» стать первым, но именно этого не хотели

Троцкий, но его правление было слишком либеральным. Сталин решился отнять у него бразды правления. На чем он сконцентрировал свои усилия – на психоанализе? Ведь дети Троцкого одно время воспитывались у Альфреда Адлера, и сам он интересовался психоанализом, а тут скандал в ДДЛ. Нет, ничего, связанного с психоанализом, в поле зрения Сталина не попало. Он решил нанести удар по Троцкому совершенно в другом месте.

В 1925 г. Троцкий выпустил книгу «Уроки Октября». В ней он утверждал, будто вся Октябрьская революция сделана его руками и руками Ленина. Здесь Сталин понял, в какое место нужно бить, чтобы свалить хвастливого Троцкого.³⁹ Однако вся их многолетняя и ожесточенная борьба за власть прошла мимо психоаналитической тематики, которая не особенно-то выделялась на тогдашнем культурном ландшафте. Футуристы, символисты, кубисты... Ну, подумаешь, к этому «богемному раю» добавились фрейдисты. Как это могло решить проблему власти в Кремле? И потом, с психологической точки зрения, было бы странно видеть, как Сталин укоряет Троцкого за ошибки в воспитании своего сынишки.

Нет, всё было не так, как рассказывает Лейбин. Сталин не закрывал никаких психоаналитических учреждений и не обмолвился ни единым словом в адрес советских психоаналитиков. Он, возможно, очень нехороший человек, но не нужно на него вешать всех собак – чего он не делал, того он не делал! А главное, к тому времени, когда развалилась советская школа психоаналитиков, будущий диктатор еще не обладал реальной властью.⁴⁰ Советский психоанализ умер сам собой, лишившись государственной поддержки.

Огромная масса советских марксистов-ленинцев побилла немногочисленную группу марксистов-фрейдистов. Ленин, Крупская и другие влиятельные политические фигуры были настроены против Фрейда. Но это не главное, ведь Ленин все-таки умер и страной правил Троцкий, симпатизировавший Фрейду. Главное то, что обыкновенные мамы, сказав Фрейду решительное «Нет!», перестали отдавать своих детей в ДДЛ, папы же не вмешивались в эту «мышиную возню» мам. Таким образом, сама жизнь показала, что фрейдизм – ошибочное мировоззрение.

Гибкий политик Отто Шмидт, почувствовав запах паленого, быстро ретировался, снял с себя всякую ответственность за ДДЛ и перешел на другую работу. Естественно, остались какие-то люди, продолжавшие восхищаться Фрейдом, но они были, как говорится, обыкновенными пешеходами с улицы. Зачем бы Сталин тратил на них свое время. Если некоторые из них попали под каток его репрессий, то это случилось не потому, что он хотел выкорчевать остатки фрейдизма в нашей стране. Они просто пострадали, как пострадали миллионы других советских людей. Подводя итог, я бы попросил Лейбина и его товарищей больше не спекулировать на сталинских репрессиях.

Мне не известно, знает ли Жириновский, почему психоанализ так быстро исчез с государственной сцены Советской России, но в одном он, безусловно, прав. Ельцин сделал опрометчивый шаг, подписав указ 1996 г. Сегодня возрождать на столь высоком уровне фрейдизм, является непростительной ошибкой. Тот, кто пытается претворить его в политическую и повседневную жизнь россиян, – либо слеп, либо действует в корыстных интересах.

допустить и так и не допустили конкуренты). Отстранил Троцкого не Сталин, а триумвират Зиновьев–Каменев–Сталин (в котором первые два не воспринимали всерьез третьего – о чем через два года горько пожалели). 1923–1925 гг. были годами правления не Троцкого, а Каменева и Зиновьева. В конце 1925 года на XIV съезде ВКП(б), проходившем в Москве с 18 по 31 декабря 1925 года, Каменев и Зиновьев были отстранены от власти, и началась эра единоличного правления Сталина.

³⁹ В.Э.: Троцкий тогда был уже свален, и смысл его книги состоял в жалобе: «Нехорошо валить СТОЛЬ заслуженного лидера, как я!».

⁴⁰ В.Э.: Сталин обладал полной властью с декабря 1925 года. С этого момента такой идеологический вопрос, как «Разрешить или запретить фрейдизм?» никак не мог быть решен без него. Если бы Сталин сказал фрейдизму «да», то фрейдизм продолжал бы существовать в СССР, несмотря на такое потрясение, как «буря в стакане чая»: бунт мамаш в каком-то детском доме-садике с 15-ю воспитанниками в одной комнате. Но Сталин сказал «нет», и фрейдизм был закрыт. И для этого «нет» Сталину не требовалось писать никаких теоретических работ или издавать специальные указы. В СССР было запрещено всё, что не разрешено, и достаточно было просто не разрешить, что Сталин и сделал.

Литература

1. Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. – М.: Мысль, 1979.
2. Акимов О.Е. *Правда о Фрейде и психоанализе*. – М., 2005.
3. Masson J.M. *Against Therapy*. Common Courage Press, Monroe, Maine, 1994.
4. Акимов О.Е. *Зигмунд Фрейд как основатель ложной теории и практики*.
5. Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.
6. Фрейд З. *Три очерка по теории сексуальности* / Психология бессознательного: Сб. произведений. – М.: Просвещение, 1989.
7. Акимов О.Е. *Психология познания. Удод*. – М., 2004.
8. Фрейд З. *Заметки о любви в перенесении* / Зигмунд Фрейд и психоанализ в России. – М.: МПСИ, 2000.
9. Мекаччи Л. *Случай Мэрилин М. и другие провалы психоанализа*. – М.: Смысл, 2004.
10. Овчаренко В.И., Лейбин В.М. *Антология российского психоанализа*. Т. 2. – М.: МПСИ, 1999.
11. Лейбин В.М. *Фрейд и Россия*. – М.: МПСИ, 2000.
12. Эткин А. *Эрос невозможного. История психоанализа в России*. – М.: Гнозис, 1994.
13. Дубейковская Я.С. *О нашем, о женском. Размышления политконсультанта-психоаналитика накануне 8 марта*.
14. Акимов О.Е. *Анна О. – первая пациентка Фрейда*.
15. Акимов О.Е. *Карл Юнг – фашист, а кто Вы, господин Медведев?*

О. Е. Акимов, 2005

Лейбин, Фрейд и Россия. «Нерусскость» психоанализа

Эссе – <http://old.newlit.ru/~akimov/001968.htm>

– I –

Некрасиво выставлять себя в качестве примера, но если пример отрицательный, то, мне кажется, можно. Каюсь, в книге [1]⁴¹ на с. 183–184 я допустил сразу две ошибки в следующем предложении: «Но Анна Фрейд тоже родилась, когда Зигмунду было 3,5 года (май 1956 г. – декабрь 1958 г.)»⁴². Во-первых, Зигмунд родился в мае 1856 г., а Анна – в декабре 1858 г; во-вторых, разница между этими датами составляет 2,5 года. Ошибка эта тем для меня обиднее, что на с. 34 я уже писал, что «Анна появилась на свет 31 декабря 1858 г.; в это время Зигмунду было 2,5 года»⁴³.

Владимир Ильич Ленин, громя своих идейных противников, говорил о двух типах ошибок. Можно ошибиться, сказав, что дважды два равно пяти, а можно ошибиться иначе, сказав, что дважды два равно стеариновой свечке. Того, кто ошибся в подсчетах, понять и простить еще можно, но тот, кто говорит о стеариновой свечке, никакого снисхождения не заслуживает, поскольку он не просто ошибается, а наверняка морочит голову людям. Вождь мирового пролетариата нынче не в чести, однако я готов с ним согласиться по этому пункту.

В самом деле, существуют ошибки и ошибки: первые мы прощаем, вторые нет, поскольку они принципиальные, а главное, существует большая вероятность того, что они совершаются со злым умыслом. Поверьте мне, дорогой читатель, ошибки, появившиеся в книге [1], являются непреднамеренными и относятся к разряду $2 \times 2 = 5$. Они не влияют на мою аргументацию, свидетельствующую о явной злонамеренности Фрейда. Хотя, на первый взгляд, следующие ошибки отца-основателя тоже представляются случайными.

В «Толковании сновидений» он пишет:

«Исследование кокаина, произведенное мной в 1885 г., навлекло на меня тяжелые упреки. Близкий друг, умерший в 1895 г., благодаря злоупотреблению этим средством, ускорил свою смерть» [5, с. 120].

⁴¹ Акимов О.Е. *Правда о Фрейде и психоанализе*. – М.: Издатель Акимова, 2005.

⁴² В.Э.: См. {OJAK-1}. В интернетовском издании книги ошибка, о которой говорит автор, уже исправлена, и, тем самым, ее нет и в моем издании.

⁴³ В.Э.: См. {OJAK-1}.

В книгах [1]⁴⁴ и [2]⁴⁵ я последовательно доказывал, что ошибки в указанных датах не случайны:

«Нельзя не заметить, как тщательно скрываются следы преступления. Для этого в сне об инъекции Ирме Фрейд изменил год смерти Флейшля с 1891 на 1895, а год начала экспериментов с кокаином – с 1884 на 1885. Джонс сообщил, что первую инъекцию кокаина Фрейд сделал Флейшлю 1 мая 1884 г.» [1, с. 147].

Я считаю, что отец-основатель из ревности к Берте Паппенгейм (она же – Ирма и она же – Анна О.) преднамеренно травил кокаином и, возможно, морфином коллегу Эрнста Флейшля. Именно он, Зигмунд Фрейд, сделал всё от него зависящее, чтобы Флейшль покончил с собой.

Ирвинг Стоун при описании трагической сцены ухода Флейшля из жизни, не сказав, кто именно сделал последнюю инъекцию, вложил в уста Фрейда слова: «Он красив даже в смерти» [6,⁴⁶ с. 311]. Я подозреваю, что смертельную дозу наркотика ввел Флейшлю ни кто-нибудь, а сам Фрейд. Его друг-враг беспомощно лежал в постели и был так слаб, что не мог пошевелить и пальцем. Не думаю, чтобы присутствовавшие при этом Брюкке, Брейер и Экснер взяли на себя смелость сделать смертельный укол. За десять лет до этого Фрейд обдуманно и хладнокровно – я в этом уверен – ввел недопустимую дозу морфина Берте за то, что она отвергла его любовь и предпочла Флейшля. Вокруг этого ужасного случая, после которого Брейер уже и не надеялся вернуть несчастную девушку к жизни, возвращаются все события, рассказанные в сновидении об инъекции Ирме. В течение многих лет Фрейда мучили кошмары, как он убивает свою возлюбленную. Написав литературно-психологический роман под названием «Толкование сновидений», автор тем самым надеялся избавиться от своего комплекса вины, а заодно преподнести человечеству, на которое он обиделся, фальшивую теорию снов.

– II –

Родоначальник психоанализа не мог похвастаться благородством происхождения. Родители наградили его такими неприятными чертами характера как безграничное тщеславие, душевная чёрствость, грубость и несправедливость к людям. Одной из выдающихся черт его эгоистичного, завистливого и подлого нрава была уникальная способность манипулировать людьми, поэтому все перечисленные недостатки нередко оборачивались у него чуть ли не в его достоинства. Он умел обмануть и притворяться так, что никто из окружающих не мог и заподозрить, будто имеет дело с матёрым мошенником. Фрейд постоянно играл, ничего не делал просто так, исходя из сострадания, справедливости или объективной истины. Всё у него подчинялось личным интересам. Ему было плевать на больных и науку, он никогда не был честным врачом и истинным ученым, однако умело прикидывался ими.

Другой отличительной чертой его характера была литературная одаренность. Писал он легко и образно, читать его было интересно. Красивый стиль и захватывающие сюжеты скрывали изъяны его лицемерного характера. Свою биографию он полностью сфальсифицировал. Ложь о себе он внедрял разными способами, но наиболее хитроумным был способ фабрикация собственных же писем, которые он якобы отсылал невесте (три письма я проанализировал в книге [1]). Его фальшивое учение неотделимо от его несправедливой жизни. Не закончив университета, он взялся «анализировать» чувства своей возлюбленной, Берты Паппенгейм, для чего начал интенсивно колоть ей морфин, дабы вызвать у нее «навязанную истерию». Ее галлюцинации и «гипноидные состояния» он потом описал в книге «Исследования истерии» [7]⁴⁷. Первый случай истории болезни Анны О., как и все четыре последующих, он сочинил сам от начала и до конца, не прибегая к помощи своего наставника Йозефа Брейера.

Апологеты психоанализа этот факт не признают, но его сможет установить любой внимательный читатель, если сравнит стиль написания всех пяти случаев. Образное описание событий сразу выдает фрейдовскую манеру письма. Брейер писал сухо и отстраненно, он никогда бы не получил премию Гёте, которую вручили Фрейду. В разделе, посвященном Анне О., Фрейд вложил два ее описания: первое [7,⁴⁸ с. 39–61] написано как художественный роман, второе [7, с.

⁴⁴ Акимов О.Е. *Правда о Фрейде и психоанализе*. – М.: Издатель Акимова, 2005.

⁴⁵ Акимов О.Е. *Психология познания. Удод*. – М.: Издатель Акимова, 2004.

⁴⁶ Стоун И. *Страсти ума или Жизнь Фрейда*. – М.: Мысль, 1994.

⁴⁷ Фрейд З. *Собрание сочинений в 26 томах*. Том. 1. *Исследования истерии*, – СПб.: ВЕИП, 2005.

⁴⁸ Фрейд З. *Собрание сочинений в 26 томах*. Том. 1. *Исследования истерии*, – СПб.: ВЕИП, 2005.

61–67] похоже на медицинский отчет, выглядит более сдержанно. Содержание обоих кусков истории болезни довольно сильно различается. Первый кусок истории также можно подразделить на две части, отличающихся между собой, и т.д. В своей третьей книге о Фрейде, которая выйдет в следующем году, я подробно анализирую недавно вышедшие у нас в стране «Исследования истерии», положившие начало бесконечным фальсификациями венского чудотворца, который за всю жизнь не вылечил ни одного больного. Читатель еще раз сможет убедиться в справедливости ранее сделанных выводов о мошеннической манере работы прославленного отца-основателя.

После трагических событий, описанных в завуалированной форме в книге «Толкования сновидений», Фрейд стал неустанно повторять, будто бы Берту Паппенгейм он и в глаза не видел. Вообще, в его книгах содержится немало автобиографических фактов, только их надо уметь прочитать. Например, внимательное чтение позволяет понять, что мать Фрейда, Амалия Натансон, в течение пяти лет, с 1851 по 1856 г. была невестой сына Якоба Фрейда, Филиппа. После того, как невеста переспала с отцом жениха и родила Анну, жених уехал в Англию, а его невеста стала третьей женой Якоба Фрейда. В качестве его второй жены выступала домработница Моника, которая нянчилась когда-то с Филиппом, а потом с маленьким Зигмундом. Свои детские отношения к матери и сестре Анне взрослый Зигмунд описал в «Анализе фобии пятилетнего мальчика». В этом произведении маленькая Берта – это та самая Берта Паппенгейм, в которую потом влюбился автор.

Филипп втянул весь род Фрейдов в преступный бизнес по изготовлению и распространению фальшивых русских купюр. В тюрьму пошел Йозеф Фрейд, хотя главная вина лежала на Филиппе и, по-видимому, Амалии, родные которой проживали в Одессе. Эти факты Фрейд тщательно скрывал, хотя кое-что прочесть удастся в его так называемой «Книге снов» [5]⁴⁹. Об этом я рассказывал в статье [3]⁵⁰, опубликованной в сети, однако исчерпывающую информацию можно получить всё же только по прочтению книг [1]⁵¹ и [2]⁵².

– III –

Существует большая группа людей, которая, изучая труды основоположника психоанализа, абсолютно не замечает обмана автора. Другая, гораздо меньшая группа, видит у него некоторые ошибки, но не считает их принципиальными, так что для них Фрейд остается гениальным мыслителем, который подарил человечеству великую теорию и оригинальную психотерапию. Наконец, есть третья категория людей, которая видит в деятельности «великого и гениального» сплошной блеф. К этой очень немногочисленной группе отношусь и я, неисправимый скептик. Неожиданно для себя я оказался в одной компании с Жириновским, который в прошлом году активно выступил против известного в нашей стране политического технолога Яны Станиславовны Дубейковской. В статье [4]⁵³ я выразил свою солидарность с позицией вице-спикера Государственной Думы, хотя мне это было сделать нелегко, поскольку мои жизненные ориентиры сильно отличаются от ориентиров Владимира Вольфовича. Но его критика в адрес бывшего руководителя избирательного штаба Глазьева на прошедших президентских выборах, нынешнего доцента Высшей школы экономики и директора коммерческого предприятия ООО «Центр Прикладного психоанализа» мне показалась справедливой.

В указанной статье я выразил обеспокоенность тем, что после выхода указа Ельцина за № 1044 от 19 июля 1996 г. «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа» в стране сложилась ненормальная ситуация: фрейдизм превратился в государственную идеологию России. В соответствии с названием и сутью указа учение Фрейда проникло во все поры нашей повседневной жизни. В своих книгах я пытаюсь донести до сознания россиян ту важную мысль, что психоанализ не нужен России, опасен для подрастающего поколения, а Дубейковская как раз превосходно продемонстрировала это. Ее методы работы на политической арене безнравственны и крайне агрессивны. Как она выразилась в одном из выступлений, ее основным инструментом в политике является эдипов комплекс «отцеубийцы». Дубейковская закончила Восточно-Европейский институт психоанализа (ВЕИП).

⁴⁹ Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.

⁵⁰ Акимов О.Е. *Фрейд как основатель ложной теории и практики*.

⁵¹ Акимов О.Е. *Правда о Фрейде и психоанализе*. – М.: Издатель Акимова, 2005.

⁵² Акимов О.Е. *Психология познания. Удод*. – М.: Издатель Акимова, 2004.

⁵³ Акимов О.Е. *Жириновский, Фрейд и Россия*.

В статье [8]⁵⁴ она написала: *«Еще учась в ВЕИПе, я начала заниматься избирательными кампаниями и поэтому очень внимательно относилась ко всему, что было так или иначе связано с политическим психоанализом или психоанализом политики».*

Гитлер говорил, что масса – это женщина, нуждающаяся в заботливом хозяине: *«Душа народа отличается во многих отношениях женственными чертами. Доводы трезвого рассудка на нее действуют меньше, нежели доводы чувства».* В первой главе первой части «Mein Kampf» он писал:

«Психика широких масс совершенно невосприимчива к слабому и половинчатому. Душевное восприятие женщины менее доступно аргументам абстрактного разума, чем не поддающимся определению инстинктивным стремлениям к дополняющей ее силе. Женщина гораздо охотнее покорится сильному, чем сама станет покорять себе слабого. Да и масса больше любит властелина, чем того, кто у нее чего-либо просит. Масса чувствует себя более удовлетворенной таким учением, которое не терпит рядом с собой никакого другого, нежели допущением различных либеральных вольностей. Большею частью масса не знает, что ей делать с либеральными свободами, и даже чувствует себя при этом покинутой. На бесстыдство ее духовного терроризирования со стороны социал-демократии масса реагирует так же мало, как и на возмутительное злоупотребление ее человеческим правом и свободой. Она не имеет ни малейшего представления о внутреннем безумии всего учения, она видит только беспощадную силу и скотски грубое выражение этой силы, перед которой она в конце концов пасует».

Психоаналитик Дубейковская вслед за фюрером повторяет:

««Масса» (в смысле электорат) действительно женственна и поэтому избиратели гораздо легче проецируют свои переживания и надежды на кандидатов, имеющих мужские вторичные половые признаки...» [8].

Дубейковская – это еще цветочек; уж кто является ягодкой, так это декан Факультета глубинной психологии ИПИС В.А. Медведев. Вот он действительно смертельно опасен для России. Его отделение ведет подготовку специалистов по теории и практике глубинно-психологического манипулирования политическими процессами, манипулирования в сфере PR и СМИ, т.е. по одурачиванию нас с вами. Личность, отдельно взятый человек ни во что не ставится. Пропагандисты-манипуляторы, эти услужливые псы при вождах, нам говорят о некоем воздействии на бессознательную часть психики, на глубинное Оно; они уверяют, будто им ведомы какие-то особые законы управления людьми.

Но фактически мы имеем дело с обычным оболваниванием населения, которое осуществлялась во все времена особенно при тоталитарных режимах Сталина и Гитлера. Меняется фразеология, суть же остается неизменной. Советские гебельсы осуждали «Mein Kampf», однако управляли страной по Гитлеру: власть каждого вождя сверху вниз и ответственность перед вождем снизу вверх. Это – принцип демократического централизма, действующий и в нацистской Германии.

Нынешние психоаналитики тоже морочат людям голову не хуже Гитлера, но при этом взяли на вооружение уже фрейдистскую фразеологию. Медведев говорит о «русскости» как о национальном духе, превосходящем дух любой другой нации. Об этой незримой субстанции он говорил и написал немало. Я не стану пока анализировать его выступления – это тема отдельного разговора. Но пусть декан почитает не только книгу недоделанного полуфашиста Гюстова Лебона «Психология народов и масс», но и книгу окончательного фашиста Адольфа Гитлера «Моя борьба».

В шестой главе «Военная пропаганда» фюрер писал:

«...Пропаганда вечно должна обращаться только к массе. Для интеллигенции или для тех, кого ныне называют интеллигентами, нужна не пропаганда, а научные знания. Как плакат сам по себе не является искусством, так и пропаганда по содержанию своему не является наукой... Всё искусство тут должно заключаться в том, чтобы заставить массу поверить: такой-то факт действительно существует, такая-то необходимость действительно неизбежна, такой-то вывод действительно правилен и т.д. Вот эту простую, но и великую вещь надо научиться делать самым лучшим, самым совершенным образом. И вот, так же, как в нашем примере с плакатом, пропаганда

⁵⁴ Дубейковская Я.С. *О нашем, о женском. Размышления политконсультанта-психоаналитика накануне 8 марта.*

должна воздействовать больше на чувство и лишь в очень небольшой степени на так называемый разум... Всякая пропаганда должна быть доступной для массы; ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной самым отсталым индивидуумам из числа тех, на кого она хочет воздействовать. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем примитивнее должен быть ее идейный уровень... Чем меньше так называемого научного балласта в нашей пропаганде, чем больше обращается она исключительно к чувству толпы, тем больше будет успех. А только успехом и можно в данном случае измерять правильность или неправильность данной постановки пропаганды... Восприимчивость массы очень ограничена, круг ее понимания узок, зато забывчивость очень велика. Уже по одному этому всякая пропаганда, если она хочет быть успешной, должна ограничиваться лишь немногими пунктами и излагать эти пункты кратко, ясно, понятно, в форме легко запоминаемых лозунгов, повторяя всё это до тех пор, пока уже не может быть никакого сомнения в том, что и самый отсталый из слушателей наверняка усвоил то, что мы хотели. Как только мы откажемся от этого принципа и попытаемся сделать нашу пропаганду многосторонней, влияние ее сейчас же начнет рассеиваться, ибо широкая масса не в состоянии будет ни переварить, ни запомнить весь материал. Тем самым результат будет ослаблен, а может быть, и вовсе потерян... Народные чувства не сложны, они очень просты и однообразны. Тут нет места для особенно тонкой дифференциации. Народ говорит «да» или «нет»; он любит или ненавидит. Правда или ложь! Прав или неправ! Народ рассуждает прямолинейно. У него нет половинчатости... Даже если бы содержание нашей пропаганды было совершенно гениальным, все-таки она не могла бы иметь успеха, раз забыта главная, центральная предпосылка: всякая пропаганда обязательно должна ограничиваться лишь немногими идеями, но зато повторять их бесконечно. Постоянство и настойчивость являются тут главной предпосылкой успеха, как, впрочем, и во многом остальном на этом свете. Как раз в области пропаганды меньше всего можно прислушиваться к эстетам или пресыщенным интеллигентам... Серьезная пропаганда существует не для того, чтобы удовлетворять потребность пресыщенных интеллигентов в интересном разнообразии, а для того, чтобы убеждать прежде всего широкие массы народа. Массы же в своей косности всегда нуждаются в значительном промежутке времени, раньше чем они даже только обратят внимание на тот или другой вопрос. Для того же, чтобы память масс усвоила хотя бы совершенно простое понятие, нужно повторять его перед массой тысячи и тысячи раз».

Вот у кого надо учиться манипулированию сознанием! Гитлер умел по-настоящему «пиарить». Ознакомившись с работами Медведева, я понял, что он готовит кадры по разрушению и без того слабых демократических институтов России. Дай ему волю, и он в два счета превратит гражданское общество в безликую массу, готовую по призыву вождя пойти на любое преступление против человечности.

– IV –

Деятельность Медведева, Дубейковской (они, кстати, большие друзья) и прочих деятелей психоаналитической «науки», конечно, очень опасна для нашей страны, но они все-таки относительно молоды, так что сохраняется небольшая вероятность их исправления. Куда более опасными мне представляются люди, имеющие за плечами советский опыт пропаганды тоталитарной идеологии. В этом небольшом очерке я хочу указать на одного последователя Фрейда, который не просто заблуждается в своих взглядах на психиатрию, как, например, Дубейковская, но является коварным игроком. Как было объявлено в начале повествования, в качестве мишени я выбрал Лейбина Валерия Моисеевича, обладающего некоторыми характерными чертами своего кумира, хотя читатель должен понимать, что он не единственный. Есть, например, у нас в стране выдающийся философ-психоаналитик П.С. Гуревич, который, как и Лейбин, участвовал в огосударствлении фрейдизма. Этот старый марксист тоже знает толк в идеологической пропаганде. Психоанализ, по Гуревичу, это не какой-то там частный метод врачевания душевнобольных. Для него фрейдизм – первая философия жизни, которой обязан овладеть любой законопослушный гражданин России.

«Студенты должны усвоить, – пишет он в своих *Методических рекомендациях по курсу Теория и практика психоанализа*, – что психоанализ понимается, прежде всего, как философское направление, как метапсихологическое учение о бессознательной природе человеческой души и [только во вторую очередь] как терапевтическая практика лечения психических расстройств. Истоком психоанализа является фрейдизм, который придал многим гипотезам философско-антропологический статус» [13,⁵⁵ с. 3].

⁵⁵ Гуревич П.С. *Теория и практика психоанализа*. Программа и учебное пособие. – М.: МПСИ, 2000.

Далее Гуревич разъясняет, что понятия «психоанализ» и «фрейдизм» не синонимичны. Фрейдизм, как и марксизм, является идеологическим понятием, которое, добавлю я, только и можно вколачивать в бестолковые головы студентов путем многократного повторения нескольких наиболее примитивных его положений. Гуревич был «одним из разработчиков правительственной программы по возрождению и развитию философского, клинического и прикладного психоанализа, ответственным редактором психоаналитической энциклопедии» и т.д., поэтому его творчество вполне заслуживает отдельного исследования.

И все-таки мы остановились пока на Лейбине. Он тоже считается крупнейшим специалистом в области теории, практики и истории психоанализа; является автором свыше 300 работ по этой тематике; неоднократно участвовал и организовывал региональные и международные форумы по психоанализу; состоял и продолжает состоять в различных комиссиях по проведению массовых мероприятий, так или иначе связанных с именем Зигмунда Фрейда. Назову лишь несколько этапов его успешной карьеры: в 1969 г. закончил философский факультет Ленинградского государственного университета; с 1974 по 1977 г. – научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам, где имел доступ к закрытой для советского читателя зарубежной литературе по психоанализу. В 1976 г. по материалам «буржуазных» источников написал диссертацию на тему «Психоанализ и американский неопрейдизм (историко-философский анализ фрейдизма)». Как и полагается для соискателя докторской степени, Валерий Моисеевич издал монографию [9]⁵⁶.

Однако, увы, представленная им диссертация была отклонена как не отвечающая идеологическим требованиям, предъявляемым к работам политического значения. Поэтому представленную диссертацию пришлось исправлять, чтобы в ней более четко звучали идеологические установки КПСС и марксистско-ленинская позиция автора. После того, как молодой соискатель заклеил Фрейда и его компанию по всем «совковым» канонам, ему в 1982 г. была присвоена ученая степень доктора.

Скоре пришла горбачевская Перестройка. Стало модно Фрейда не ругать, а хвалить. Пришлось бывшему его критику спешно перестраиваться. К концу 80-х он перестроился и сделался поборником ненавистного ему когда-то фрейдизма. Спустя двадцать лет после того, как Валерий Моисеевич раскритиковал отца-основателя психоанализа и его последователей, он записался в комиссию Госкомитета РФ по науке и технологиям, занимающуюся разработкой и реализацией программы «Возрождение и развитие философского, клинического и прикладного психоанализа», о чем упоминалось в статье [10]⁵⁷. На кафедре Метапсихологии и теории психоанализа Московского института психоанализа он занялся пропагандой самого «прогрессивного» учения, которое только существует во всем многообразном психологическом мире. За преданность делу Фрейда, как когда-то за преданность делу Ленина, его снова поощрили и предоставили членство в Академии педагогических и социальных наук.

Теперь посмотрим, что и как делал Лейбин в советское время, какой теоретический вклад он внес и какую научную и нравственную позицию занимает в наши дни. С этой целью возьмем в руки книгу [9] и внимательно вчитаемся в текст, написанный им около тридцати лет назад.

Лейбин писал:

«О бесперспективности фрейдизма как философского мировоззрения свидетельствует также тот факт, что, какие бы варианты психоаналитических теорий ни предлагались, ни одному из них не удастся преодолеть внутренних противоречий, присущих психоанализу во всех его вариациях и модификациях» [9, с. 242].

«Современный психоанализ не в состоянии дать научного объяснения ни «человеческой природы», ни тем более закономерностей общественного развития. Он не в состоянии даже разрешить своих собственных внутренних противоречий, чем в значительной степени и обусловлен его кризис... современный психоанализ переживает кризис, неотвратимый, всё более углубляющийся, в то время, как надежда на разрешение его – бесперспективна, утопична» [9,⁵⁸ с. 244].

⁵⁶ Лейбин В.М. *Психоанализ и философия неопрейдизма*. – М.: Издательство политической литературы, 1977.

⁵⁷ Овчаренко В.И., Лейбин В.М. *Антологии российского психоанализа*. Т. 2. – М.: МПСИ, 1999.

⁵⁸ Лейбин В.М. *Психоанализ и философия неопрейдизма*. – М.: Издательство политической литературы, 1977.

Эти уныло однообразные заклинания о кризисе взяты из заключительного раздела книги, в трех главах которой подробно расписывается, почему фрейдизму или психоанализу в будущем ничего не светит. За идеологические штампы вроде того, что психоанализ антинаучен и не объясняет человеческой природы, докторскую степень в советское время не давали. Нужна была серьезная аргументация, которая бы размазала Фрейда по стенке. Высокая ученая степень была пропуском в коммунистический рай, созданный отдельно для привилегированной касты отборной советской номенклатуры. Было за что побороться, и Лейбин старался, насколько ему позволяли его интеллектуальные возможности.

В качестве примера приведу цитату, взятую из подраздела «Структура психики в зеркале психоанализа», где он доказывает как дважды два – четыре, что Фрейд безнадежно заблуждался.

«Налицо явное несоответствие, – пишет Лейбин, – в его логически продуманной психоаналитической системе: при решении вопроса о возможности осознания бессознательного психического Фрейд пренебрегает различиями между теми двумя составляющими в структуре бессознательного, которые он сам же выделил. Не сумев последовательно провести дифференцированный подход к анализу бессознательного психического, Фрейд был вынужден признать, что психоаналитик хотя и может указать на область проявления бессознательных актов, так же, как и большинство философов, он «не может сказать, что такое бессознательное». Уже одно это заставляет усомниться в научной обоснованности фрейдовской психоаналитической системы в целом...» [9, с. 42].

Так Лейбин посадил венского психоаналитика в лужу.

Но вот, в 1997 г., полюбив Фрейда всей душой и открыв необыкновенную перспективность фрейдизма, Лейбин написал статью «Психоанализ в России», в которой горестно сетует:

«Вызывает сожаление лишь то, что при рассмотрении развития, запрещения и возрождения психоанализа из поля зрения исследователей ускользают, как правило, 70-е – начало 80-х годов, когда в условиях моноидеологического пресса исподволь, незаметно, но результативно осуществлялась исследовательская и просветительская деятельность по освоению наследия классического психоанализа и других психоаналитических школ. Порой создается впечатление, что начавшееся в начале 90-х годов возрождение психоанализа в России происходит как бы само собой. Как будто не было никаких предшествующих работ, в той или иной степени освещающих психоаналитические представления о человеке и культуре» [10,⁵⁹ с. 482].

Автор статьи здесь имеет в виду, конечно, себя. Он не был диссидентом, не выпускал «самиздат», но со всем свойственным ему рвением ругал учение Фрейда. Весь материал его книги 1977 г. изложен крайне тенденциозно, т.е. как раз в русле тогдашней «моноидеологии». В застойное время за пропаганду «буржуазных» идей можно было получить и приличный тюремный срок. Но Лейбин в своей статье продолжает изображать из себя Солженицына и Сахарова. Он пишет: «Должен сказать, что в 70-е годы было непросто опубликовать статью и тем более книгу о психоанализе» [10, с. 483]. Я жил в ту эпоху и хорошо помню, что статьи и книги лейбиновского пошиба проходили на ура, без всяких проволочек.

Далее автор продолжает:

«В то время приходилось изощряться в искусстве подачи материала в таком виде, чтобы, несмотря на недремлющее око идеологической цензуры, психоаналитические идеи и концепции могли дойти до читателя» [10, с. 483].

Не больно-то Лейбин «изощрялся», раз его работы печатались. Как святая инквизиция запрещала богохульные книжки, так и твердокаменная советская цензура не пропускала идеологически невыдержанные произведения. Иногда цензоры давали слабину в отношении художественной литературы; что же касается философской, то это дело политическое, здесь осечек никогда не было. Правда состоит в другом: Лейбин, как раз и был в первых рядах тех, кто запрещал «незрелые» работы и расправлялся с идеологически «несознательными» авторами.

«До сих пор удивляюсь тому, – пишет Лейбин, – что, в конечном счете, в 1977 г. удалось опубликовать работу без ссылки на партийные документы, хотя и не обошлось без идеологических штампов и соответствующих цитат из трудов тех, кого называли классиками марксизма-ленинизма. В то время без использования соответствующих цитат не могла выйти в свет ни одна книга по

⁵⁹ Овчаренко В.И., Лейбин В.М. *Антологии российского психоанализа*. Т. 2. – М.: МПСИ, 1999.

зарубежным философским и психоаналитическим течениям, тем более по психоанализу» [10,⁶⁰ с. 483].

Сейчас автор рассказал о самом большом «подвиге», который он когда-либо совершал в своей жизни, но тогда для него это не было подвигом, а было самой большой ошибкой. После написания книги и представления докторской диссертации, в которых отсутствовали ссылки на решения партийных съездов, защиту пришлось отложить на неопределенный срок. В то далекое время он проклял себя за проявленную политическую близорукость. Но чистосердечное покаяние и исправление ошибок молодости было, в конце концов, вознаграждено: спустя шесть долгих лет Лейбин получил долгожданные корочки.

Причем

«Вышеизложенное, – пишет Валерий Моисеевич, – не является попыткой оправдания в глазах тех, кто с позиций сегодняшнего дня может пренебрежительно отнестись к предшествующим отечественным публикациям, авторы которых шли на допустимые компромиссы и тем самым готовили почву для возрождения психоанализа в России. Хотелось лишь показать, что идеологические барьеры прошлого так или иначе сопряжены с концептуальными трудностями настоящего, затрудняющими адекватное восприятие истории психоанализа в России» [10, с. 484].

Всё «вышеизложенное» Лейбиным только и надо понимать, как его попытку оправдаться. В течение многих лет он усердно критиковал ненавистного ему Фрейда и его «бесперспективный» психоанализ, а теперь вот, пользуясь недолговечностью человеческой памяти и неосведомленностью нынешнего поколения психоаналитиков в делах «давно минувших дней», он решил прошлые свои грехи выдать за ратные подвиги.

– V –

Ну, хорошо, предположим, что Лейбин до 1991 г. действительно ошибался, но потом прозрел и, оправдавшись в глазах психоаналитиков, бесповоротно перешел на сторону своих бывших врагов. Тогда давайте спросим его: что сделано им сегодня в теоретическом и практическом плане и почему, собственно, ранее критикуемый им Фрейд сделался для него кумиром?

В теоретическом плане Лейбин развил идею «русскости Фрейда». Дело в том, что отец-основатель психоанализа был по национальности еврей, но бывший его критик, Валерий Моисеевич, обнаружил, что в действительности никакого «еврейства» в нем не было. Фрейд обладал «русским духом», и весь его психоанализ больше всего подходит русскому народу. В последние годы, одержимый этой сумасбродной мыслью, он делал всё, чтобы идеология фрейдизма сделалась официальной идеологией России подобно тому, как в советское время ею являлся марксизм. С этой целью он проник в государственные структуры и собственноручно готовил проекты указов президента.

С напоминания своих «заслуг» перед Отечеством Лейбин начал статью «Психоанализ в России».

«Писать о психоанализе в России легко и трудно, – говорит он. – Легко, поскольку, изучая историю психоаналитического движения на протяжении нескольких лет, в общих чертах я представляю себе все зигзаги тернистого пути, связанные с распространением, запрещением и возрождением психоанализа в России. Трудно, поскольку, будучи свидетелем психоаналитического бума, подогретого Указом Президента Российской Федерации «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа за № 1044 от 19 июля 1996 г., невольно оказываешься участником, более того, соучастником того стремительного движения, которое воистину с российским размахом готово не только подхватить каждое, попавшегося ему на пути, но и нести неизвестно куда и зачем» [10, с. 480].

И далее Лейбин продолжает:

«К концу 90-х годов психоанализ в России неожиданно обрел статус государственной политики. Во всяком случае, реализация Указа Президента РФ потребовала подготовку соответ-

⁶⁰ Овчаренко В. И., Лейбин В.М. *Антологии российского психоанализа*. Т. 2. – М.: МПСИ, 1999.

ствующей программы организационной и финансовой поддержки развития психоанализа на государственном уровне» [10,⁶¹ с. 481].

Я уже сказывал, что Лейбин занимает самые высокие должности и обладает широчайшими полномочиями влиять на первых лиц государства в проведении тотального психоаналитического контроля над всеми членами российского общества. В связи с этим в стране были открыты десятки институтов и сотни кафедр, где сексуальное учение Фрейда преподается не просто свободно, а специально навязывается молодежи в качестве их будущего мировоззрения. Лейбину «легко» писать об этом, поскольку в застойные времена он был встроены в марксистско-ленинскую обойму многомиллионной армии советских идеологов. Но в начале 90-х годов крупных идеологических работников, перешедших из стана марксистского в стан фрейдистский, было немного. Поэтому лично ему поначалу было очень «трудно» работать на чуждом идеологическом фронте. Но Лейбин с группой боевых «товарищей» по отгремевшей холодной войне успешно преодолел эти трудности и смог добиться у не совсем здорового президента подписи желательного ему указа. Надо отдать Лейбину должное, за время работы в советских организациях он приобрел богатейший опыт аппаратной игры, который он применил в новых условиях демократической России. Он был блестящим пропагандистом; Гитлер остался бы его работой довольным.

Хорошо, оставим пропагандистские трюки и зададимся вопросом: как обстоят дела с содержательной частью лейбиновской идеологии, что это за «русскость»? В книге «Зигмунд Фрейд и психоанализ в России» [11]⁶², рекомендованной «Редакционно-издательским Советом Российской Академии образования к использованию в качестве учебно-методического пособия» (М.: МПСИ, 2000), Лейбин подробно разъясняет смысл этого несуразного термина. Начал он так:

«В предлагаемой работе заинтересованный читатель найдет для себя такие материалы, которые ранее не попадали в поле зрения исследователей. Скажу откровенно. Для меня самого русскость Фрейда – новый поворот в исследовательской деятельности, который стал возможен лишь в силу повышенного интереса к судьбе России» [11, с. 307].

«О чем все-таки идет речь? – Задается вопросом бывший советский идеолог и отвечает. – О русскости Фрейда, понимаемой с точки зрения формирования и развития психоанализа под воздействием «русского духа» не как какой-то мистической, загадочной силы, а вполне конкретных русских истоков, предопределивших творческую атмосферу интеллектуального развития Фрейда и, несомненно, сказавшихся на его теоретической и практической деятельности» [11, с. 311]. «... Рассмотрение русскости Фрейда, – продолжает Лейбин, – является вполне оправданным, более того, необходимым аспектом исследования истории психоанализа, если мы действительно хотим понять подлинные, многогранные истоки возникновения и развития психоаналитических идей. Дело в том, что, как это, может быть, не парадоксально на первый взгляд, русскость Фрейда – малоизученный, но, несомненно, заслуживающий внимание пласт исторической реальности, осмысление которого проливает свет на темные пятна интеллектуального развития основателя психоанализа. Можно, пожалуй, сказать, что русскость Фрейда – это, быть может, не только прорыв к глубинным истокам бессознательных интенций и сознательной деятельности венского врача-невропатолога как клинициста и теоретика, создавшего философски ориентированное учение о человеке и культуре, но и то связующее звено, благодаря которому достигается лучшее понимание взаимосвязей между основателем психоанализа и Россией психоаналитическими идеями и социокультурными изменениями, осуществляемыми в нашей стране.

На чем основывается подобное видение русскости Фрейда? – вновь задает самому себе вопрос Лейбин и тут же отвечает. – Прежде всего, на реальных фактах обращения основателя психоанализа к людям, событиям сообщениям и художественным произведениям, непосредственно связанным с Россией или косвенно относящимся к русским сюжетам» [11, с. 312–313]. «В этом отношении русскость Фрейда наглядно проявилась в том, – продолжает бывший марксист, – что его обращение к рассмотрению жизни и творчества итальянского ученого и живописца эпохи Возрождения, нашедшего отражение в опубликованной им в 1910 г. книге «Леонардо да Винчи», в немалой степени было обусловлено знакомством основоположника психоанализа с переведенной на немецкий язык второй частью трилогии Мережковского «Христос и Антихрист»» [11, с. 322].

Далее Лейбин входит в область фантазий и эфемерных гипотез:

⁶¹ Овчаренко В. И., Лейбин В.М. *Антологии российского психоанализа*. Т. 2. – М.: МПСИ, 1999.

⁶² Лейбин В.М. *Зигмунд Фрейд и психоанализ в России*. – М.: МПСИ, 2000.

«Можно предположить, – пишет он, – что трилогия Мережковского не только явилась стимулом к написанию Фрейдом книги о Леонардо да Винчи и углубленному осмыслению отношений между отцом и сыном с точки зрения раскрытия содержательной стороны Эдипова комплекса, но и послужила фиксацией в его собственном бессознательном некоторых идей, впоследствии сознательно оформленных в виде определенных психоаналитических концепций. Не исключено, что к таким идеям относятся представления о «страхе смерти», почерпнутые Фрейдом из той части «Антихриста», в которой приводятся записи из дневника царевича Алексея, где он пишет о «страхе смерти», нападшем на него. Не исключено и то, что многие рассуждения Фрейда об Эдиповом комплексе, угрызения совести и вины, встречающиеся в его работах в связи с интерпретацией литературных произведений, навеяны соответствующими высказываниями, содержащимися в произведениях Мережковского. Во всяком случае бросаются в глаза разительные сходства, имеющие место в книгах основателя психоанализа и русского писателя» [11,⁶³ с. 323].

Фрейд не знал русского языка и не был хорошо знаком с русской литературой. Зато он прекрасно владел английским, французским, итальянским и испанскими языками и прочел множество книг, написанных на этих языках в оригинале. Перед написанием своей очередной книги он обычно проводил литературные изыскания. Оттого, что ему на глаза попался фрагмент книжки одного русского писателя, переведенный на немецкий язык, вовсе не следует, что внутрь Фрейда вошло больше русского духа или, по терминологии Лейбина, русскости, чем духа другой нации. И писал он здесь все-таки не о русском мыслителе Мережковском, а об итальянце Леонардо да Винчи. Так что вряд ли идея Эдипова комплекса и представление о «страхе смерти» пришла Фрейду от Мережковского.

Я чувствую, как Лейбину очень хотелось доказать, что Эдипов комплекс и страх перед смертью – это исключительная черта русского человека. Она-то и внедрилась в сознание, или подсознание, родоначальника психоанализа. К счастью, это не так. Разумеется, Фрейд что-то взял и у Мережковского, Достоевского и других людей, живших в России, но не следует слишком уж переоценивать влияние на него русских мыслителей, врачей-психоаналитиков (Лу Андреас-Саломе и Сабина Шпильрейн) или пациентов («Человек-волк» и «Красная Эмма»). Его окружали плотным кольцом люди самых разных национальностей, и русских там было относительно немного.

В этой истории с Мережковским меня удивляет другое. В книге Лейбина «Психоанализ и философия неофрейдизма», написанной в стародавние времена, когда ее автор был еще правоверным марксистом, имеется подраздел «Психоанализ и художественное творчество». В этом подразделе влияние Мережковского на Фрейда оценивается, куда более скромно; вместо этого Лейбин беспощадно критикует автора Эдипова комплекса за «предвзятость». В 1977 г. Лейбин писал:

«Постижение скрытого смысла и содержания художественных произведений Фрейд связывает с «расшифровкой» бессознательных мотивов и инцестуозных желаний, которые предопределяют, по его мнению, замыслы художника... Так, Фрейд попытался рассмотреть стиль научного мышления и художественного творчества Леонардо да Винчи через призму тех детских переживаний, которые имели место в жизни итальянского ученого и живописца. Обращению к творчеству великого итальянца в немалой степени способствовало знакомство Фрейда с переведенной на немецкий язык второй частью трилогии «Христос и Антихрист» Д.С. Мережковского, посвященной Леонардо да Винчи» [9,⁶⁴ с. 94–95].

О Мережковском, собственно, всё. Здесь по поводу него у Лейбина почему-то не возникло особой гордости за «русскость». Зато родоначальник психоанализа за свой Эдипов комплекс и прочие «буржуазные выверты» получил по полной программе. Грозный страж советской идеологии писал:

«Но Фрейд подходит к биографии Леонардо заведомо предвзято. Семейная хроника ранней жизни художника нужна Фрейду для того, чтобы на материале его произведений подтвердить истинность исходных постулатов психоанализа: рассматриваются только такие факты биографии, из которых можно сделать выводы о влиянии сексуальных влечений на человека, о решающем значении первых лет жизни ребенка для последующего жизненного пути личности, о родительском

⁶³ Лейбин В.М. *Зигмунд Фрейд и психоанализ в России*. – М.: МПСИ, 2000.

⁶⁴ Лейбин В.М. *Психоанализ и философия неофрейдизма*. – М.: Издательство политической литературы, 1977.

комплексе, будто бы предопределяющем человеческую деятельность» [9, с. 95]. «Но даже те биографические данные о Леонардо, которые выбраны Фрейдом для анализа, рассматриваются им односторонне» [9, с. 96]. «Фрейдский подход к раскрытию смысла художественных произведений не только нельзя считать в силу перечисленных причин строго научным, но он и логически не обоснован, так как для доказательства заранее сделанного вывода используется тезис, который сам нуждается в доказательстве...» [9, с. 97].

– VI –

Мне могут возразить: «Ладно, с «русскостью» у Лейбина действительно вышел конфуз, но ведь он написал свыше 300 работ! Что-нибудь путное там, наверняка, отыщется».

Не отыщется. В действительности, Лейбин написал немного, но затем из написанного он выдергивал отдельные абзацы, перетасовывал их и сообщал этому месиву другое название. Так у него выходила новая публикация. В течение многих лет он работал как неисправный ксерокопирующий аппарат. Его творческую манеру работать можно продемонстрировать на примере статьи под названием «Репрессированный психоанализ: Фрейд, Троцкий, Сталин», опубликованную в первом номере «Российского психоаналитического вестника» за 1991 г. [с. 32–55]. Эта статья целиком без изменения была помещена им в упоминавшейся мной том «Антологии русского психоанализа» (далее буду ссылаться на текст, помещенный в «Антологии» [10]⁶⁵).

Данная статья сравнительно объемистая и разбита на несколько подразделов с самостоятельными подзаголовками, среди которых есть и такой: «Политическая культура и психоанализ». Из 950 строк статьи 810, Лейбин разместил в двух заключительных главах уже цитируемой мной книги «Зигмунд Фрейд и психоанализ в России» [11]⁶⁶, вышедшей спустя десять лет после написания статьи, но почти одновременно с «Антологией» [10]. Главы эти называются следующим образом: «Постреволюционный синдром: Фрейд, Троцкий, Сталин» и «Политическая культура и психоанализ».

Можно было бы подумать, что автор под одним и тем же заголовком поместит один и тот же текст, но оказалось, не всё так просто, как кажется сначала. Структура нового текста представляет собой мелкую нарезку старого, причем отдельные абзацы и даже предложения старого текста были перетасованы и изменены в новом тексте. Тем не менее мною была проведена тщательная сверка обоих текстов и установлено, что не менее 85% старого текста перешла в новый текст, имеющий за счет цитирования документов несколько больший объем.

Не скрою, проведенное мною детективное расследование лейбиновских текстов доставило истинное наслаждение, которое, наверно, не испытывал даже Шампольон, когда расшифровывал древнеегипетские иероглифы на Розеттском камне. В некоторых местах новый текст оказался сильно запутанным, и мне с большим трудом удалось осуществить идентификацию, но большая часть нового текста является всё же прямой калькой со старого. В качестве примера приведу две выдержки из старой и новой версии, причем в новой версии имеются изменения в способе расстановки кавычек. Мне показалось это любопытным.

Итак, читаем старую версию:

«Если в 20-х годах Залкинд писал о том, что фрейдизм дает «ценнейшее обоснование для классового понимания и классового построения «психической», творческой направленности человека», то в 30-х годах он уже говорил о «политической опасности» фрейдизма, о собственном «лжефрейдизме» и доли вины за «остатки фрейдовской популярности» в стране, о своей «философской близорукости», не позволившей понять «философскую чепуху фрейдизма», и укреплении диктатуры пролетариата, навсегда вбивающей «осиновый кол в могилу советского фрейдизма». Если в опубликованной в 1930 году работе...» [10, с. 263].

А вот новый текст:

«Если в 20-х годах Залкинд писал о том, что фрейдизм дает ценнейшее обоснование для классового понимания и классового построения «психической», творческой направленности человека, то в 30-х годах он уже говорил о «политической опасности» фрейдизма, о собственном лжефрейдизме и доли вины за остатки фрейдовской популярности в стране, о своей «философской

⁶⁵ Овчаренко В.И., Лейбин В.М. *Антологии российского психоанализа*. Т. 2. – М.: МПСИ, 1999.

⁶⁶ Лейбин В.М. *Зигмунд Фрейд и психоанализ в России*. – М.: МПСИ, 2000.

близорукости», не позволившей понять философскую чепуху фрейдизма. «Лишь укрепление диктатуры пролетариата, – заявляет он, – вбивает – и навсегда – осиновый кол в могилу «советского фрейдизма». Я считаю, что действительный фрейдизм был объективно, фактически, всегда для меня трупом, но вина моя в том, что по философской своей беспечности того времени я искусственными мерами пытался заставить этот труп плясать под мою дудку, это создавало гниющему трупу видимость рекламы, делало его популярным, заражавшим воздух». Если в опубликованной в 1930 году работе...» [11,⁶⁷ с. 499–500].

Теперь, как говорится, найдите десять отличий. Далее я приведу соответствие старого текста, помещенного в «Антологии» на страницах 250–270 с новым текстом, разбросанным в вышеуказанной книге на страницах 454–518 (эти страницы я помещаю в круглых скобках). Вот, что у меня получилось: 250 (493–494); 251 (текст не повторяется); 252 (457–458); 253 (459–461); 254 (461–463); 255 (463–465); 256 (465, 476–477); 257 (478–481); 258 (481–483); 259 (483–486); 260 (486–488); 261 (488–490); 262 (491, 492, 494, 495); 263 (498, 499, 500, 505); 264 (505, 506, 501, 502, 503); 265 (503, часть текста не повторяется); 266 (часть текста не повторяется, 512); 267 (512, 513, 514, 515); 268 (часть текста не повторяется, 515); 269 (515, 516, 517, 518); 570 (518).

Надеюсь, что биографы Валерия Моисеевича по достоинству оценят мою работу и при составлении его честной библиографии воспользуются и этой маленькой раскладкой в океане повторных публикаций на удивление «плодовитого» автора.

– VII –

Лейбин известен стране и миру не только как крупный теоретик и историк психоанализа, но с начала 90-х годов и как ведущий врач-психотерапевт. С недавних пор я убедился, что он может анализировать не только отдельных пациентов, но и целые аудитории студентов. В книге «Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство» [12]⁶⁸, рекомендованной «Редакционно-издательским Советом Российской Академии образования к использованию в качестве учебно-методического пособия», Лейбин опубликовал результаты исследований, проведенные им в течение пяти лет (с 1992 по 1997 гг.), над студентами Москвы и Санкт-Петербурга.

Лейбин просил студентов, пришедших к нему на лекцию, ответить письменно на вопросы: хотели бы они когда-нибудь переспать с отцом, матерью, возникало ли у них желание из-за ревности проткнуть кухонным ножом живот мамы или проломить кирпичом голову папы и т.д. И хотя профессор не подсказывал конкретное оружие убийства, будет ли это нож или кирпич, вопросы звучали жестко:

«Какие чувства вы испытывали в детстве к матери, отцу, сестрам, братьям или замещающим их лицам? Имели ли вы сны или фантазии о кровосмесительных связях? Если да, то опишите их. Если нет, то воспроизведите какой-либо сон. Желали ли вы смерти матери, отцу, сестрам, братьям или близким вам людям? Испытывали ли вы угрызение совести от противоморальных намерений, которые возникали у вас по отношению к родителям или близким вам людям? Испытывали ли вы в детстве страх? Если да, то кого или чего вы боялись больше всего? Можете ли вы принять психоаналитическое понимание Эдипова комплекса полностью, частично, с оговорками или вообще не принимаете?...» [12, с. 20–21].

Теперь представьте себя на месте 17-летней девочки, которая пришла послушать лекцию уважаемого профессора, а тот просит ее ответить на неожиданные и очень странные вопросы. От таких тяжелых мыслей ее охватывает ужас. Она съеживается и не знает, как ей поступить. Никогда в жизни она не сталкивалась с таким бесцеремонным внедрением в ее личную жизнь. Но строгий профессор ее предупреждает, что все студенты без исключения в обязательном порядке должны писать «сочинение» на тему: «Как я насиловал – пускай только во сне – свою дорогую мамочку» или «Как я душил маленькую сестренку» и т.д. Преподаватель уверен, что у каждого студента нечто подобное происходило, только он не хочет признаваться себе. Студент – человек подневольный: явился в аудиторию в урочное время, будь любезен, написать что-нибудь гадкое о себе и своих родственниках. Само собой разумеется, что если ты не напишешь указанного сочинения, то у тебя могут возникнуть проблемы со сдачей зачета или экзамена.

Этим истязаниям подвергались 435 студентов, но, несмотря на все угрозы преподавателя, сдали свои письменные работы только 390 студентов. Некоторые студенты отделялись от

⁶⁷ Лейбин В.М. *Зигмунд Фрейд и психоанализ в России*. – М.: МПСИ, 2000.

⁶⁸ Лейбин В.М. *Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство*. – М.: МПСИ, 2000.

навязанного им сочинения короткой запиской вроде: «В данный момент меня не волнует Эдипов комплекс» или «Извините, но сейчас моя голова забита другими проблемами». Но большинство студентов, испугавшись гнева преподавателя и преодолев в себе естественное возмущение, вынуждено было что-то более или менее честно отвечать.

Лейбин пишет:

«У некоторых студентов подобное сопротивление было столь сильным и непреодолимым, что они так и не решились включиться в работу. У них сработали психологические механизмы защиты, реализация которых обернулась рациональными оправданиями в форме приведенных выше отписок. Не исключено, что именно у этой категории студентов имеются сложные, неразрешимые проблемы, уходящие своими корнями в детско-родительские отношения. Были случаи, когда после завершения сочинения отдельные студенты оказывались на грани срыва. Они глубоко переживали по поводу того, что обнаруживали в себе нечто из ряда вон выходящее. Поэтому после того, как все студенты сдавали свои сочинения, приходилось давать необходимые в таком случае пояснения по поводу возможных переживаний, связанных с Эдиповым комплексом, и тем самым снимать излишнюю напряженность» [12,⁶⁹ с. 23–24].

Я всегда думал, что преподаватель должен проявлять предельную осторожность в вопросах личной жизни своих подопечных. Он обязан проявлять такт и высочайшую мудрость при общении с ними, чтобы не травмировать незрелую психику молодых людей. У нашего же академика-педагога проявились прямо противоположные качества. Ради праздного любопытства он заставлял их испытать невероятные муки.

«В одной аудитории, – рассказывает Лейбин, – произошел инцидент, заставивший пересмотреть взгляд на проводимое исследование как сферу исключительно научного интереса. После завершения работы над сочинением одна из присутствующих студенток оказалась в таком подавленном состоянии, что со слезами на глазах просила принять ее в качестве пациентки. К сожалению, через несколько часов я уезжал в другой город и не имел возможности встретиться с этой студенткой. Пришлось посоветовать ей обратиться к одному из специалистов института психоанализа, в котором она проходила обучение.

До сих пор воспоминание об этом случае, имевшем место на начальном этапе исследования, вызывает у меня муки совести, связанные с тем, что в силу сложившихся обстоятельств я был вынужден уйти из аудитории, оставив в тот момент растерянную студентку наедине со своими проблемами. Единственное, что удалось сделать, так это объяснить провожавшим меня ее подругам, как и чем они могут помочь ей в данный момент. Но сам инцидент привел к пониманию того, что академическое исследование восприятия студентами Эдипова комплекса затрагивает такие глубокие процессы и переживания личности, которые подчас требуют терапевтического вмешательства» [12, с. 24–25].

Как видим, бывший марксист Лейбин неважно разбирается в педагогике и обладает невысокими моральными качествами. Если какой-то девушке по его вине сделалось плохо, надо было бросить все дела и оказать ей помощь. Вместо этого он увел от больной ее подруг, чем только усугубил и без того тяжелое положение. Всякий здравомыслящий человек до проведения этого абсурдного эксперимента непременно догадался бы, что в такой массе студентов окажутся и такие, которые действительно испытали на себе ужасы сексуального домогательства со стороны родителей и старших братьев. Тогда Лейбин своим бесцеремонным вмешательством заставит их пережить заново ранее полученную травму. Причем это переживание произойдет в самом неподходящем месте – в аудитории, где сидят студенты разного пола, и понятно, что не все люди могут скрывать свои чувства.

Лейбин ничего не понимает и в психологии. Своими неуклюжими действиями он нанес каждому студенту болезненную рану, которая не обязательно могла проявиться открыто, как в описанном им «инциденте». Но у каждого из них, как минимум, остался нехороший осадок, который появляется в ответ на что-то отвратительное. Потом эту мерзость Лейбин опубликовал пятитысячным тиражом. – Зачем? Что это дает «академической» науке? Академик не понимает, что у человека, тем более, молодого, нельзя спрашивать: не мастурбировал ли он, не подглядывал ли он за родителями, когда те раздевались и т.д. Нельзя допускать, чтобы человек испытывал за себя стыд. Если такое происходит, то мы имеем дело с плохим педагогом и неумной теорией, которую придумал человек в своих корыстных интересах.

⁶⁹ Лейбин В.М. *Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство*. – М.: МПСИ, 2000.

Валерий Моисеевич Лейбин нанес колоссальный урон России, когда взялся за пропаганду вздорного учения Фрейда. Ни в личности, ни в его учении нет никакой «русскости»: психоанализ одинаково вреден как для русских, так и для евреев, немцев, англичан, французов – для всех народов мира он очень опасен. Отец-основатель шаманства XX века был ловким авантюристом. Пусть я в деталях ошибся, распутывая клубок его вранья, всё равно, будь он даже трижды праведником, его спекулятивная идеология, которая широко пропагандируется в нашей стране, весьма опасна. Актуальная задача сегодняшнего дня – остановить наступление фрейдизма на Россию. Возьмемся же, друзья, засучив рукава, за выкорчевывания старого пня, пустившего в наши дни молодые побеги.

Литература

1. Акимов О.Е. *Правда о Фрейде и психоанализе*. – М.: Издатель Акимова, 2005.
2. Акимов О.Е. *Психология познания. Удод*. – М.: Издатель Акимова, 2004.⁷⁰
3. Акимов О.Е. *Фрейд как основатель ложной теории и практики*.
4. Акимов О.Е. *Жириновский, Фрейд и Россия*.
5. Фрейд З. *Толкование сновидений*. – Мн.: Попурри, 1997.
6. Стоун И. *Страсти ума или Жизнь Фрейда*. – М.: Мысль, 1994.
7. Фрейд З. *Собрание сочинений в 26 томах*. Том. 1. *Исследования истерии*, – СПб.: ВЕИП, 2005.
8. Дубейковская Я.С. *О нашем, о женском. Размышления политконсультанта-психоаналитика накануне 8 марта*.
9. Лейбин В.М. *Психоанализ и философия неофрейдизма*. – М.: Издательство политическая литература, 1977.
10. Овчаренко В.И., Лейбин В.М. *Антологии российского психоанализа*. Т. 2. – М.: МПСИ, 1999.
11. Лейбин В.М. *Зигмунд Фрейд и психоанализ в России*. – М.: МПСИ, 2000.
12. Лейбин В.М. *Эдипов комплекс: инцест и отцеубийство*. – М.: МПСИ, 2000.
13. Гуревич П.С. *Теория и практика психоанализа*. Программа и учебное пособие. – М.: МПСИ, 2000.

О. Е. Акимов, 2005

⁷⁰ В.Э.: Здесь тоже сам Акимов более позднюю книгу дает первой, а раннюю – второй. Так они размещаются и у меня: OJAK-1 и OJAK-2.

Случай фрейлейн Анна О.

Йозеф Брейер [?]

<http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/LFR.htm>

Перевод – *Сергея Панкова*

Перевод – *Николаева Виктора Ивановича*⁷¹

Анна О., которой к началу заболевания (1880) был 21 год, была по-видимому наследственно отягощена невропатологическими заболеваниями, теми психозами, которые иногда появляются в больших семьях; хотя родители её в этом отношении здоровы. Раньше больная всегда была здоровой, без каких-либо признаков нервности за весь период развития; с очень высоким интеллектом, поразительным даром на разного рода выдумки и глубокой интуицией; её удивительные логические способности могли перерабатывать солидную духовную пищу, они попросту говоря нуждались в таковой, но после окончания школы она перестала её получать. Богатая поэтическая одарённость и склонность фантазировать находились под контролем присущего ей очень острого и критичного рассудка. Именно он-то и делал Анну О. совершенно недоступной к внушениям; только логические аргументы могли оказывать на неё влияние, а любые убеждения были бесполезны. Воля её была крепкой, Анна О. отличалась большой выдержкой и выносливостью, по временам даже доходящим до упрямства. От своей цели она отказывалась только из желания получить одобрение других.

В характере её обращали на себя внимание доброта и милосердие. Постоянно проявляемая ею забота и уход за бедными и больными послужили на пользу и ей самой во время её болезни. Состраданием к бедам других Анна О. удовлетворяла одну из своих самых больших потребностей. – Её настроениям всегда была присуща некоторая склонность к чрезмерности; веселье и грусть соединялись вместе. А отсюда и присущая ей небольшая капризность. Поражало полное отсутствие каких-либо сексуальных интересов; больная, в жизни которой я был настолько хорошо осведомлён, как вряд ли это было доступно кому другому, никогда не испытывала в жизни любви; в громадном количестве её галлюцинаций так ни разу и не всплыл сексуальный элемент душевной жизни.

Фройляйн Анна О., несмотря на переполнявшую её духовную жажду, вела в пуританской семье родителей необычайно монотонную жизнь, которую девушка умудрялась скрасить особым образом, по-видимому, вообще, характерным для её болезни. Анна О. систематически отдавалась сновидениям наяву, которые она называла личным «частным театром». В то время, как окружающие люди считали, что она участвует в разговоре, она на самом деле жила духом своей сказочной мечты. Правда, когда бы только её не окликали, Анна О. всегда легко отзывалась, так что никто не подозревал о том, что с нею происходило. Наряду с занятием домашним бытом, что она делала всегда безупречно, незаметно и почти непрерывно протекала её духовная деятельность в виде неустанного фантазирования. Немного позже я сообщу о том, каким образом её привычные здоровые грёзы перешли в патологические.

Течение болезни распадается на несколько легко выделяемых фаз; таковыми будут следующие:

А) Латентный инкубационный период, время зарождения болезни; он занял примерно полгода, с середины 1880 до приблизительно 10 декабря. Свообразие излагаемого клинического случая предоставило возможность такого глубокого рассмотрения этой фазы,

⁷¹ В.Э.: На странице <http://sceptic-ratio.narod.ru/ps/LFR.htm> у Акимова стоят якобы три разных перевода истории Анны О., которые выполнили Крук В.М., Сергей Панков и Николаев Виктор Иванович. Однако на самом деле под двумя последними фамилиями стоит один и тот же текст. Я не стал этот текст помещать в свой Дневник дважды, но так как не знаю, чей именно перевод выставлен у Акимова под обеими фамилиями, то привожу здесь обоих переводчиков. Перевод Крука см. в {OJAK-1}. Какой-то свет на это проливает {OJAK-3}, но полной ясности не вносит.

обычно лишённой нашего понимания, что уже только из-за одного этого случай Анны О. заслуживает нашего пристального внимания. Чуть позже я подробно изложу эту часть истории болезни.

В) Проявившееся (манифестное) заболевание выдало себя особого рода психозом, парафазией (паралалией), конвергентным страбизмом (косоглазием), тяжёлыми расстройствами зрения, контрактурами-параличами, полностью захватившими правую верхнюю и обе нижние конечности, а частично ещё и левую верхнюю, парезом (ослаблением двигательных функций) затылочных мышц. Постепенное уменьшение контрактуры правосторонних конечностей. Некоторое улучшение, прерванное пережитой в апреле тяжёлой психической травмой в результате смерти отца. За этой фазой следует

С) Период продолжительного сомнамбулизма, позднее начавшего чередоваться с нормальным состоянием сознания. Сохранение симптомов до декабря 1881 года.

Д) Постепенное исчезновение указанных патологических состояний и феноменов (период длившийся до июня 1882 года).

В июне 1880 года заболевает отец пациентки, которого она страстно любила. Его не смогли вылечить от периплевритного абсцесса, и в апреле 1881 года он умер. В течение первых месяцев болезни отца Анна О. со всей энергией своего молодого организма отдалась уходу за больным. Никого не удивляло, что с каждым днём девушка всё больше и больше измучивала себя. Никто, да возможно и сама больная, не догадывался о том, что происходило в ней. Но постепенно её состояние слабости, анемии, отвращения к пище стали настолько болезненными и заметными, что пациентку были вынуждены удалить от ухода за отцом. Непосредственным поводом обращения ко мне был очень сильный кашель, в результате жалоб на который я и исследовал её впервые. Это был типичный нервный тусис. Вскоре у больной появилась выраженная потребность отдыхать в послеобеденное время, а по вечерам её стало одолевать схожее со сном состояние, к которому чуть позже присоединилось сильное беспокойство.

В начале декабря возник конвергентный страбизм. Врач-окулист объяснил это (по ошибке) парезом отводящей мышцы. 11 декабря пациентка слегла в постель и оставалась там до 1 апреля.

Быстро сменяя друг друга появлялось и исчезало, причём по-видимому впервые в жизни больной, множество тяжёлых расстройств.

Левосторонняя боль в затылке; из-за беспокойства стал гораздо более выраженным конвергентный страбизм (диплопия – двоение изображения); жалобы на то, что на неё могут обрушиться стены (страх наклонённых пространств). Трудно диагностируемые расстройства зрения; парез передних шейных мышц, так что под конец голову можно было двигать лишь посредством того, что пациентка сдавливала её между приподнятыми плечами и уже тогда передвигала голову вместе со всем туловищем. Контрактура (ограничение подвижности) и анестезия верхней правой конечности, а спустя некоторое время и левой; возникает ощущение, что правая конечность вытягивается, становясь прямой и словно бы приковывается к телу, несколько выворачиваясь вовнутрь; позднее подобное происходит с левой нижней конечностью, а затем с левой рукой, правда, пальцы её всё ещё до некоторой степени продолжают сохранять подвижность. Да и плечевые суставы не были полностью обездвижены. Максимально выраженная контрактура была в мышцах предплечья, а когда позднее мы смогли поточнее выявить зоны нечувствительности, наиболее нечувствительным оказался у пациентки район локтя. Вначале болезни нам не удавалось достаточно точно выявить участки, лишённые кожной чувствительности. Это было связано с сопротивлением больной, вызванным имевшимися у неё страхами.

Вот в таком состоянии больной я принялся за лечение. Вскоре мне пришлось убедиться в наличии у неё явно выраженных изменённых психических состояний. У пациентки существовало два совершенно разных состояния сознания, довольно часто и совершенно непредсказуемо сменявших друг друга; в ходе болезни эти состояния всё больше расходились друг от друга. В одном из них пациентка могла довольно хорошо ориентироваться в своём окружении, была печальна и боязлива, короче говоря, оставалась относительно нормальной; а в другом состоянии она испытывала галлюцинации, была «невоспитанна», т.е. ругалась, бросалась подушками в людей, поскольку и когда бы ни позволяли ей это сделать контрактуры, ещё способными двигаться пальцами отрывала кнопки с белья и покрывал, и делала много чего подобного. Если во время этой фазы в комнате происходили какие-либо изменения, кто-нибудь входил или выходил, то она жаловалась на то, что у неё нет времени; тогда в её сознательных представлениях обнаруживались провалы памяти. Так как на все её жалобы окружающие пытались отвечать успокаивающим обманом, говоря, что у неё всё в полном порядке, то за каждым

метанием подушек и прочими подобными действиями следовали новые жалобы, что ей умышленно наносят вред, оставляя её в таком смятенном состоянии и т.д.

Эти абсансы (периоды кратковременного отсутствия сознания) наблюдались ещё до того, как она слегла в постель; в такие моменты речь её прерывалась на середине фразы, она повторяла последнее сказанное ею слово, чтобы спустя короткое время опять продолжать прерванную ею речь. Постепенно состояние больной больше и больше начинало походить на описанную нами картину её состояния. Во времена обострения болезни, когда контрактура захватывала и левую сторону, в течение всего дня она лишь на короткое время в какой-то мере становилась нормальной. Но и в эти моменты относительно ясного сознания она не была полностью избавлена от расстройств; молниеносные смены настроения из одной крайности в другую, мимолётная весёлость, обычно нелегко переносимые состояния сильной тревоги, упорное сопротивление по отношению к любым терапевтическим мероприятиям, видение страшных галлюцинаций, в которых царили чёрные змеи; их она видела в своих волосах, на шнурках и т.п. И при этом она ещё умудрялась успокаивать себя, что нельзя же быть до такой степени глупой, что это всего-навсего её волосы и т.д. В периоды совершенно ясного сознания она жаловалась на полный мрак в голове, на то, что она не способна думать, что вскоре станет слепой и глухой, что в её душе присутствуют два Я, Я истинное и Я другое, плохое, принуждающее её совершать что-то злое и т.д.

После обеда она находилась в сомнолции (патологическом состоянии сонливости), обычно заканчивавшейся только спустя примерно час после захода солнца, тогда пациентка просыпалась, жаловалась на то, что её что-то мучает, но чаще всего она просто монотонно повторяла один и тот же глагол: мучить, мучить...

Одновременно с появлением контрактур наступила глубокая, функциональная дезорганизация речи. Вначале было заметно, что больной явно не хватает запаса слов, постепенно это становилось всё более очевидным. Её речь начинала терять грамматическую стройность, искажались синтаксические конструкции, появлялись ошибки, связанные со спряжением глаголов, а под конец Анна О. вообще перешла к использованию одной-единственной формы – неопределённой формы глагола (инфинитива), причём, естественно, делала она это с ошибками, а уж об артиклях⁷² так и говорить не стоит. В ходе дальнейшего развития заболевания пациентка стала почти целиком забывать слова. Она с огромными усилиями пыталась сконструировать предложение, привлекая на помощь четыре–пять разных языков, так что теперь её вряд ли можно было понять. И даже когда она пыталась передать свои мысли письменно (если этому не мешала контрактура), она использовала тот же самый не перевариваемый жаргон. Две недели подряд у неё сохранялся мутизм,⁷³ и, как не пыталась она произнести хотя бы одно слово, из уст её не раздавалось ни единого звука. Именно тогда и стал мне впервые понятен психический механизм её расстройства. Насколько я смог выяснить, она была чем-то обижена, и в отместку решила молчать. Когда я это разгадал и мне удалось разговорить пациентку, то сразу была устранена помеха, которая прежде делала невозможной для неё речь.

По времени это совпало с возвратившейся подвижностью в левосторонних конечностях (март 1881 года). Парафазия отступила, но теперь она говорила только по-английски, по-видимому и сама не догадываясь о том, что говорит на иностранном языке; она бранилась с сиделкой, которая, конечно же, не понимала ни слова из того, что произносила больная; лишь спустя несколько месяцев мне удалось донести до неё то, что она говорит по-английски. Хотя сама Анна О. каким-то образом умудрялась понимать своё окружение, говорящее на родном языке. И только в моменты испытываемого ею сильного страха, речь полностью пропадала или же становилась совершенно непонятной из-за смешения совершенно разных идиом. В наиболее приятные для себя часы Анна О. говорила по-французски или по-итальянски. Но находясь в одном из этих состояний (когда она говорила на этих языках или на английском), она ничего не могла вспомнить из родного языка, о котором у неё была полная амнезия. Постепенно уменьшился страбизм, ставший появляться лишь в минуты особенно большого волнения, мышцы вновь стали послушны пациентке. 1 апреля Анна О. впервые за долгое время оставила постель.

⁷² [i] в немецком языке все имена существительные обычно употребляются вместе с дополнительным служебным словом – артиклем, обозначающим их род (мужской, средний, женский) [дэр, ди, дас].

⁷³ [ii] от латинского *mutismus*, обозначающего немоту, онемение. В психиатрии под мутизмом принято понимать отказ говорить при определённых психических заболеваниях. По-видимому, Бройер вкладывает в это понятие особый смысл.

И тут 5 апреля умирает обожаемый ею отец, которого за всё время своей болезни она могла видеть только изредка, да и то на короткие мгновенья. Из всех существующих на свете потрясений, смерть отца была для Анны О. самой ужасной. Первоначально неистовое возбуждение сменилось глубоким ступором (состояние психической и двигательной заторможенности), который длился около двух дней; из него она вышла совершенно другим существом. Анна О. выглядела намного более спокойной чем обычно, её тревожность заметно ослабла. Контрактура правой руки и ноги не исчезла, также как и не пропала незначительно выраженная потеря чувствительности в этих членах. Поле зрения было значительно сужено. Из всего спектра цветов, которые приводили её в удивительно радостное настроение, она способна была одновременно воспринимать только по одному цвету. Пациентка жаловалась, что не узнаёт людей. Обычно же она легко запоминала лица, для чего ей не требовалось никаких усилий. Сейчас ей приходилось прибегать к очень хлопотливой «*recognising work*» (в переводе с английского «работа по узнаванию»), говоря самой себе примерно следующее: да, нос у него такой, волосы такие, следовательно это должен быть господин такой-то. Все люди превратились для неё в какое-то подобие восковых фигур, не имеющих к ней никакого отношения. Присутствие некоторых близких родственников стало для неё необычайно мучительным, к тому же этот «негативный инстинкт» разрастался всё больше и больше. Если в комнате появлялся кто-то из тех людей, кого Анна О. раньше встречала с огромной радостью, то теперь она разделяла с ним общество лишь на короткое время, чтобы затем опять погрузиться в свои раздумья, а присутствующий человек для неё исчезал. И только меня она никогда не теряла из своего поля зрения. Когда бы я ни появился, она неизменно проявляла ко мне участие, сразу становясь оживлённой при моём обращении. Правда, при совершенно неожиданно появившихся галлюцинаторных абсансах этот контакт прерывался.

Теперь Анна О. говорила только по-английски и уже ничего не понимала из того, что ей говорили на родном (немецком) языке. Всё её окружение должно было изъясняться на английском и даже сиделки в какой-то мере научились с этим справляться. Но читала пациентка только французские и итальянские книги, а когда какое-либо место ей нужно было прочитать вслух, то делала она это с вызывающей восхищение лёгкостью и свободой, это был удивительно точный перевод прочитанного с листа на английский язык.

Она опять начала писать, но делала это на особый манер. Она писала сохранявшей подвижность левой рукой, выискивая в имеющемся у неё издании Шекспира антикварные типографские буквы.

Если ранее Анна О. ещё принимала хотя бы минимальное количество пищи, то теперь она полностью отвергала любую пищу, позволяя мне кормить себя, так что, несмотря ни на что, она быстро набирала вес. И лишь хлеб она категорически отказывалась есть. После кормления Анна О. никогда не забывала умыть рот, причём делала она это даже тогда, когда по какой-либо причине ничего не ела; это было знаком того, насколько безразличен для неё был сам процесс еды.

Сомноленция после обеда и глубокий ступор после заката солнца продолжали сохраняться и далее. А когда пациентка была способна высказываться (я ещё буду говорить подробнее об этом), то её сознание становилось ясным, сама она – спокойной и весёлой.

Но это относительно сносное состояние продолжалось не особенно долго. Спустя примерно 10 дней после смерти отца к пациентке был приглашён врач-консультант. Во время моего рассказа об особенностях её состояния она полностью игнорировала присутствие консультанта, поступая с ним так, как это делала со всеми незнакомыми ей людьми. «*That's like an examination*» (это словно экзамен), сказала она смеясь, после того, как я попросил её прочесть нам французский текст на английском языке. Попытался вмешаться и приглашённый врач, желая обратить на себя её внимание, чтобы она наконец-то заметила его, но все наши усилия были напрасны. Это (не замечание присутствия другого человека) была поистине «негативная галлюцинация», которую можно было легко воспроизводить в любое время. Наконец врачу удалось сломить ход событий, пустив пациентке в лицо целый столб дыма от сигары. Внезапно Анна О. увидела перед собой чужого человека, она ринулась к двери, чтобы вытащить ключ, и без чувств упала на пол; а далее последовал небольшой гневный взрыв, который сменил приступ страха и лишь с большим трудом мне удалось устранить у пациентки её тревогу. К несчастью, я должен был уезжать в тот же самый вечер, а когда вернулся через несколько дней, то состояние больной стало намного хуже. Всё это время она соблюдала пост, испытывая постоянную тревогу. У неё было множество галлюцинаторных абсансов с ужасающими образами в виде голов

мертвецов и пугающими скелетами. Так как переживая это, пациентка чаще всего драматически воссоздавала виденное ею и даже вступала с виденными ею образами в разговор, то окружающие люди были хорошо осведомлены о содержании её галлюцинаций. После обеда, на закате солнца она погружалась в особое состояние, напоминающее глубокий гипноз. Для этого состояния Анна О. даже придумала особый технический термин «*clouds*» (витание в облаках). Если ей удавалось рассказать о виденных ею в течение дня галлюцинациях, то после этого она становилась удивительно спокойной и весёлой, принималась за работу, рисовала и писала в течение всей ночи, причём делала она всё это совершенно разумно; а около 4 часов утра шла в постель, чтобы утром старая сцена продолжалась заново. Обращала на себя внимание удивительная противоположность между двумя её состояниями: невменяемой больной, охваченной днём устрашающими галлюцинациями, и девушкой, пребывающей по ночам в ясном сознании.

Однако несмотря на всю эйфорию Анны О., испытываемую ею по ночам, психическое состояние ухудшалось с каждым днём. Появилась большая готовность к самоубийству, что сделало нецелесообразным нахождение больной на четвёртом этаже. Поэтому больная, несмотря на её нежелание, была переведена в загородный дом в пригороде Вены (7 июня 1881 года). Я никогда не угрожал пациентке удалением из домашней обстановки, удалением, которому она отчаянно сопротивлялась, тихо этого ожидая и тревожась. В этой ситуации удаления из привычной ситуации стало хорошо заметно, насколько же сильно была выражена у Анны О. тревога. Точно так же, как спустя какое-то время после смерти отца у больной наступило успокоение, после того как произошло то, чего больная опасалась – её удаление из родительского дома, Анна О. успокоилась. Конечно, это не обошлось без того, чтобы переезд на новое место не отнял у неё три дня и три ночи, в течение которых она пыталась прийти в себя, полностью обходясь без сна и без пищи, бесконечно пытаясь покончить с собой (конечно, в условиях дачи такое было совершенно невозможно), разбивая стёкла на окнах и т.п., испытывая галлюцинации без абсанса, эти галлюцинации нисколько не были похожи на прежние. Спустя 3 дня она успокоилась, позволила сиделке накормить себя, а вечером даже приняла хлорал (снотворное).

До того, как я начну описывать дальнейшее течение болезни, я должен возвратиться назад и показать своеобразие этого клинического случая, о чём до сих пор поведал только мимолётно.

Я уже говорил, что в весь описанный период болезни каждый раз после обеда Анна О. впадала в сомноленцию, переходившую на закате солнца в глубокий сон (*clouds*). (Эта периодичность по-видимому лучше всего объясняется обстоятельствами ухода за больным отцом, чему она месяцами отдавалась с огромным усердием. Тогда ночами пациентка бодрствовала, внимательно прислушиваясь к каждому движению отца, и полная тревоги за его здоровье лежала без сна в своей постели; после обеда больная ложилась на некоторое время отдохнуть, как это обычно и принято среди сиделок; этот ритм ночного бодрствования и дневного сна, вероятно, незаметным образом сказался и на её собственной болезни, продолжая существовать даже тогда, когда сон давным-давно сменился гипнотическим состоянием). Если сопор (глубокое помрачение сознания) продолжался чуть ли не час, то пациентка становилась беспокойной, переворачивалась с боку на бок, постоянно выкрикивала: «Мучить, мучить», всегда делая это с закрытыми глазами. С другой стороны, было хорошо заметно, что в своих дневных абсансах, Анна О. всегда пыталась изобразить какую-либо ситуацию или историю, о содержании которых можно было догадываться по отдельным словам, которые бормотала пациентка. Происходило и такое. Кто-то из близких людей намеренно (в первый раз это произошло совершенно случайно) выкрикивал одно из таких ключевых словечек в те периоды, когда пациентка начинала заговаривать о «мучениях» – и Анна О. тотчас включала подброшенное слово в существовавшую в её воображении ситуацию, вначале запинаясь на своём парафазном жаргоне, но чем дальше, тем всё ровнее и свободнее лилась речь больной, пока наконец пациентка не начинала говорить на абсолютно корректном немецком языке (в первое время болезни, ещё до того как она оказалась полностью в плену английского языка). Истории, создаваемые находящейся в глубоком трансе пациенткой, всегда были прекрасны, иногда даже поражая слышавших их людей, чем-то напоминая сказки Андерсена, а вероятно и создавались они по образу и подобию книг знаменитого сказочника; чаще всего исходным и центральным пунктом всей истории была девушка, в тревоге пребывающая у постели больного; но появлялись и совершенно противоположные мотивы, которые искусно вуалировались. – Вскоре после рассказанной ею истории Анна О. просыпалась, по-видимому, успокоенная ходом выдуманной ею истории – сама пациентка называла такое свое состояние «приятием» (приятностью). Позже, ночью, пациентка опять становилась беспокойной, а утром, после двухчасового сна, было ясно

как божий день, что она находится в совершенно другом круге представлений. – Если Анне О. не удавалось в вечернем гипнозе рассказать до конца всю создаваемую ею историю, то вечернее умиротворённое настроение не возникало, и на следующий день, чтобы улучшить своё состояние, ей приходилось рассказывать уже две истории.

В течение всего полуторалетнего периода наблюдения за пациенткой основные проявления её болезни оставались теми же самыми: частые и тяжёлые абсансы в вечерних аутогипнотических состояниях, действенные продукты фантазии в качестве психических стимулов для активности, смягчение, а то и временное устранение симптомов после использования возможности выговориться в гипнозе.

Естественно, что после смерти отца, рассказываемые Анной О. истории стали ещё более трагичными, резко бросалось в глаза ухудшением психического состояния пациентки, последовавшее за мощным вторжением в её жизнь сомнамбулизма, о котором я только что рассказывал, отчёты пациентки перестали иметь более (или) менее свободный поэтический характер, превратившись в ряд ужасных, пугающих галлюцинаций, о содержании которых можно было догадываться ещё днём по поведению больной. Я уже успел рассказать о том, насколько искусно освобождалась её душа от потрясений, вызванных галлюцинациями, страхом и ужасом, после того, как Анне О. удавалось воспроизвести все виденные ею ужасные образы и выговориться до конца.

На даче, на которую у меня не было возможности ездить каждый день, чтобы посещать больную, события развивались следующим образом: я приезжал по вечерам в те периоды, когда, как я знал, она находилась в аутогипнотическом состоянии, и выслушивал новый ряд химер (фантазмов), накопившихся у неё со дня моего последнего посещения. Для достижения хорошего эффекта, пациентка должна была выговориться до конца: тогда она успокаивалась, на следующий день была любезной, послушной, прилежной – ну, просто само веселье. Но на второй день всё изменялось: Анна О. становилась более капризной, упрямой и неуправляемой, что ещё больше усиливалось в третий день. Когда она находилась в таком состоянии, то её, даже в гипнозе, не всегда удавалось побудить выговориться до конца. Для последней процедуры пациентка придумала хорошо подходящее, толковое название «*talking cure*» (лечение посредством разрешения выговориться), шуточно называя это «*chimney-sweeping*» (прочистка труб). Анна О. хорошо знала, что после того, как сможет выговориться, она потеряет всю свою строптивость и «энергию». Когда пациентка после долгого отсутствия таких спонтанных «процедур» исцеления пребывала в дурном настроении и отказывалась от речи, тогда мне приходилось добиваться откровений Анны О. при помощи принуждений и просьб, а также некоторых искусственных приёмов, наподобие проговаривания в её присутствии каких-либо стандартных начальных фраз из уже рассказанных ею историй. Но никогда пациентка не начинала говорить, хорошенько не убедившись в моём присутствии путём тщательного ощупывания моих рук. В ночи, в которые успокоения у пациентки так и не наступало, после предоставления ей возможности выговориться приходилось ещё прибегать к назначению хлоралгидрата (снотворного средства, оказывающего своё влияние в течение 6–8 часов; разовая доза 0,5 – 1 грамма, а максимальный суточный приём – 6 грамм); но постепенно необходимость в этом стала меньше.

Исчез сомнамбулизм, продолжавшийся в течение долгого времени, хотя чередование двух состояний сознания сохранялось. В середине разговора у Анны О. могли возникнуть галлюцинации, тогда она начинала убегать, пыталась вскарабкаться на дерево и т.п. Если её удавалось задержать, то спустя короткое время она продолжала оборванное на полуслове предложение, как бы не замечая того, что произошло в промежутке. Ко всем этим галлюцинациям она возвращалась позже, в гипнозе.

В общем, можно было сказать, что в состоянии Анны О. наметились улучшения. Она могла хорошо есть, без всякого сопротивления позволяя сиделке вводить пищу в рот, и только хлеб, несмотря на желание есть, пациентка отталкивала всякий раз, как только он соприкасался с её губами; существенно уменьшились контрактуры-парезы ноги; пациентка наконец-то смогла по достоинству оценить и крепко привязаться к ещё одному врачу, посещавшему её – моему другу доктору Б. Немалую помощь в выздоровлении оказывал и ньюфаундленд, которого Анна О. получила в подарок и страстно полюбила. Действительно, надо было видеть, как эта слабая девушка храбро брала в левую руку кнут и отстегивала им огромного зверя – своего любимца ради того, чтобы спасти его жертву, кошку, на которую он набросился. Несколько позже

пациентка стала уделять много внимания бедным и больным людям, что было несомненно полезно для неё.

Наиболее явное доказательство патогенного, возбуждающего влияния на абсансы с их особым миром представлений, созданным альтернативным сознанием, а также устранения патологического состояния после предоставления пациентке возможности выговориться в гипнозе, я получил после моего возвращения из отпуска, когда я не видел Анну О. в течение нескольких недель. Никакого «*talking cure*» за это время не было, так как больную невозможно было побудить рассказывать истории кому-либо кроме меня; не удалось это и доктору Б., которому во всём другом девушка охотно подчинялась. Я нашёл Анну О. в печальном и подавленном состоянии, она стала ленивой, строптивой, капризной и даже озлобленной. В её вечернем рассказе было заметно, что фантазийно-поэтическая жилка, столь сильно присущая ей, по-видимому, начала иссякать. То, что поведала пациентка, больше напоминало отчёт о имеющихся у неё галлюцинациях и о том, что злило её в течение прошедших дней; элементы фантазии, которые встречались в её рассказе, больше напоминали прочно занявшие своё место клише, чем что-то, имеющее какое либо отношение к поэзии. Более сносное состояние наступило у пациентки лишь после того, как я позволил ей съездить на неделю в город и в течение нескольких вечеров принуждал её рассказывать мне истории (их набралось 3–5). Когда это было уже позади, то оказалось, что мы обсудили с Анной О. всё, что накопилось за недели моего отсутствия. Появился прежний ритм в настроении пациентки. На следующий день после использованной возможности выговориться Анна О. была любезной и весёлой, на второй – более раздражённой и неприступной, а уж на третий день ну просто «отвратительной». Её эмоциональное состояние находилось во власти времени, которое вело свой отсчёт с момента предоставленной возможности выговориться. Любое патологическое образование, созданное фантазией пациентки, и любой факт, выхваченный болезненной частью её души, продолжали оказывать своё действие до тех пор, пока Анна О. не рассказывала о них в гипнозе, после чего она полностью избавлялась от их мучительного влияния.

Когда осенью пациентка снова вернулась в город (но уже в другую квартиру, не в ту, в которой она заболела), то состояние её было вполне сносным, причём как физически, так и душевно; и лишь только некоторые, с особой силой захватывающие её переживания, могли превратиться в патологические психические раздражители. У меня были большие надежды на постепенное улучшение состояния Анны О. в результате предоставляемой ей возможности выговориться до конца, что должно было защитить её психику от тяжёлых перегрузок новыми раздражителями. Но в самом начале меня постигло разочарование. В декабре психическое состояние Анны О. резко ухудшилось, она была сильно возбуждена, ею завладел пессимизм, она вряд ли бы смогла отыскать в своей жизни хоть один сносный день, хотя внешне пыталась ничем не выдать своё состояние. В конце декабря, в рождественские праздники, она испытывала особенно сильное беспокойство, во всю неделю ничего нового от неё я не услышал, разве что только рассказ о химерах, которые она тщательно создавала в праздничные дни 1880 года под воздействием испытываемых ею сильных аффектов страха. После того, как пациентка смогла рассказать о целой серии подобных образов, у неё наступило огромное облегчение.

Прошёл год с тех пор, как её удалили от ухода за отцом и она вынуждена была сама слечь в постель. Вот в это время и прояснилось, упорядочилось состояние Анны О. Оба чередующихся друг с другом состояния сознания ранее существовали так, что утром, с началом дня, учащались абсансы, т.е. доминировало альтернативное сознание, а по вечерам так, вообще, только оно одно и существовало. Теперь же всё было иначе, если раньше в одном из состояний сознания она была нормальной, а в другом имела психопатологические синдромы, то теперь различия приобрели совершенно иной характер. В первом из состояний она жила как и все мы в зиму 1881–1882 года, а во втором – как бы заново проживала зиму 1880–81 года, причём складывалось впечатление, что она полностью позабыла всё, что произошло потом в течение целого года, когда присутствовало сознание того, что отец умер. Это перемещение по времени в прошедший год происходило настолько интенсивно, что, находясь в новой квартире, она посредством галлюцинаций воссоздавала свою прежнюю комнату; когда хотела подойти к двери, то наткнулась на печь, которая точно так же располагалась по отношению к окну, как в прежней квартире дверь. Переход из одного психического состояния в другое происходил спонтанно и с необычайной лёгкостью, достаточно было одного мимолётного впечатления, напоминающего о живых событиях прошедшего года. Можно было просто подержать перед ней апельсин (основная её пища в течение начального периода заболевания) и она полностью переносилась из года 1882

в год 1881. Это перемещение в прошедший год происходило вовсе не случайным образом, день за днём пациентка последовательно проживала прошлую зиму. Я мог бы считать это всего-навсего гипотезой, если бы Анна О. сама на ежевечерних гипнозах не перебирала всего того, что взволновало её именно в этот день ровно год назад, и если бы не было личного дневника матери за 1881 год, по которому легко убедиться в точности упоминаемых пациенткой событий и времени их наступления. Возобновление переживаний прошедшего года продолжалось вплоть до полного исцеления от болезни (июнь 1882 года).

Интересно было замечать, как заново переживаемые в альтернативном сознании психические события не упускали возможности оказать влияние на её нормальное сознание.

Однажды утром больная смеясь сказала мне, что не знает почему, но злится на меня; зная содержание дневника матери, я хорошо понимал, что она имеет в виду. Позже в вечернем гипнозе моё предположение действительно подтвердилось. В такой же точно календарный день вечером в 1881 году я чем-то очень сильно рассердил пациентку. В другой же раз она сказала, что с её глазами происходит что-то необычное, что она неправильно воспринимает цвета. Но оказалось, что в тесте на различение цветов она всё видит чётко и правильно, расстройство зрения относилось только к материалу её одежды. Причиной же было то, что в те дни в 1881 году (год назад) пациентка много времени отдавала работе с шлафроком (домашним халатом) отца, который был из такого же материала, только другого, синего цвета. Было также хорошо заметно, что эти всплывавшие воспоминания прежде всего мешали работе нормального сознания, и лишь постепенно их влияние стало сказываться и на альтернативном сознании.

Вечерние гипнозы довольно сильно обременяли пациентку уже тем, что ей приходилось вести рассказ не только о новоиспечённых химерах, но и о переживаниях и «мистике», относящихся к 1881 году (к счастью, в то время уже были устранены химеры 1881 года). Эта проводимая пациенткой и врачом работа была необычайно большой из-за наличия особого рода расстройств, которые также приходилось устранять, я имею тут в виду психопатологические проявления самого начального периода болезни с июля по декабрь 1880 года, те явления, которые привели к появлению истерических феноменов. После того, как пациентке была дана возможность выговориться, симптомы исчезали.

Я был просто поражён, когда после ненамеренного рассказа пациентки, находившейся в вечернем гипнозе, о мучающем её симптоме, он внезапно исчез, несмотря на то, что существовал довольно длительное время. Она рассказывала о лете, стояла необычайная жара, пациентка ужасно страдала от жажды, и всё из-за того, что безо всякого видимого повода вдруг возникли проблемы с утолением жажды. Как только её губы соприкасались со столь желанным для неё стаканом воды, она резко отталкивала его от себя, словно бы страдала гидрофобией. Очевидно в эти секунды она находилась в абсансе. Утолить мучившую её жажду в какой-то степени удавалось только фруктами, арбузами и т.п. Такое продолжалось около 6 недель. Как-то в гипнозе она стала говорить о своей англичанке-компаньонке, которую явно недолюбливала. С явным выражением отвращения пациентка рассказывала, как вошла к ней в комнату и увидела, как маленькая собачка компаньонки, отвратительнейшая собачка, пила из стакана. Тогда она ничего не сказала, так как не хотела показаться невежливой. Какое-то время после рассказанной ею истории пациентка ещё предавалась проявлению бушевавшей в ней злобе, затем попросила попить, без всяких препятствий выпила несколько стаканов воды и вышла из гипноза, держа стакан возле губ. Вот так навсегда исчез её симптом. Таким же образом исчезали и другие её закоренелые причуды; было достаточно всего-навсего рассказать о том событии, которое действительно послужило для них поводом. Но самым большим достижением было исчезновение под воздействием такой процедуры первого устойчивого симптома – контрактуры правой ноги, хотя она ещё до того значительно уменьшилась. Истерические симптомы пациентки сразу же исчезали, стоило только в гипнозе воспроизвести событие, спровоцировавшее появление симптома в первый раз. Вот из таких-то наблюдений и была создана терапевтическая техника, безупречная в отношении логичности, последовательности и систематичности. Внимание уделялось каждому отдельному симптому этой порядочно запутанной болезни, всем поводам, которые могли спровоцировать их появление. Рассказ о них начинался в обратном по времени порядке, начиная с тех дней, когда пациентка слегла в постель и обратно до тех событий, которые послужили поводом для их первого возникновения. Если Анне О. удавалось о них рассказать, то симптом исчезал бесследно и навсегда.

Так были «отговорены» (*wegerzahlt*) контрактуры-парезы и восстановлена кожная чувствительность, устранены разнообразнейшие расстройства зрения и слуха, невралгии,

нервные кашель и дрожь и т.п., а под конец расстройства речи. Например, последовательно исчезали следующие расстройства зрения: конвергентный страбизм с двоением предметов; кошение обоих глаз вправо, так что хватающая рука всегда оказывалась левее предмета; сужение поля зрения; центральная амблиопия (понижение остроты зрения без обнаруживаемых объективных изменений в зрительном аппарате); макropsия; видение вместо отца головы мертвеца; невозможность читать. И только к некоторым феноменам, появившимся уже в постельный период, не удалось применить такой подход, например, к распространению контрактуры-пареза на левую сторону; по-видимому, он не имел под собой никаких прямых психических поводов.

Совершенно безуспешными оказались все попытки ускорить дело посредством попыток напрямую пробудить в воспоминаниях пациентки первый повод для появления симптома. Она не могла его отыскать, впадала в замешательство, и лечение шло даже медленнее, чем в том случае, когда больной позволяли спокойно и безопасно размотать до конца подхваченную ею нить воспоминаний. Лечение посредством вечерних гипнозов происходило слишком уж медленно из-за того, что пациентка во время процесса «выговаривания» была вынуждена отвлекаться на две другие серии тревожащих её психических феноменов. Да и сами воспоминания по-видимому нуждались в определённом количестве времени, чтобы успевать появляться в первоначальной яркости. Поэтому сформировалась следующая процедура лечения. Я заходил к пациентке утром, гипнотизировал её (опытным путём были найдены очень простые гипнотические техники), а когда она успевала достаточно сконцентрироваться на мыслях об очередном симптоме, то спрашивал её о жизненных обстоятельствах, в которых он появился впервые. При быстром предъявлении последовательности небольших ключевых фраз пациентка перечисляла внешние поводы, которые я тут же записывал. А на вечернем гипнозе при поддержке сделанных мною записей, больная довольно подробно описывала конкретные обстоятельства появления симптома. О том, насколько сильно пациентка погружалась в себя, можно судить хотя бы по следующему примеру. Частенько бывало так, что пациентка не слышала, когда к ней обращались. Эту временную «глухоту» можно разделить на следующие группы:

А) незамечание того, что кто-то вошёл в комнату; здесь мною подробно зарегистрировано 108 случаев; Анна О. называла обстоятельства, лица, а часто и даты; первым в списке упоминается отец;

В) неумение разобрать слова, когда несколько человек говорят одновременно; 27 случаев; первым в списке опять стоит отец и один человек из знакомых пациентки;

С) Анна О. настолько сильно уходила в себя, что не замечала того, что обращаются непосредственно к ней; 50 раз; самое первое воспоминание, относящееся сюда – отец просит её принести вина;

Д) наступающая из-за тряски (в вагоне и т.п.) глухота; 15 раз; первый случай в списке – выследив пациентку, когда та ночью подслушивала у двери в комнату больного, младший брат в негодовании её трясёт;

Е) временная глухота, наступающая в качестве реакции на сильный испуг при внезапном шорохе; 37 раз; первый случай – приступ удушья отца, когда он подавился;

Ф) глухота, наступающая в состоянии глубокого абсанса; 12 раз;

Г) глухота из-за столь упорного и усиленного прислушивания к тому, что говорят, что под конец, когда к ней кто-то обращался, она уже ничего не слышала; 54 раза.

Конечно, все эти феномены большей частью схожи между собой. Их, например, можно свести к проявлению рассеянности в состоянии абсанса или аффектам испуга (ужаса). Но в воспоминаниях больной эти явления были столь чётко разделены на отдельные категории, что стоило ей здесь где-нибудь сбиться, как у неё возникала потребность заново восстановить нарушенный порядок, иначе дело так и застревало. Многочисленные подробности ввиду их незначительности, а также удивительная точность при их рассказывании наводили на подозрение о надуманности. Многое из рассказанного невозможно было проверить, так как оно относилось к субъективным, внутренним переживаниям. А некоторые обстоятельства, с которыми было связано появление симптомов, удалось припомнить окружающим пациентку людям.

Здесь не происходило ничего нового по сравнению с «отговариванием» симптомов. Упоминаемое пациенткой психопатологическое явление само начинало ярко выступать на передний план. Например, во время анализа эпизодов глухоты, пациентка в столь большой степени переставала меня слышать, что по временам для продолжения общения с нею мне приходилось прибегать к запискам. И всегда поводом для появления таких эпизодов был какой-

либо сильный ужас, пережитый ею во время ухода за отцом, или непростительное упущение, проявленное с её стороны и т.п.

Припоминание прежних событий не всегда шло гладко, иногда больной приходилось делать для этого огромные усилия. А однажды так вообще дело застопорилось на большой период. Никак не желало появляться одно из воспоминаний; оно относилось к пугающей пациентку галлюцинации: вместо привычного образа отца, за которым ухаживала пациентка, она видела голову трупа. Анна О. и окружающие её люди вспомнили, как однажды, когда она ещё была совершенно здоровой, пациентка пошла навестить одну из родственниц, открыла двери её квартиры и тотчас упала в обморок. Чтобы справиться с этим, Анна О. поехала теперь туда, но как и прежде, рухнула там без сознания на пол, только успев переступить порог комнаты. В вечернем гипнозе было обнаружено и устранено препятствие: входя в комнату родственницы, в стоящем напротив зеркале пациентка увидела своё бледное лицо, и даже не своё, а отца – голову трупа. – В работе с Анной О. часто оказывалось так, что страх перед тем, что воспоминания могут выдать что-то очень тайное, сдерживал их появление, так что пациентке или врачу приходилось прибегать к дополнительным усилиям.

Насколько сильна была логика её внутренней психической жизни, может убеждать среди всего прочего следующее событие. Как уже было замечено, по ночам пациентка неизменно пребывала в «альтернативном сознании» – то есть переносилась в 1881 год. Как-то ночью она проснулась, утверждая, что её увезли из дома, пришла в неопишное возбуждение, переполюшавшее всю семью. А причина её возбуждения была весьма проста. В предыдущий вечер посредством «*talking cure*» у пациентки удалось устранить зрительные расстройства (это относилось и к альтернативному сознанию). Проснувшись в середине ночи, пациентка обнаружила себя в незнакомой для неё комнате, так как весной 1881 года семья сменила квартиру. Подобные неприятные переживания устранялись посредством того, что по вечерам (по её просьбе) я закрывал ей глаза, внушая, что она не сможет их открыть, пока я сам не сделаю этого утром. Подобный переполюх в доме повторился ещё только один раз, когда пациентка сильно разрыдалась во сне и проснувшись, открыла глаза.

Так как хлопотливый анализ симптомов приводил к событиям, относящимся к лету 1880 года, когда только-только зарождалось заболевание пациентки, я смог получить довольно полное представление о инкубационном периоде и патогенезе описываемого случая истерии, что и хочу здесь вкратце изложить.

В июне 1880 года, находясь на даче, отец тяжело заболел первичным гнойным плевритом; ухаживали за ним мать и Анна. Однажды ночью пациентка проснулась в большой тревоге и нетерпении из-за ожидавшегося прибытия из Вены хирурга, который должен был оперировать отца. Мать вышла на некоторое время, и Анна О. осталась одна у постели больного. Пациентка сидела, опираясь правой рукой о подлокотник стула. Анна О. находилась в состоянии грёз наяву, она видела, как черная змея со стены приблизилась к больному, чтобы его укусить. (Вполне возможно, что на лугу за домом действительно обитало несколько змей, которые ещё раньше пугали девушку, а теперь стали материалом для переживаемых ею галлюцинаций). Она хотела защитить отца от опасности, но была словно парализована; правая рука, свисавшая через подлокотник, «застыла» и онемела, присмотревшись же попристальней, девушка с ужасом увидела, как её пальцы превращаются в маленьких змей с головами мертвецов (на месте её ногтей). Скорее всего, девушка попыталась прогнать змей парализованной правой рукой, потому и совпадает в ассоциациях онемение и паралич руки с галлюцинациями о змеях. – Когда змеи исчезли, пациентка, продолжая находиться в состоянии испытываемого ею ужаса, захотела помолиться, но язык не слушал её, она не могла вымолвить ни одного слова ни на каком языке, пока наконец ей не удалось продекламировать английский детский стишок. С тех пор она могла думать и молиться только на этом языке.

Гудок локомотива, привезшего долгожданного врача, прервал суматоху в доме. Когда на следующий день пациентка потянулась, чтобы достать из кустов обруч, случайно попавший туда во время игры, то наклонившаяся ветка опять спровоцировала у пациентки галлюцинацию змей, и тотчас правая рука вытянулась и одеревенела. Такое стало теперь повторяться постоянно, как только находился более или менее подходящий объект для провоцирования появляющихся галлюцинаций – достаточно было лишь отдалённого сходства со змеей. Но подобно контрактуре, возникали они лишь в короткие периоды абсансов, которые становились всё более частыми после той злополучной ночи. (Постоянной эта контрактура стала только в декабре, когда полностью обессилевшая пациентка не могла больше покидать постель). По какой-то причине к

контрактура руки присоединилась контрактура правой ноги. Упоминания о причине я не нахожу в своих записях, а все события, относящиеся к новому симптому, я запомнил.

Теперь у пациентки появилась склонность аутогипнотически впасть в абсансы. На следующий (после ночи ожидания хирурга) день пациентка настолько погрузилась в себя, что уже не слышала того, как в комнате появился врач. Неослабевающее тревожное состояние пациентки создавало помехи для приёма пищи, а дополнительно у Анны О. постепенно начало формироваться чувство отвращения. Все конкретные истерические симптомы обычно возникали у неё на фоне переживания сильных эмоций. Так и осталось не прояснённым до конца, появлялись ли они только в состоянии коротких абсансов. Скорее всего, так оно и было, так как в своём нормальном состоянии пациентка ничего не знала о существовании у себя столь сильных аффектов.

И лишь небольшое количество симптомов, по-видимому, возникло не в момент абсанса, а в бодрствующем состоянии, на пике переживаемого ею аффекта, чтобы позже начать появляться в схожих ситуациях. Так большинство зрительных расстройств объяснялось отдельными более (или) менее ясно понятными причинами, например, когда пациентка сидела у постели больного с глазами полными слёз, тот попросил её сказать который час; из-за слёз девушка видела всё расплывчато, она предпринимала отчаянные попытки получше рассмотреть циферблат, подносила часы вплотную к своим глазам; вот именно тогда и показался ей циферблат ужасно огромным (макропсия и конвергентный страбизм); девушка делала просто невероятные усилия, чтобы скрыть от больного слёзы.

Одна из ссор, когда пациентке удалось сдержаться, чтобы не ответить обидным словом, вызвала у неё голосовые судороги, которые стали повторяться в любой схожей ситуации.

Речь у неё могла пропадать:

- a) из-за страха (такое стало появляться после пережитой ночной галлюцинации);
- b) после упомянутой ссоры, когда она удержалась, чтобы не ответить на оскорбление (активное подавление);
- c) после того, как она была однажды несправедливо обругана;
- d) во всех аналогичных ситуациях (обида).

Нервный кашель появился в первый раз тогда, когда во время дежурства у постели больного отца из соседнего дома доносилась танцевальная музыка, и естественное желание оказаться там, вызвало у пациентки сильные самообвинения. С тех пор во всё время своей болезни пациентка реагировала на любую по-настоящему ритмичную музыку нервным туссисом.

Я не слишком расстроен тем, что некоторые из моих записей из-за недостаточной полноты сведений не позволяют прийти к выводу о том, что весь этот случай заболевания истерии можно полностью свести к реакциям на обстоятельства, в которых впервые возникал каждый из симптомов. Почти везде пациентке удавалось обнаружить первичный повод, приводивший к появлению симптома, за исключением того эпизода, о котором уже упомянуто выше. И каждый симптом после рассказа об обстоятельствах его возникновения бесследно исчезал.

Вот таким образом и было покончено с заболеванием пациентки. Больная сама решила, что в годовщину вынужденного переезда на дачу она должна полностью справиться со своим недугом. Поэтому начиная с самого начала июня Анна О. предавалась «*talking cure*» с огромной, всепоглощающей энергией. В последний день лечения с моей помощью пациентка вспомнила о том, что свою комнату она обустроила так, как выглядела комната, где лежал больной отец. Пациентка заново со всей яркостью пережила описанную выше галлюцинацию, столь сильно ужасавшую её и бывшую корнем всего заболевания, под её воздействием Анна О. могла думать и молиться только по-английски. И сразу же после припоминания прежнего ужаса Анна О. заговорила на немецком языке, став полностью свободной от бесчисленных конкретных симптомов, в таком обилии демонстрируемых ею ранее. На какое-то время Анна О. оставила Вену ради путешествий, но прошло довольно много времени пока ей удалось полностью восстановить психическое равновесие. И с тех пор она наслаждается абсолютным здоровьем.

Несмотря на то, что я опустил многие не лишённые интереса подробности, история болезни Анны О. оказалась намного обширнее, чем, казалось бы, может заслуживать столь необычный случай истерии. Не было иного способа ясно изложить этот клинический случай, как войти в детали истории болезни, без которых теряется всё своеобразие описываемого заболевания, именно это и может извинить меня в глазах читателей за то, что я так долго злоупотреблял их вниманием. Ведь и яйца иглокожих не потому имеют столь большое значение для эмбриологических исследований, что морской ёж является на редкость интересным

животным, а потому, что его протоплазма достаточно прозрачна для того, чтобы обнаружить в ней многие физиологические процессы и перенести потом соответствующие выводы на яйца с мутной плазмой.

Интерес представленного здесь случая истерии лежит прежде всего в его понятности и в объяснимости патогенеза заболевания.

В качестве предрасполагающих к истерии факторов мы можем отметить два психических качества, обнаруживающихся у Анны О.:

– монотонную жизнь в семье родителей, когда у пациентки отсутствовала возможность заняться активной духовной деятельностью, оставался нерастроченным огромный избыток психической энергии, которой только что и оставалось как уйти в непрерывное фантазирование; и

– склонность к снам наяву («частный театр»), приводящая к необходимым предпосылкам для формирования диссоциированных (множественных) личностей.

Однако и это ещё может оставаться в границах нормы; спонтанно проявляющиеся мечтания или медитация сами по себе ни коим образом не приводят к патологическому расщеплению сознания, так как подобные расстройства можно легко устранить, например, призывом собраться, восстанавливая этим единство сознания, да и амнезии здесь практически никогда не бывает.

Но в описываемом клиническом случае у Анны О. была подготовлена почва, на которой получил прописку аффект страха и боязливое ожидание, после того как однажды обычные мечтания приняли форму галлюцинаторного абсанса. Обращает на себя внимание то, насколько совершенными в этом первом проявлении зарождающегося заболевания выступают его главные черты, остающиеся затем в течение почти двух лет константными: существование альтернативного состояния сознания, вначале проявлявшегося в виде преходящего абсанса, а позднее формирующегося в *double conscience*, исчезновение речи под влиянием переживаемой тревоги, с некоторым послаблением ограничений после того, как на помощь ей пришёл английской детский стишок; последующее появление парафазии и потеря способности владеть немецкой речью, полностью замещённой английским языком; наконец, случайно возникший паралич правой руки, приводящий впоследствии к правосторонней контрактуре – парезу и потере чувствительности. Механизм возникновения последнего расстройства полностью соответствует теории Шарко о травматической истерии, а именно: травматическая истерия является ничем иным как гипнотическим состоянием, в котором будущий невротик заново воссоздаёт в облегчённой форме пережитую им психическую травму.

Но если при экспериментальном вызывании у больных истерического паралича, профессор Шарко тотчас восстанавливал у них прежнее состояние, да и у носителей травматического невроза, до глубины души потрясённых ужасной травмой, последний спустя небольшое время спонтанно исчезал, то нервная система нашей юной пациентки ещё целых четыре месяца оказывала успешное сопротивление исцелению. Контрактура как и другие постепенно добавляющиеся расстройства появлялись только в короткие промежутки абсансов альтернативного сознания; в нормальном же состоянии пациентка обладала полной властью над своим телом и чувствами, так что ни она сама, ни окружающие её люди не замечали и не догадывались о происходящих в ней метаморфозах. Всеобщее внимание полностью сконцентрировалось на заболевшем мужчине (отце), а потому ничего другого замечено и не могло быть.

Но абсансы, сопровождающиеся полной амнезией и истерическими феноменами, стали становиться всё более частыми после того первого галлюцинаторного аутогипноза, увеличивалась их длительность и возможность формирования новых симптомов, а те, что уже были сформированы, приобретали большую прочность в результате учащающихся повторений. А ещё оказалось, что со временем каждый из мучающих пациентку аффектов начал оказывать действие подобное абсансу (если последний не возникал одновременно вместе с мучительной эмоцией), случайные совпадения могли приводить к новым патологическим связям, расстройству органов чувств или движений, которые появлялись теперь синхронно с аффектом. Но до того, как пациентка полностью слегла в постель, всё это продолжалось только какие-то мгновенья, исчезая затем бесследно; несмотря на то, что в то время у Анны О. существовал целый букет истерических феноменов, никто об их существовании не догадывался. Только когда больная оказалась полностью сломленной физическим истощением, бессонницей и непрекращающейся ни на миг тревогой, большую часть времени пребывая в состоянии альтернативного сознания, тогда только и удалось истерическим феноменам вторгнуться в нормальное психическое

состояние пациентки, превращаясь из временных, проявляющихся в форме припадков, расстройств в хронические симптомы.

Нам нужно ещё прояснить, насколько можно доверять тому, что рассказывала пациентка, действительно ли существовавшие у неё патологические феномены возникали именно в результате тех событий, о которых поведала Анна О. Надёжность сообщаемого ею относительно наиболее значительных и фундаментальных феноменов не вызвала у меня никаких сомнений. И здесь я опираюсь не только на то, что после того, как пациентке удавалось выговориться до конца, симптомы исчезали; такое очень легко можно было объяснить действием внушения со стороны врача. Больной девушке всегда была присуща искренность, рассказываемые ею вещи были напрочь связаны с тем, что было для неё самым святым; все факты, доступные проверке, полностью подтверждались в разговоре с окружающими пациентку лицами. Да и, вообще, даже самой одарённой девушке наверняка не удалось бы выстроить систему данных, которой была бы присуща столь мощная логика, как это проявлялось в исповедях Анны О. Несмотря на это и даже как раз именно в результате существования такой сильной логики, были искажены поводы, приводящие к возникновению некоторых симптомов (причём с самыми благими намерениями) – это явно не соответствовало действительности. Но и такой ход вещей я считаю вполне закономерным. Как раз незначительность подобных поводов, их иррациональность оправдывает их существование. Больной было непонятно, почему в ответ на доносящиеся звуки танцевальной музыки она вынуждена была кашлять. Какая-либо вымышленная произвольно конструкция была бы здесь просто бессмысленной. Конечно же, мне было легко представить, что укоры совести вызывали у пациентки судороги голосовых связок, а импульсы совершить движения превращали судороги в нервный туссис; так могла реагировать почти всякая девушка, страстно любящая танцы. Так что, как видит читатель, я считаю рассказы больной совершенно надёжными и правдоподобными.

Насколько справедливо предполагать, что и у других больных развитие истерии пойдёт аналогичным образом, что подобное будет происходить и там, где нет столь явно выраженной организации «*condition seconde*»? Я хотел бы обратить внимание читателей на то, что вся история развития событий в изложенном заболевании могла бы остаться неизвестной как самой пациентке, так и врачу, если бы не присущая Анне О. описанная нами ранее способность вспоминать в гипнозе и рассказывать об этом. Причём в обычном нормальном состоянии она ничего подобного припомнить не могла. Так что и у других больных ничего существенного не удастся обнаружить в результате расспроса, предпринимаемого с личностями, находящимися в бодрствующем сознании, даже при наличии у них на то доброй воли, они не смогут предоставить нам каких-либо ценных сведений. А насколько слепы в этом отношении окружающие невротиков люди, я уже упоминал выше. – Что на самом деле происходит с больными людьми, можно, следовательно, узнать только применив метод, схожий с приёмами, имеющими свои истоки в автогипнозе Анны О. Конечно, справедливо было бы предположить, что подобное спонтанное самораскрытие происходит чаще, чем допускает наше слабое знание патогенных механизмов.

Когда больная слегла в постель, а её сознание попеременно выбирало между нормальным и альтернативным состоянием, к орде постоянно поочерёдно возникавших истерических симптомов добавилась ещё одна группа патологических феноменов, имеющих на первый взгляд другое происхождение: контрактуры – параличи левосторонних конечностей и парезы мышц шеи, управляющих движениями головы. Я выделяю их из всей массы истерических симптомов, так как если от них удавалось избавиться хотя бы один раз, то они уже больше ни разу не появлялись, даже в форме кратковременного припадка или в какой-либо завуалированной форме; это относится и к заключительной фазе лечения, когда многие другие симптомы вновь ожили после долгой дремоты. Потому-то и рассказы о них ни разу не появились в гипнотических анализах, им трудно приписать появление в результате воздействия аффектов или фантазийной активности пациентки. Я склонен считать, что упомянутая группа двигательных расстройств обязана своим появлением не психическому процессу, вызвавшему остальные психопатологические симптомы, а является расширением неизвестного ещё нам состояния, служащего соматическим фундаментом истерических феноменов.

Векордия (VEcordia) представляет собой электронный литературный дневник Валдиса Эгле, в котором он цитировал также множество текстов других авторов. Векордия основана 30 июля 2006 года и первоначально состояла из линейно пронумерованных томов, каждый объемом приблизительно 250 страниц в формате А4, но позже главной формой существования издания стали «извлечения». «Извлечение Векордии» – это файл, в котором повторяется текст одного или нескольких участков Векордии без линейной нумерации и без заранее заданного объема. Извлечение обычно воспроизводит какую-нибудь книгу или брошюру Валдиса Эгле или другого автора. В названии файла извлечения первая буква «L» означает, что основной текст книги дан на латышском языке, буква «E», что на английском, буква «R», что на русском, а буква «M», что текст смешанный. Буква «S» означает, что файл является заготовкой, подлежащей еще существенному изменению, а буква «X» обозначает факсимилы. Файлы оригинала дневника Векордия и файлы извлечений из нее Вы **имеете право** копировать, пересылать по электронной почте, помещать на серверы WWW, распечатывать и передавать другим лицам бесплатно в информативных, эстетических или дискуссионных целях. Но, основываясь на латвийские и международные авторские права, **запрещено** любое коммерческое использование их без письменного разрешения автора Дневника, и **запрещена** любая модификация этих файлов. Если в отношении данного текста кроме авторских прав автора настоящего Дневника действуют еще и другие авторские права, то Вы должны соблюдать также и их.

В момент выпуска настоящего тома (обозначенный словом «Версия:» на титульном листе) главными представителями Векордии в Интернете были сайты: для русских книг – <http://vecordija.blogspot.com/>; для латышских книг – <http://vekordija.blogspot.com/>.

Оглавление

VEcordia	1
Извлечение R-OJAK-2	1
Олег Акимов.....	1
Психология Познания. Удод.....	1
Предисловие в Векордии.....	2
Историко-философский анализ фрейдизма.....	2
Акимов О.Е. Психология познания. Удод.....	3
Введение	4
Глава 1. Самореализация.....	6
Глава 2. Самость и яйность	18
Глава 3. Психофизика XIX столетия	30
Глава 4. Эпистемология XIX – XX веков	46
Глава 5. Образ мыслей Фрейда.....	68
Глава 6. Кокаиновая авантюра.....	84
Глава 7. Истерия, невроз и гипноз.....	94
Глава 8. Лечение разговором	104
Глава 9. Толкование сновидений.....	119
Глава 10. Теория сексуальности	137
Две статьи в «Новой Литературе».....	155
Жириновский, Фрейд и Россия.....	155
Обращение к Жириновскому	155
– I –	155
– II –	157
– III –	158
– IV –	159
– V –	160
– VI –	162
– VII –	163
– VIII –	164
– IX –	166
– X –	167
Литература	169
Лейбин, Фрейд и Россия. «Нерусскость» психоанализа	169
– I –	169
– II –	170
– III –	171
– IV –	173
– V –	176
– VI –	179
– VII –	180
Литература	182
Случай фрейлейн Анна О.....	183
Оглавление	197